реальные истории из жизни современных писателей

АЛЮШИНА ТАТЬЯНА • **БИРМАН** ДМИТРИЙ
БОРИСОВА АРИАДНА • **ВЕДЕНСКАЯ** ТАТЬЯНА
ВОЛКОВ РОМАН • **ВОРОНОВА** МАРИЯ
ГАДОЛЬ АЛЕКСАНДР • **ГОРЮНОВА** ИРИНА
ЕСИПОВ ВИКТОР • **ЖДАНОВ** ОЛЕГ
КЛИМОВА ЮЛИЯ • **КОРСАКОВА** ТАТЬЯНА
КУЦЕНКО НИКОЛАЙ • **ЛАВРЕНТЬЕВ** МАКСИМ
ЛАЗАРЕВА ЯРОСЛАВА • **ЛУНИНА** АЛИСА
МАТКОВСКИЙ МАКСИМ • **МОЛЧАНОВА** ИРИНА
ПОКРОВСКАЯ ОЛЬГА • **РАЙТ** ЛАРИСА
РОЙ ОЛЕГ • **РУБАЛЬСКАЯ** ЛАРИСА
САДЛОВСКАЯ МАРИЯ • **СЕНЧИН** РОМАН
ТРОНИНА ТАТЬЯНА • **ФОРШ** ТАТЬЯНА
ЧИЖ АНТОН • **ЩЕГЛОВА** ИРИНА
ЮРЬЕВА ВЛАДА

МОЯ ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Серия «Перемены к лучшему» — это сборники реальных позитивных историй из жизни современных писателей. Забыть свою первую любовь невозможно. Была ли она счастливой или несчастной, разделенной или обреченной на непонимание, это чувство навсегда останется в сердце каждого человека, так или иначе повлияв на всю его дальнейшую жизнь. Рассказы из этого сборника совершенно разные — романтичные, грустные, смешные, откровенные… они не оставят равнодушным никого.

- МОЯ ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ
  -
  - Лариса Рубальская
    -
    - Мы в садовников играли…
  - Олег Рой
    -
    - Она стоит того, чтобы жить
  - Ариадна Борисова
    -
    - Убить муравья
  - Роман Сенчин
    -
    - Проба чувств
  - Мария Садловская
    -
    - Бумажная роза
  - Алиса Лунина
    -
    - Саша навсегда
  - Влада Юрьева
    -
    - Шоу должно продолжаться
  - Николай Куценко
    -
    - Юля
  - Ирина Молчанова
    -
    - Парень из спортзала
  - Олег Жданов
    -
    - Букварь

- Лариса Райт
  - Наваждение
- Роман Волков
  - Сценаристочка
- Татьяна Веденская
  - Лекарство от любви…
- Татьяна Алюшина
  - Любви все возрасты…
- Александр Гадоль
  - Польский фильм
- Ярослава Лазарева
  - Вишенка без торта
- Максим Матковский
  - Женщины или пиво?
- Татьяна Тронина
  - Дуэнья
- Татьяна Форш
  - Подсказки судьбы, или Яростный ветер
- Виктор Есипов
  - Телефонный звонок
- Юлия Климова
  - У счастья добрые глаза
- Мария Воронова
  - Дежурный командир
- Максим Лаврентьев
  - Полуночный человек
- Татьяна Корсакова
  - Все счастливые семьи…
- Ирина Горюнова
  -

        - Не покидай
    - Дмитрий Бирман
        -
        - Запах свободы
    - Ольга Покровская
        -
        - Часы
    - Ирина Щеглова
        -
        - Последнее лето детства
    - Антон Чиж
        -
        - Любовь советская, третьего класса, под знаменем будущих войн со всякими фашистами
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11

МОЯ ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ
(антология)

© Алюшина Т., 2017
© Бирман Д., 2017
© Борисова А., 2017
© Веденская Т., 2017
© Волков Р., 2017
© Воронова М., 2017
© Гадоль А., 2017
© Горюнова И., 2017
© Есипов В., 2017
© Жданов О., 2017
© Климова Ю., 2017
© Корсакова Т., 2017
© Куценко Н., 2017
© Лаврентьев М., 2017
© Лазарева Я., 2017
© Лунина А., 2017
© Матковский М., 2017
© Молчанова И., 2017
© Покровская О., 2017
© Райт Л., 2017
© Рой О., 2017
© Рубальская Л., 2017
© Розенблит М., 2017
© Сенчин Р., 2017
© Тронина Т., 2017
© Форш Т., 2017
© Чиж А., 2017
© Щеглова И., 2017
© Юрьева В., 2017
© ООО «Издательство „Э“», 2017

Лариса Рубальская

«Я всегда любила слушать рассказы людей. А потом пересказывать их своими словами, попутно добавляя то, что, как мне казалось, сделает сюжеты более интересными. Так появились рассказы и стихи. Теперь это стало главным в моей жизни», — рассказывает Лариса Рубальская, поэт, чье имя знают повсюду в нашей стране.

Мы в садовников играли…

Никогда я не была симпатичной, стройной тоже никогда не была. Потому-то и в моей жизни личной невеселые творились дела. За подругами бежала удача, а меня повстречает — и сразу прочь! Я сейчас, все вспоминая, не плачу, а тогда ревела каждую ночь.

Заметьте, если все, написанное выше, расположить в столбик, строчечка за строчечкой, как пишутся стихи, то именно стихотворение и получится. А стихов-то могло у меня и совсем не быть, если бы в школьные годы да и в юности моей горемычной все складывалось гладко и счастливо. Но это совсем не про меня. А про меня — дело было так. Да, вернее, дела никакого в общем-то не было, просто мне нравились белобрысые пацаны с бледно-голубыми глазами. Да еще чтоб не очень длинные, а так, чтоб на цыпочки не вставать, когда целоваться. Ну это, конечно, если желающие найдутся.

Ну вот как раз Алик такой и был, какие мне нравились. Правда, тогда, когда я в него влюбилась, он еще рос и мог вырасти в дылду. Нам было лет по двенадцать, и в то время я еще до конца не знала, откуда дети берутся. Нинка, подружка моя, говорила, что от поцелуев. И поэтому надо на всякий случай в аптеке купить гигиеническую губную помаду и красить губы, если вдруг кто-нибудь целоваться полезет. Правда-правда, мы такими дурехами были в ту — докомпьютерную — пору и до всего того, откуда мы могли это знать. А Бакланова Валька, староста наша, на ботанике что-то подозрительно хихикала, когда мы пестики с тычинками проходили. Но я всегда и во всем была опаздывающим человеком, развивалась на медленной скорости. А вот влюбилась по-настоящему почти первая из класса.

* * *

Алик Кружилин был генеральским сыночком. Неподалеку от нашей школы располагались солдатские казармы. И там, на территории, стоял дом, в котором жила семья генерала Кружилина, отца Алика. Бакланова у них дома была — подтягивала Алика по русскому языку. Она рассказывала, что хрусталя в квартире генеральской видимо-невидимо: вазы всякие, конфетница-ладья. Правда, без конфет. Может быть, конфеты прислуга вынула и убрала к приходу Баклашки, чтобы не дразнить. В общем, о богатстве хрустальном Баклашка нам с

Нинкой по секрету рассказала. Она, оказывается, когда по русскому подтягивала, сама дрожала от страха. Потому что напротив сидела огромная овчарка и рычала, как только Валька пробовала пошевелиться. Овчарку звали то ли Патрон, то ли Погон. Валька от страха не расслышала, а переспросить постеснялась. Родителей Кружилиных дома не было, зато прислуга ихняя дверь в комнату не закрыла и каждые пять минут заходила послушать — правильно ли Баклашка Алика подтягивает.

В общем, я влюбилась, прямо заболела даже. Правда, без температуры. Потому что, если бы температура поднялась, бабушка меня бы в школу не пустила, а мне обязательно надо было Алика видеть, чтоб не умереть от грусти.

* * *

«Было мне тогда двенадцать лет всего. Я случайно посмотрела на него…»

Это, по-вашему, что? Это из моих «ранних произведений». Не подумайте, что я помню всякую ерунду, которую писала на листочках в школьных тетрадках. Я вообще не находила, что в рифму пишу. Но вот недавно какие-то бумажки старые рвала и выкидывала, и вдруг мне в руки попала тетрадка, я открыла и прямо чуть не заплакала на листочки желтые в клеточку. И вспомнила, что моя школьная подружка, Надька, аккуратистка и отличница, по чистописанию одни пятерки, все мои «произведения» собирала и записывала. Вот эта тетрадочка и была ее ровненькими бисеринками исписана, и, промокая свои потекшие ресницы, я вспоминала, вспоминала…

Что за чем — точно не помню, но так, беспорядочно, близко к правде, расскажу.

* * *

Про то, что я влюбилась в Кружилина Алика, школа узнала очень быстро. Все потому, что написанные мной строчки точненько легли на популярную в то время мелодию под названием «Венгерское танго». Там еще припевчик был такой заманчивый: «Войдем с тобой мы в ресторанный зал, нальем вина в искрящийся бокал». А в моей песенке получилось: «Он и не взглянет в сторону мою, ему напрасно песню я пою…» Ну и так дальше. Тоже красиво вроде получилось. И как-то очень

безнадежно — так девочки наши сказали, а сами песню разучили. И спели ее нам на каком-то вечере или утреннике, не помню. Ну а потом старшеклассницы, когда учили слова, узнали, что я их придумала. У меня-то там в запеве слово «мальчик» было, я не стала Алика вставлять, хотела тайну свою сердечную не раскрывать. Люблю себе и люблю. А эти дылды стали вместо «мальчик» петь имена своих пацанов — кто Юрик, кто Владик. Ну, в общем, дошло до моего героя, что это про него песня, и он меня возненавидел. До этого просто не замечал, а тут взбесился прям. Из школы шли, он меня портфелем по голове огрел, да еще в рифму крикнул: «Рубала, заткни хлебало». Грубо и жестоко. При чем тут «хлебало», когда строчки складывают сердце и душа, а их заткнуть невозможно?..

* * *

Как-то раз ехидная Нинка на физкультуре через козла прыгала и приземлилась мимо мата. Подумаешь, коленкой долбанулась! Так Алик к ней скорей подбежал, присел на корточки, на коленку дует. А там и крови-то нет. А Нинка радуется, на меня посмотрела, увидела, что я того гляди от ревности зареву, и еще сильней разохалась. Так что после уроков Алик ее провожал до дома, портфель нес. Ну а я домой — ронять слезки и творить «бессмертные» строчки: «Я по Алику страдаю, грустно слезы проливаю. Он меня не замечает, на любовь не отвечает».

Зачем только Надька эти строчки дурацкие записывала и переписывала на чистовик?

* * *

Ура! Мы перешли в восьмой класс! Я тоже перешла, с одной четверкой… Остальные — тройки. Четверка, ясно, по поведению. Не пятерка, так как я на уроке слушала невнимательно, смотрела весь урок в окно. Вообще-то мне надо было поставить «пять с плюсом», потому что в оконном квадратике синело весеннее небо. И кто-то с небес мне диктовал строчки:

Про весну календари говорят нам в марте.
Ничего не говорит мой сосед по парте.
Он записку мне вернул, даже не читая.
Что он знает про весну? Ничего не знает.

Не так уж плохо вроде. А химичка — замечание в дневник: «Мечтает на уроке о постороннем». Ну и ладно, все-таки четверка эта мои тройки украшала. А мама с папой поведение мое обсуждать не будут — они знают, что дочка у них хорошая, отзывчивая и добрая. Жалко только, что неуч получается — одни тройки. Правда, непонятно, почему по литературе-то «три»? Она, то есть я, стихов столько наизусть знает и читает с выражением. Это у нее, то есть у меня, с детства. В три года «Мужичок с ноготок», как артистка, на табуретке гостям читала, жмурилась на словах «был сильный мороз». Да ладно, учителям видней, ничего не поделаешь.

А «Ура!» — это потому, что мы всем классом в поход идем. С ночевкой в палатках. Это значит — ночь, луна, костер. И он рядом — Алик! И я решила его ледяное сердце поэзией растопить. Ну не дундук же он совсем, должен же понять!!!

Продумала я, как все будет, даже, можно сказать, сценарий составила.

Первым делом выучила наизусть Лермонтова «Мцыри»: «Печальный демон — дух изгнанья». Особенно репетировала перед зеркалом куплет: «О, милый мой, не утаю, как я тебя люблю. Люблю, как вольную струю, люблю, как жизнь мою…» Получалось очень красиво — я закрывала глаза, прижимала руки к сердцу. Конечно, меня беспокоило, что Алик «Мцыри» может не знать и не понять. Он же все-таки из семейства «Аты-баты, шли солдаты». Но сердце-то у него есть, оно должно услышать.

А дальше события должны будут развиваться так. Чтоб костер не погас, около него будут по двое дежурить, дровишки подбрасывать. Называется это «дневальные» — так учительница объяснила. А остальные в это время пойдут спать. И вот я решила разработать хитрый план, как на это дежурство с Аликом вдвоем остаться, и тут как раз ему при помощи Мцыри в любви признаться.

Я знала, что, если дневальных будут назначать по желанию, Алик ни за что со мной не пожелает. Оставалась надежда на ехидную Нинку — он же нес ее портфель, значит, и дневалить с ней наверняка захочет. И я решила Нинку подкупить. Для этого подкупа кому-нибудь другому книжка хорошая подошла бы, но не для Нинки. И я пошла на подлость — взяла у мамы губную помаду. Правда, самой помады там почти не было, и мама сама, чтобы губы накрасить, спичкой остатки выковыривала. Но футлярчик был целый — золотой, в рубчик. Я долго боролась со стыдом — взять вещь у мамы. Но оказалось, что любовь — самое

сильное из всех возможных чувств. Я решила, что потом маме во всем признаюсь и она меня поймет. А Нинка за этот футлярчик для меня что хочешь сделает. И я надеялась.

Дальше план должен был продвигаться так: ее, Нинку в смысле, с Аликом назначат дежурить ночью у костра, а как только время пойдет, Нинка схватится за живот и убежит в кусты, типа живот схватило, видно, что-то съела не то. А потом вернется, разноется, что у нее вроде как аппендицит разыгрался и она у костра сидеть не может. И тут как тут я — верная подружка — выскочу из палатки Нинку выручать (иди, мол, полежи, а я, так и быть, за тебя подежурю).

Для верности осуществления своей мечты я решила в поход одеться покрасивее. Даже лучше, чем Лукашова Ирка, у которой отец в Румынии работал в посольстве и привез ей оттуда разной одежды — кофточек, юбочек. Переплюнуть Ирку было очень сложно, но и здесь должна была прийти на помощь мама, вернее, ее новая кофточка. В то время в Москве появились китайские товары, доставая которые женщины стояли ночами в очередях у магазинов. Вот таким способом мама моя «достала» китайскую вещь — шерстяную кофту кирпичного цвета с золотыми пуговицами — на застежке, на кармашках, и даже одна внутри пришита, если вдруг какая-нибудь потеряется. Кофточка эта лежала, аккуратно сложенная, и ждала дня своего первого выхода в свет, когда мама и папа пойдут в гости к другу папы, Григорию — дважды Герою Советского Союза. Но это должно было произойти уже после нашего похода, так что премьера кофточки переносилась в связи с моим решением, ничего не говоря маме, взять ее заветную вещь с собой в лес. И там, перед тем как начать Лермонтова читать, как раз ее надеть. Ну, тут уж Алик, предположительно, должен был сдаться в плен моим недетским чувствам и ответить взаимностью, притом навсегда. Правда, как это могло бы выглядеть, я еще себе не представляла. Но механизм завоевания недоступного Аликова сердца был запущен, и все понеслось по плану.

* * *

Наступила долгожданная походная ночь. Нинка завопила в кустах, я в кирпичной кофточке выскочила из палатки, и мы поменялись местами. Было часа три ночи, самый сон. Я подумала, что можно немножко поспать перед самым признанием. Так сказать, слегка отодвинуть свое счастье. Я задремала у костра, Алик должен был следить за огнем и подбрасывать дрова.

Ничего не успев понять, я вдруг почувствовала страшное жжение на спине и, ничего не осознавая, заорала во все горло: «Горю!» Помню, тут все проснулись, повыбегали из палаток. Учительница орала громче меня. На меня стали лить воду, тушить пожар на моем теле. Что же произошло, я поняла потом. Оказывается, Алик меня, спящую, решил подвинуть поближе к костру; он потом, оправдываясь, врал: чтобы я не замерзла. Я-то знаю, что он **именно хотел**, чтобы я обожглась. Жестокий, ужасный мальчишка. Но я его любила и готова была защищать и от наказания, и от гнева училки. Но…

Кофточка китайская кирпичного цвета уже кофточкой не была — просто застежка с пуговицами и два рукава. Спина вся сгорела. На теле моем, правда, следов пожара не осталось, как это так — не знаю сама. Я боялась возвращаться домой. Врать я никогда не умела, а рассказывать правду было стыдно и маму жалко.

Все обошлось затрещиной по затылку тяжелой рукой отца. Но это была не первая затрещина, ясное дело. И я легко ее пережила, потому что она была вполне заслуженной. А отца я очень-очень любила и знала, что он всегда прав. И маму любила тоже очень-очень. Притом без всякого «Мцыри».

* * *

Девятый класс: химичка дура, ну и так далее. Какие там алгебра с химией! У нас в классе событие — переводом из другой школы к нам явилась Козихина Маргарита, которая побывала под своими именем и фамилией ровно одну минуту, пока ее училка представляла. На второй минуте к ней устойчиво и навсегда прилипло прозвище Коза. Ну, по фамилии, ясно же. Но на вид она козой совсем не была — красивая, высокая, волосы завиваются. Всем сразу стало понятно, что Ирке Лукашовой никакие заморские вещи не помогут победить красоту Козы. И еще стало ясно, что ехидной Нинке портфель уже никогда никто, по крайней мере — Алик, не понесет. Хоть каждый день падай на физкультуре с козла. Со мной началась паника — и так моя безнадежная влюбленность катилась из глаз горькими потоками каждый день. Но все это было сущей мелочью по сравнению с тем, как Алик смотрел на Козу своим первым взглядом, с которого так часто все и начинается. В смысле любовь. Притом не он один — в нее сразу влюбился весь наш класс… конечно, кроме меня. Но я виду не подавала. На самом деле в этот миг во мне проснулся гений злодейства. Я еще не знала, как он будет действовать. Но

вкус коварства уже ощущала.

Коза, ничего не подозревая, уселась со мной за парту и предложила после уроков всем классом пойти погулять в Сокольники — «там накрывает столики опавшая листва…». И все обрадовались и стали ждать, когда закончатся уроки.

В Сокольниках осенняя красота захватила всех. Я даже не думала, что наши мальчишки могут быть такими сентиментальными, идут молча, листья собирают.

Кольцова Оля, самая тихая девочка в нашем классе, предложила поиграть в «Садовников», чем вызвала у меня подозрение — не влюблена ли она тоже в Алика? Я подозревала всех девчонок, в каждой видела соперницу. «Садовники» — это в ту пору была такая игра: «Я садовником родился, не на шутку рассердился, все цветы мне надоели, кроме…» Тут надо называть какой-то цветок, каждый сам себе название придумывал. Ну, цветок называешь, понятно, тот, под названием которого скрывается объект твоей любви или симпатии — в общем, интереса. Баклашка — Астра, Ирка — Ирис, Кольцова Оля — Ландыш. Я, конечно, хотела быть фиалкой, но фиалку уже себе присвоила Коза. Алик был Тюльпаном. Стали мы играть, мне еще больнее стало. Вы догадываетесь, кого тюльпан все время выбирал. А меня, Розу, между прочим, только один раз и выбрали. Притом Нинка. Притом по ошибке. Сама Нинка была Ромашкой, видите ли, любит — не любит, плюнет, поцелует. Я уже не помню, как заканчивалась эта дурацкая цветочная перекличка. Помню только, что было мне горько и обидно, и фиалковый аромат до сих пор вызывает у меня аллергию и слезы.

* * *

Гений злодейства во мне проснуться-то проснулся, но что-то никаких действий не совершал. Как я старалась настроить свои мозги на изобретение страшной мести, чтобы Алик Козу эту возненавидел, ничего мне в голову не приходило. Вообще, я заметила, что роль злодейки не для меня. Сколько раз в жизни бывали ситуации, когда нужно было бы разозлиться, ответить каким-то действием, даже для мести причины бывали. А у меня все кончалось только построением предполагаемых поступков, потом всякая злость и досада благополучно растворялись в повседневных делах, а дальше и вообще забывались.

Я вот думаю… Когда я была маленькой, помню, бабушка меня купала в корыте, а потом из кувшина поливала чистой водичкой и струйки ее со спины моей спивала и приговаривала:

«С гуся вода, с Ларочки худоба». Ну, как вы видите, худоба мне не грозит. Но, наверно, вместе с худобой этой бабуля моя и злость с меня спила, и жадность, и еще много чего дурного. Спасибо, бабушка.

Теперь возвращусь все-таки к истории с Козой. Жизнь расправилась с моей соперницей сама, без моего участия. Хотите знать как? А вот так.

После прогулки в Сокольниках мы шли домой, и вдруг Алик громко так, как будто нарочно, чтоб я слышала, говорит Козе: «Маргарита, пойдем ко мне домой, я очень хочу показать тебе моего нового друга». Все тут же, конечно, стали расспрашивать Алика — что это вдруг за друг новый? Алик развоображался, что у него дома теперь живет золотой хомячок, мама его обожает, зовут Люси. Коза очень обрадовалась, на Люси эту поглазеть захотела. Наверно, ей особенно понравилось, что Алик только ее приглашает.

Я несла в руках букет листьев осенних, красивый такой. Как услышала, что Коза к Алику идет, выкинула букет в урну. Мне рука была нужна — платок носовой достать… сами догадываетесь, для чего.

Что произошло потом, мы узнали только на следующий день. Алик и Коза пришли в класс, друг на друга не смотрят. Наоборот, Алик мою ручку поднял, которая упала и под стол закатилась: «Ларис (не Рубала!), у тебя вот ручка упала». Что это с ним?

А вот что, оказывается, Коза потом Ирке (а Ирка всему классу) рассказала.

Хомячок Люси, действительно золотистый, из клетки вылез и забегал по комнате. Коза его в руки брала, брюшко чесать. А потом отпустила на пол, а сама в туалет пошла, а когда возвращалась, не заметила, что Люси у двери сидит — Козу ждет, брюшко, видно, понравилось, когда чешут. И Люси ждала продолжения. И тут Коза наступила на бедную зверюшку ногой! И сама завопила от страха так, как будто наоборот — Люси на нее наступила. На крик прибежали генеральша, Аликина мать, и домработница. Спасти Люси не удалось. Провожать Козу Алик не пошел. Моя любовь была спасена. Все-таки Алик молодец, настоящий мужчина — мне ручку из-под стола достал.

* * *

Сколько лет, вернее десятилетий, прошло с тех пор, но, видно, детская любовь оставляет вечный след, и потом одними из первых моих песен были «Пойдем гулять в Сокольники» и «Мы в

садовников играли, мы друг друга выбирали, и казалось, в самом деле, что решается судьба. Что решается судьба…».

* * *

Какой же это класс? Вроде седьмой. По школьному двору плывет запах сирени — май. В моде — нижние юбки. Снизу, разумеется, а сверху — разноцветные; как тогда говорили, «веселый ситчик». Бабушка моя — мастерица и делает классно все, за что ни возьмется. Нижнюю юбку сшила из белого материала, кружавчики по подолу. И накрахмалила ее туго-туго, так, что это уже не Рубала получалась, а Одетта какая-то, хоть в Большой театр иди в ней, верхнюю не надевая, и в «Лебедином озере» танцуй. А Алик, к примеру, фуэте с пируэтами творил бы, да в адажио ко мне бы пританцевал, да за талию взял — для совместного кружения. Талия в то время у меня как раз была.

Ну, короче говоря, мы с девчонками решили пойти в парк на лодках покататься. Правда, грести никто из нас не умел, поэтому мы бросили клич мальчишкам, и трое сразу согласились с нами идти. Один из них, как уже, наверно, понятно, — Алик. Ну, я, конечно, красавицей явилась — накрахмаленная юбочка снизу, голубая с маками — сверху. На талии лаковый ремешок, застегнутый на самую первую дырочку (осиная талия, как говорится). Волосы вьются у меня по плечам, не влюбится только дурак. Подошли мы к лодочной станции, и Алик вдруг говорит: «Рубала, поплывешь со мной?» Как я тогда в обморок не упала от счастья, сама не знаю. Впрыгнула в лодку, юбочку разложила, к воде наклонилась, нежность в глазах. Кто с кем там на других лодках — не смотрю даже. Глаза на Алика поднять боюсь, сижу, загадку разгадываю — что ж с ним такое случилось?

В воде пруда отражались ивы, из репродукторов лилась музыка. Сон, сон, да и только. В середине озера возвышался фонтан — брызги на солнце переливаются. Плывем, молчим. Шелест весел по воде заглушает страшный стук моего сердца. Алик работает веслами, лодочка наша набирает скорость, берет курс на фонтан. Скорость развивалась так стремительно, что я не успела сообразить, что сейчас произойдет. А произошло вот что — Алик развернул лодку так, что все брызги от фонтана полетели на меня, и уже через минуту я промокла насквозь, и моя накрахмаленная нижняя юбка превратилась в соплю на резиночке. Крахмал потек, прилипая к моим ногам. Алик хохотал: «Ну что, влюбленная дура, довольна?!!» — и к берегу. Спрыгнул с лодки и бросил меня, плачущую, с повисшей мокрой юбкой. Я

еле-еле с лодки слезла. Хорошо, девчонки наши эту сцену со своих лодок видели, примчались меня утешать. А в тетрадочке-то школьной, Надькой переписанной, это событие совсем по-другому описано: «Если бы он знал, как я любить могу. Нежность в своем сердце вечно берегу». И потом, немного позже: «Над водой склонялись ивы, лодки плавали в пруду. Я была такой счастливой в том растаявшем году».

Как он сказал? А, да — «дура влюбленная». Не раз потом в своей жизни я слышала примерно такие же слова. Наверно, так оно и было.

* * *

Над сценой в актовом зале плакат — «Рубальская Лариса — известная актриса». Ну и кто ж, вы думаете, этот плакат придумал? Да что тут думать — я и придумала. Как теперь говорят, самопиар. Конечно, никакой актрисой я не была и стать не собиралась. Просто к моему имени рифмы подбирались только две — актриса и крыса. Ну не напишу же я сама «Рубальская Лариса — известная крыса». А плакат был нужен, так как я школьный вечер весь подготовила — и концерт, и аттракцион интересный. Сначала про концерт. Четверо наших мальчишек разучили ковбойскую песню и шляпы притащили. Песня классная такая: «Хорошо в степи скакать, вольным воздухом дышать…» А дальше — про красотку Мери, которую один ковбой уговорит умчаться с ним в пампасы, или в прерии — не помню. На роль красотки Мери я предложила себя. Один из ребят согласился. Остальные — ни за что. Взяли ехидную Нинку — у нее как раз было новое платье зеленое-презеленое. Но она сказала, что это цвет незрелой фисташки. Что такое фисташка, я лично не знала. Но слово и правда красивое. Ну и решили, значит, Нинку-Мери красть и угонять в пампасы.

Я в это время готовила остальные шесть номеров концерта. Конечно, все с моим участием. Во-первых, стихи, не из школьной программы, а взрослые — Эдуарда Асадова, о любви. Затем — отрывок из прозы, из «Белого пуделя» Куприна, как там дедушка, мальчик и пудель на барскую усадьбу забрели. А барчонок по имени Трилли разорался, что хочет эту собаку, пуделя белого. Очень грустная сцена. Я рассчитывала, что весь зал будет рыдать, и, репетируя, горланила на всю школу: «Хочу соба-а-аку!!!» Еще один танцевальный номер — Русский перепляс: я, Баклашка, ну и, так и быть, Коза. Потом сценки разные, я — в главных ролях. Короче, концерт должен был получиться очень хороший.

Аттракцион я придумать старалась такой, чтоб касался моей любви к Алику. Купила открытки с цветами, разрезала их наискосок пополам, перемешала, как карты, и решила раздавать — кому какая достанется. Ну и, конечно, подстроить так, чтоб Алику досталась половина моего цветка. Встретившиеся и совпавшие половинки должны будут вместе танцевать танго.

* * *

Вечер покатился по моему сценарию. Я имела очень большой успех, особенно после того, как прочитала стихи о любви. Девчонки все аплодировали как бешеные. Потому что любовь была главной темой нашей жизни — возраст любви.

Подтасовка с открыткой получилась легко. Алик как-то подозрительно ласково на меня смотрел, медленный танец понес нас на крыльях музыки. Меня, во всяком случае. Полет мой был недолгим — грянул взрыв. Потом повалил дым. Все танцевать перестали, смотрели на меня. Я стояла посреди зала и ничего не понимала. В сторонке Алик ржал с «ковбоями». Оказывается, на уроке химии ребята делали какие-то опыты и узнали, что, если смешать красный фосфор с бертолетовой солью, получится взрывчатка. Совсем неопасная, но испуг обеспечен. Вот они такую «бомбу» подложили на пол в актовый зал, и Алик меня туда «пританцевал». Не случайно, конечно. Это он ковбоев и подговорил.

Получилось продолжение концерта — все смеялись, а я убежала плакать в туалет. И в зал уже не вернулась.

Мне бы, дурехе, извлечь хоть какой-нибудь урок из этого гадского поступка Алика. Но я любила. А любить — значит прощать.

* * *

Последняя зима школьной жизни. «Каток блестит, огнями залит. Коньками чиркаю по льду. А рядом одноклассник Алик снежинки ловит на лету», — это уже не школьное, это я попозже написала, лет через двадцать пять. Алик-Алик! Ну как же ты мог? Ты же взрослый, не мальчишка, а юноша уже. Через полгода студентом будешь. И что ж ты меня так мучаешь? Подлетел ко мне на коньках, одной рукой за талию обнял — до счастья миг, еще немножко… Но не тут-то было — Алик отпустил руку и подставил мне подножку, да так, что я не то что просто упала, а

совершила какой-то кульбит и грохнулась головой об лед. Алик был счастлив: «Фигуристка ж ты, Рубала!» — и заржал. Он тогда еще не мог знать, что через много лет мы случайно встретимся в Крыму и история на катке получит свое продолжение.

* * *

Я, уже совсем не юная Рубала, но и далеко не Лариса Алексеевна, а начинающая переводчица японского языка, и этим горжусь (все вокруг удивляются: «Как же это вы, Ларисочка, такой сложный язык выучили?»), еду на отдых в Крым, с подругами. Нам всем вокруг тридцати, по нескольку прожитых и пережитых несчастных любовей. Короче, наговориться не можем. Вечером — в ресторанчик. Особенно тратиться не будем, так, бутылочку винца, сырную нарезку — на это нам финансов хватит вполне. И потанцуем, если найдутся желающие нас пригласить.

Одной бутылки оказалось маловато, и мы, обсудив ситуацию, заказали еще. Тихо играла музыка. Градусы подняли настроение. Мы разглядывали сидящих за столиками посетителей и увидели, что к нашему столику идет интересный такой мужчина, высокий, одетый модно. Он подошел и оказался старым приятелем одной из моих подруг, которого она не видела сто лет. Они друг другу очень обрадовались, и подруга представила мужчину нам: «Знакомьтесь, девочки, — Женя». Женя оказался очень веселым и общительным, перецеловал нас всех в щечку и говорит: «Девчонки, потеснитесь? Я тут с другом, мы вам не помешаем? — Он повернулся и помахал рукой стоящему у входа мужчине. — Альберт, иди к нам. Я тебя с девчонками красивыми познакомлю».

Альберт? Красивое имя. А мое сердце как раз (в очередной раз) свободно, а тут мужчина с таким красивым именем. Почему нет? А вдруг? Курортный романчик?

* * *

Господи, да вино-то всего двенадцать градусов. Что со мной? Стены качнулись, потолок поплыл. К нам шел Альберт — Алик Кружилин! Любовь моя первая, безответная! Что ж ты никогда не говорил, что у тебя имя такое необыкновенное — Альберт! Как же ты изменился — уже чуть-чуть седоватый, красивый такой!

Альберт был нашей встрече рад. Он наклонился ко мне, поцеловал в щеку. Рубалой не назвал — видно, постеснялся:

«Лариса! Как я рад! Сколько лет мы не виделись?»

Мы сидели рядом, не замечая ни остальных девчонок, ни Женьку. Просто смотрели друг на друга. И потихоньку хмелели от вина и воспоминаний: «А помнишь?..» И Мцыри, и каток, и бомба на школьном вечере… Теперь это были просто милые, безобидные воспоминания. Алик вдруг, ни с того ни с сего, шепнул мне, что он сейчас уже второй раз совершенно холост и к тому же ни в кого не влюблен.

* * *

На эстраду вышла певица, зазвучала мелодия, она запела: «Сиреневый туман над нами проплывает…»

Алик протянул мне руку: «Потанцуем?» Он был так близко, мои ресницы лежали на его щеке. Что вдруг со мной случилось, я объяснить не могу. Помню только, что в этот момент никакая не Лариса, начинающая переводчица редкого языка, прижалась к Альберту с ранней сединой, ресницы на щеке. Это под мелодию «Сиреневого тумана» плыла в объятиях Алика Рубала, самая настоящая. И она, Рубала эта, слегка отодвинула горячие Альбертовы руки и подставила ему подножку, точно так же, как он тогда, в последнюю школьную их зиму на катке.

Альберт-Алик поднялся с полу не сразу. Несколько секунд он соображал, что произошло. Потом медленно встал, посмотрел на меня прошлыми глазами, покрутил у виска и со словами «Фигуристка ж ты, Рубала» вышел из зала. И из моей жизни. Окончательно и навсегда.

* * *

Я помню все, что в моей жизни было, подробно и детально, — людей по именам, даже животных по кличкам. Не забыла, кто с кем сидел в школе и за какой партой, хоть в теперешней моей жизни давно потеряла всех из виду. Но главное помню:

Были юными и счастливыми
В незапамятном том году,
Были девушки все красивыми,
И черемуха вся в цвету…

* * *

Кстати, у меня сейчас есть новое платье с ремешком. Только, чтобы его надеть, пришлось дырочку на ремешке в мастерской еще одну пробить. На самом краешке.

Олег Рой

Олег Рой — неординарный человек, наделенный множеством талантов в самых разных областях. Он не только популярный писатель, пишущий для всей семьи — от детских сказок до серьезных психологических романов, — но еще продюсер, основатель популярной мультстудии, общественный деятель. Он сочиняет стихи и музыку, сам работает с художниками и мультипликаторами и ежедневно успевает столько, сколько другой не успел бы за целый год.

Она стоит того, чтобы жить

Наверно, надо очень сильно любить, чтобы проснуться от того, что кто-то бережно (не дай бог, не разбудить) высвобождает тебя из своих объятий. И мне не надо открывать глаза, чтобы видеть, как она осторожно поднимается с постели, тихонько прикрывает меня одеялом, как встает возле нашей кровати и смотрит на меня. Я прекрасно представляю все это, не открывая глаз.

Она уходила и раньше, уходила, когда я спал, или когда она думала, что я сплю. Но в этот раз все по-другому: я знаю, что она хочет уйти навсегда. Об этом она ни словом не обмолвилась, даже полунамека с ее стороны не было, и все-таки я знаю, что она собирается распрощаться со мной. Для того, кто любит, не нужны намеки: когда наступает перемена, сердце подсказывает само.

Она думает, что для меня так будет лучше, но даже сама мысль, что она уйдет, вызывает у меня панику. Когда она уходит, даже ненадолго, я чувствую страх. Нет, даже не так — когда она уходит, рушится тонкая невидимая преграда между мной и страхом, между мной и той темнотой, которая заполняет мир. А сейчас она собирается уйти насовсем. Но я не останавливаю ее, я знаю, что ее просто невозможно остановить. Она неподвластна мне, как погода, как смена сезонов. И если она уйдет, я ничего не смогу сделать.

Наверное, она приняла это решение, когда я увидел книгу. Тогда ее не было рядом, но наивно даже думать, что она не узнает об этом. Здесь все в ее власти; все, что меня окружает, принадлежит ей. И даже моя душа. Если она уйдет, я не могу быть уверен, что она не заберет с собой мою душу.

* * *

Иногда кажется, что она в моей жизни была всегда. Но это не так. Когда-то ее не было, хоть теперь-то время вспоминается смутно, как невнятный силуэт в густом утреннем тумане.

О таких, как я, говорят «состоявшийся человек». В этом выражении есть что-то неправильное, ведь «состоявшийся» — значит «произошедший ранее». Но по отношению ко мне это звучит абсолютно точно. В той, далекой, прошлой жизни я состоялся. Во всех смыслах этого слова.

Я состоялся как писатель. Не Лев Толстой, конечно, но и не из тех, чей уровень — Ридерс Дайджест. Мои книги читают самые

разные люди — от тинейджеров до пенсионеров, их можно найти и в республиканской библиотеке, и на книжном лотке ближайшей стоянки, и в подарочном издании с бархатным переплетом и золотым тиснением, и в формате покетбука с мягкой обложкой. Некоторые из книг экранизированы, другим это предстоит.

Как автора меня постоянно приглашают на самые разные мероприятия, охотно берут интервью, и в каждый месяц года вы обязательно найдете статью обо мне в одном из известных журналов. А список литературных премий и награды самого разного калибра не вмещаются на одну страницу, даже если набирать самым мелким шрифтом.

Я состоялся как мужчина. Был женат и продолжил свой род — растет замечательный сын. Он окончил медицинский вуз, проходит ординатуру и обещает стать светилом нейрохирургии. С женой я, увы, расстался — тихо и без скандалов. Собственно, это одна из причин, почему слово «состоялся» раздражает меня до чесотки. Прожить с человеком пятнадцать лет лишь для того, чтобы в один прекрасный день совместными усилиями прийти к выводу, что ваш брак был ошибкой молодости, — согласитесь, не самый лучший вариант.

С момента расставания я избегал сколько-нибудь продолжительных отношений… по крайней мере, мне так казалось. Лишь сейчас, лишь в объятиях своей любимой, я понял нечто важное. Понял, что называется, на контрасте. Но обо всем по порядку.

На первый взгляд и с современной точки зрения я был примерным семьянином. У меня и в мыслях не было заводить какие-то интрижки на стороне. Все заработанные деньги я вкладывал в семью. Сначала мы жили бедно — сами понимаете, когда писатель работает на свое имя, о больших гонорарах он может только мечтать. Нам с женой помогали родители, мои и ее. Удивительно, но тогда мы действительно были близки. А потом…

Потом пришел успех. Первый крупный тираж, первая книга с пометкой «бестселлер», первые упоминания в прессе. Первые заказы, авансы, после получения которых хотелось бежать домой вприпрыжку и петь. Внезапно я стал востребованным. Книги выкупались издательствами, что называется, на корню. Потом первая экранизация, первые официальные приглашения на телевидение, интервью, фотосессии, поклонники обоих полов, с которыми приходилось общаться, не снимая с лица улыбку…

Где-то на этом этапе я стал терять контакт со своими близкими. Терять контроль. Честное слово, даже не могу сказать, как и когда именно это произошло. Человек вообще не замечает самых опасных вещей: смертельных болезней или крушения

отношений. Сначала я потерял друзей. Нет, они никуда не делись, мы «дружим» и по сей день. Созваниваемся раз в месяц, пару раз в год выбираемся куда-то: попить пива и поговорить о том, что «надо бы чаще встречаться, да времени нет…».

Нет времени! Теперь мне смешно об этом вспоминать. Мы так часто говорим эту фразу, но едва ли знаем, что это такое — нет времени.

Оглядываясь назад, я вижу, как безликое и безымянное нечто поглощало мою жизнь. Друзья превратились в тени самих себя; тенями были многочисленные знакомые по «кругу общения» — среди всех тех, с кем я пил коктейли, кому давал интервью и посылал тексты для редактирования или подготовки в печать нет ни одного лица, которое я сейчас мог бы вспомнить. Мир становился безликим, зато образы в моих книгах — яркими и живыми. Словно вампиры, герои моих книг высасывали жизнь из реальных людей вокруг меня. Но в этом я отнюдь не был одинок — такие же стаи вампиров окружали всех, кого я знал. У каждого они были свои: работа, успех, многочисленные любовные связи, наркотики, алкоголь, общественная активность — что угодно могло стать суррогатом, заменявшим простые человеческие чувства.

В один прекрасный день, точнее ночь (часы показывали половину третьего), я поставил точку в очередной главе нового бестселлера, еще недописанного, но уже ожидаемого множеством читателей и критиков и даже подписанного для экранизации. Зевая от усталости, направился в спальню. Когда я работал, а работал я почти всегда, то редко ночевал в спальне, чаще — на диване в кабинете или даже просто в кресле за рабочим столом. Но в тот день я закончил работу раньше обычного и решил поспать в своей постели.

Было полнолуние, яркий, но мертвенно-бледный свет лился через большое, во всю стену, панорамное окно. Там, за окном, сверкали неугасимые огни мегаполиса — столь же мертвые, сколь и яркие. Бледный свет луны освещал наше супружеское ложе. Жена лежала поверх одеяла в белоснежной пижаме и темной маске для сна, усыпанной золотыми многоконечными звездочками. Ее белоснежная пижама резко контрастировала с ровным, по всему телу, загаром. Я смотрел на нее и думал о том, что за человек лежит в моей кровати. Моя жена… а что это значит?

Когда-то я считал, что брак — это союз двух людей, чужих по крови, но близких по духу. Но в ту ночь, разглядывая в призрачном лунном свете загорелую кожу этой такой знакомой и в то же время абсолютно чужой мне женщины, с первыми,

тщательно скрываемыми признаками подступающей старости, я думал о том, что же нас связывает. И ничего, кроме сына, не приходило в голову. Самое страшное — я не мог найти ничего подобного и в прошлом. Было очень недолгое опьянение страстью, было — продолжавшееся чуть дольше — приятное ощущение обладания, было удовольствие от роли мужа, главы семьи. Было, было, было… а потом все это сменилось привычкой. Просто привычкой, вроде привычки проверять перед уходом, выключены ли конфорки плиты. Эта привычка не оставляла меня года три после того, как мы приобрели новую квартиру и оборудовали ее комплексом «умный дом» и электрической плитой, абсолютно пожаробезопасной.

Я, как и многие мои коллеги по цеху, не умел долго держать в себе переживания. Через несколько дней мы с женой откровенно поговорили. Замечу вскользь, что мы практически никогда не ссорились, и тот день не стал исключением. Наши мнения удивительным образом совпали: она тоже чувствовала, что мы живем, словно отделенные друг от друга витриной из закаленного стекла. Но самое страшное было даже не это, а то, что ни меня, ни ее не интересовало, что происходит по ту сторону стекла. Ей было все равно, есть ли у меня любовницы, я даже не думал о том, есть ли у нее романы на стороне. Самое смешное, что при этом ни у одного из нас до того момента не было интрижек и мы хранили верность друг другу до самого развода, который произошел сразу после окончания сыном школы. Но не потому, что мы щадили чувства друг друга, а потому, что ни мне, ни ей это не было особенно нужно.

А потом был развод. Кто-то из писателей сказал, что полностью разобраться в том, как ты относишься к человеку, можно только после расставания с ним. Если это правда, значит, я вообще никак не относился к своей жене. Очень скоро после того, как мы разъехались, она тоже стала тенью, не исчезнув вовсе из моей жизни, но и не присутствуя в ней как живой человек, из плоти и крови. Такими же тенями были и все мои последующие «увлечения». Вот еще смешное слово! «Увлечение» — это то, что тебя влечет куда-то, то, что привлекает. Но мои пассии привлекали меня не больше, чем очередной прием пищи. Они были тенями. Настоящая жизнь существовала только на страницах моих романов. Она электрическими импульсами перетекала из моих пальцев и ровными рядами букв появлялась на экране ноутбука. Моя реальность была там, а в реальном мире я чувствовал себя как в онлайн-игре, которыми какое-то время увлекался мой сын.

Сын… единственная ниточка, связывавшая меня с миром

вокруг, единственный живой человек в краю человекообразных призраков. Впрочем, даже ему я не уделял столько внимания, сколько он заслуживал, хотя уделял больше, чем кому бы то ни было. Но, увы, между «больше, чем другим» и «достаточно» слишком значительная разница. Когда сын нуждался в общении со мной, я был занят своими книгами; когда он пытался привлечь мое внимание, я не понимал этого и объяснял его поведение особенностями подросткового возраста.

Итог был закономерен. Я стал для него тенью, такой же тенью, какой для меня были все остальные. Я узнал об этом в тот день, когда увидел его страницу в одной из соцсетей.

Я вдруг увидел молодого человека, так похожего на меня; я увидел его жизнь. Его невесту, его друзей, его новый дом, работу и его досуг. Все то, о чем я не знал. Все то, о чем я **не хотел знать.**

Мне стало дурно. В груди появилось ощущение, словно оттуда, из области между ребер, пытается через горло выбраться наружу кто-то чужой и страшный. Удушье сопровождалось ощущением паники. Я пошел в ванную, стал перед зеркалом и посмотрел на себя. Для своего возраста я прекрасно выглядел; еще бы, ведь я держал себя в форме с помощью двух патентованных средств сохранения молодости — спортзала и косметологического салона. Но ни один салон не может убрать осень, поселившуюся где-то в глубине моих глаз. Осень, вот-вот грозящую стать одинокой и долгой зимой. Наверно, эта зима и рвалась сейчас изнутри меня на волю, сжимая грудную клетку.

Мне стало так тоскливо, что захотелось выть. Хотелось делать что-то безумное, совершенно, абсолютно сумасшедшее. Вероятно, моего сумасшествия хватило лишь на то, чтобы выйти из дому и пойти куда глаза глядят. И где-то на этом пути я впервые встретил *ее*. И началась самая странная и самая лучшая часть моей жизни.

* * *

Был пасмурный осенний вечер — время, будто специально созданное природой для подведения неутешительных итогов **напрасно прожитой жизни**. В такие моменты ты уверен, что надеяться уже не на что и ничего хорошего впереди не ждет… Но именно в такие моменты судьба порой дарит тебе новый шанс.

Я смутно помню нашу встречу. Кажется, это случилось в каком-то парке, где я, устав от бесцельного хождения, присел на скамейку без спинки. Опускались сумерки, на аллейках зажглись

старомодные фонари. Слегка моросил дождик, больше похожий на туман. Я помню, что она присела рядом со мной, и на миг мне показалось, что за ее спиной мелькнуло светлое крыло, но это был всего лишь свет фонаря в измороси.

Что она говорила, что я ей отвечал — не знаю. Через какое-то время мы встали и пошли в глубь парка. Этот парк больше напоминал лес — густые заросли деревьев, частично сбросивших по осени листву, темные ели, подступавшие прямо к дорожке, по которой мы шли. На какой-то миг мне вдруг стало страшно, и я спросил ее:

— Куда мы идем?

— Ко мне, — ответила она; ее голос был тихим, как шуршание опавшей листвы под ногами. Она всегда говорила тихо, словно перенесла операцию на голосовых связках. — Ты будешь жить у меня.

Она не спрашивала моего согласия, она говорила так, словно я был брошенным одиноким щенком, но именно так я себя и чувствовал. Я взял ее за руку. У нее были тонкие, гладкие и холодные пальцы, словно у фарфоровой статуэтки, но от того, что я чувствовал их в своей руке, мне внезапно стало как-то спокойнее.

Дождь почти прекратился, зато начал опускаться туман. Это было странно, поскольку туман обычно ложится под утро, а по моим субъективным часам едва началась ночь. Мы обогнули высокий холм, на который, редея, взбегали деревья парка, и сразу за ним показался забор из кованой чугунной решетки. «Такие заборы ставят на кладбищах», — почему-то подумал я. Фонари стали попадаться реже и светили слабее. За забором высились мрачные темные ели. Я вновь почувствовал прилив страха.

— Это кладбище? — спросил я.

— Ну что ты, — ответила она, слегка улыбнувшись. Я видел лишь часть ее лица, другая была скрыта капюшоном светлого плаща. — Это наш дом. Мы почти пришли..

И правда, скоро мы оказались у кованой решетки, за которой виднелся темный контур двухэтажного здания. Она открыла калитку, пропуская меня вперед, я подождал, пока она закроет за нами; казалось, что петли должны заскрипеть, но они, должно быть, были хорошо смазаны, так что калитка закрылась без скрипа, лишь с глухим стуком. Пахло влажной глинистой землей и мокрой хвоей.

Мы поднялись на крыльцо, к деревянной двери из темных досок. Я подумал, что моя новая знакомая, должно быть, богата: стены особняка были облицованы каким-то дорогим поделочным камнем, может, даже мрамором. Но тут она, опять-таки почти

бесшумно, открыла дверь, и я вошел в дом, который с тех пор стал моим.

* * *

Наверно, это странно звучит, но я, автор многих успешных книг, совершенно не в состоянии описать, как выглядит моя возлюбленная. Я узнаю ее из тысяч — но при этом не могу сказать, какого она роста, как сложена, какого цвета у нее глаза, какая прическа. Наверное, у нее длинные волосы, потому что, даже когда ее нет рядом, моя кожа помнит их нежное мягкое прикосновение. А быть может, мне это просто кажется.

Я даже не знаю ее имени. Может, она его и называла, но почему-то я об этом не помню, и даже никаких ассоциаций у меня не возникает. Она — это она. Единственная.

Она тоже не зовет меня по имени. В нашем общении вообще много такого, о чем мы никогда не говорим. Например, о деньгах. О планах на завтра и вообще о будущем. О любви. О том, как относимся друг к другу.

Она вообще очень немногословна, но это не то что не мешает, а даже напротив. Лишь рядом с ней я понял, насколько раздражал меня вечный «белый шум» разговоров, постоянная трескотня человеческой речи. Здесь все по-другому. Тишина украшает наш дом, как уникальное и очень ценное произведение искусства.

Я говорю «наш дом», не задумываясь над юридическим аспектом этого вопроса. У меня нет никаких документов, подтверждающих мои права на этот дом, но с того момента, как я впервые переступил его порог, я чувствую себя дома. Это странное забытое чувство, которое я потерял лет в шесть, когда мы с родителями перебрались в другой район, ближе к работе отца и «хорошей» школе, где я впоследствии учился. С тех пор я жил в разных местах, но даже те квартиры, которые я покупал за свои деньги, не давали мне такого чувства уюта, покоя и чего-то необыкновенно родного, как этот дом.

Его трудно описать. Он, в общем-то, невелик, но даже при этом часть его нами не используется, и мебель в этих комнатах стоит в серых пыльных чехлах. Я несколько раз заходил в эти комнаты, но дольше пяти минут в них не выдерживал. Не от страха — просто среди этих пыльных серых чехлов мне становилось так грустно, что на глаза, невесть почему, сами собой наворачивались слезы.

Обжитая нами часть дома являет разительный контраст с заброшенной. Здесь непередаваемо уютно, здесь все дышит

жизнью… *ее* жизнью. Обстановка скорее винтажная, но я всегда не любил стиль «ИКЕА», и некоторые из окружающих вещей просто приводят меня в восторг. Например, камин со старинными часами на полке, стрелки которых замерли на без пятнадцати девять. Однажды я пытался привести их в движение, но даже не нашел, где они заводятся. Впрочем, то, что они не идут, меня ничуть не раздражает — здесь я совершенно не чувствую необходимости следить за временем. Мне вообще оказались не нужны многие, казалось бы, привычные вещи, например мобильный телефон. Он лежит у меня в кармане, но на него, к моему удивлению, никто не звонит, словно я внезапно умер. Да и я не чувствую ни малейшего желания звонить кому бы то ни было. Зачем? Мне сейчас никто не нужен, кроме нее.

В нашем доме есть телевизор, но мы никогда не смотрим ни новостей, ни передач и включаем его только ради старых хороших фильмов или записей концертов — у моей подруги прекрасная фильмотека. Зато мы много гуляем, и прогулки эти меня постоянно удивляют. Как будто всякий раз мы выходим в какой-то другой город, другой мир, даже другой парк, хотя есть то, что не меняется уже много дней. Например, погода. Она всегда пасмурная, всегда с мелким дождиком и частыми туманами. Я не видел солнца с тех пор, как встретился со своей подругой, лишь иногда наблюдаю где-то вдалеке его лучи, пробивающиеся через прорехи низко нависших темных туч. И еще осень. Осень, прохладная, тускло-золотая, все тянется и тянется уже который день, хотя, по моим подсчетам, уже давно должна была наступить зима — осыпаться листья и выпасть снег.

Каждая наша прогулка по-своему прекрасна. Мы бываем в старых кварталах с узкими мощеными улочками, где заходим в маленькие кафе и магазинчики. У моей любимой страсть к антиквариату и к букинистической книге, что вполне логично. Я с удивлением открыл, что такие вещи привлекают и меня. Именно в одном из подобных магазинчиков я прикупил себе старинную печатную машинку — о такой я мечтал давным-давно, но так и не сподобился посетить блошиный рынок в прошлой жизни.

Поделюсь еще одним наблюдением — я не знаю, кто моя возлюбленная, но все люди, которые встречаются нам, ее знают. Они не здороваются, не разговаривают с ней, но смотрят на нее так, что сразу ясно — она хорошо им знакома. И смотрят они с каким-то подобострастием и испугом, будто уважают ее и боятся. Понятия не имею почему, но они выглядят как должники, к которым ненароком зашел на чашечку чая кредитор. Меня же они почему-то не замечают, словно я пустое место.

Зато мою подругу любят всякие зверушки. Когда мы гуляем в

парке, к ней, совершенно не боясь, подлетают пичужки, подбегают мелкие зверьки, и для всей этой живности в карманах ее белого плаща всегда находится что-нибудь вкусное. Я, конечно, понимаю, что вся эта пернато-мохнатая мелочь давно живет бок о бок с людьми и привыкла попрошайничать, но выглядит это волшебно. Не пройдет моя любимая и мимо одинокой кошки или бродячей собаки, так что порой мне кажется, что некоторые из них узнают ее и смотрят вслед со смесью благодарности и обожания.

Мы живем в удивительном месте. Каждый раз, когда мы выходим на нашу ежедневную прогулку, я не знаю, где мы окажемся, но точно знаю одно — это будет прекрасно. Однажды я посетовал, что давно не был на море, и на следующий же день мы поехали к морю. Рано утром, едва рассвело, мы стояли на пустынной платформе, конец которой тонул в ставшем уже привычным тумане. Потом сели в поезд, почему-то в абсолютно пустой вагон, даже проводник ни разу не попался мне на глаза. Несколько часов мчались среди дремучих, густо заросших кустарником лесов и укрытых туманной дымкой полей, — и вот мы уже на берегу. Я не знал, море это или океан, видел лишь бесконечную серо-стальную гладь, сливающуюся вдали с таким же серо-стальным небом, в котором одиноко реял крупный альбатрос. Или, по крайней мере, я думал, что эта могучая птица была альбатросом.

Я разулся и зашел по щиколотки в удивительно теплую для поздней осени воду. Я чувствовал ступнями прохладную скользкую гальку, но не боялся поскользнуться, не боялся оступиться, не боялся поранить ногу о ракушку, хотя пустынный берег и был мне незнаком.

В тот миг в краю беспредельного покоя я вдруг понял одну очень интересную вещь, которую чувствовал до этого: в ее присутствии я напрочь лишаюсь страха. Нет, я никогда не был трусом; в молодости я даже побывал в зоне военного конфликта, с чего и началось мое становление как писателя — критики высоко оценили мою книгу, названную просто «Военный дневник», оценили ее и читатели.

Однако даже самые бесстрашные люди, к числу которых я вовсе не относился, все равно испытывают какие-то маленькие бытовые страхи. Не те, которые парализуют волю, другие — ощущаемые на грани сознания, вызывающие безотчетную тревогу. И я раньше тоже чего-то боялся. Я не рискнул бы, например, ходить без особой нужды в неблагополучном городском районе. Или спускаться на только что вставший на реке лед. Или перебегать оживленное шоссе не по переходу.

А с ней мы могли гулять допоздна в самых странных местах: пустынных парках, больше похожих на дикий лес, старинных кладбищах, которые можно было бы использовать как съемочную площадку для ужастика, безлюдных кварталах, застроенных серыми административными корпусами и похожими на бараки домами с дешевыми квартирами. И я никогда не чувствовал не только страха, но даже волнения.

Пока я с удивлением размышлял над этим, мимо нас, совсем недалеко от берега, проплыл, сияя огнями, громадный, похожий на плавучий город, круизный лайнер — видимо, где-то рядом был крупный порт. Почему-то появление теплохода огорчило мою любимую, она проводила его таким печальным взглядом, что у меня сжалось сердце. Я попытался как-то развеселить ее, хотя слово «развеселить» не слишком подходило к моей подруге. Она никогда не шутила, не смеялась, лишь иногда позволяя себе улыбаться, но и при этом в ее лице, в ее глазах была грусть. И мне это нравилось. Рядом с ней я познал сладость минора, понял, что только он может подарить истинное счастье. Мне и самому не хотелось смеяться или как-то иначе бурно выражать свои чувства. Наши отношения были далеки от бурления страстей, скорее, это было мягкое, тихое и очень уютное тепло, такое, которое исходит от камина в полупустой и полутемной комнате.

Я заявил ей, что собираюсь искупаться, что хочу поплыть к горизонту. К удивлению, она не стала отговаривать меня, не стала ссылаться на то, что на дворе осень и вода только обманчиво кажется теплой. Вместо этого она просто сбросила свой плащ, оставшись полностью обнаженной (это был для меня сюрприз), и вошла в воду рядом со мной. Остаток дня мы провели, плескаясь в удивительно теплом море, согреваясь на берегу в объятиях друг друга и занимаясь любовью на пустынном галечном пляже. Когда мы добрались до платформы, нас окружали густые сумерки, домой же мы прибыли уже, вероятно, за полночь.

Точнее сказать не могу — пока она рядом, время не существует.

* * *

Меня совершенно не волновало, что я живу в ее доме, не сообщив никому, где я и что делаю, что мой привычный круг разорван, что никто меня не ищет и не тревожит мой покой. Я воспринимал это как должное. Рядом с ней мне ничего не было нужно. И готов был весь долгий темный вечер просто смотреть на

пламя огня в камине, лежа на широком низком диване, положив голову на колени подруги, пока она читала или вышивала на пяльцах. Она часто вышивала, и каждый раз получались потрясающие картины. И меня давно уже не удивляло, что она никогда не пользовалась никакой схемой, точно образы сами собой рождались в ее воображении и во всех подробностях запечатлевались там навсегда.

Иногда я слушал музыку, в основном — классическую и ранее мне совершенно незнакомую, так как в своей прошлой жизни был от нее максимально далек. И много читал; поскольку у моей подруги оказалась совершенно удивительная библиотека, я видел на корешках много известных имен, но ни одного знакомого названия. И каждая книга становилась открытием.

Мы на удивление мало разговаривали, словно все уже сказали, словно знали мысли друг друга. И порой мне казалось, что так оно и есть. Ведь, например, когда мы шли гулять, никто из нас не говорил «пойдем туда», не выбирал направление — мы просто шли и сворачивали куда-нибудь одновременно.

При всем при том, насколько моя жизнь с подругой была странной, я ничуть не тревожился от этой странности. Словно так и должно быть. Я чувствовал себя кораблем, отшвартовавшимся в порту приписки. Когда-то в одном из интервью я сказал, что мы всю жизнь идем к цели, но часто чуть не до самого конца не знаем, к какой же именно. Теперь у меня было полное ощущение, что я этой цели достиг. Я был счастлив, безмятежен и абсолютно спокоен. Тревога появлялась лишь тогда, когда подруга вынужденно и неохотно покидала меня. У нее иногда возникали какие-то дела, и я понятия не имел, какие именно. Порой она получала письма — в совершенно чистых конвертах, кажется, даже без адреса — или кто-то ей звонил. Со звонившими она говорила властно, часто попрекая их тем, что они без ее помощи не могут сделать элементарное. А потом тяжело вздыхала и начинала собираться, а у меня в душе появлялся росток страха.

Нет, я не ревновал ее и не боялся, что с ней что-то может случиться. Я знал, что она — моя, что никто и ничто не сможет ее у меня отнять, я также был уверен, что ей за пределами нашего дома ничего не угрожает. Я боялся не за нее, а за себя. Меня страшило одиночество. Когда она уходила, вместе с ней словно уходили свет и тепло, уходил сам смысл ее существования. Едва дверь закрывалась за ней, я начинал ощущать странную пронзительную тоску. Я бесцельно слонялся по пустым комнатам, разглядывал висевшие на стенах офорты, изображавшие неизвестные мне места, касался пальцами хрупких композиций из засушенных осенних цветов и листьев, которые она любила

составлять. От этих букетов исходил ее запах, а может, наоборот — это от нее пахло сухими цветами, опавшими листьями, обманчивой свежестью утра, в которое выпал первый снег. Я подсознательно искал ее ускользнувший образ среди многих странных вещей, живущих в этом доме. Эти вещи удивляли меня. Моя любимая коллекционировала предметы, потерявшие утилитарный смысл. В ее коллекции были весы-безмен и серп, ламповый приемник длинных волн и фотоаппарат, снимавший на фотопластины, фонограф и абак, деревянная прялка с колесом и бронзовая астролябия… Все это было ей совершенно не нужно, а некоторые предметы к тому же были поломаны. Но, как ни странно, все это и придавало дому непостижимый уют.

Однажды к этим вещам прибавилась пишущая машинка. В тот же вечер моя любимая вновь оставила меня одного. И я думал только о том, что вот-вот стемнеет, а она вернется еще не скоро…

Ее вечерние отлучки я переживал еще хуже, чем дневные, поскольку в нашем доме отсутствовало электрическое освещение. Были розетки для телевизора и других электроприборов, но не имелось ни одного торшера, ни одной лампы, ни одного ночника, которые можно было бы в них включить.

Когда мы были дома вдвоем, я прекрасно без этого обходился. Мне хватало тусклого света камина, голубого квадрата телеэкрана, если мы смотрели какой-нибудь фильм, а для чтения — пламени нескольких свечей, отражавшихся в зеркалах. И присутствия моей любимой. Когда она была рядом, тьма становилась ласковой, как котенок. Иссиня-черным бархатом она окружала ее, подчеркивая молочную бледность кожи, и часто служила ей единственным одеянием. Тьма была ручным зверем моей подруги, но, когда ее не было, этот зверь переставал быть домашним и становился враждебным, угрожающим, опасным. Тьма подступала со всех сторон, словно бесы, пытающиеся достать окруженного святым кругом экзорциста. И этим экзорцистом был я, а моим святым кругом — слабый свет нескольких свечей и тусклое багровое сияние, исходящее от камина. Оставаясь один в темном доме, я старался не поддаваться страху, отвлечься от него, погрузившись в чтение, но так и не мог полностью успокоиться, пока не возвращалась моя подруга.

Я никогда не предлагал повесить люстру или хотя бы обзавестись настольной лампой и никогда не интересовался, почему в доме нет таких — совершенно необходимых — предметов. Это была одна из тем, на которые я так и не решился заговорить с моей возлюбленной. И подобных тем было довольно много: кто и зачем ей звонит, куда она отлучается в любое время

дня и ночи и почему, когда она возвращается, у нее на глазах слезы. Не слезы обиды или унижения, нет — это бы я почувствовал, как чувствую всякую перемену ее настроения. Это слезы жалости, слезы сострадания. Но я так и не отважился спросить, почему она плачет.

В один из подобных вечеров — одиноких, и потому безнадежно темных и тревожных, зная, что любимая вернется еще не скоро и мне предстоит далеко не веселое время в компании недружелюбной тьмы, я вытащил недавно купленную пишущую машинку, зарядил ее лентой и вставил листок бумаги. Я еще помнил, как пользоваться таким антиквариатом, ведь в дни моей молодости, когда я только начинал свою писательскую карьеру, домашние компьютеры еще были совершеннейшей экзотикой. Я склонился над клавиатурой и…

И ничего. Мир, в котором я прожил столько лет, мир моих произведений, населенный придуманными мною героями, замуровал все входы и выходы. Я не в силах был выдавить из себя больше двух слов. К моменту возвращения любимой на бумаге красовалось ровно два слова: «Она была». Для меня, способного написать роман за пару месяцев, это была настоящая катастрофа. Я сидел за столиком-секретером в глухом отчаянии, уставившись на эти простые слова, пока ее руки, всегда холодные, как у фарфоровой статуэтки, не легли мне на плечи, слегка массируя. С этим касанием весь мой страх, все разочарование и даже отчаяние словно смел холодный порыв осеннего ветра. Я обернулся к ней. Она уже была обнажена, и отражения свечей за ее спиной окружали ее белоснежные плечи светящимся ореолом. Через мгновение этот ореол погас, когда я притянул к себе фарфоровую белоснежность этих плеч и коснулся губами ключицы…

* * *

А теперь она уходит, и я не в состоянии ничего сделать, чтобы остановить ее. Из груди рвется крик протеста, но этот крик не прозвучит никогда. Я даже не могу открыть глаза, чтобы вновь ее увидеть, хотя мне вовсе не нужно открывать глаза, чтобы видеть ее.

Наверно, это какое-то волшебство. Иногда она кажется мне печальным ангелом, какими любят украшать надгробия, а иногда — ведьмой, запечатавшей мою душу во флакончик, спрятанный у нее на груди. Но ведьма она или ангел — я не хочу, чтобы она уходила. Свет она или тьма — без нее мое существование станет

пустым и бессмысленным, даже более пустым и бессмысленным, чем до встречи с нею.

Но она уйдет, и я сам тому виной. Мое любопытство. Мое внутреннее неприятие покоя, даже если покой — это счастье. И то, что я увидел эту книгу…

Я уже упоминал, что у моей подруги прекрасная и очень оригинальная библиотека. Для меня, писателя, а значит человека, любящего чтение, библиотека — это настоящее счастье. Я с упоением исследовал шкафы и стеллажи и обнаруживал на них все новые и новые неизвестные мне книги. Имен одних авторов я никогда даже не слышал, другие были мне хорошо знакомы, но почему-то именно эти их произведения мне никогда не попадались, я даже и не знал, что они существуют. Книги эти были очень разными — веселыми и печальными, увлекательными и философскими, узнаваемо-жизненными и фантастическими настолько, что, читая, я не уставал поражаться воображению автора — это надо же такое придумать! Но среди них не было ни одной слабой, ни одной неинтересной книги, ни одной, которая не увлекла бы и не заставила задуматься.

Вчера вечером я закончил роман Диккенса «Тайна Эдвина Друда». В прошлой своей жизни я так и не удосужился его прочесть, даже ни разу не открывал, и почему-то считал это произведение неоконченным. Но, как выяснилось из книги, которую я вернул на полку, концовка у него имелась, и, надо сказать, она оказалась очень интересной и неожиданной.

Поставив Диккенса, я машинально взял соседний том — довольно толстый, в украшенной цветами обложке, почему-то без названия и имени автора. Открыв книгу, я с изумлением увидел на форзаце свою фотографию. Странно, я не помнил такого издания… Но еще больше я удивился, пролистав страницы. В руках у меня был сборник рассказов, которые я сочинил давным-давно для своего сына. Я хорошо помнил, что никогда не пытался издать этот сборник, поскольку многие истории были камерными, понятными только нам с сынишкой. Более того, значительную часть историй я даже не записывал! А теперь вдруг увидел их напечатанными.

Я посмотрел исходные данные. Еще более странно — почему-то ни названия издательства, ни года выпуска, ни фамилий редакторов и верстальщиков. Зато сказано, что это третье издание и его тираж пятьдесят тысяч. Получалось, что книга, в которую я не верил, несмотря на то, что сочинял ее от души, даже больше того — сочинял ее, вкладывая в нее душу, как ни в какую другую, определенно имела успех. Я почувствовал, как к горлу подступает ком. Вспомнил, как мой, тогда еще

одиннадцатилетний сын лежал в постели с температурой, а я, примостившись с ноутбуком на углу кровати, читал ему свой новый рассказ (в этом издании он шел под шестым номером). И следующий рассказ возник после того, как сын заинтересовался одним из второстепенных героев и попросил придумать историю про него. А потом еще одну, уже про другого героя, и еще… Более того, сын даже подсказывал мне для них сюжетные ходы. Но это было уже потом, а сначала сын, весь такой больной, красноносый и несчастный, слушал мой первый рассказ, увлекшись настолько, что забыл о плохом самочувствии.

— Он ведь не погибнет? Не погибнет? — взволнованно спрашивал он, когда по сюжету книги один из героев сорвался в пропасть.

— Слушай дальше и все узнаешь, — отвечал я.

— Я слушаю, слушаю! — заверил сын. — Но только… папа…

— Что, милый?

— …Пообещай мне, что ты тоже никогда не умрешь, хорошо? — вдруг попросил сын, так по-детски доверчиво глядя на меня.

И мне ничего не оставалось, как соврать ему:

— Ну конечно, я никогда не умру. Ведь у меня есть ты. Если со мной что-то случится, я подумаю о тебе — и сразу спасусь.

Ком в груди рос, словно нечто, не так давно уснувшее, убаюканное лаской моей любимой, вновь проснулось и с новой силой рвалось на свободу. В уголках глаз предательски щипало.

Я поставил книгу на место и пошел в ванную. Долго стоял там и смотрел на себя в зеркало. Мне хорошо за сорок, но выгляжу я значительно моложе, даже сейчас, хотя давно не посещал тренажерку и не был у косметолога.

Сдержал ли я свое обещание? Смешной, казалось бы, вопрос. Я вроде живой. Для себя. А для сына? Не умер ли я для него? Не был ли я для него словно мертвый, как пропавший без вести? Не оставил ли я его одного?

Сделал ли то, чего он хотел, прося меня пообещать, что не умру?

Я понял, что плачу, и поспешил утереть предательские слезы. А потом подошла она, тронула меня за левое плечо. Она не сказала ни слова, лишь повела меня за собой. И, когда мы выходили из ванной, мне послышался голос сына. Не мальчика из моих воспоминаний, а взрослого мужчины, с которым я уже почти не общался. И этот голос просил меня не умирать. Но я боялся, что уже поздно.

* * *

Ей я не сказал ничего, но она и сама знает, что произошло. Она всегда все знала. А узнав, захотела уйти. Она считает, что так будет лучше, но будет ли? И с кем я останусь, если она уйдет? Кому я еще нужен?

Но я не могу ее остановить. Я чувствую, как пальцы фарфоровой статуэтки дотрагиваются до моей щеки, как холодные губы осторожно касаются моих губ.

«Не уходи! — мысленно прошу я. — Не оставляй меня одного. Не дай мне вернуться в царство теней. Я хочу быть с тобой здесь, в вечном полумраке и покое…»

Боль в груди, поутихшая было, нарастает, по телу пробегает судорога. Я слышу легкие удаляющиеся шаги моей подруги. И когда они почти затихают, до меня доносятся еле слышные слова: «Ты вернешься ко мне, любимый. Но не сейчас. А я буду ждать тебя».

И я понимаю, что так и не спросил, как ее зовут. Но это уже не важно.

А потом у меня над головой вспыхивают семь ярких солнц.

* * *

Лица двух человек, склонившихся надо мной, кажутся одинаковыми за марлевыми повязками, но это не так: один мужчина постарше, а второй… второй мой сын. Я слышу, как тот, что постарше, говорит, что все хорошо. Говорит что-то об обширном инфаркте, о полугодовой коме, о благоприятном прогнозе, восстанавливающей терапии и успехах моего сына.

Но все это не важно, по сравнению с тем, что теперь я знаю, как зовут мою любимую. Имен у нее много, но есть одно, самое главное.

Пока мы не можем быть вместе, но придет время, и я обязательно вернусь к ней. И она будет меня ждать. Теперь я не беспокоюсь ни о чем, ведь я знаю ее имя.

Ее зовут Смерть.

Ариадна Борисова

Дочь семи кровей, Ариадна Борисова родилась в Якутии. В десятом классе не была допущена к экзаменам за «аморальное поведение», которое заключалось в политических разногласиях с директором, преподавателем истории. Сдав экзамены в вечерней школе, сбежала в Егорьевск с первым встречным. С тех пор все еще живет с тем же встречным, у них двое детей, внуки… Испробовав множество профессий — от кочегара до работника культуры, — Ариадна Борисова остановилась на литературной деятельности. Ее талант — видеть океан в капле и вечное в бытовом, мелочном.

Убить муравья

Странно устроена человеческая память. Оставляет тебе один день в мельчайших подробностях, а другие, забытые дни года, мельтешат вокруг сорным вихрем. Если очень надо, можно, конечно, выхватить из этого вихря какое-то событие, но вспоминаешь его уже не в первых красках — просто констатируешь факт, ставший, возможно, подспорьем взрослеющему опыту. А особенный день потому и видится вживе, что память в полном объеме сохраняет в нем чистоту переживаний.

…Закрываю глаза и отчетливо вижу старый дом под горой. Мой холст не загроможден ничем лишним, летние мазки свежи и ярки, как впечатления любого семилетнего человека. Вижу светящийся на фоне темно-седых бревен нимб белых волос — это прабабушка Евдокия (бабушка Дуся, бабдуся в сокращении) сидит на завалинке с вытянутым из голика[1] прутом в руках. Собирается вздуть меня за опоздание к ужину.

Вижу нарядный «залец» в доме: мраморные от крахмала занавески, круг стола молочной белизны. Вижу тусклый блеск кованых изразцов на сундуке — в него запрещалось заглядывать, но я знала, что там, поверх зимней одежды, лежит кулек необычайно вкусных самодельных конфет. Размером они со спичечный коробок, корочка хрустящая, леденцовая, а начинка похожа на халву из кедровых орешков. Вижу в спальне над изголовьем кровати узкий шкафчик с закрашенными изнутри стеклами. Шкафчик тоже не разрешалось открывать, по вечерам бабдуся сама распахивала его дверцы и створки стоящего внутри киота. Перед сном в спущенной лампадке теплился огонек…

Несколько раз в год меня отвозили к прабабушке в город на причастие. Неверующие родители не препятствовали в святом деле ее долга и сердца. Крещеные правнуки ездили к ней по одному — с кучей пострелят никто бы не справился. Я любила «церковные» дни и всегда с нетерпением ждала своей очереди.

Накануне вечером бабдуся читала каноны, я — «Отче наш». Утро начиналось с урока смирения: я надевала противный лифчик с пуговицами на спине и пристегивала к пажам вечно спадающие чулки. Прабабушка почему-то считала их необходимой деталью нашего похода. Люди еще не слышали о таком чудесном изобретении, как колготки, из-за которых спустя энное количество лет мой сын будет скандалить по утрам перед садиком, сопротивляясь унижению своей гендерной идентификации, ведь папа не носит колготок.

Белокаменный Спасский собор зеленел куполами без крестов на соседней улице. До революции на пожертвования прадедушки в храме произвели ремонт. Позже собор использовался под всякие нужды: был продовольственным складом, салоном художественной фотографии, еще чем-то; теперь в нем располагалось ателье индивидуального пошива, действующая же православная церковь находилась по дороге в аэропорт и отличалась от соседних домов лишь маленьким распятием на калитке.

В церкви пахло сладким дымом. Мне нравилась отдающая тайной и позолотой здешняя атмосфера, но в тот день мою нечистую совесть терзали вопросы. Признаться священнику в краже пирожков с тарелки до прихода гостей — совсем не то, что маме… Во-первых, я съела при ней два «законных» пирожка с молоком, во-вторых, получается, отяготила себя грехами не только кражи, но и алчности, и обжорства. Это сколько же на мне смертных грехов?

Бог все видел, и я призналась во всех.

— Маме скажи, — улыбается батюшка.

— Я ей сказала.

— И что мама?

— Простила…

— Вот и Господь тебя простил.

В раскрытые по-птичьи рты льется винная Христова кровь. Из объяснения прабабушки я поняла, что «кровь и плоть» называются так понарошку, хотя святости в них столько же, как если бы они были всамделишными.

Мы не завтракали и возвращаемся к обеду голодными. Первым делом я скидываю чулки и платье. Благодарю тебя, Господи, что на свете существуют мальчишки и, следовательно, мальчишечья одежда — рубашка с короткими рукавами и шорты!

Пока я переодевалась, на столе успела появиться еда. Бабдуся наливает себе в стакан черный чай, мне в чашку — забеленный молоком. С аппетитом уплетаю запеченную вчера рыбу, толченку[2] и домашний хлеб. Незаметно засовываю поджаристую горбушку в карман — Господь простит!

Бабдуся позволила мне поиграть с ребятами во дворе общежития напротив. Честно говоря, она нестрого за мной присматривала. Очевидно, считала завершенной миссию по спасению моей неугомонной души до следующего раза.

Я предвкушала, как мне обрадуются друзья. Не соскучишься с ними в играх с мячом, в прятки, в «классики», «цепи-цепи кованы» и «чур, не голю»! Лишь бы ни с кем не поссориться, такое тоже бывает. Но даже если назреет драка, по дворовым условиям

неприятели должны подать друг другу руки со специальными словами примирения: «Хинди руси бхай, бхай». Когда папа объяснил мне, что эти слова означают не совсем то, что мы подразумевали, я отмахнулась: индийцы, русские — какая разница? Главное — дружба всех! Кроме коренных русских, якутов и эвенков в нашем городке жили потомки сосланных в разные годы татар, цыган, немцев, евреев, литовцев и финнов-ингерманландцев. Теперь бóльшая часть их разъехалась по «историческим родинам».

В проходе между сараями стоял и смотрел на меня ничем не примечательный мальчик примерно моего возраста. Тропа была узкая, а незнакомый мальчик нарочно уселся на корточки поперек и уставился на божью коровку, ползущую по цветку клевера. Я обошла юного натуралиста, прижимаясь к стене сарая. Мальчик смотрел на жучка так сосредоточенно, будто впрямь заинтересовался — им, а не мной.

— Знаешь, где много-много божьих коровок? — не выдержала я.

Он поднял голову:

— Где?

На такие вопросы есть готовые ответы-дразнилки. «Кто? — Дед Пихто!», «Че? — Через плечо!».

— Где, где — у тебя на бороде!

Тут бы броситься наутек — мальчишка чужой, прибьет, чего доброго. Но он рассмеялся, и я остановилась. Детское общение свободно от многозначительных пауз.

— Мальчик, пошли играть!

— Не, я на реку.

Над нами наверняка довлели одинаковые запреты.

— Разве тебя одного пускают?

— Я не спрашиваюсь, — пожал он плечом. — Папа в командировке, послезавтра только вернется.

— А мама?

— Мама далеко.

— Где? — я допустила оплошность.

— В Караганде, — усмехнулся он (еще один вариант ответа). — Мы в Иркутске живем, сюда я к отцу на каникулы приехал.

— Один?!

— Мама на самолет посадила, и я прилетел.

Оказалось, этот на редкость самостоятельный мальчик по имени Олег перешел уже в третий класс (я-то во второй). Мы поболтали о божьих коровках. Их жизнь действительно была ему интересна.

— Когда вырасту, стану энтомологом.

— Будешь изучать жучков?

— Всяких насекомых.

Мы миновали задворки общежития. Впервые иду купаться без взрослых. Вину побега затмевает новизна ощущения. «Прости, бабдуся, я скоро вернусь!» — думаю бесшабашно.

И вот в просветах улиц, как слюдяные пластинки, вспыхивает река. Наша Лена. Самая красивая река в мире, красивее нет, честное слово. Вода в ней студеная даже в зной, течение сильное… Хорошо ли плавает Олег? Я умею только «по-собачьи» и немного волнуюсь.

На пляже с десяток разновозрастных детей и толстый Боба. Я знаю Бобу, он из общежития, всегда ходит с братом Никиткой и Фаридом с набережной улицы. Успокаиваюсь: слышала, что Фарид отличный пловец.

Мальчишки немного старше меня, а сколько лет Бобе — непонятно. Он пузатый и мягкий, будто родители не очень умело слепили его из розового пластилина. На лбу залысины, щель тонкогубого рта всегда приоткрыта. Боба большой, но не взрослый.

Ребята нашли где-то сходни с железными поручнями — наверное, половодьем прибило, и катаются, как на плоту, приспособив Бобу в роли буксира. «Плот» не настолько надежный, чтобы отправиться в странствие, но вес двух огольцов держит крепко. Боба радостно машет рукой, и я рада — узнал.

Сбрасываем одежду и сандалии у валуна. Камень такой горячий, что на нем можно запросто жарить яичницу. Отсутствие купальника меня не смущает, в этом я пока равна мальчишкам — на мне шитые мамой сатиновые трусики. Быстренько снимаю с груди крестик, прячу в карман — ни к чему вопросы.

У-у, какая вода холодная! Но скоро мое взбодренное тело привыкает и блаженствует в прозрачных руках Лены. Река фантастически пахнет дождем, играет нами, не торопясь отпустить, и несется вдаль сверкающей параллелью. Движение волн никогда не кончается — невозможно поверить, но это правда.

Сидя на сходнях, как огромный китайский болванчик, Боба заливается счастливым смехом. Впряженные в веревку мальчишки бурлачат на совесть, он их дольше возил. Потом на сходни забираются четыре человека, я пятая, и мы не тонем! Настоящий плот!

Вдоль берега пролетает моторная лодка, оставляя за собой кипучий пенистый след. Качаемся на искусственных валах. Мгновение волна дыбом стоит надо мной, как бы в раздумье, и

возносит на гребень — взлет с остановкой дыхания перед тем, как рухнуть в пропасть: вверх-вниз, вверх-вниз! В сердце — восторг, в животе — щекотка, от воды щемит нос. Выползаю на берег.

Солнце ослепляет глаза, сквозь алую плоть ладоней просвечивают тонкие кисти — косточки на шарнирах суставов. Зубы человека-конструктора отбивают автоматическую дробь. Нагретый песок шершав, но быстро впитывает влажность кожи, зябкость… Тепло, хорошо! Хорошо быть человеком.

Олег валится рядом. Улыбка, как фонарик, зажигает веселые карие глаза и все его смугло-румяное лицо.

— Здорово, правда?

— Правда! Здорово!

Рассказывает о Байкале, о тамошней природе. Я спорю: «Лена лучше! Таких сказочных скал, как на ней, поискать! Папин друг обещал одолжить моторную лодку, чтобы мы всей семьей съездили на Ленские столбы и на реку Чару за охтой — диким виноградом».

Удивительный мальчик Олег, с ним уютно и просто, словно мы знакомы сто лет. В Иркутске у него мама, отчим и сестренка, здесь — отец и жена отца. Отчим — неродной отец, как я понимаю… Нет, не понимаю. Не могу представить вместо своего папы чужого человека. Или мачеху вместо мамы. Некоторые взрослые — очень непонятные люди. Когда я вырасту, я женюсь на одном-единственном человеке и буду любить его до гроба. Жаль, что Олег уедет обратно в Иркутск…

Ветерок приятно задувает в подсохший затылок. Над нами проходят ноги. Толстый Боба с Никиткой идут куда-то по берегу. Никитка велит брату высморкаться, Боба послушный — блестящая нить летит по ветру.

Олег задумчиво улыбается в спину братьям. Они понравились ему, я заметила. Он им тоже.

— Э-эй! Идите сюда! — раздается крик Фарида с той стороны, куда направляются эти двое.

Еще ноги. Чуть погодя слышу:

— Аря-а!

Лень вставать.

— Ая-а-а! — вторит Фариду Боба.

Свое укороченное имя я не люблю, в школе те, с кем поссорюсь, дразнят меня «Аря-харя». Родные зовут Аречкой, будто спрашивают: «А речка?»

Я — речка. Поднимаюсь, стряхиваю с себя песчаные берега. Теку на зов друзей, хотя есть подозрение, что мальчишки хотели бы видеть Олега, но не знают имени — познакомиться не успели. Вот он, ваш Олег.

Фарид обнаружил небольшую лодку на сухом склоне у тальниковых кустов. В боку пробоина, задранный нос со свисающим обрывком цепи тоскливо устремлен к реке. Но ребята рассматривают не лодку.

— Муравейник! — восклицает Олег. Фарид нечаянно угадал его увлечение.

Крохотные зодчие ловко придумали возвести дом прямо в лодке. Передняя ее часть прикрывает строеньице от ветра с реки. Непрерывно снуют по холмику бойкие жители, крепят сильными лапками щепочки и песчинки, захватывают клещиками ртов грузы крупнее своих бисерных телец. Эти хлопотуны отдыхают только зимой?

Никитка обдирает для меня кору на ветке. Муравьиный сок — лакомство специфическое, от одного упоминания скулы сводит, как при виде лимонных долек.

— Подождите, я сейчас! — срываюсь, бегу к валуну. Денег у меня нет, но есть горбушка.

Муравьиные купцы!
Продадите леденцы?
А за вкусную еду
Вам копеечки дадут!

«Купцы» льнут к послюненным веткам и делятся с нами соком — кислее лимона, красной смородины и щавеля, вместе взятых! Сок обжигает уголки губ. Вокруг гудит шмель, привлеченный остатками пиршества, на обсосанных палочках. Сотни тружеников закапывают в кладовки крошки хлеба.

Для муравьев это, должно быть, манна небесная. Ею они будут кормить матку, чтобы она отложила личинки, из которых вылупятся новые строители, рабочие, воины и добытчики. Так сказал Олег. Он без труда стал центром притяжения всех глаз и ушей, даже в сонливом лице Бобы проснулся интерес.

— Давайте разроем? Посмотрим на матку с личинками, — предлагает Фарид и, не дожидаясь нашего согласия, размахивается веткой, как саблей, — срубить верхушку. Олег успел перехватить.

— Ты что?! — вспыхивает Фарид.

В воздухе пахнет дракой. Вне общежитского двора «бхай бхай» не используется, и Никитка расстроен — чью сторону взять? Плохо, что я не обулась, в сандалиях легче пинаться.

— Знаешь, почему муравьи — в лодке?

— Почему? — Фарида деморализовал мирный тон противника.

— Потому что они как люди. Может, среди них путешественники есть.

— Ага, и купцы с кондитерской фабрикой, — криво ухмыляется Фарид.

— Я в журнале «Вокруг света» о муравьях-геологах читал.

Олег рассказывает о том, как геологи (люди) нашли на муравьиной тропинке крупицы золота, а потом сам муравейник — сплошь из золотого песка!

Фариду еще больше хочется разрыть холмик и посмотреть, что там внутри, но желание начать погром первым перегорело.

— Так и так кто-нибудь затопчет… Или собаки раскопают…

— Собаки для насекомых — как великаны, — говорит с облегчением Никитка. Рад, что драка погасла. — Люди еще великанистее. Перенести бы муравейник отсюда.

— Куда?..

Мы молчим, очарованные чудом разумно устроенной жизни. Она — миниатюрный прообраз нашей, такой же беззащитной перед лицом неведомых опасностей. Атомный гриб войны, астероид, вечная зима — мало ли что способно погубить человечество.

За полосой берега и дорогой отстраненно шумит город. Над трудолюбивой горкой гудит бомбардировщик-шмель. Наше затянувшееся молчание прерывает раскрасневшийся от жары и волнения Боба. Силится донести до нас ускользающую мысль, но непокорные слова не поддаются, путаются и распадаются на отдельные звуки. Мы ждем. В натужном выдохе Боба наконец делится каким-то огромным открытием:

— Босикомы!

— Насекомых жалеет, — привычно «переводит» Никитка.

В следующую минуту четырнадцать рук выгребают песок и мусор из-под бортов лодки, с ее дна, оставляя нетронутым живой участок. Муравьи бестолково мечутся, падают, бегут, ползут в панике поверх черноголовых толп. Совсем как люди.

…Мы не собираемся крушить ваше жилье — напротив, хотим вас спасти. Вы отправитесь по реке далеко-далеко. Нет, не на этом дырявом корабле, мы подарим вам другой. Он причалит к необитаемому лесному берегу, вы перетащите туда свой дом или построите новый. Вас там никто не обидит…

Солнце палит как бешеное. Пальцы ранятся о резучие корни тальника, в ногти забились песок и дерн, но мы не жалуемся. Боба сидит поодаль и с изумлением разглядывает муравьиную горку. До сих пор он, похоже, знал только то, что мог увидеть, потрогать, лизнуть, как кислую веточку с дарами «купцов», теперь же постиг нечто невещественное и тем не менее очень важное.

Может быть, главное. Названия этому нет и у нас.

Волосы слиплись, виски заливает пот, но Олег, такой же потный и грязный, заряжает наше существование какой-то светлой силой. Во мне сумбурно смешиваются события жизни и опыт, почерпнутый из прочитанных книг. Руки трудятся, губы улыбаются Олегу. Я хочу, чтобы он всегда жил в нашем городе, хочу тонкую талию, как у муравьев (без брюшка), и лицо красивое, как у мамы.

Мы освободили лодку. Толкаем в корму осторожно, чтобы не навредить муравьям, Боба впереди тянет цепь. В песке остается глубокая борозда, испещренная рыхлыми полосами и следами босых ног. Таким черепашьим аллюром нам и к ночи не доволочь до места суденышко, казавшееся нетяжелым вначале. Ох, опыт, ты приходишь не из книг!

Фарид приносит из дому кусок фанеры. Острый край ее взрезает пласт слежавшегося песка под муравейником, и вот невредимый маленький мир стоит на плоском листе.

Боба размазывает по чумазому лицу слезы и сопли, в руке горсть земли с раздавленными «босикомыми».

— Убий, убий, — повторяет он плача. Обрезанные выше колен трико потемнели между ног — описался от огорчения.

— Ты же не нарочно на них наступил, — утешает Никитка. — Они мелкие, а ты вон какой большой, ты их просто не заметил.

До меня вдруг доходит, что ум, сноровка, тонкая талия, красота лица — второстепенные частности любви. Никитка любит брата таким, какой он есть.

Я тоже люблю свою сестру, маму, папу и всех родных (несмотря на некоторые их недостатки), а теперь, как ни странно, люблю и постороннего человека. Я восхищаюсь им и чувствую гордость за него вовсе не потому, что он умный и красивый. Олег ничуть не красивый, но если он уедет в Иркутск, я умру.

Легкий ветер обдувает лодыжки сухим песком. Поперек поручней мальчики закрепили веревкой навес из веток — для тени и на случай дождя. Муравейник опоясан кольцом травы и дерна. Кто-то высыпал из карманов кусочки печенья и несколько карамелек. Готовый к отплытию плот колышется на волнах.

— Они нас запомнят?

— Конечно. У них же коллективный мозг.

Мы входим в реку. Олег складывает ладони рупором и дает три прощальных гудка.

— Попутного ветра!

— Семь футов под килем!

На палке, воткнутой между ветками, развевается голубая майка Фарида. Мы стоим в холодной воде неподвижно, с

ощущением какой-то пронзительной радости и чистоты. Толстый Боба снова близок к слезам (и не только он). Это здорово — вместе стоять и смотреть, как спешит по течению и теряется в алой заре муравьиный ковчег, а потом:

пропускать сквозь пальцы бегущую с напором реку,

забрасывать небо тучами брызг,

подлетать на водяных качелях, созданных вернувшейся откуда-то моторкой,

купаться в золоте самой высокой пробы на зависть библейским дельцам,

чувствовать себя богачами и владыками мира

и верить в свое бессмертие.

Это здорово!

Мы полны жизни, лета, реки. В ней отражается вечернее солнце. Наша река — лучшее небо… Но с берега доносится: «Олег, Олег!», и мы падаем с неба на землю.

Молодая женщина в нарядном платье, с красивым холодным лицом, спустилась с откоса. Наш командир уже одевается.

Зачем Снежная королева приблизилась к валуну? А я — зачем?.. Я для нее меньше муравья, я не существую, иначе она не сказала бы при мне то, что обрывками злых фраз — ледяных мушек — вторглось в мои уши.

— …Удрал! … беспризорниками… с этим жутким идиотом, на него… мерзко! … Оторвы, хулиганы! Чем вы занимались весь день?! … как их отцы, алкаши… Что я скажу твоему… не покладая рук, а его сын… Завтра же куплю билет… поставлю перед фактом… надоело… Надоело!

В моем сердце стужа. Такой стужи не было и в реке. Пусть я умру, но пусть мальчик из Иркутска никогда не приезжает в наш город.

Голова Олега опущена, ему стыдно.

— Пока, — говорит тихо.

— До свидания, — отвечаю я, а на уме вертится дразнилка: «За „пока“ бьют бока». Я точно знаю, что больше не увижу человека, которого полюбила за полдня так же сильно, как люблю родных людей.

— Ребята, пока! — взмах рукой и фонарик улыбки.

Женщина торопит, костяшками пальцев легонько подталкивая мальчика в спину.

Из-под края валуна торчат кончики синих носков. Бегу, крича:

— Ты забыл, Олег, ты носки забыл!

Он оглядывается, женщина тоже обернулась. Помедлив, протягиваю носки ей.

— Спасибо, — в ее устах это звучит как «пошла вон».

Не увидеть меня теперь сложно. Помещаюсь в ее глазах вся, еще и раздваиваюсь — пара растрепанных босых девочек в мальчишечьих сатиновых трусиках. Кто из них — я? Не знаю, но по крайней мере одна из этих беспризорниц (наверное, бóльшая оторва и хулиганка) выкрикивает в лицо Снежной королеве расхожий ответ:

— Спасибо — некрасиво, надо денежки платить!

…Как добралась домой, я не помню. Помню прабабушку на завалинке, с прутиком в руке. Дальше все застит вода. Я не могу остановить слезы, повернуть мои реки вспять. Вместо слов из сжатого горла вырываются судорожные вздохи, какие-то нечленораздельные звуки — ощущаю себя Бобой.

Бабдуся мудрым наитием поняла, что ничего плохого со мной не произошло. За ее плечами все-таки восемьдесят лет и богатый житейский опыт. Ей хочется одновременно выпороть непутевую правнучку и пожалеть. Помедлив, она делает то и другое: бьет прутиком по моей попе (совсем не больно) и привлекает к своей теплой груди.

Несмотря на отвращение к жизни, съедаю тарелку толченки с хлебом. На десерт меня ждет самодельная конфета из запретного сундука.

Бабдуся втирает в мои обгоревшие на солнце плечи и спину гусиный жир.

— Над чем слезы-то проливала?

Я рассказываю, помогая жестами, бессильная выразить словом чувство, нарисовать речью живые картины: ювелирное копошение муравьиной общины, счастливые лица ребят, толстого Бобу с ущербным разумом и ангельским сердцем, двух девочек муравьиного роста в глазах недоброй женщины и Олега… в чьей жизни не будет меня. Я еще не догадываюсь, что кроме той всеобъемлющей любви, которой мы щедро делились сегодня с миром, и той сокровенной, впервые познанной, которая принадлежит только мне, существует множество других ее ликов и множество личин, выдающих себя за нее.

Опять хочется плакать. Суровая рука нежно гладит мою бедовую голову.

— Ничего-о… Хорошее запомнится — станет опорой. Повезло вам махонькое диво увидеть, злому-то человеку не дано.

— Почему?

— Ну, почему… Бывает, ребенок нарочно топчет муравьев, и нет рядом с ним никого, кто унял бы. Самому-то невдомек, что он не их убивает, а радость в себе. Раз убил, два убил, дальше пошел… Злой человек вещь больше жалеет, чем живое, и радость

его поддельная — вся от неживых вещей.

— У нас уже не поддельная?

— У вас — настоящая. С таким-то счастьем в душе ты теперь даже злого человека можешь пожалеть, Аречка. Пожалеть — и простить.

…Едва я добралась до раскладушки, прозрачные воды сна унесли меня далеко-далеко… День махонького дива не повторится, но столько еще событий произойдет, столько взлетов на гребень волны и падений — не сосчитать. Я Аречка-речка, я теку ручейком к большой реке…

Непонятно, когда отбурлило беспокойное мое течение; тихо движусь к другому берегу. Он мне знаком — тот берег, где на фоне серо-седых бревен старого дома светится нимб над прабабушкиной головой. Я неизбежно туда попаду и снова увижу мраморные от крахмала занавески, круг стола молочной белизны, сундук с изразцами и огонек в лампадке над прабабушкиной кроватью. Бабдуся при мне приготовит вкуснейшие конфеты с начинкой, похожей на халву из кедровых орешков — я ведь так и не удосужилась спросить рецепт… Потом мы возьмемся за руки и войдем в золотое небо реки. Сверкающей параллелью побегут мимо нас бесконечные волны, а мы с бабдусей будем стоять долго обнявшись — стоять и смотреть, как плывет по алой заре муравьиный ковчег.

Роман Сенчин

Роман Сенчин в детстве, как и все мальчишки, зачитывался приключенческими романами Стивенсона, Верна, Скотта, пока не познакомился с неоклассической прозой Распутина, это потрясение предопределило повествовательную манеру, с которой Роман через много лет стал лауреатом главных литературных премий России. Счастье, считает Роман, — это воспоминания, от которых становится тепло на душе.

Проба чувств

Мне было четырнадцать лет, и я метался по родному городку в поисках любви.

Влюбляться в одноклассницу, или вообще в девушку из школы, было глупо и опасно — вполне могли зачмырить. В то время пацаны с девчонками не дружили.

Я шагал по отдаленным кварталам, таращась на девушек. Многие, очень многие были симпатичны, многих хотелось потрогать. Но любви — той вспышки, о которой вычитал в книжках, — не испытывал. Продолжал искать.

Однажды будним утром не пошел на уроки, а забрался на самую окраину. Приехал на автобусе и вылез на конечной. Там городок кончался не кривыми избушками, а свежими пятиэтажными домами. За ними — степь, в которой стояла серая глыба ТЭЦ с тремя толстыми полосатыми трубами.

Я огляделся и сел на скамейку. Спрашивал себя: «Зачем забрался сюда? Следующий автобус неизвестно когда…»

Был апрель, снег дотаивал под заборами и стенами домов. Запахи — разные и не все приятные — щекотали ноздри, кружили голову. Но хорошо было, солнечно и почти тепло. И я предчувствовал, что в такое утро должно случиться неожиданное, светлое, новое, как сама весна. Такая вот лирика, но она простительна в четырнадцать лет…

Сидел, помню, долго, жмурился от обилия света. К остановке стекались люди. И вдруг — действительно вдруг — среди кучки бесцветных, посредственных, безразличных мне появилась она. Я искал, предчувствовал, но все же не верил. И вот…

О, это было страшно! Правду, оказалось, писали классики — сердце затрепетало, в виски ударила кровь, в глазах моих потемнело. Она стояла в каких-нибудь трех шагах, вполоборота ко мне. Она стояла как-то особенно, неповторимо, одета была тоже не так, как остальные. Хотя вроде бы такой же плащ, шуршащий, голубенький, нитяные колготки, сероватая шапка навроде берета. Белая сумочка с потрескавшимся ремешком…

Но все в ней было ярко так, по-весеннему. Словно сама весна подошла. Весна и не должна быть пестрой…

Я смотрел рывками: то на нее, то в сыроватую землю, то на нее, то снова в землю… Окурки, билетики, горелые спички. Ребристые пробки от газировки. Совсем недавно мы с пацанами бегали и собирали их, расплющивали и играли в чику. Как хорошо мне было тогда — до того, как стало необходимо влюбиться.

Автобус.

И к автобусу она тоже пошла особенно, не как к желтому жестяному ящику на колесах, а будто к роскошному автомобилю. Словно к «Шевроле», «Альфа Ромео», «Кадиллаку»… Что там еще бывает в кино…

Походка ее была легкой, летящей… Ох, как же избиты, опошлены эти слова! Наверное, триста лет назад они были свежи, а теперь… В общем, шла, как в стихах лириков Серебряного века. Как будто она из подобного стихотворения появилась, а не из подъезда кирпичной пятиэтажки.

Влюбился. Влюбился сразу и глубоко, болезненно, как нормальный романтический герой русской классической литературы. Но я не классик, чтобы суметь описать ее без банальностей и объяснить, что она со мной сделала, даже не подозревая о том, не замечая меня, маленького, безликого, рядового…

Почти каждый день, кроме выходных, а бывало, и в выходные (на всякий случай), я ездил туда, на ту окраину, ту конечную остановку, выходил из автобуса и ждал.

А потом входил в автобус следом за нею. Провожал до поликлиники, где она работала в кабинете доврачебного осмотра. Давала градусники желающим получить бюллетень, а затем отправляла к терапевту или выпроваживала симулянтов. Что-то такое…

Я сидел на мягкой скамеечке против двери ее кабинета и в редкие секунды открывания и закрывания двери видел ее… Видеть ее стало для меня… короче, я не мог без нее. Когда приехать не удавалось или она не приходила на остановку, день получался мертвым. Выходные стали лишними, мучительными — я ждал понедельника.

Я пропускал уроки, не мог делать домашние задания. Не разговаривал с родителями, не читал книжки, не смотрел телевизор. Приятели косились на меня, как бы в чем-то подозревая…

Я знал, что никогда, ни за что не познакомлюсь с нею, не скажу ей ни единого слова, даже не взгляну на нее открыто и прямо; а если вдруг она бы каким-то чудом заговорила со мной («Молодой человек, что вы сидите? Вы ко мне?»), я бы просто убежал прочь, без оглядки, в смятении и ужасе.

Я даже не пытался мечтать. Не умещалось в воображении: я и она. Я просто ждал очередного свидания с ней. Тайного, сокрытого от всего мира, даже от нее самой. От всех — от всех, кроме меня.

Почти два месяца… Счастья, страха.

И вот однажды, шляясь по городу (в воскресенье, под вечер), я нежданно-негаданно размечтался. Так реально представил, что вообще-то запросто могу подойти к ней, познакомиться, сказать несколько приятно-пошленьких слов, пошутить как-нибудь так симпатично… И вот уже вместе гуляем, разговариваем, держимся за руки, смотрим друг другу в глаза, касаемся губ друг друга. А вот уже мы, отдавшиеся ослепительной, горячей волне долгожданной страсти. Буря, шторм, умопомрачительный шквал… Как-то так это происходит, да?

О том, что мне нет и пятнадцати, а ей явно лет девятнадцать, я и не думал. Какой, на фиг, возраст? Я был сейчас взрослым, сильным, я все мог, весь мир обнять и спасти. Потому что в нем есть она.

Вот так!

Я остановился посреди тротуара, зажмурился, сверху защитил глаза горячей ладонью. Переждал. Пошел дальше. Явственно наблюдал, как вдвоем сидим мы меж двух кроваток, в которых наши — наши с ней! — дети. Мальчик и девочка. И я читаю вслух «Остров сокровищ». Боже мой, боже мой! Эта картинка так и цвела передо мной. Уютная спальня, свет настольной лампы, направленный на страницу, послушные, красивые, родные ребятишки в кроватках. Ее нежная узкая рука с длинными пальцами, лежащая на моей. Спокойствие и чистота…

Я был уверен, что это уже случилось и что она сейчас дома и ждет меня, накрывая на стол. Счастье, счастье коснулось меня своим живительным крылом. И я рванулся, заспешил куда-то, в этот несуществующий дом, в этот призрачный мир, где она, она ждет меня. Сумасшедший путник, бегущий по мертвой пустыне, обманутый миражом!..

Счастье коснулось меня и оставило. Да, я увидел ее. Она шла прямо навстречу. Она шла и улыбалась, блаженно щурясь… Судьба, широко размахнувшись, залепила мне между глаз.

Ее запросто так, небрежно обнимал за талию некто высокий, в полосатой футболке, узеньких джинсах. Как-то запросто так обнимал, даже опирался на нее, прижимал к себе. Небритый мальчуган с дорогой послушной куклой под боком. Ей, наверное, неудобно идти. Но она улыбалась ему, смотрела на него снизу вверх преданными глазами, тянулась к его жесткому рту. А он смотрел вперед, и что-то ей говорил, и кривился в ленивой усмешке.

«О нет! — зарыдало в груди. — Не-ет…»

Я кинулся с тротуара прямо на проезжую часть. Зеленый «Запорожец» визгнул тормозами. Внутри меня хохотнуло: «Под „запаром“ погибнешь, гамадрилина!»

Я перебежал дорогу, потом быстро куда-то шел.

И здесь не врут классики, когда пишут, что их герой вдруг, сам не помня как, куда-то забрел. Я тоже брел, ничего не соображая. Забрел в переулок. Низенькие щербатые заборы, молодая крапива, черные избушки из пористых от старости бревен. Скисшие лужи, кучи мусора, червивые яблоньки-дички… Меня облаивали собаки, люди смотрели недоуменно, как на небывалого урода, а я прятал от них замутненные не слезами, а какой-то едкой слизью глаза…

В конце концов я оказался дома, упал на кровать. Стонал и бил кулаком подушку… Родители перепугались, мама стала звонить приятелям, пытаясь выяснить, что со мной. Вдруг зачмырили бугры из враждебных кварталов. Отец тряс меня за плечо и спрашивал: «Кто? Скажи, разберемся». Я собрался с силами и сказал: «Никто… это не то… не это». Родители, видимо, поняли и отстали.

Больше я не ездил на ту остановку. Через неделю успокоился, почти не волновался, вспоминая о ней и об этом роковом столкновении на тротуаре.

Что ж, решил, кривясь в усмешке, подражая тому, кто ее обнимал, — захотелось любви, но не получилось. Дельце не выгорело, как говорится. Ячейка занята. Судьба дала в морду. Спасибо — не сильно, профилактически. Я даже, признаться, тайно радуюсь, что все так закончилось. И — главное — я понял: сильно чего-то хотеть нельзя, обязательно выйдет наоборот. И еще — нужно быть свободным, трезвым и одиноким.

Конечно, трезвым и одиноким я не остался. Эта влюбленность и страдания оказались этакой пробой чувств. Я обжегся, конечно, но и, как говорили тогда, закалился. Слегка, но все же.

Дальше влюблялся не раз. Иногда через силу. Чтоб почувствовать, что еще жив.

Мария Садловская

В захламленной кладовке деревенского дома, где жила в детстве Мария Садловская, нашлась толстая, без первых листов книга в почерневшем картонном переплете. Много позже оказалось — это был «Идиот» Достоевского. Когда девочку спрашивали, на кого она будет учиться, Мария вслух отвечала: «На врача», а про себя думала: «Я буду Настасьей Филипповной». Образ этой женщины казался ей таинственно-прекрасным, однако Марию мучил вопрос, почему Настасью Филипповну все (по книге) презирали?! И тогда девочка решила переделать, переписать книгу! Долго она жила с этим «переписать». Повзрослев, перечитала всего Достоевского, поняла, что «не переписывают», но… было поздно. Мария уже «заразилась» писательством.

Бумажная роза

Говорят, первая любовь запоминается на всю жизнь. Наверное, так и есть. И Мария с этим согласна, потому как ее первая любовь врезалась в сознание навсегда. Прошло столько лет, а картинка перед глазами настолько яркая, живая, что кажется, ее персонажи вот-вот зайдут в гости… К сожалению, их давно уже в этом мире нет.

* * *

Время, о котором идет речь, конечно, можно бранить. Но оно, как и любое другое время, неповторимо и поэтому — прекрасно.

Еще не было радио, телевизора, не во всех домах было электричество. Телефон, один на весь поселок, висел на стенке кабинета председателя поселкового совета. О новостях по поселку узнавали только из уст в уста.

Бабушка Александра посылала поутру своих внучек Марию и Галю к воротам. Посмотреть, кто идет, куда, зачем?

— Да смотрите внимательно, все запоминайте! Может, кто новость какую скажет. Мне же некогда — обед надо готовить. Там, говорила Настя, Ленька Степанидин пришел из армии. Может, будет проходить мимо наших ворот, посмотрите, во что одет. Интересно. Придете — мне расскажете.

Мария и Галя ходили в школу, во вторую смену. Галя — в первый класс, а Мария — в третий. По сравнению с сестрой она считала себя достаточно взрослой.

Девочки подбегали к воротам, Галя сразу взбиралась на калитку верхом и просила сестру покатать ее.

В этот раз они подошли к воротам и сразу замерли… По дороге, напротив их ворот, шел высокий, стройный парень в защитного цвета гимнастерке и таком же галифе. Грудь была увешана яркими медалями и значками. Младшая (Галя) громко воскликнула:

— Смотри, смотри, Марийка! Это, наверное, тот Ленька тетки Степаниды, что бабушка говорила. Побежали ей скажем!

И побежала. А Мария осталась. Широко раскрытыми глазами глядела на парня и не могла оторвать взгляд. Особенно ее поразили гимнастерка и галифе. До лица парня ее взгляд так и не добрался, он застыл на гимнастерке. И она еще долго провожала его глазами, аж пока он не скрылся в переулке.

Вечером за ужином шел разговор о прибывшем из армии

Леньке. Бабушка, убирая со стола, разговаривала с мамой девочек:

— Представляешь, Катерина, какое Степаниде подспорье будет? Говорила Настя, что Леньку поставят бригадиром полевых работ. А в поле-то — и солома, и сено, и кукуруза… да все, что надо в хозяйстве. Понятно, что это и во дворе Степаниды будет. Своя рука — владыка.

Мария жадно слушала разговор, у нее перед глазами все еще шагал статный парень в военной форме. Когда засыпали, она, не выдержав, спросила сестру:

— Галь, скажи, правда же этот Ленька такой, как картинка, красивый?

Галя ответила ровным сопением, она уже спала. Мария, напомнив себе, что завтра утром побежит к воротам и, может, опять увидит этого красивого парня, тоже уснула.

* * *

И настало для Марии удивительное время. Все ее поступки, действия сводились к одному — она должна быть лучше всех, красивее всех! К сожалению, главное, что она осознавала, — надо быстрее вырасти. Но это — на потом. А сейчас, засыпая, она видела себя рядом с шагающим парнем в гимнастерке и галифе. Мысленно приноравливала свой шаг к четкой походке Леньки и шла, гордо поглядывая вокруг. Все должны осознать, что они вместе, — она, Марийка и Ленька Степанидин, которого уже назначили бригадиром.

* * *

Теперь каждое утро Марийка, все равно как в школу, бежала к воротам. Приходилось пораньше вставать, потому как бригадир Ленька спешил в правление колхоза получить утреннюю разнарядку от председателя. К тому времени он не каждый день носил гимнастерку и галифе. И Марийка наконец-то рассмотрела его лицо. Оно ей понравилось — именно с таким лицом можно носить военную форму.

Теперь она каждое утро пыталась так всмотреться в его глаза, чтобы поймать взгляд. Однажды это удалось, и она испугалась. А парень даже остановился. Он удивленно глядел на девочку, которая с расширенными глазами не отрывала от него взгляда. Он даже остановился и обеспокоенно спросил:

— Ты чего, девочка? Что-то хочешь сказать?

Но Мария к тому времени очнулась и стремглав юркнула под сиреневый куст. Ленька хмыкнул, пожал плечами и пошел дальше. А днем, в поле, где работала мама Марийки, к ней подошел бригадир и, отозвав в сторонку, спросил:

— Тетя Катерина, скажите, ваша девочка, та, что постарше, не болеет?

Изумленная Катерина прямо-таки остолбенела:

— Это Марийка? Так вроде здоровая. А почему ты, Леня, спрашиваешь об этом? И где ты ее видел? Она со школы придет и все время дома.

Бригадир смущенно ответил:

— Она каждое утро стоит у ворот, когда я иду в контору. И всякий раз смотрит на меня так, будто что-то хочет сказать. Или хочет пожаловаться — не могу понять.

Катерина, успокоившись и уже улыбаясь, ответила:

— Это их двоих бабушка каждое утро посылает к воротам, узнавать новости. Но я все равно спрошу, чего она смотрит.

Вечером, укладываясь спать, Катерина вдруг вспомнила о разговоре с бригадиром Ленькой и стала рассказывать об этом бабушке. Мария и Галя еще не спали, тоже слышали. Галя, обиженная на сестру, что та не берет ее по утрам с собой к воротам, мстительно, смакуя каждое слово, объявила:

— А наша Марийка любит этого дядьку Леньку! Она мне говорила.

Все затихли. Лица бабушки и Катерины выражали крайнее изумление. Сама же Мария возмущенно крикнула:

— Ты врушка, ничего я тебе не говорила! Мама, она сама все выдумала!

От такой несправедливости у Гали глаза наполнились слезами, и она, убежденная в своей правоте, выдала:

— Ты же говорила, какая у него красивая гимнастерка? Говорила! — И, обращаясь к матери, закончила: — А еще говорила, что он как картинка! Вот так!

Катерина прикрикнула на девочек, напомнив — пора спать, завтра много работы.

Мария с Галей спали в одной кровати. Сегодня они отвернулись друг от друга. Галя быстро засопела, а Марийка втихую плакала, чего никогда раньше не делала. Хорошо, она отвернет голову в сторону, не будет на него глядеть, раз он пожаловался маме.

Она не могла понять, почему так больно. Будто у нее хотят отнять то, что принадлежит только ей одной. И впервые за последнее время, перед сном, у нее не получалось представить,

как они идут по дороге вместе с Ленькой. Почему-то на нем не было галифе и гимнастерки. Уже засыпая, в полусне, она уговаривала его хотя бы что-нибудь одно надеть на себя. С ним же рядом идет она! Как же он не понимает?!

* * *

В школе Мария ходила в отличницах. Только по физкультуре была четверка. Не получалось у девочки подтягиваться на лестнице. Успешно хваталась только за первую планку, а потом повисала, как мешок с отрубями.

Видя, как Ленька чеканит шаг, особенно когда спешит, Марийка совсем упала духом: как она собирается вместе с ним идти нога в ногу, чтобы все видели и завидовали, что этот (самый красивый!) — с нею, Марийкой. Что он принадлежит ей и никто больше на него прав не имеет! А вот еще он поправил на ее голове косынку… да так заботливо.

И она начала по утрам во дворе маршировать. Уж этому она научится обязательно, если не может подтягиваться на лестнице. Маршировала босая, туфельки девочек берегли для школы. Ноги и подол платьица сразу становились мокрыми от росы, но потом на солнышке быстро все высыхало.

Галя вначале изумленно глядела, потом начала и сама покорно топать вслед за сестрой, иногда, запутавшись в траве, падала. Вскоре ей это надоело, и девочка бросила маршировку.

А Мария, когда была одна в доме, перед зеркалом выпрямлялась, вспоминала команду учительницы по физкультуре, особенно для девочек: «Плечи назад, грудь — вперед!», и пыталась худые плечики наклонить назад, а вперед грудь. Так ей казалось.

* * *

Лето шло к завершению, урожай почти весь собрали. Наступало то время, когда молодежь начинала думать о свадьбах. Прокатилась по поселку новость — Ленька-бригадир женится. Да не на ком-нибудь, а на Райке, дочке председателя поселкового совета. Все охотно обговаривали предстоящее событие. Молодые девицы, давным-давно бывшие на выданье, злорадничали:

— Интересно будет поглядеть на эту пару: Ленька — стройный, высокий, и Райка — кубышка, одинаковая что вширь, что вверх. А сиськи, все равно что две подушки заложила за

пазуху.

Некоторые возражали:

— Ну, на свадьбе-то она будет в подвенечном платье, нормальный лифчик наденет, будет все в порядке. Зато посмотрим интересную свадьбу.

Сначала новость о предстоящей свадьбе Леньки Марию почти не задела. Затем она стала продумывать это событие дальше. А когда попыталась, как всегда перед сном, вызвать перед глазами картинку идущих нога в ногу Леньку и ее, Марийку, — ничего не получалось. Ленька, конечно, шагал, даже в галифе. Но рядом с ним вместо Марийки пыхтела толстая Райка.

Мария загрустила. Она горевала об утренних ожиданиях у ворот, куда она выходила и теперь. Но уже совсем не так глядела на Леньку. И только когда он вдруг надел гимнастерку, у девочки вновь оттаяло внутри.

Ну и что? Пусть будет там у него дома Райка. Но на работу она же не будет с ним идти каждое утро? А он как ходил, так и будет ходить мимо ворот Марийки. И она будет глядеть ему прямо в глаза, даже не отворачиваясь!

И Марийка продолжала по утрам маршировать.

* * *

Катерина собралась в выходной день съездить на базар. Бабушка Александра напутствовала дочку:

— Гляди, Катерина, главное — не продешеви! У нас яйца крупные, не то что у других. Продавай подороже. Чеснока немножко возьми, весной он будет дороже. Но сейчас тоже очень нужны деньги. Масло растительное закончилось, даже вон соль и спички подходят к концу. В этот раз ничего не покупай. Подсчитаем, сколько будет денег, все распланируем, чтобы ничего не забыть. Тогда в своем поселковом магазине все и возьмем. А детям обувку на зиму купим, когда поросенка зарежем. Это будет туда, ближе к холодам.

Младшая Галя ходила за мамой и канючила:

— Мам, конфеток, хоть немножко, не забудь купить! Помнишь, как прошлый раз принесла с базара? Вкусные-вкусные!

Сегодня Марийка и Галя с утра у ворот не стояли. Выходной день. Хотя Мария изредка поглядывала на дорогу. Она боялась увидеть, как Ленька-бригадир будет идти рядом со своей невестой. До сих пор ни разу этого не было, что девочку радовало.

После обеда бабушка послала детей к воротам:

— Идите смотрите, как мама будет идти с базара!

Они с радостью побежали и вскоре так же радостно оповестили:

— Идет! Мама с базара идет! И у нас будут конфеты!

Катерина зашла в дом, молча села, держа сумку двумя руками почему-то у себя на коленях. Марийка и Галя пытливо поглядывали на маму, удивляясь ее молчанию. Подошла бабушка и поторопила Катерину:

— Ну, давай рассказывай, сколько наторговала. Да поставь на место сумку, чего ты ее держишь на коленях?

А Катерина сидела, понурив голову, продолжая молчать. Затем обреченно произнесла:

— Мама, будете меня ругать, знаю! И никогда не простите!.. — Она помолчала и выдала: — Нету денег, ни копейки!

Все замолчали. Лишь во все глаза уставились на Катерину. Затем бабушка воскликнула:

— Украли! Что же ты за раззява такая?!

Наконец Катерина решительно поднялась и громко сказала:

— Не украли! Я истратила все деньги, купила букет!

И стала аккуратно, со всеми предосторожностями, что-то доставать из сумки. Бабушка, на всякий случай, перекрестилась, затем, обращаясь к Марийке и Гале, спросила:

— Это что она сейчас такое сказала? Боже мой, она заболела! Это на нее кто-то сглаз наслал! Надо вечером к бабке отвести, пусть над ней пошепчет! Дай сюда сумку, что ты там копошишься?!

Младшая Галя вытирала кулачками слезы. У Марии, наоборот, глаза были сухие, она пыталась понять, что происходит.

Но в это время Катерина достала из сумки действительно букет…

Прошло, почитай, больше половины жизни, а Мария с тех пор ни разу не видела такой красоты. Да, это были искусственные цветы. Букет цветов. Но каким-то чудом они дышали! Казалось, они дрожат, хотя их никто не трогал. Букет искусно подобран: в центре наверху царствовала роза, как и положено — бледно-розового цвета. Вокруг нее синели ирисы, кой-где выглядывали скромные ромашки. Но глаза всех были устремлены к розе… Казалось, на ее лепестках капельки росы. Было впечатление, что она живая и даже может заговорить.

Бабушка Александра, забыв обо всем, медленно подошла к

букету и двумя ладонями обняла розу.

— Ах, сердце мое, какая красивая! Молодец, дочка, что купила! Я бы и сама не устояла. Как же от такого благолепия отказаться?!

Букет поставили в глиняный кувшин из-под молока, выбрав самый новый, и торжественно водрузили в парадной комнате на стол. Эта комната была «на показ», в ней никто не спал. Как говорила бабушка: «Чтобы было, что показать людям».

А по поселку прокатилась новость — Катька Садловская на все деньги, вырученные от продажи урожая с огорода, купила букет. Но какой-то особенный, что ее даже бабка Александра не ругала. Некоторые любопытные приходили, просили показать это диво. Кой-кого, по своему выбору, Александра, поджав губы, заводила в парадную комнату. Те дивились, цокали языками.

* * *

На следующее воскресенье намечалась первая свадьба в поселке — Леонида и Раисы. Мария с этим смирилась. Собственно, ей не мешала свадьба. Ленька также ходил мимо их дома, только был больше озабочен и совсем не замечал девочку у ворот. Но зато она могла безбоязненно вглядываться в его лицо. Разглядела глаза, увидела, какие у Леньки длинные ресницы. А все лицо у парня напоминало картинки к рассказам о героях Великой победы.

Мария наблюдала в школе за мальчишками-одноклассниками — нет, ни один из них даже близко не был похож на этого красавца. Ничего, пусть женится! Мария тоже будет расти. Когда-нибудь вырастет. Вот тогда!.. Что «тогда» — она дальше не знала.

* * *

На свадьбе у Райки с Ленькой, конечно же, будет играть духовой оркестр. Весь поселок сойдется посмотреть такое интересное событие. И Мария пойдет, обязательно. Она последнее время по утрам не выходила к воротам. И маршировать перестала после того, как бабушка сказала маме:

— Катя, присмотрись к ребенку, к Марийке, как она стала ходить. Что-то с девкой творится непонятное — как гвардеец шагает, шашку только в руки дай. Растет же девочка. Вместо того чтобы женственность какая-то появлялась, она как мужик!

Огорчилась Мария, услышав это. Значит, она не лучше, не красивее всех… Но на свадьбу пойдет. Посмотрит, какой будет Ленька в жениховской одежде.

* * *

Самое интересное во время свадьбы происходит в воскресенье. Где-то в полдень из дома невесты выходят под руку жених и невеста. Сзади их родители осыпают зерном пшеницы. Зерно перемешано с конфетами, у более зажиточных — с денежными монетками. Это действо особенно нравилось детворе, они бросались вслед за молодыми и подбирали конфеты, монетки.

Марийка с Галей пришли заранее, чтобы занять место поближе. В дом заходили близкие родственники, остальная толпа стояла во дворе, ожидая танцев. Духовой оркестр разместился вдоль забора.

Мария держала Галю за руку и вдруг сильно ее прижала, сестра даже ойкнула.

— Галя, гляди-гляди! Вон жених заходит в дом. Да не туда, вон на дверь смотри!

И замолчала. У нее даже приоткрылся рот. Она так и смотрела на Леньку с приоткрытым ртом. На женихе была белоснежная, отдающая голубизной рубашка и… галстук. Такого еще Марийка не видела на Леньке. Она даже забыла про галифе. Это был другой Ленька. Но все равно он — ее, Марийки. Она тоже сегодня в новом платье. У мамы выпросила шелковую косынку, повязала на шею. А на ногах туфли, те, что только для школы… Ей кажется, если Ленька увидит это все, ему понравится. А как он увидит?

Мария вдруг наклонилась к сестре и прошептала:

— Я сейчас немножко отойду, а ты стой, береги место. Я быстро!

Галя плаксивым голосом ответила:

— Я тоже писать хочу! Я с тобой!

Но Мария уже уходила, бросив сестре:

— Я скоро приду, стой здесь!

Пробираясь в толпе к дороге, увидела — стояли бабушка и мама, переговариваясь с соседями.

Мария бежала запыхавшись. Ей надо успеть вернуться обратно к выходу жениха и невесты из дома. Когда их будут посыпать родители зерном.

Она успела, пробралась сквозь толпу и стала около сестры.

Даже успела поправить на шее сбившуюся косынку и пригладить волосы. Одной рукой. Вторая была занята. Она поддерживала под мышкой что-то, завернутое в старую пожелтевшую газету.

Жених и невеста вышли. Гул в толпе вмиг прекратился, все замерли. Пара идет медленно, дает время всем полюбоваться. Мария тоже любуется. Женский голос громким шепотом произнес:

— Ну и что? Толстушка, да. Но смотри, как красиво идут! А платье какое! На груди рюшечки, словно лебяжий пух!

Мария очнулась, зашелестела газетой, бросила ее на землю и, подняв вверх руку с розой (а это была именно роза!), ринулась вперед. Остановилась только перед женихом и, глядя ему в глаза, протянула цветок. Жених машинально взял из рук девочки розу и, не зная, что с нею делать, по-джентльменски начал приспосабливать цветок к груди невесты.

Сделать это оказалось легко, роза уютно легла на пышную горизонтальную грудь, слегка прикрывшись рюшами. Марийке хотелось увидеть еще раз розу, она ее очень любила. Девочка даже привстала на цыпочки, но увидела лишь зеленый хвостик от розы…

Затем заиграл оркестр, Мария вернулась к сестре. Галя смотрела на все непонимающе и спросила Марийку:

— А где ты взяла этот цветок? У нас дома в букете похожая роза.

* * *

А потом наступила расплата. Можно даже добавить «за любовь», но Мария тогда не знала, что за любовь расплачиваются.

К вечеру все собрались за ужином. Обговаривали свадьбу.

— Говорили, какой-то ребенок выбежал вперед молодых и жениху цветок подарил. Мы с тобой, Катя, поздно пришли и далеко стояли, ничего не видели.

— Я тоже что-то такое слышала, Настя говорила, — ответила Катерина.

Галя, отложив ложку в сторону, громко провозгласила:

— Это наша Марийка подарила жениху розу, бумажную. Такую, как у нас в букете, что мама купила.

Все прекратили жевать и обратили глаза к Марии в немом вопросе. У Марийки ложка брякнула о стол, затем, отскочив, упала на пол. Все молчали, затем как по команде поднялись и ринулись к парадной комнате. Открыла дверь бабушка. Розы в букете не было. Мария так и сидела за столом на кухне…

* * *

Мама била ее по рукам. Сначала было больно, потом привыкла. И слезы только поначалу текли. И когда бабушка отходила веником по попе, глаза у Марийки были совсем сухими. А бабушка приговаривала:

— Выродок какой-то растет, а не ребенок! Как учудит что-нибудь, попробуй разберись, в чем дело?

Наподдала Галя:

— Я же вам говорила, что наша Марийка любит этого дядьку, который жених. Поэтому и нашу розу ему отдала.

Бабушка, к тому времени заканчивающая процедуру с веником, услышав про любовь, замахнулась еще раз и с силой прошлась уже по спине девочки, восклицая:

— Вот я тебе веником покажу любовь!

* * *

Даже сейчас Мария иногда себя спрашивает: «Была ли это первая любовь?» Четкого ответа у нее до сих пор нет. Но стоит вспомнить эту тему, как перед глазами четко вырисовываются длинные ресницы Леньки, его гладкое, свежевыбритое лицо. А еще — галифе, гимнастерка и галстук. И красивее розы, подаренной Леньке, она до сих пор так и не увидела.

Алиса Лунина

Алиса Лунина — писательница, сценарист, профессиональная выдумщица и неисправимый оптимист. «Писать книги, — рассказывает Алиса, — я начала еще в детстве, тогда же и захотела стать писательницей; правда, от детства до исполнения моей мечты пришлось прожить целую взрослую жизнь! И все-таки однажды моя детская мечта исполнилась: придуманные мной истории стали выходить в виде книг, а некоторые легли в основу художественных фильмов („Новогодний рейс“, режиссер Нана Джорджадзе, „За пять минут до января“, режиссер Ольга Доброва-Куликова). В своих книгах я и пишу о том, что наши мечты, если очень в них верить и идти к ним навстречу, непременно сбываются!»

Саша навсегда

Среди своих детских фотографий я особенно люблю ту, на обороте которой маминой рукой написано: «Озеро Еловое, Лесе — десять лет». Леся — это я. Красный сарафан, растрепанные волосы и особенная улыбка — счастливого, влюбленного человека… Ту Лесю и меня сегодняшнюю разделяет целая вечность, и даже страны, в которой жила та девочка, больше нет ни на одной карте, и все же, глядя на эту фотографию, я могу легко перемахнуть через разделяющую нас вечность, через все свои январи и июли, и вернуться в ту страну и в то удивительное лето.

…Итак, мне десять лет, я живу на Урале, и этим летом мама, устав от моих бесконечных ангин, привезла меня лечиться в детский санаторий.

Несмотря на то что санаторий оказался хорошим (чистый, звенящий воздух, вековые сосны и ели, рядом чудесное озеро Еловое), в первые дни по приезде я отчаянно скучала. С утра ходила на дурацкие процедуры, предписанные врачом, а потом сидела в нашем номере с книжкой в руках. Мне очень хотелось поскорее завести друзей и проводить время не в душном номере, а в лесу, на озере, с веселой компанией, однако познакомиться с кем-то из сверстников я здесь пока не успела.

На третий день, одурев от одиночества и скуки, я взяла ракетки для бадминтона, вышла на дальнюю санаторскую аллею и стала играть в бадминтон сама с собой, при этом вторая ракетка сиротливо лежала рядом на траве. Вскоре проходивший мимо мальчишка моего возраста предложил играть вместе. Ракетка пружинила, воланчик взмывал в небо — вверх-вниз, мы с моим новым знакомым о чем-то переговаривались, смеялись, и вдруг… Мальчишка, не рассчитав сил, так подкинул воланчик, что он в итоге оказался на дереве и завис на ветках, примерно на высоте второго этажа. Мой партнер по бадминтону подбежал к дереву, покрутил головой, пожал плечами и… быстренько смылся, предоставив мне самой разбираться с возникшей проблемой. Он-то убежал, а я осталась стоять с глупым видом — ведь ракетки с воланчиком я одолжила у маминых знакомых, и их надо было вернуть! Бездна моего отчаяния была беспредельной. К отчаянию примешивалась и обида на сбежавшего «героя» — как так, оставил женщину в трудной ситуации, а сам сбежал?! И вот — стою под деревом, не то чтобы рыдаю, но уже близко к этому…

И тут… появился ОН! Невысокий, худой, светлоголовый, вихрастый и очень серьезный. По виду — мой ровесник.

Незнакомец подошел ко мне и нарочито безразлично, сплюнув через плечо для важности, спросил: «Че случилось?»

Я ракеткой махнула вверх, указав на белеющий среди веток воланчик. Серьезный пацан кивнул и тут же полез на дерево. Забравшись наверх, он сбросил мне воланчик, спрыгнул вниз и ушел — не стоит благодарностей! А я еще долго смотрела ему вслед. Герой пришел из ниоткуда и ушел в никуда — скрылся за горизонтом (возможно, чтобы спасти кого-то еще!). В моих глазах он уже был д'Артаньяном (хотя мне всегда больше нравился благородный Атос), себя же я видела спасенной королевой, которой вернули ее подвески.

Мне хотелось продолжить знакомство со своим спасителем и отблагодарить его. В поисках незнакомца я исходила весь санаторий и к вечеру нашла героя. Я подошла к парню, назвала свое имя, мы познакомились. Выяснилось, что звать его Сашей и что сюда он приехал со своей бабушкой. Мою благодарность Саша воспринял со сдержанной иронией, пожал плечами: да ну делов-то, ерунда! И закрыл тему, предложив поиграть в «ножички».

Потом мы самозабвенно резались в «ножички», вонзая Сашин перочинный нож в землю и кромсая ее, а потом высекали из асфальта искры специальным камнем (этот камень в моем детстве считался волшебным и назывался камень-сверкач), после чего побежали на озеро — пускать блинчики по воде, затем придумали что-то еще. Мой новый знакомый с радостью отзывался на любое мое предложение и сам подавал удивительно толковые, дельные идеи. В тот день мы играли до чернильной темноты, пока нас не позвали спать. А наутро, не сговариваясь, встретились на том же месте и снова были вместе до звезд и родительских окриков. За один день наше знакомство выросло в настоящую, большую дружбу. В детстве так бывает.

И началась счастливая летняя вольница. Искусанные комарами, исцарапанные, со сбитыми коленками (куда-то мы все лезли, прыгали, расшибались в неугомонной жажде все разведать, объять), дни напролет мы проводили, так и просится сказать, на воле, исследовали окрестности, бегали в лес и на озеро. К тому времени мы с Сашей уже перезнакомились со всеми санаторскими ребятами и играли с ними в наши любимые дворовые игры: в войнушку, вышибалы, пятнашки, «глухой телефон», «горячую картошку» и в «три мушкетера».

…Невольно думаю, что советские дети, у которых был свой особенный мир — дворов и улиц, в определенном смысле счастливее современных детей. Мы — дети Советского Союза, проводили детство во дворах, предоставленные сами себе. Двор был нашей вселенной, здесь складывались дружбы, зарождались

первые влюбленности, разыгрывались шекспировские страсти (Андрюха бросил Наташку и теперь «ходит» с Катей из шестого «А», вот это даааааа, ну вообще! А Серега с Димкой подрались из-за Оксаны, а она пошла в кино с Мишкой!). Во дворах мы взрослели, набирались опыта, постигали жизнь с ее радостями и жестокостью, со всем прекрасным и ужасным, что в ней есть. Мне кажется, что современные дети со всеми их кружками, секциями и репетиторами, отгороженные от реального мира огромным компьютерным экраном, лишенные опыта дворовой школы жизни, обделены той радостью общения, что была у нас. Хотя, наверное, в заменивших дворы социальных сетях также складываются дружбы на век, кипят нешуточные страсти и кто-то говорит кому-то «главные слова»…

И возвращаясь в то лето…

Среди прочих мы любили игру, которая называлась «кондалы». Сейчас думаю: почему кон-да-лы? Вроде логичнее — кандалы? Но нет — у нас были именно кондалы, мы и орали так: «Кондалы закованы, кондалы, раскуйте нас!» Суть игры заключалась в следующем: игроки делились на две команды, выстраивались в ряд и брали друг друга за руки, затем игрок из одной команды бежал, стараясь разбить своим телом цепочку рук ребят из другой команды. Если у него получалось разомкнуть сцепленные руки противников, он забирал одного игрока в свою команду; если он не смог разорвать строй, он становился частью чужой команды.

Для игры в «кондалы» мы собирались целой бандой (десятка два детей разных возрастов) и шли на небольшое поле за санаторием. Мальчишек-девчонок набиралось примерно поровну. Подозреваю, что вообще весь смак этой странной игры в «кондалы» и заключался в том, что мальчишки играли вместе с девчонками; тут и зарождались первые симпатии и первые эротические переживания. И даже — первые признания в чувствах; понятно же, что, если мальчик уводит в качестве трофея из соседней команды все время одну и ту же девочку, это означает, что он в нее влюблен и имеет мужество признаться перед всеми. И девочка в этом случае волнуется, млеет и чувствует себя немножко принцессой.

Помню, что в самый первый раз, когда мы начали играть, нас с Сашей разделили. Я оказалась в одной команде, он — в другой. Мы стояли и смотрели друг на друга. Глаза у Саши были серые-серые, как небо перед грозой. А небо как раз сгущалось, и где-то за лесом собиралась гроза. Мне почему-то вдруг — на мгновение — стало трудно дышать, и я поняла, что между нами что-то произошло. Буквально сверкнуло. И что наша с Сашей дружба за

один миг превратилась в любовь. У детей, да и у взрослых, так бывает. Мне вообще кажется, что только так и бывает.

В следующую минуту Саша снарядом ворвался в нашу команду, разбил цепочку и, взяв меня за руку, увел за собой. Теперь мы стояли вместе, судорожно сцепив руки, готовые отражать натиск противников. Очень скоро наши с Сашей чувства стали очевидны для окружающих (подозреваю, что у детей звериный нюх на такие вещи), и мальчишки начали подначивать Сашу, поддразнивать его. Теперь пацаны из другой команды намеренно пытались разбить наши руки, и, когда им это удавалось, уводили меня. Тогда Саша морщился и бежал меня отвоевывать. Разбив «кондалы», он забирал меня в свою команду. Возвращал нас — друг другу. Иногда в игре выходило так, что мне выпадало разбивать «кондалы», и я всегда бежала туда, где стоял Саша. Для меня что-то невыразимо эротичное было в том, чтобы со всего маху удариться о его руки всем телом.

В тот день, после игры в «кондалы», Саша подарил мне букетик ромашек. Белые, с кружком солнца внутри (мои первые), самые лучшие на свете цветы. Помню, что уселась на поваленную березу и принялась старательно обрывать лепестки на одной из ромашек, гадая: любит — не любит, любит — не любит… Общипать до конца не успела, потому что рядом раздалось Сашино басовитое: «Хватит ерундой заниматься, идем на озеро!» Любит! И так ясно. «На озеро? Идем!»

Поздно вечером, вернувшись в номер, где мы жили с мамой, я вложила один цветок между страницами (вот так — на вечную память!) в свою тетрадь со всякой девчачьей дребеденью. Тогда у всех девчонок были такие тетрадки, куда записывали какие-нибудь жуткие стихи и не менее жуткие — про вдребезги любовь — песни. Тексты, надо сказать, были те еще! «Вдали бушуют камыши, судили парня молодого, он был красив и молчалив, но в жизни сделал много злого…» Или, скажем, песня про моряков-моряков: «В нашу гавань заходили корабли-корабли. Большие корабли из океана. В тавернах веселились моряки-моряки и пили за здоровье атамана!» Я частенько с надрывом пела про этих самых моряков-моряков (не просто каких-нибудь обычных моряков, а именно так — моряков-о-моряков!). Или был еще такой шедевр: «В одном городе жила парочка, у шахтера — жена-счетовод, и была у них дочка Аллочка, и пошел ей тринадцатый год…» А далее по тексту разворачивалась такая трагедия, что я прямо рыдала над судьбой бедной Аллочки, мне было ее навзрыд жалко.

Даже сейчас, спустя годы, покраснеешь, вспомнив эту невообразимую мешанину из пошловатой лирики, городского

фольклора и блатных песен, которой были заполнены наши тетради! А тогда мы воспринимали эти незатейливые стихи и песни всерьез — заучивали их наизусть, обливались над ними слезами, испытывая в финале — как и положено — мощный катарсис!

В ту ночь, переживая свою нечаянную, обрушившуюся на меня, как неотвратимое стихийное явление, первую любовь, я спряталась с фонариком под одеялом и долго листала заветную тетрадку. Я замирала над стихами про «вдребезги любовь» и испытывала небывалое доселе волнение, восторг и трепет нового, очень важного чувства.

Наутро, проснувшись, я сразу подумала о Саше и почувствовала горячую, бешеную радость. Радость была в этом солнечном утре, в стоящем в стакане на столе букете ромашек, в корзинке с черникой, которую мы собирали прямо за санаторием, в чирикавшем на подоконнике дурашливом воробье… Мир сочился радостью, я вся была заполнена радостью — еще немного, и она начала бы переливаться через края… Натянув красный сарафан, я понеслась на встречу с Сашей.

…И все у нас было хорошо. Очень хорошо. Я просто физически ощущала огромное — до неба — счастье. Вот только нам с Сашей изрядно досаждала его бабушка — старенькая, сухонькая, седая. Она имела свойство появляться в самый неподходящий момент и кричать Саше, чтобы он не бегал — не прыгал, а ходил спокойно или вообще сидел на лавочке. Я недоумевала: чего это она, с какой стати Саша должен сидеть на лавочке?! Саша, завидев ее, всякий раз ужасно злился и старался от нее спрятаться.

Ни о себе, ни о своей жизни Саша никогда ничего не рассказывал. Пару раз я пыталась его расспросить о родителях, в какой школе он учится, чем увлекается, но, поняв, что на эти темы он говорить категорически не хочет, перестала спрашивать.

А потом я узнала правду.

* * *

Это получилось как-то случайно. Я ждала Сашу возле столовой, он вот-вот должен был выйти. Мимо по аллее прошла его бабушка. Когда она зашла в лечебный корпус, я услышала, как одна из отдыхавших неподалеку на скамейке медсестер сказала своей собеседнице: «Вот ведь бедная… Привезла сюда внука. А внук — не жилец. У пацана тяжелое заболевание сердца. С таким долго не живут. У него и мать умерла от сердца…»

Застыв от какой-то странной, разрывающей боли, я слушала дальше.

Оказывается, Сашу воспитывает бабушка, потому что его мама умерла от сердечной болезни. Собственно, кроме бабушки, у Саши никого нет. Сюда его привезли «лечить сердце». «Хотя, что там лечить, — вздохнула медсестра, — когда двойной порок…» Потом она сказала, что Саше нельзя бегать, прыгать, играть в футбол, кататься на велосипеде, купаться в озере — ему противопоказаны любые физические нагрузки. Мгновенно вспомнив наши игры в «кондалы», то, как он лез на дерево за моим воланчиком, и наши сумасшедшие гонки на велике, я похолодела от ужаса: значит, все это ему — нельзя?!

Все же у меня оставалась какая-то надежда: может, эта тетка что-то… перепутала? Да, перепутала его с кем-то другим! В тот же день я спросила у Саши: «У тебя… больное сердце?»

И сразу, по какой-то мелькнувшей в его серых глазах злости (откуда знаешь?!), поняла, что все — правда.

Позже ту же историю о Саше кто-то рассказал нашей соседке по номеру. Да, Саша серьезно болен, бабушка растит его одна, что будет дальше — никто не знает, врачи не дают никаких гарантий…

— Да к черту все! — беспечно сказал мне Саша в тот миг. — Давай… в кондалы?

Я замялась — но как же…

— Все нормально, — хмыкнул Саша и за руку потащил меня на поле, где уже собралась вся санаторская банда.

Я понимала: он не хотел, чтобы его жалели. Сама мысль о том, что его могут жалеть, была для него невыносима.

Кондалы закованы, кондалы раскованы! Он снова упрямо бежал за мной, изо всех сил стараясь расцепить чужие руки. Только теперь я не могла не думать о том, что все это причиняет Саше физическую боль, о которой можно было догадаться по его чуть сведенным скулам, закусанной губе, побледневшему лицу. Зная о том, что он преодолевает боль вновь и вновь, ради меня, я воспринимала его жертвенность как подвиг любви. Как рыцарство. В Сашиной готовности презирать свою болезнь и боль было столько отваги и мужества, что только за эти качества его можно было полюбить навсегда. Когда он разбивал «кондалы» и брал меня за руку (о, этот гордый взгляд победителя!), я шла за ним молча и покорно, как женщина за своим мужчиной, и это было прекрасно; так в десять лет я между делом поняла, что феминизм, уж увольте, не для меня. После игры, оглядывая друг друга, смеялись — у нас обоих руки были в синяках. У меня синяки были еще и на груди — ибо я разбивала своей пока

несформировавшейся девчачьей грудью «кондалы» крепких мальчишеских рук со всем отчаянием. А любовь требует жертв — да, это мы понимали уже в свои десять.

Что касается Сашиной болезни… Мне кажется, тогда я не думала о том, что он может умереть. Наверное, в ту пору я понимала смерть как что-то отвлеченное, как нечто, что не может случиться со мной или с теми, кого я люблю. Смерть была призрачной, эфемерной. Вот смерть мы в десять лет еще не понимали. Хотя не буду говорить за Сашу…

Помню, однажды в нашей санаторской детской компании кто-то стал рассказывать о своей мечте; завелась беседа о том, кто кем хочет быть, когда вырастет. Красивая девочка Оля с огромным бантом на макушке манерно поведала нам и мирозданию о том, что станет актрисой; рыжий Юра признался, что мечтает стать милиционером, как Глеб Жеглов; я сказала, что моя мечта — стать писателем и дописать два недавно начатых мною романа (фантастический и про пиратов); а когда очередь дошла до Саши, он ничего не сказал.

— У тебя что, нет мечты? — хихикнула раскрасавица и будущая актриса Оля.

Саша промолчал, только мускулы на лице как-то напряглись.

— Совсем нет мечты? — не унималась Оля.

Мне захотелось задушить Олю ее бантом и оградить Сашу от бестактных вопросов. Я понимала, что у Саши есть мечта, только он о ней не хочет никому говорить; мечта — победить свою болезнь, выжить. Но кроме нас с ним этого никто не мог понять, и потому мы просто взяли и ушли из этой компании. Вдвоем. Два одиночества — это уже целый союз.

Сидели на берегу озера. День был ветреный, ветер гнал волны. Саша насупился, молчал. Чтобы его как-то развеселить, я спела ему дурацкую песню про моряков-моряков, пересказала ему содержание своего ужасного романа про пиратов, а затем еще и фантастического. Саша внимательно слушал, время от времени одобрительно кивал. По завершении моего сольного выступления он сказал единственное, но очень важное для меня слово: «Нормально!» Я приободрилась, потому что он произнес это слово с интонацией, не оставляющей сомнений в том, что мои романы и песни — весьма приличного качества. Да. «Нормально» из Сашиных уст означало: отлично! талантливо! бесподобно! Саше больше и не надо было ничего говорить — не в словах дело, — потому что в его серых глазах (цвета неба перед грозой или озера в такой вот ветреный день) было и восхищение, и одобрение всех моих прошлых и будущих действий.

Саша вообще по природе своей был молчаливым, и, оставаясь

наедине, мы зачастую просто молчали. Ходили вместе по берегу озера или по лесу и молчали. Нам было хорошо вместе даже молчать. Мы научились понимать друг друга без слов. Помню, что, завидев Сашину бабушку, которая везде нас искала (бедная, бедная бабушка! сейчас я понимаю, как она страдала от невозможности что-то изменить и помочь Саше), мы молча переглядывались и бежали прятаться.

Но однажды, незадолго до прощания, мне все же захотелось сказать ему какие-то важные, главные слова. Тогда, глядя на Сашу, я вдруг почувствовала, как меня переполняет что-то большое, прекрасное, настоящее, и мне захотелось выразить это чувство, облечь его в правильные слова. Но в десять лет я таких слов не знала, а потому растерялась и брякнула бессвязное: «Саша… навсегда!»

Впрочем, мне кажется, что Саша в тот миг понял все, что я хотела сказать. Он кивнул и сильно сжал мою руку.

«Навсегда!»

* * *

А потом все закончилось. Мы с мамой уехали из санатория, или Саша уехал — не помню уже, да это и не важно. Суть в том, что мы с ним потерялись, разминулись. Потом я думала, что надо было взять у него домашний адрес, можно ведь было писать друг другу, как-то поддерживать связь; можно, но… нельзя, потому что в десять лет ты таких вещей не понимаешь.

И лето как-то быстро закончилось, на горизонте уже заплакала дождями осень, и замаячила ненавистная школа. В ту осень мне было грустно и плохо, без Саши ничто не имело смысла. С тоски я даже уничтожила оба своих незаконченных романа — и про пиратов, и фантастический… Опыт первых потерь и первых разочарований — всегда тяжелый, болезненный, на разрыв; зато через боль и страдание мы быстро взрослеем. Я стремительно взрослела, перерастала свои детские тетрадки с глупыми стишками и песенками про моряков-моряков (теперь мне нравились другие стихи и другие песни — я переписывала в тетрадь стихи Есенина и слушала песни Высоцкого) и стыдилась прежних увлечений…

И только за тебя, Саша, мне никогда не было стыдно. Вырастая из себя прежней, меняя взгляды, вкусы, размеры одежды, я оставалась верной своей первой любви. Нашу с тобой историю, Саша, я не переросла и по сей день, и считаю встречу с тобой одним из самых лучших и ярких событий своей жизни.

…Лет через пять после того лета, уже будучи пятнадцатилетним подростком, я стала думать о том, как можно было бы тебя найти, и пришла к выводу, что единственный вариант — поехать в тот санаторий на озеро Еловое и упросить его сотрудников поднять архивы с данными об отдыхающих в таком-то году… На миг у меня зародилась надежда: а вдруг получится?! Но тут же погасла — да ну, ерунда, там меня никто и слушать не станет или сразу спросят, зачем мне нужна эта информация?! И что — я им буду рассказывать про свою первую любовь?! Да и были ли архивы в этом санатории в восемьдесят каком-то махровом году?

Нет, Саша, мы были обречены на разлуку.

…После нашей разлуки у меня впереди была целая жизнь со своими горестями, радостями, победами, поражениями, другими встречами и другими расставаниями… Я — любила, и любили меня… Как пишут в романах: шли годы…

Прошло мое детство, прошла юность, теперь уже можно сказать, что и молодость прошла; и сейчас, в пору зрелости, я понимаю, что от первой любви в жизни вообще многое зависит. Думаю, что в определенном смысле первая любовь определяет нашу последующую жизнь. Я благодарна судьбе за то, что у меня была именно такая первая любовь… И благодарна тебе, Саша, за то, что ты стал моей первой любовью (а я — хочется верить — твоей?!), а еще я благодарна тебе за то, что ты показал мне, каким должен быть мужчина и как он должен относиться к женщине. Позже я буду искать твою силу, присущее тебе мужество, чувство достоинства, твое пренебрежение к слабости и твое геройство в других мужчинах, и однажды найду, в одном, — но это совсем другая история…

Саша, я могла не вспоминать о тебе годами, а потом вдруг, через десять, двадцать лет, однажды вспомнить тебя — обычно это случалось ночью, во сне — и, почувствовав пронзительную нежность, вздохнуть: где ты сейчас? Ведь я так ничего о тебе и не знаю, Саша… Может быть, лето, когда мы с тобой встретились, было последним в твоей жизни, и, умирая, ты вспоминал меня, а может, ты выздоровел, вырос, где-то живешь, и, если тебя кто-то спросит о твоей первой любви, ты вспомнишь не меня, а кого-то другого…

А знаешь, Саша, моя детская мечта сбылась: я выросла и стала писать книги (возможно, для того, чтобы однажды написать этот рассказ о тебе), и мне яростно хочется верить в то, что и твоя мечта, Саша, исполнилась, и ты свою болезнь победил. Как бы там ни было, но и теперь, спустя тридцать с лишним лет, я

говорю тебе те же бессвязные, но искренние — из самого сердца — слова: «Саша… навсегда!»

* * *

Я смотрю на свою детскую фотографию. За окном серенькое зимнее утро. Идет снег. С выцветшего от времени снимка мне улыбается девчонка в красном сарафане.

Да, той страны, в которой был сделан этот снимок, больше нет… Я имею в виду даже не СССР — эту затонувшую Атлантиду, а ту страну, что зовется Детством, куда, как поется в песне, нельзя купить билет. Но странное дело, Саша, мне совсем не трудно, перескочив через свои январи и июли, оказаться в том звенящем, изумрудном лете, которое для меня никогда не заканчивалось. Там где-то, на берегу уральского озера, среди вековых сосен и елей, навсегда остались и бродят, взявшись за руки, две наши счастливые тени. И нет ни пространства, ни времени, а только лето, детство и огромное — до неба — счастье.

«Кондалы закованы, кондалы раскованы!»

Через годы, Саша, я слышу твой голос, вижу, как ты бежишь ко мне навстречу, и свет того лета освещает всю мою жизнь.

Влада Юрьева

Влада убеждена, что для хорошей книги нужны интересные герои и необычное место действия — поэтому никогда не отказывается от путешествий и странных компаний. В вечной борьбе осторожности и любопытства она часто подыгрывает любопытству, ведь каждый риск может стать ярким впечатлением, отраженным в книге. Преданная поклонница фантастики, которая подводит детектив к грани возможного, но всегда останавливается у черты, потому что настоящая магия не в сказках, а вокруг нас.

Шоу должно продолжаться

Когда речь заходит о любви, я — белорусский партизан, хамелеон в амазонских джунглях и монах, давший обет молчания. Мне можно смело доверять государственные тайны, и если они нужны объекту моего обожания, он их точно не узнает. Джеймс Бонд спешит записаться ко мне на мастер-класс «Как сделать вид, что ты не при делах». Не самая приятная черта, надо сказать, которую с годами мне удалось немного обуздать.

Но когда тебе шестнадцать лет, жизненного опыта в теории больше, чем на практике (спасибо, книги!), в крови бурлят незнакомые пока гормоны, а вокруг еще и весна, о чудесах самоконтроля можно только мечтать. Именно так мне и довелось понять, что такое первая любовь.

Тот самый Он был из тех, кто легко привлекает к себе внимание, и не только внешностью (хотя и с этим все было неплохо — гламурные журналы подсказали, что зовется такое «мой типаж»). Но дело даже не в неземной красоте, до которой все-таки не дошло, дело в личности. Мистики называют это особой энергетикой. Суровые прагматики, как всегда, выкрутились и придумали слово «харизма», которая легко затмевала собой мелкие недостатки.

В этот раз мне оказалась ближе позиция мистиков. До энерговампирчика я не дотягивала — я, скорее, была энергосветлячком. Моя Большая Любовь сияла ярко, и самой хотелось подлететь поближе к этому свету.

Оставалось только придумать, как. Подбежать и воспеть оду своим чувствам — не вариант, мы существовали в мире средней школы, а не индийского сериала. Пленить красотой? Увы, козырь тоже был явно не мой. До понимания того, что такое красота, мне оставалось еще лет десять развития, проб и ошибок. Тогда я больше была похожа на угрюмого бурундука: пухленькая, вечно задумчивая, в балахонистых нарядах и с плохо подстриженными волосами. Я еще и косметикой боялась пользоваться, потому что она мгновенно превращала меня в клоуна, который пытается затесаться в цыганский табор. Не предел мечтаний шестнадцатилетнего парня, прямо скажем.

Поэтому я с головой прыгнула в омут, который погубил не одну юную мечтательницу: решила пленить его умом и богатством внутреннего мира. Конечно, вокруг хватало юных белокурых принцесс в мини, но уж мой-то интеллект наверняка затмил бы их! Благо и случай представился: приближалось шоу талантов старшеклассников, и отдельным группам нужно было

придумать творческие номера. Дабы урезать школьный полет фантазии, задание даже упростили — нам полагалось представить на сцене клип на известную песню.

Использовав энтузиазм школьной отличницы и взгляд грустного олененка, я получила роль режиссера этого действа. У моего Прекрасного Возлюбленного просто не было выбора — он оказался загнан в группу в принудительном порядке. Мой внутренний черный властелин торжествовал: уж теперь-то, когда мы столько времени проводим вместе, этот бастион обязательно падет! Муа-ха-ха, и все такое.

Естественно, я собиралась проявить себя особой тонкой и романтичной, поэтому для постановки выбрала медленную балладу. По моему замыслу (а потом и сценарию), артистам полагалось плеснуть на доброго зрителя рассуждения о смысле жизни, вечной любви, а заодно и бренности бытия. То есть взять темы, в которых подростки, по их собственному мнению, разбираются лучше всего. Эти взрослые скучны и обеспокоены только тарифами на коммуналку и скидками на гречку. А уж мы-то знаем толк в истинных чувствах!

Большой Любви, конечно же, досталась роль главного мужского персонажа, у которого в этом сюжете была бурная личная жизнь. И хоть в любви он объяснялся не со мной (хмурый бурундук на сцене предсказуемо не нужен), я была уверена, что он поймет намек. До осознания того, что мужчины не понимают намеков, оставалось даже больше лет, чем до понимания собственной красоты.

И вот сценарий был написан, роли — розданы и разучены, пришло время первой большой репетиции, и… я поняла, что это провал. И не просто провал, а Провал с большой буквы — с обшарпанной сцены актового зала до самого ядра Земли.

На сцене все смотрелось не так, как в моем сознании, под влиянием любви заполненном сердечками, котиками и радугами. Светлая грусть в исполнении юных актеров остро напоминала недосып. Благородная отстраненность превратилась в маниакальную депрессию. Возвышенные образы главных героев жили только на страницах сценария. По сцене бродили обычные недовольные подростки, при взгляде на которых ни у кого не было бы просветления, а среди зрителей не зевали бы только родственники «звезд» — из солидарности. Они даже сняли бы этот позор на первые по тем временам видеокамеры, чтобы потом спрятать на антресоли и никогда никому не показывать.

— Ребята, надо переделывать, — мрачно заявила я.

Да, коней нужно было менять на переправе. Кони выступили резко против.

— Ты с ума сошла! В смысле — переделывать? — удивился Безликий Персонаж номер пять.

— Все, — признала я. — С нуля.

— Вообще что-то другое делать?! — возмутился Прекрасный Возлюбленный. Ему досталась роль Безликого Персонажа № 1 в свете моего безмерного обожания. В остальном же почетный № 1 не выделялся в толпе молодых людей, на которых бабушки у подъезда указывают карающим перстом и уверенно кричат: «Наркоманы!»

В этот момент мне хотелось провалиться под землю, к тому самому ядру. Я ведь все это затеяла, чтобы окружить себя ореолом таинственности и таланта. А что в итоге? Я подкинула всем работы, потратила зря столько времени, провалила наши шансы на успех — потому что другие группы давно репетируют.

Как же мне хотелось в этот момент поступить как истинному бурундуку! Поддаться, юркнуть в нору и сказать: «Все нормально, ребята, делаем как делали, вы молодцы!» Но я так не могла. Да, я получила бы пару дней романтического триумфа и приятного общения. Однако грандиозный позор на показе номера перекрыл бы это с лихвой — а в памяти остался бы только он.

Пришлось проявить твердость, которую в свете моей репутации приняли за занудство, и объявить:

— Вообще что-то другое, да!

Ночь была бессонной, но не от романтических грез. Я искала выход и переписывала сценарий. Третьей попытки у меня уже не будет, чудо вообще, что мою диктатуру не свергли после этого провала! Меня спасла не всеобщая симпатия, а то, что больше никому не хотелось тянуть этот воз.

Решение оказалось простым, как все гениальное: смех! Родители, которые собираются на концерт своих любимых чад, прямо скажем, не готовы к катарсису и переосмыслению жизни. У нас есть три — четыре минуты, чтобы пробиться через скуку. Что может справиться с этим лучше, чем смех? Это универсальный инструмент, который работает всегда.

Поэтому место грустной баллады об ушедшей юности и потерянной любви заняла бодрая история о том, как ушлая мамаша пытается подобрать мужа своим красивым дочерям, выросшим в глуши, где поток принцев на белых конях затруднен. Но вот к ним приезжает наивный турист, и задача родительницы — принести этого червячка в клювике своим птенцам брачного возраста.

С подбором красавиц-невест проблемы не возникло, благо в нашей группе был только один бурундук, и он уже стал режиссером, остальные — модели, не меньше. Жених тоже

отыскался быстро в лице симпатичного, а главное — эмоционального, как трехмесячный щенок корги, одноклассника.

Но центром программы была, безусловно, матримониально озабоченная мамаша. Эту роль точно нельзя было отдать девушке. Нам нужен был не просто парень, а максимально мужественный мачо, чтобы за версту было видно, какая генерал-маман тут всем заправляет. Высокий, плечистый и достаточно талантливый, чтобы сыграть эту роль, а не просто побегать в женском платье, как Керенский из Зимнего в народной байке.

И вот тут судьба не оставила мне выбора. Самым высоким и видным из актеров моей группы по совместительству оказался и тот, на кого я бросала романтичные взгляды. Предсказуемая логика девочки-подростка: красота — не главное, но я вздыхаю по самому симпатичному.

Так я оказалась перед дилеммой. Символом моих светлых чувств должна была стать роль романтического героя, а не перевоплощение в трансвестита средних лет. С другой стороны, сквозь завесу обожания я вполне объективно понимала, что он справится с этим как никто другой — харизма же, будь она неладна!

Успех моей кампании по укрощению строптивого был маловероятен, как внезапное увлечение городских гопников балетом. А вот наш номер постепенно превращался в лошадку, на которую я поставила бы деньги.

Решение было принято. Шоу должно продолжаться.

— Послушай, не пойми меня неправильно, но я вижу в тебе мать…

— Чего?!

О да, я умею подобрать нужные слова.

Уже чуть позже, окончив школу, а за ней и вуз, я стала потенциальным дипломатом на профессиональном уровне. Тогда же мне пришлось идти по минному полю интуитивно и доказывать разъяренному мачо, что: 1) юбка с платком никак не повлияют на его дамский фанклуб и не снизят уровень тестостерона в крови; 2) это не делает его трансвеститом; 3) своей жертвой он спасает целую группу от провала на сцене. В процессе переговоров сердце мое было драматично разбито раз пятьсот, но подростковое сердце — оно такое, разбивается от каждого чиха, а потом неплохо восстанавливается, если надежда еще есть.

Бой был выдержан с честью, центрального актера я получила. Более того, когда мы перешли с возвышенных тем и многозначительных мин на простое карнавальное веселье, дело пошло значительно быстрее. Жить бы да радоваться, но нет.

Два ведущих актера, Большая Любовь и не менее важный для постановки жених, умудрились поссориться где-то в бескрайних степях школьного мира. Уж не знаю, из-за какой кильки началась драка этих уличных котов, но прощать друг друга так просто они не собирались. Чуть позже ссора благополучно завершилась, и все остались друзьями. Увы, в момент репетиций приходилось иметь дело с поджатыми губами, гневными взглядами и периодическими попытками вызвать друг друга на дуэль.

Кульминацией стал момент, когда Прекрасный Возлюбленный, по сценарию уносивший жениха со сцены на плече, завел премерзкую привычку бросать его за кулисами на пол со всей дури. Я даже не скажу «со всей силы», потому что дурь стала примой в этом действе. Жених тоже не слишком радовался тому, что оказался в позиции сушеной воблы, оббиваемой об стол. Два альфа-самца порыкивали друг на друга все чаще. В воздухе запахло порохом, и где-то уже слышалось шипение подожженного бикфордова шнура.

Пришлось вмешаться режиссеру, призванному обеспечить сохранность реквизита и человеческих ресурсов. Режиссер был насуплен, суров и беспощаден. Влюбленный подросток — погружен в одно из любимых развлечений влюбленных подростков: страдание и самобичевание.

— Тебе нельзя делать из него отбивную сейчас. Подожди до премьеры номера.

— Сам нарвался, — безапелляционно заявил Предел Моих Мечтаний.

— Допускаю. Людовика Пятнадцатого помнишь?

— Кого?..

— Которому «после нас хоть потоп» одна приятная женщина сказала. Так вот, если тебе так уж хочется утопить этого котенка, сделай это после того, как мы сценку отыграем. Он для меня сейчас так же важен, как ты. В этой постановке.

Правда, за пределами постановки список пожеланий в твой адрес побольше будет, но сейчас это не суть важно.

— Злая ты, — пригвоздил несостоявшийся принц.

— Какая есть.

Мой план по привлечению внимания рушился на глазах. То самое близкое общение становилось не кокетливым хихиканьем, а лекцией о том, что убивать людей вообще-то плохо. Я, мечтавшая доказать, что я вовсе не зануда, а очень даже ничего, превращалась в унылую матрону. Но иначе было нельзя: я уже нутром чуяла, что мы вышли на что-то верное, стоящее, и нельзя это упускать.

К сожалению, борьба перфекциониста и романтика во мне

разнесла в пух и прах поле боя — то есть мою бренную тушку. После всех бессонных ночей над сценарием, напряженных переговоров и волнения я умудрилась заболеть прямо в день концерта. В жизни со мной такого не было: лихорадка отказывалась спадать, на моем раскаленном лбу можно было смело жарить яичницу, кожа стала даже не аристократично бледной, а болотно-лягушачьего оттенка. Хит сезона, как сказали бы модные обозреватели.

Мне бы проявить здравый смысл и остаться дома. Но нет, шоу же, как уже говорилось, должно продолжаться. А я — большая девочка, самое время войти в загадочный взрослый мир и повторить ошибку всех офисных сотрудников: вместо того чтобы нормально лечиться, отправиться на работу. Поэтому завтраком мне послужили все таблетки, что нашлись в доме, и я поползла, как в том анекдоте, — но не в сторону кладбища, а к предстоящей арене гладиаторских боев.

В моем воспаленном сознании бушевали десятки вопросов. Все ли явятся на показ или кто-то из девочек, то и дело менявших настроение, решит сделать финт ушами? Не взбрыкнет ли Прекрасный Возлюбленный перед необходимостью надеть женское платье в публичном месте? Не поубивают ли они с женихом друг друга прямо на сцене? Если поубивают, посадят их или меня?

Но волновалась я напрасно. Общая атмосфера праздника подкинула дров в тот костер, который я разжигала все эти дни. Шарики-гирлянды повсюду, сцена не такая уж обшарпанная, а вполне сносные театральные подмостки, родители горделиво достали редкие видеокамеры, а нам есть, что им показать.

Да и Большая Любовь моих шестнадцати лет влился в образ превосходно. Для него откуда-то приволокли тряпки, от буйства красок которых рыдал бы в истерике любой стилист. На него повесили столько бус, что новогодняя елка осыпалась бы от зависти. Его раскрасили в какой-то немыслимый боевой камуфляж, и он здорово смахивал на луизианскую бордель-маман. Но главное, при всех этих радиоактивных составляющих, даже из окна соседнего здания можно было разглядеть, что это парень, а не очень решительная женщина.

Перед нами выступала другая группа… с медленной философской балладой. Правда, на этот раз они пытались рассказать миру не об утерянном смысле жизни, а о внутреннем разочаровании войны. Наверно. Они перемазались белой краской, нацепили боевые шлемы, зачем-то закутались в простыни с подозрительными алыми пятнами. Мучнистые зомби в касках — о да, это тема для школьного концерта.

На моих глазах разворачивалось то, чего нам чудом удалось избежать. Монотонная песня длилась целую вечность, убаюкивая зрительный зал. Подростки с суровыми и печальными лицами наматывали круги вокруг лавочки, установленной на сцене. Под властью высокой температуры я не могла найти в их выступлении символизм, хотя он наверняка был.

И вот после этого горестного уныния на сцену хлынула наша группа. Зал, прикорнувший под мелодию скорби, оживился. На видеокамерах загорелись красные огоньки, стыдливо потухшие на середине предыдущего номера. Остро чувствовалась нехватка попкорна на этом концерте.

У моей лихорадки был только один плюс: она безжалостно прошлась огнетушителем по моим разбушевавшимся в первой любви гормонам, заставив взглянуть на происходящее совсем другими глазами. И знаете что? Это было хорошо. Смех, как я уже сказала, работает всегда, он мгновенно объединяет и не требует большого жизненного опыта. В конце концов, даже младенцы умеют беззубо улыбаться маме, это нам на уровне инстинктов понятно.

Теперь зал хохотал и этим подпитывал актеров, которым и самим уже было в кайф то, что они делают. А сохрани мы идею с глубокомысленной балладой — выступали бы под дружный храп. Но пуля прошла мимо, не задев нас. В этот момент я видела Единственного и Неповторимого не как портрет в рамочке-сердечке, а просто как талантливого парня. Так что не в гормонах на самом-то деле подвох, есть нечто большее, что привлекает в любом возрасте.

Мы не только отыграли сценку с успехом, мы еще и победили — все это школьное действо возвели в ранг конкурса. Результатом нашего хаотичного шоу о проблемах семейных отношений в малых населенных пунктах стал пестрый диплом, заполненный учительским почерком — и в учительскую же комнату перекочевавший.

Нам он был не особо и нужен. Тут главным стало чувство того, что мы все сделали по максимуму.

По сюжету голливудского фильма, после такого фурора должен был наступить предсказуемый хеппи-энд. Мы встречаемся на праздновании успеха. Я уже не пухлый грызун, а преобразившаяся дева в белом платье, да еще и с безупречным макияжем. Я красиво спускаюсь с лестницы, окруженная золотым сиянием. Наши взгляды встречаются. Он теряет дар речи, понимая, что не нужна ему, здоровому шестнадцатилетнему парню, толпа фанаток, а нужна только я. С неба падают лепестки сакуры. Где-то в уголке, смахивая слезы умиления, поет Брайан

Адамс.

Но голливудского момента у меня не было. Я не только не преобразилась, из-за болезни я теперь напоминала бурундука, зараженного чумкой. Меня шатало от усталости, я чувствовала себя настолько опустошенной, что даже если бы принц, отмывшийся от губной помады, признался мне в любви и позвал в дальние дали, в ответ он получил бы лишь «Ага, о'кей, давай завтра». Так что на празднование успешного шоу, в которое неожиданно превратился мой план по реконструкции личной жизни, я даже не попала.

Внезапно вспыхнувшая лихорадка не отпускала две недели. То есть, обнимаясь с плюшевым мишкой и порой поливая подушку слезами, я пропустила тот срок, когда обсуждение концерта еще было актуально. Когда я вернулась на поле боя, это была новость вчерашнего дня, ненужная и неинтересная. Подростки быстро переключаются с одного события на другое.

Что любопытно, причину болезни так и не установили. Будь я чуть поэтичней, я, надев берет с перьями для театрального эффекта, заявила бы, что это перегорала во мне та самая первая любовь. Но я, как мы уже выяснили, больше мистик, пусть и без фанатизма. Последующие годы показали, что так себя в моем случае проявляет эмоциональное выгорание.

После всего, через что я прошла, обидно было просто забыть. Поэтому, пользуясь моментом, я сама напомнила Большой Любви о фееричной истории с переодеванием. Он благосклонно кивнул:

— Да, хорошо получилось. Ты молодец.

Еще б по плечу похлопал, и был бы полный комплект «боевой подруги, товарища солдата». Облом. А ведь такая история могла бы получиться… То ли со мной что-то не так, то ли Голливуд нам чуток подвирает о приоритетах шестнадцатилетних подростков.

Сдаваться так просто я не собиралась, это противоречило каждой клеточке моей огненной от природы натуры. Но судьба решила иначе: она взяла меня, как шкодливого котенка, за шкирку и окунула в холодную воду. Прекрасного Возлюбленного перевели в другую школу, он полностью исчез с радара, и мое обожание, лишенное подпитки, постепенно начало затухать. Вера в «о Боже, это моя судьба!!!» превратилась в знание того, что такое первая влюбленность. Несостоявшегося принца я в следующий раз встретила только спустя много лет, уже незнакомым мне человеком, но это, как положено говорить загадочным шепотом, совсем другая история.

Первая любовь есть почти у каждого из нас. Для кого-то она оборачивается счастьем всей жизни. Кто-то ставит ее на алтарь и служит ей долгие годы, выискивая в толпе тех, кто хотя бы

отдаленно похож на потерянный идеал.

Моя первая любовь напоминает коробку со старыми черно-белыми фотографиями. Она хранится в том уголке памяти, где всегда тепло, а возле уютно потрескивающего в камине огня стоит плетеное кресло. Когда жизнь в очередной раз наступит на хвост, всегда можно убежать в этот уголок, под мягким пледом открыть коробку и пересмотреть фотографии. Просто пересмотреть, без надежды, что их сюжет снова оживет, что его можно переиграть или переделать. Искусство первой любви — в том, чтобы ее отпустить без горечи и обиды, но не потерять. Потому что те чувства, какими бы наивными и подростково неуклюжими они ни были, все равно остаются искренними и настоящими — навсегда.

Николай Куценко

Николай Куценко окончил МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат физико-математических наук. Более десяти лет работает на руководящих позициях в отделах продаж западных корпораций в нефтегазовом секторе. Книги Николая Куценко насыщены глубоким драматизмом и психологизмом, где судьбы героев раскрываются в особые, переломные периоды их жизни.

Юля

Сейчас я думаю о ней редко. Пытаюсь вспомнить, как она выглядела, и в памяти всплывает нечеткий образ. Он всегда разный. Это потому, что и она всегда была разной. Но я все еще ее чувствую. Это сложно объяснить, но когда я вспоминаю ее имя, то ощущаю ее рядом с собой. И мне совсем не важно, как она выглядит. Это чувство появилось в день нашей первой встречи, на школьном звонке. Тогда мама подвела меня к ней и сказала:

— Коля, это Юля. Вы будете сегодня на звонке вместе. — Мама щелкнула меня по носу, а потом добавила: — И, по-моему, вы — самая красивая пара.

Юля робко протянула мне свою маленькую влажную ладонь.

— Меня зовут Юля, — сказала она и обернулась назад, пытаясь взглядом найти своих родителей.

— Не бойся, мама сейчас подойдет, она говорит с вашей учительницей, — успокоила ее моя мама.

— А я и не боюсь. — Юля выпрямилась, словно пионер на линейке, и я разглядел маленькую родинку на ее тонкой шее.

— Вот и славно. Держитесь друг за друга крепче. Сейчас вас поведут по аллее. А ты, как мужчина, должен ее защищать! — сказала мама и поправила мне портфель.

— Я готов… — с трудом выдавил я и внимательно посмотрел на Юлю.

С первого взгляда можно было сказать одно — она самая красивая девочка в классе. Спустя столько лет я бы не взялся ее описывать. Помню лишь ее немного пухловатые щечки и длинные волосы, сплетенные в косу. Она была выше остальных и казалась старше своего возраста. Должно быть, она быстро повзрослела. Рядом с ней я ощущал себя маленьким мальчиком, которому безумно повезло вести за руку такую красавицу. И то, наверно, потому, что наши матери работали вместе.

Мы прошли вокруг аллеи, почти не разговаривая друг с другом. Потом нас провели в класс, где мы сели за одну парту. Начался наш первый в жизни урок. Юля внимательно слушала учителя и что-то записывала в свою тетрадь. Я же смотрел на нее, будучи не в состоянии отвести глаз. В какой-то момент она вдруг повернулась ко мне и сказала:

— Ну не смотри на меня так, неудобно же… — после чего вся покраснела.

— Не буду, — я закрыл глаза и почувствовал, как колотится мое маленькое сердце.

Мы сидели вместе на всех уроках. Она давала мне списывать,

а я в ответ писал любовные записки и запихивал их в карман ее платья. Почему-то она всегда краснела, когда читала их. Один раз, между уроками, она взяла меня за руку и потащила в классную комнату. Последняя была пустой — все дети вышли на перемену.

— Не пиши мне больше записки! — попросила она. — Не надо этого делать.

— Ты меня не любишь? — я слегка дрожал. — Не любишь, да?

— Люблю, очень… — Она опустила свой взгляд. — Просто все видят, как ты мне записки пишешь.

— Я больше не буду, клянусь. Но только ты мне обещай одно!

— Что?

— Любить меня всегда. До конца жизни!

— Обещаю, — она слегка нагнулась и чмокнула меня в лоб. Я обнял ее за талию.

— А я обещаю не писать тебе!

С тех пор мы всегда были вместе, почти не расставались. Много гуляли и иногда делали вместе уроки. Ее родители любили меня. Тем более что наши мамы вместе работали. Так было до средней школы, пока в один момент нас не рассадили. Это случилось на уроке русского языка. И все из-за того, что я списывал у Юли. Почему-то именно литература и русский язык давались мне хуже всего.

— Куценко! «Два» за диктант! — сказала в тот день учительница.

— Как «два»? — удивился я, ведь Юля дала мне все списать. А у нее были исключительно пятерки. Она была отличницей. И даже проходных четверок не получала.

— «Два»! Списано все! Надо это дело заканчивать. А ну пересядь за свободную парту.

— Я не буду… — дрожащим голосом сказал я. — Не пересяду!

— А ну давай. Хватит дурака валять! Пересаживайся!

— Я не пересяду! — твердо сказал я и заплакал.

— Иди, — услышал я сбоку и посмотрел на Юлю. Под ее глазами я увидел две тонкие струйки — слезы падали на тетрадные листы, оставляя на них едва заметные следы.

— Иди, — повторила она, и я ее послушался.

С тех пор мы сидели отдельно. Я почти сразу скатился по учебе. Тройки появились по всем основным предметам. А она так и оставалась отличницей. Со временем у нее появились новые подруги, а у меня — друзья. Мы виделись все меньше и меньше. Но в графе «Я люблю», которая неизбежно была в каждой

девичьей анкете, мы все еще писали друг друга. Хотя и недолго…

Один раз после школы я встретил ее с парнем из старших классов. Местным хулиганом и отщепенцем. Его все побаивались. Я подбежал к ней и закричал:

— Не гуляй с ним! Он же отморозок! — Я попытался встать между ними, но он грубо толкнул меня, и я оказался на земле.

— Что это за ушлепок? — спросил он ее с каким-то презрением. — Ему жить надоело?

— Уйди от нее, — кинулся я ему в ноги, но сразу же получил ботинком под дых.

— Хватит, пойдем отсюда! — сказала она ухажеру. — А ты домой иди! — услышал я в свой адрес.

— Я не уйду… — держась за живот, прохрипел я. Но меня уже никто не слышал. Они зашли в здание школы.

Количество старшеклассников вокруг Юли только увеличивалось. Ровно как и мои страдания. Каждый день я пытался встретиться с ней. Или хотя бы увидеть ее. Со временем она стала меня избегать. Ухудшилась ситуация и в школе, особенно по русскому языку и литературе.

— Куценко, опять «три» за сочинение, хотя могло быть и «два»! Ты что, совсем писать не можешь?

— Могу, — сказал я и услышал за спиной смех.

— Может, вас вместе посадить опять? Хоть списывать будешь у нее, — и она кивнула на Юлю, — а то так совсем скатишься.

— Посадите, пожалуйста, — взмолился я, — я не буду списывать. Вы только посадите.

— Нет уж, — внезапно сказала Юля. — Не надо!

— Но мы же… — От волнения у меня закружилась голова и, держась за край стола, чтобы не упасть, я наконец-то сел.

В тот вечер я караулил ее на лестничной площадке. Там было сыро и темно и воняло мочой. Внезапно загрохотал лифт — его двери открылись, и из него вышла Юля. Я выбежал и схватил ее за руку. Она вздрогнула от страха.

— Дурак совсем, я чуть со страха не умерла! — задрожал ее голос.

— Я люблю тебя! — сказал я и попытался ее поцеловать, но она меня оттолкнула.

— Хватит уже! Перестань! Мы выросли. — В ее расстегнутом портфеле я увидел конверт и выхватил его.

— Да что же ты делаешь? — Она пыталась забрать письмо. — А ну отдай!

В одно мгновение я открыл конверт и прочитал письмо. Это было чье-то признание в любви, в конце которого шел стих.

— Отдай, — наконец-то вырвала она письмо.

— У тебя много таких?

— Чего много? — Она спрятала конверт в портфель.

— Стихов!

— Полно! Ты даже не представляешь сколько! — Она ухмыльнулась так, что я почувствовал себя ничтожеством.

— Я напишу тебе! Я напишу про тебя!

— Что ты напишешь?

— Стих! Я напишу тебе лучший стих на Земле.

— Да ты даже сочинение написать не можешь! — Она все еще презрительно ухмылялась. Я видел ее кристально-белые ровные зубы.

— Я напишу. Я клянусь тебе.

— Довольно! — Она развернулась и пошла в сторону квартиры. Через несколько секунд я услышал, как она закрыла дверь на замок.

Весь вечер я пытался написать стих. Но ничего не выходило. Ни строчки. Видимо, писательство сложное дело, подумал я тогда и нашел сборник стихов Лермонтова. Переписав один из них, я положил конверт со стихом на коврик рядом с входной дверью квартиры Юли в надежде, что утром она его увидит.

— Как тебе мой стих? Ты читала? — подбежал я к ней, как только встретил в классе.

— Это не ты написал! — грубо отрезала она.

— А кто же, если не я?

— Поэт какой-нибудь! Или писатель! А ты передрал.

— Ну и что! Я свой напишу! Дай мне только время!

Она ничего так и не ответила. Просто прошла в глубь класса и села за парту. Через минуту начался урок.

В старшей школе нас развели в разные классы, и мы совсем перестали видеться. У меня появились новые подруги. За некоторыми из них я ухаживал. Конечно, им было далеко до Юли и в учебе, и в красоте, но, в отличие от нее, я им нравился. К тому же, чтобы не думать о Юле, я стал все время заниматься и со временем стал отличником. Она же, наоборот, училась все хуже и хуже.

В следующий раз мы встретились случайно, на дискотеке. Она была в компании каких-то отморозков гораздо старше ее. Ей всегда нравились ухаживания хулиганов. На ее лице гуляла неподдельная улыбка. Некоторые из ее новых знакомых были наркоманами. Я подошел к Юле, мне показалось, что она была под кайфом или пьяна.

— Зачем ты с ними водишься? Ты разве не знаешь…

Не успел я договорить, как она перебила меня.

— Отвали уже от меня, идиот, достал, — она вытащила из

пачки сигарету и закурила.

— Но ты же обещала… помнишь?

— Ты что? Совсем дурак? Или как?

— Зря ты так… со мной.

— Кто это? — грубо спросил подвалившийся к ней парень.

— Писатель-неудачник! — Она засмеялась. — Который стих мне обещал написать!

— И напишу…

— Да пошел ты! — Она стала целовать парня в губы, а тот обхватил ее за талию и прижал к себе. Мне стало противно. Я развернулся и пошел прочь.

Когда я получал свою медаль на выпускном вечере, то увидел Юлю в толпе, заполнившей зал. Мне казалось, что она не смотрит в мою сторону, когда меня награждали, а просто с кем-то болтает. Но я все еще ловил ее взгляд, приподняв свою медаль повыше, чтобы ее видели все. А главное — она. Но она так и не повернулась.

Прошло десять лет, и я приехал на юбилей выпуска. Я давно женился и редко вспоминал про Юлю, но в тот день надеялся ее встретить. Посмотреть на нее и узнать, как сложилась ее жизнь. И мне было все еще не безразлично, не все равно. Мы встретились с ней в курилке. Она сильно изменилась — ее лицо стало грубым, несимпатичным, а голос — немного хриплым. Она чуть располнела. Но полнота эта была болезненной. Увидев меня, она смутилась, растерялась, не зная, как себя вести. Я попытался с ней заговорить, но что-то не клеилось. Я посмотрел на ее руки — все стало сразу ясно. Она была на игле.

— Юля, да что же ты наделала?! — я кивнул на ее руки.

— Не надо. Прошу тебя.

— Не буду, только ты…

— А как твой стих? Ты написал мне стих? — вдруг засмеялась она, но под одним глазом я заметил маленькую слезинку. Юля смахнула ее рукой.

— Нет, не написал.

— Ну, ты же обещал. А ты упертый! Я это знаю, ты напишешь! Ты не сдашься!

— Хорошо. Я напишу.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Про меня?

— Про тебя.

Она умерла через год. На похороны не пригласили никого из класса. Я узнал о них случайно, когда приехал к родителям. Опоздал всего на несколько дней. Она так и не смогла справиться

с зависимостью, несмотря на то, что во всем привыкла быть первой. Наркотики оказались сильнее ее. В тот вечер я впервые сел за стол, достал бумагу, нашел ручку и начал писать…

Ирина Молчанова

Ирина Молчанова писатель и сценарист, она пишет трогательные, забавные истории о любви и сценарии для детективных сериалов. Каждая книга автора — это невероятный коктейль из чувств и эмоций. Ее герои часто идеальны внешне, но их путь к внутренней красоте всегда очень непрост. Ирина обожает путешествовать, смотреть кино и общаться со своими читателями в соцсетях.

Парень из спортзала

В семь лет Воланд пробил мне билет на трамвай; он мчался к той самой остановке, где для очередной Аннушки разлито масло. Я уже тогда знала: первое — трамваи очень опасны, второе — наука человеческих отношений куда сложнее математики, и третье — см. первое.

— Надо найти себе пацанов, — сказала я своей подруге А. в девятом классе. Подруга согласилась, что надо бы… Но где же их искать?

Я — девочка, которая с детства занималась в разных секциях (лыжи, карате) и знала, где водятся парни! Я сразу же заявила, что мы пойдем в тренажерный зал! Особенно учитывая мою любовь к сладкому и любовь А. к пельменям! Решили: идем!

Но от слов до дела меня отделяла кровать, лапша быстрого приготовления с тертым сыром, бутерброды, шоколадные пряники и стопки непрочитанных любовных романов. Непросто жить в реальном мире, где школа, скучные уроки, одноклассники — дети, пока где-то в параллельной вселенной Лорд Красавчик и Леди Строптивая предаются всевозможным страстям и произносят друг другу невероятные слова.

А между тем от мамы только и слышно было: «Хватит лежать!» Ну конечно, не могла же она говорить: «Хватит читать!»

Я поделилась с мамой идеей пойти в тренажерный зал. Она обрадовалась, понадеялась — наконец этот Обломов слезет с дивана. Но когда поняла, что я прихожу со школы, повторяю: «Надо пойти записаться в тренажерку», и устраиваюсь с книжкой на кровати, мама решила взять все в свои руки. Снарядила меня, мою подругу и *6 февраля 2001 года* повела нас, можно сказать, за ручку в клуб.

Тренажерный зал находился в остановке от нашего с А. дома. И это был не современный фитнес-клуб (как сейчас повсюду) с шикарной кардио-зоной, диванами, баром и просторным залом! А крохотная качалка, полная старых железяк, сломанных скамеек и потных мужских тел.

Мы как глянули на этот тренажерный зал, так слегка и опешили. Даже усатый тренер выразил сомнение, что нам тут будет хорошо. Еще бы! Куча мужиков — и мы, две единственные девушки, этакие белые розы на картофельном поле, среди коней, навоза и колорадского жука.

Мама посчитала, что, если мы вернемся ни с чем, оторвать меня от кровати и книг будет уже невозможно, поэтому

решительно записала нас на тренировку. И ушла.

Я не говорю про душевую! Там даже раздевалки не было, просто коридорчик, где все вешали на крючки свои вещи и там же переодевались. То есть ты стягиваешь штаны, а мимо тебя протискиваются мужчины или раздеваются-одеваются в метре от тебя. Нет, я не из робкого десятка, но все это восторга у меня не вызвало.

Мы надели обтягивающие бриджи, футболки, кроссовки. Стоя в этом вонючем коридоре (да, запах там стоял удушающий — от обуви мужиков), мы с подругой переглядывались и нервно смеялись. Не так мы себе все это представляли! Ну да деваться некуда.

Самое тяжелое было покинуть коридорчик и войти в зал, понимая, что на нас будут все пялиться. Мы вторглись в мужской мир. И смотрелись в нем совершенно нелепо.

Мы вошли в зал. Остановились посередине и оглядели парней. Кинули беглый взгляд. Я пихнула подругу плечом, указала глазами на парня с челочкой и шепнула на ухо:

— Вон тот с челочкой мой!

А. заверила, что ей такие накачанные не нравятся, мол, без проблем, бери себе. Она тоже подыскала симпатичного парня.

В общем, выбрали, определились. Не прошло и пяти минут.

Потом к нам подошел тренер и показал упражнения, которые мы можем выполнять.

Понятно, что до упражнений нам не было дела. Мы наблюдали за выбранными парнями. Я прозвала своего Черненьким. Он был весь в черном, с коротко стриженными светло-русыми волосами, зелеными глазами и потрясной фигурой! Один минус — среднего роста. А «я люблю военных…». Ну да не детей мне с ним крестить, подумала я.

Из зала мы уходили в отличном настроении. Да, в какой-то миг нам показалось, что моя затея «найти парней» с треском провалилась! Но на деле все оказалось не так плохо. Две девушки и несколько десятков парней! Есть где развернуться и распушить хвост размером с диван.

Мы решили ходить на тренировку через день.

В следующий раз я услышала, как зовут «моего парня». У меня было лишь два любимых мужских имени. И Черненький носил одно из них. Ну разве не судьба?

Я смотрела на него, он смотрел на меня. Или я себе это вообразила, что он смотрит? Я такая! С воображением! Мне думалось, мы, словно герои любовного романа Средних веков, не смеем выказать своих чувств. И в бальном зале… тьфу, в вонючем тренажерном зале, в зеркалах душ общаются лишь наши сердца.

Я в те времена вела личный дневник. И нет, не потому что я виртуозно владела словом и мечтала стать писателем. Я сочинение в школе ленилась написать.

А в дневник я, как курица лапой, записывала события прожитого дня. И обычно там появлялись записи, не отличающиеся художественностью, в духе: «Ходила в школу, ела, спала, читала…» ЕЛА. И каждый день писала, что я ела… Голодное дитя 90-х. Про «спала» — это вообще без комментариев!

И вот в моем скудном распорядке появилась фраза: «Ходила на тренажеры, видела С.».

Я влюбилась в него с первого взгляда. И мечтала о совершенно невероятных вещах, особенно учитывая, что мы не были даже знакомы! Уже в те времена моя фантазия простиралась далеко за пределы реальности!

Но знакомиться с ним я не собиралась. Как истинная поклонница любовных романов о рыцарях и лордах, я считала, что мужчина должен проявить инициативу. Достаточно того, что я смотрю на него! Намекаю изо всех сил!

У подруги имелась энциклопедия для девочек, в которой были гадания. И мы гадали на выбранных в тренажерке парней. А. говорила, что это все правда — не переспоришь! А. вообще отличалась особым упрямством в каких-то вещах. В детстве она утверждала, что знаменитый питерский мост назван в ее честь, а любимые Кен и Барби по ночам ходят в туалет, как настоящие люди. И в доказательство показывала предмет их ночных усилий — плоские голубые прямоугольные штучки. Это были таблетки от комаров. Боюсь, что мне до ее фантазии и сейчас далеко!

Так вот, если верить гаданиям из энциклопедии для девочек, у меня с С. случится первый, второй и даже десятый поцелуй, С. любит меня, ревнует, уважает, мечтает обо мне, мы будем встречаться, поженимся, и у нас родятся дети. Энциклопедия все знает!

Я относилась к гаданиям скептически! Но слышать все эти предсказания было приятно!

А между тем время шло, а С., кроме характерных взглядов, ничего не предпринимал. А я размышляла на тему: сколько же ему лет? И даже поделилась с дневником: «Надеюсь, ему 17–18 лет, иначе он мне не подойдет!»

Парень мне ни слова ни полслова, а я продолжала в своем воображении строить с ним долгоиграющие отношения. Конечно, я думала, что у него может быть девушка. У героев любовных романов тоже всегда есть какая-то девушка, но потом появляется главная героиня — типа, я, и главный герой расстается с той своей девушкой. Она — неважный персонаж истории, как вариант

— отрицательная героиня, герой быстро бросает ее за кадром. И никто о ее судьбе не парится!

Тогда я почему-то даже не задумывалась, что каждая девушка — главная героиня своей истории. Мне казалось, что главная героиня — только я!

С подругой А. у нас появились первые разногласия, когда она поняла, что симпатичный ей парень занимается недолго и уходит, а мой — занимается очень долго. Она хотела бежать вслед за своим, а я оставаться в зале и продолжать строить глазки своему. И мы ссорились.

Лишь спустя много лет я смогла осознать, что была не права. Убежденность, что твоя любовь важнее, чем у всех остальных (проще говоря — эгоизм), разрушает дружбу. Я всегда была очень напористой и упрямой, поэтому чаще, если на меня не нападала блажь, мы поступали, как удобнее мне.

Парень А., я его прозвала Хиляк, часто не появлялся в зале, и тогда подруге было скучно. Мой же С. ходил в зал постоянно.

И вскоре подружке стало лень ходить туда, мы начали пропускать тренировки, потому что идти одной мне было стремно. Из-за той ситуации я сделала важный вывод: если хочешь пойти в какую-то секцию, найти себе хобби, делай это без друзей и подруг, чтобы не зависеть от их настроения в дальнейшем.

Однако с дневником я поделилась, что очень хочу, чтобы у А. все получилось с выбранным парнем, а я переживу, если с С. ничего не выйдет. Хорошие главные героини романа всегда способны на этакий благородный порыв.

Судьба оценила!

11 марта после тренировки к нам внезапно обратился С:

— Девчонки, идите сюда, разговор есть!

Мы тогда перепугались. У него было такое угрожающее выражение лица, что я подумала, он сейчас заставит нас чинить сломанную скамейку.

Подошли к нему, и он выдал:

— Вы понравились моему другу, давайте я скину вам его телефон?

Я так опешила, что лишь и смогла пробормотать:

— Ну давай.

Мы вышли в коридор-гардероб, С. протянул мне клочок бумажки с номером. Я тогда уже слегка пришла в себя и вызывающе поинтересовалась:

— И что, **мы** должны ему звонить?

С. не понял моей иронии и просто сказал:

— Можете позвонить, когда будет удобно.

Мы с А. пошли домой. И все пытались понять, какому же другу мы понравились?

Сперва это казалось забавным. Но позже я решила: фигня какая-то! Тебе нравится парень, ты ждешь первого шага с его стороны, а он втюхивает тебе номер телефона какого-то друга Леши…

Я рассказала о своих мытарствах на любовном фронте деревенской подруге. Она обрадовалась и с фразой «Разреши мне устроить твою личную жизнь» попросила номер телефона того самого друга Леши. Она позвонила ему от моего имени, поболтала с ним, выяснила, что ему и С. по 20 лет, девушек у них нет и С. весь в спорте. Подруга договорилась, что Леша позвонит мне на следующий день. Он позвонил и даже не понял, что разговаривал с разными девушками. Я соврала, что нам с А. по шестнадцать, решив, что шесть лет разницы смотрятся некрасиво, а четыре вроде бы и ничего! Но сколько бы Леша ни описывал себя, я так и не поняла, в какой же день он приходил на тренажеры и приметил нас с А. Мы им явно не заинтересовались, раз не заметили.

Леша производил впечатление повесы. Он не тянул кота за хвост, сразу перешел к тому, что надо бы встретиться вчетвером.

И *14 марта* произошла наша первая встреча в парке. Стоял кошмарно холодный день! Мы с А. без шапок околели, искренне полагая, что шапки портят нашу красоту!

Наверно, то свидание было одним из самых волнительных мгновений в моей жизни. Увидев вдалеке парней, я неистово принялась расчесываться.

И вот остается пара метров друг до друга. Я думала, что от волнения грохнусь в обморок, как героини моих любимых романов из-за тугих корсетов.

Обошлось. Привет — привет. И двинулись по аллейке, обсуждая погоду. А я тряслась!

Впрочем, было так холодно, что мы пошли в кафе. Спортсмен С. пил сок, остальные алкоголь. Нам же «шестнадцать»!.. Но не успели мы завести разговор, как к нам за столик подсел древний старик с сосиской на тарелке и принялся за длинный и долгий монолог о войне и нынешнем поколении.

Он так и не дал нам пообщаться с парнями. Пришлось все-таки идти гулять. Говорил в основном Леша. У него был хорошо подвешен язык. Леха оказался из того типа парней, которые цепляют не внешностью, а просто сплетают длинную-длинную лапшу из красивых слов и незаметно вешают девчонкам на уши. Но до пафосных речей героев моих любимых романов ему было далеко. С. же в основном молчал. И за этим фундаментальным

серьезным молчанием я могла построить в своем воображении какие угодно самые прекрасные монологи от его лица в мой адрес.

Моей подруге не понравился Леша. И я оказалась в ситуации, что Леша зовет меня гулять с ним и С., а я не могу пойти, потому что А. не хочет. Мы с Лешей созванивались, общались. При этом С. иногда в тренажерном зале даже не здоровался. Но мы продолжали наблюдать друг за другом.

Леша, в попытках назначить мне свидание, не сдавался, предложил взять на прогулку другую подругу. Мне не хотелось объяснять другой подруге, что она должна во имя моей любви к С. стать связующим звеном в двойном свидании.

И тогда я стала гулять с Лешей и С. одна. И скоро мне стало очевидно, что у них обоих есть на меня планы. Но для меня Леша всегда был лишь мостом на пути к С. И я этого даже не скрывала.

Некоторое время мы ходили втроем, иногда все-таки присоединялась А.

28 марта случилось наше первое свидание с С. наедине. Конечно же, стоило нам романтично присесть на скамейку, как откуда ни возьмись появились мои одноклассницы и ехидно закричали: «Ира, можешь не отворачиваться, мы тебя видим!» Окружающие совершенно бестактны и, топчась по только зарождающимся отношениям пары, не надевают бахилы.

Мы с С. ничего друг о друге не знали! Это не тот случай, где ты полистала его страничку в соцсети, посмотрела фотки в Инстаграме, почитала блог, посмотрела видосы на Ютубе, а потом не знаешь, что и спросить. Мы прекрасно проводили время, постепенно узнавая что-то новое друг о друге.

Но потом заявился Леша с еще каким-то дружбаном и разбил нашу идиллию. После некоторых намеков они удалились и (я думала) оставили нас в покое. Но не тут-то было. Они вскоре вернулись. И тогда в ярости ушла я. Вот такое первое свидание, елки-палки.

То, что раньше являлось мостом, стало досадной помехой. Я чувствовала, что Леша мешает нам. Но на данном этапе отношений с С. я ничего не могла сделать с этим.

Мы ходили с С. гулять вдвоем, из парка в парк, наматывали огромные расстояния. У меня даже мозоли появились. Мы часами говорили по телефону, пока не разрядится трубка.

От С. я узнала вещь, которая меня потрясла.

Оказывается, А. дала моему С. дружеский совет: «Не влюбляйся в Иру, для нее это несерьезно, у нее всюду парни — и в школе, и в деревне».

Зная, как я влюблена в него! Эх! Женская дружба, однако!

Я не стала ничего говорить А. И даже продолжала с ней общаться, но сделала выводы.

В какой-то мере я ее понимала. Она так и не познакомилась с тем парнем, который ей понравился в тренажерке. Я же получила все, что хотела. Есть от чего испытать досаду. Впрочем, думать, что все тебе завидуют, всегда проще, чем заглянуть в себя. А если бы я заглянула, то поняла, что даже подруга не считает меня хорошей героиней. А вот С. производил впечатление чудесного и доброго парня. И возможно, А. посчитала, что я поиграюсь с ним и брошу, беднягу. Ей-богу, кому тут вообще четырнадцать лет? Наверно, для рожденных хищницами возраст не имеет значения!

И все же забавно. Если ты не говоришь с надрывом и влажными глазами о своей любви, многие думают, что ты черствая стерва и никого не любишь, кроме себя.

Мы с А. бросили тренажерный зал: С. был недоволен, что на его девушку пялятся другие пацаны. Да и цель, ради которой я пошла в зал, была выполнена. Я нашла парня.

Однако счастье мое омрачалось, ведь я была вынуждена врать, что мне не четырнадцать лет, а шестнадцать. Правда, мне не привыкать! Я всю жизнь (с семи лет) прибавляла себя возраст, потому что общалась с людьми старше и не хотела, чтобы ко мне относились предвзято из-за того, что я младше. Родители с детства читали мне взрослые книги, я сама прочитала множество книг, и мой психологический возраст сильно отличался от биологического. Слабое утешение, но все же…

А потом я узнала, что Леша мне тоже соврал. Им не по двадцать лет; С. было двадцать три года.

И если раньше мне казалось, что шесть лет разницы можно преодолеть, прибавив себе два года, то как преодолеть разницу в девять лет, я не знала!

О том, чтобы открыть свой истинный возраст, и речи быть не могло. Я предполагала, что С. меня бросит, если узнает, с кем связался. Ведь шестнадцать лет — это годик, и уже семнадцать! А там глазом не успеешь моргнуть, как ты совершеннолетняя! А четырнадцать лет — это пропасть, это два, целых два года до тех заветных шестнадцати, от которых еще три года до совершеннолетия. Целая вечность!

Я ненавидела свой возраст! Я тупо сидела с ручкой и бумажкой, постоянно подсчитывая, сколько мне лет, сколько будет через столько-то, а сколько через столько-то. Однажды я ошиблась на год… Мне вдруг показалось, что мне пятнадцать, а не четырнадцать. Все мои одноклассники, кто на полгода, а кто на год были младше меня! Пятнадцать! О, как сладостно екнуло мое сердце от счастья! Но потом все встало на свои места. У меня

просто плохо с математикой, я заперта в теле школьницы, и мне придется жить годами во лжи. Ну и перспективы!

Мне всегда нравились парни старше, поэтому С. приводил меня в восторг.

Но как же это тяжело, когда весь мир против твоей любви. Ну если и не весь мир, то родители и Уголовный кодекс РФ уж наверняка. Родителям я не могла втюхать, что мне не четырнадцать, а шестнадцать, и про психологический возраст — та еще байка, поэтому я им соврала, что С. девятнадцать. Но если откровенно, практически любым родителям наплевать, сколько парню, важно лишь, что их дочери четырнадцать. Должна признаться, мои родители вели себя очень стойко и спокойно во всей этой ситуации. Понимая, что запреты приведут лишь к тому, что я начну закрываться, они против С. не выступали.

А сам С. держал со мной дистанцию, даже за руку меня не брал. Я нервничала, не могла понять, что за фигня. Подруги тоже переживали. Дошло до того, что они звонили мне и вместо «Привет», орали в трубку: «Ну? Он поцеловал тебя?» или: «Только не говори, что он тебя до сих пор не поцеловал!»

И я изо дня в день повторяла: «Не поцеловал!» Вот и обзавелась взрослым парнем!

Я умела целоваться, могла поцеловать парня и сама. Но проклятые любовные романы… Они сформировали у меня четкое осознание, что девушка, которая изображает из себя лихого охотника, а мужчину превращает в добычу, ни на что, кроме френдзоны, как это сейчас называется, может не рассчитывать. И потому я терпеливо ждала.

В школе закончились экзамены. Наступил конец июня. А с ним и новое испытание для наших с С. отношений. Я уезжала на лето в деревню за много километров от Питера. Конечно, мы договорились писать друг другу письма. Тогда еще не было сотовых, мало у кого имелись компьютеры, про Интернет вообще молчу.

На прощание С. меня поцеловал.

Я жила летом в пристройке к дому — на веранде. Там не было потолка, и через незашитые фронтоны крыши, лежа в постели, я смотрела на луну. Над изголовьем кровати на стене висела небольшая рамочка с фотографией С. Этакая икона. У меня были лишь две его фотографии.

Я писала ему письма. Ездила за пять километров в поселок, чтобы поговорить с ним минутку по телефону. В деревне у меня был ухажер с мотоциклом. Тоже старше меня. Симпатичный парень. Ухаживал, пытался добиться взаимности.

А я все ждала письма от С.

Я — как бультерьер, который, если вцепился в кого-то, челюсти разомкнет лишь с мясом.

В конце концов моя увлеченность С. даже подругам наскучила. Мне говорили, что С. не мальчик, наверняка кого-то уже себе нашел, а я упускаю момент. Мол, мотоциклист любит тебя, и улыбка у него красивая, зубы ровные. То, что надо!

Давление окружающих иной раз может разрушить любое стремление сердца.

Но не мое. Я верила, что Большая и Великая Любовь не приходит к тебе сразу большой и великой. Она появляется, точно тонкий лучик света в сердце. И лишь от тебя зависит, превратится этот лучик в солнце — в целый рассвет для тебя. Большой и Великой свою любовь люди делают сами, прилагая очень много усилий и проходя вместе через трудности. В любви, как и в любом деле, в котором хочешь добиться успеха, нужна смелость. Ведь, доверяясь человеку, никогда не знаешь, что у него внутри, горит он так же, как и ты, готов ли относиться к отношениям бережно и не разменяться по мелочам на дешевые искушения. В рулетке под названием «Любовь» смело ставь все на «красное»: что бы тебе ни выпало, нужно это достойно принять.

Тем летом я получила от С. лишь одно письмо. Почта России, ты чуть не разбила мне сердце!

27 октября 2016 год. Перечитывая свои дневники, я хохочу. Многое из тех дней забылось. Но я кое-что поняла. Любовь к С. вдохновила меня. И короткие записи в моем дневнике «Спала, ела, читала» со временем стали более подробными и интересными. Нет, они не превратились потом в литературные произведения, за которые дрались крупнейшие издательства… увы. Но что-то из событий своей жизни я определенно позже описала в повестях и романах.

Я не знаю, что будет завтра, и не врет ли энциклопедия для девочек! Но мы с С. вместе. Мы благодарны друзьям, которые поспособствовали нашему сближению. Но ни с кем из них не общаемся. Когда ты в одиночестве, перед тобой весь мир. А когда ты с тем самым человеком, весь мир — вы двое.

И в далеком феврале 2001 года, как я без всяких оснований считала С. «своим», так и он уже тогда считал меня «своей». Любил меня, мечтал обо мне, восхищался мной, как и до́лжно герою моего личного романа. Ну, может, я чуть преувеличиваю. Но, думаю, суть все поняли!

Олег Жданов

Олег Жданов — писатель, журналист, автор методики развития образной письменной речи. Является неоднократным номинантом премии «Писатель года», дарит всем слушателям отличное настроение во время своих радиоэфиров, ведет литературные обзоры в КП.РУ.

Букварь

Я бежал за той, которую любил больше жизни, сильнее мамы, крепче, чем папу. Бежал, чтобы доказать ей (и только ей) свою безудержную любовь с помощью выданного мне вчера в торжественной обстановке первого сентября синего, с яркими буквами, букваря. Вчера после первых трех уроков моей новой школьной жизни я понюхал букварь. Не в переносном, не в образном смысле, а просто поднес к носу и понюхал. Он пах красками и счастьем новизны, а то, что краски типографские полны цинка и вредны, я узнал значительно позже, как, впрочем, и о том, что счастье новизны — очень мимолетно.

Тогда, первого сентября на уроке письма, я влюбился, и крепко влюбился. Она сидела в соседнем ряду, и я мог видеть, когда она склонялась над своей старательной прописью, ее божественный жесткий профиль и чуть высунутый от мук правильного наклона букв язычок.

Она была прекрасна. Я не сомневался ни минуты в серьезности и долговечности этих чувств. Знакомиться самостоятельно я еще не умел, но изощренностью в подходах уже обладал. После урока письма подошел к учительнице и вежливо спросил: «Как зовут вон ту девочку на второй парте?» Лариса Николаевна улыбнулась трогательному очкарику и, посмотрев в журнал, ответила: «Карина. Карина Григорян».

Теперь, собственно, знакомиться было уже не обязательно. Как зовут меня, она узнает при первой попытке учительницы хоть что-то спросить у нашего класса. Я тут же подниму руку, встану и, представившись, громко и исчерпывающе отвечу на ее вопрос. Но это — сценарная интрига, а то, что я ее люблю, я должен доказать немедленно, на этой же перемене. Я схватил букварь и выбежал в рекреацию. Там мы все бегали, все три первых класса обычной советской школы. По стенам коридора и рекреации блока начальной школы стояли старшеклассники с красными повязками на рукавах. Это были дежурные, в задачу которых входило сделать так, чтобы мы не бегали и не кричали. Им было лень вмешиваться в нашу радостную активность. Мы хулиганили, они молча и лениво стояли вдоль стен, охраняя наши игры. Собственно, модель советского государства в миниатюре.

Я нашел возлюбленную в толпе и вдохновенно поднял букварь над головой. Именно удар букварем мог сказать музе моего сердца о той полноте чувств, которые меня переполняли. Я побежал. Она очень быстро поняла, что я бегу только лишь за ней, игриво блеснула глазами и побежала от меня. О боже, это были

счастливые мгновения. Впрочем, главное счастье этого дня было еще впереди.

На самой высокой скорости девочки-первоклашки Карина огибала группу девчонок, игравших в ручеек, и случилось страшное… она наступила на ногу старшекласснику, стоявшему у стены. Синие брюки, пиджак, отложной воротник у рубашки, прическа в стиле Жан Мишель Жарр. Я запомнил этого подлеца на всю жизнь. Он недовольно хмыкнул, осмотрел свои убогие, но все же кеды, и отвесил моей возлюбленной легкий, но омерзительно обидный подзатыльник. Она растерянно остановилась и заплакала. Я подбежал и, задрав снизу вверх свою буйную головушку, произнес, по сути, первое, что мне пришло тогда в голову: «Извинись!» Существо, превышавшее меня в росте раза в три, удивленно посмотрело вниз и сделало пространный жест рукой: мол, проваливай, малышня. Старшеклассник отвернулся, Карина плакала, а я понимал, что дальнейшие переговоры смысла не имеют. И тут я сделал один из самых мужественных шагов в своей жизни: подошел к обидчику моей возлюбленной. В руках у меня был только мой новенький букварь из жесткого советского картона. Ударить обидчика так же, как я хотел передать чувства любви Карине, то есть плашмя, было бы неверным. Вряд ли я это понимал в тот момент, скорее, просто почувствовал и перевернул букварь ребром, направив углы обложки на противника. Модный юноша не смотрел в мою сторону, когда я окончательно приблизился и, подняв руки вверх, ударил его букварем. Букварь был новый и жесткий, а ударил я собственно туда, докуда смог дотянуться.

Если бы дети советского времени умели хлопать не по приказу, то в эту минуту коридор и рекреация, наверное, просто взорвались бы аплодисментами. Поскольку дотянуться я смог до весьма болезненной точки любого мужского существа вне возрастных градаций, то старшеклассник взвыл и буквально опустился на колени передо мной и Кариной. Бегать и водить хороводы все перестали. Это был шок и триумф. Я завалил лося.

Конечно, и следующее за триумфом мгновение не задержалось. Лось встал, поднял меня в воздух за воротник и шлепнул об вощенный паркет рекреации, после чего покинул наш детский этаж.

Потом было, конечно, разбирательство. Нас ругали, его очень ругали, но тот сентябрьский день стал одним из самых счастливых и судьбоносных дней в моей жизни: я начинал формироваться как умный, изощренный рыцарь и гордец в разбитых очках и с любовью в сердце. Спустя годы изменилось немногое, и то лишь в сокращении шансов разбить мне оптику.

Все начинается в детстве. Спасибо тебе, мой букварь.

СЛЕДЫ БЫЛОЙ ЛЮБВИ…

Я полез в шкаф. Старинный, добротный, без глупых рельс и роликов. Он помнит мое рождение и, возможно, еще много чего увидит. На нем бабушка выкладывала загадочные для меня луковицы на подстеленной газете. Они назывались «детки», и из них рождались гладиолусы. В нем я прятался. Там почему-то всегда присутствовали апельсиновые корки. Да и вообще, в нем чувствовалась опора какая-то. Это не стенка безликая или дешевая мебель от скандинавских выдумщиков. Это — мистер Шкаф.

Я искал коробку с ботинками. Коробок было немало, выкладывал их в шкафу не я, и поэтому шансов на легкий результат у меня не было. В шкафу было, естественно, темно и чуть страшно. Как сорок лет назад. За коробками у самой стенки лежало что-то черное. Я не без дрожи дотронулся и ощутил болоньевую куртку. И я ее вытащил.

Черная, дутая, со сломанной молнией в застегнутом положении — то есть надеть ее можно было только через голову. На кромках рукавов — дырочки от неумелого обращения с сигаретами. Но тут я увидел главное. Чудесное воспоминание. Волшебный привкус весны. Правое плечо и рукав этой чудесной куртки из моей молодости были в побелке. Той самой. Из ее подъезда.

У меня секс тогда уже был, но я об этом предпочитал молчать, ибо опыт такого рода репутацию романтических отношений скорее портил. Каждая встреча завершалась томительным расставанием. Наверное, это было целым ритуалом, достойным диссертации культуролога. Я провожал ее до подъезда. Мы стояли. Молчали. Я тянулся к ней с поцелуем якобы в щечку и с коварным перебросом движения к губам. Она не грубо отстранялась. Это означало примерно следующее: «Я не хочу сейчас прощаться, и здесь куча народу…» Шли минуты… Мы говорили ни о чем, я смотрел на нее, старался стоять ближе и касаться. Спустя полчаса, при первых следах обморожения на моих лице и руках, она милостиво произносила с лукавым вопросом: «До этажа проводишь?» Я с готовностью рыцаря, вернее очень замерзшего рыцаря, шел за ней в подъезд. Пока мы ждали лифт, я согревался и разогревался. Поцелуй в лифте был всегда волшебным. То, что мои чувства небезнадежны, проявлялось в том, что уехать на том же лифте она мне не давала. Взаимность

— сладкое чувство, если в нее веришь. Но наши подростковые чувства снова оказывались в зоне риска засветки перед соседями, которые сновали туда-сюда, возвращались с работы и из магазинов, шли гулять с собаками, возвращались, погуляв с собаками. Можно было нарваться и на близких родственников: маму, папу, старшую сестру. Я делал вид, что совершенно не боюсь подобной встречи и вообще знакомства с родителями. Бояться на самом деле перестал чуть позже. Спустя лет тридцать.

Я знал, что тащить ее на лестничный проем — грубо и ломает *ее* сценарий. Нужно было дождаться. И вот, спустя три или четыре эпизода с пугавшим нас раскрытием лифта или дверей холла, она скромно и тихо говорила: «Пойдем на лестницу…»

И вот тут начиналось то, что я люблю до сих пор. Мы целовались, стоя у изгиба лестницы, потом я гладил ее по щеке, и мы садились на ступеньку. Я обнимал ее, и она опускала мне голову на плечо. Ощущение доверия, тактильной нежности даже тогда мне казалось важнее поцелуев, тем более что они к чему-то более увлекательному приводили не всегда. Два-три часа подростковой нежности, чтения стихов, мечтаний. Потом ее старшая сестра нас все-таки разлучала, забирая мою возлюбленную. Финальный поцелуй носил уже не гормональный и не самоутверждающий характер, а был поцелуем нежности, которой мы тогда учились.

Я шел по своему неспокойному району домой, не очищая куртки. Было уже темно, да и, наверное, я этим знаком интимной жизни даже немного гордился. Куртку чистил уже дома накануне выхода в школу и в мечтах о новом свидании.

Я поднес старую болоньевую куртку к лицу и понюхал. Она не пахла подъездом или маминими духами той девочки, она пахла апельсиновыми корками. Апельсины из Марокко. Эта книга тоже из детства. Куртку надо выкинуть, ведь она выполнила свою задачу уже несколько раз: и как носитель тепла, и как носитель мифологии. А вот нежности я бы и сейчас продолжил учиться, это бесконечное познание.

Лариса Райт

Лариса — филолог по образованию и по призванию. Считает, что слова не должны и не могут быть пустыми. Свои произведения старается наполнять словами жизнеутверждающими. Писать начала для того, чтобы постичь неиссякаемую многогранность человеческой души. Лариса считает, что личное счастье заключается в способности человека находить гармонию с окружающим миром и с самим собой.

Наваждение

— Вот будет нам по сорок лет, и, кто знает, вдруг как шибанет друг к другу. А что? — Его черные печоринские брови надменно изогнулись, тонкие губы разошлись в ироничной улыбке. Все, как обычно: ты слушаешь и не знаешь, как реагировать — поддерживать шутку, плакать от того, что тебя, видимо, хотят задеть побольнее или просто не обращать внимания. Ну, сказал и сказал. Может быть, человек действительно так считает. — Нет, я серьезно! — Будто в ответ на мои сомнения Борис энергично кивнул и даже легонько пихнул меня плечом в плечо.

Мы сидели на школьной лестнице. Вчерашние выпускники. Взрослые дядька и тетка. Нам уже двадцать с небольшим, и снующие мимо старшеклассники кажутся пугливыми неопытными воробушками. Неопытными и слишком любопытными. Разве что ленивый, пробегая в актовый зал, где гремела музыка дискотеки, не сворачивал шею, чтобы лично увидеть и удивиться: «Они что, опять вместе?» Бывшие одноклассники и ребята из параллельного напрочь забыли о такте. Понимающе подмигивали, демонстрировали большие пальцы, комментировали нашу пару емкими междометиями. Самые беспардонные даже подходили обменяться репликами или останавливались у перил и навязчиво пялились, словно ждали, что мы бросимся друг другу в объятия и начнем жарко целоваться на глазах у всей школы. Даже учителя не могли сдержать невольных взглядов в нашу сторону. Школьный роман — на то и школьный, чтобы о нем знала вся школа. Знала и теперь буквально изнемогла от нетерпения, ожидая выхода очередной серии нашей Санта-Барбары.

Да, четыре года любой истории вполне потянут на сериал. Чей-то станет комедийным с обязательным счастливым финалом. Какой-то превратится в мелодраму с бесконечным выяснением отношений, слезами, руганью и бурными примирениями. Где-то наверняка проскользнут нотки детектива или триллера с интригами, ревностью, коварством и жаждой мести. В нашем ситкоме всего хватало, поэтому больше всего он напоминал стандартный латиноамериканский сериал, в котором намешан компот из достаточно занудных страстей, а герои вместо недели переживают десятилетиями. Зрители уже и рады бы оторваться от экрана, но надежда на то, что вся эта тягомотина в конце концов может вылиться во что-то путное, не отпускает, и они продолжают следить за давно надоевшим действом.

В своей истории я была и героиней, и таким же сторонним

зрителем, которого какая-то неведомая сила заставляет брать в руки пульт и продолжать делать то, от чего давно уже пора отказаться. Надо забыть. Перевернуть страницу. Выключить телевизор. Не набирать номер. Не вспоминать. Не слушать. Не думать. И еще много разных «не», которые необходимо предпринять. И ты все это знаешь. Знаешь, несмотря на то, что тебе только пятнадцать. Знаешь, потому что мечтала совсем не об этом. Знаешь, потому что в книгах, в кино, в мечтах первая любовь совсем другая: легкая, возвышенная, одухотворенная, романтичная. А твоя похожа на тесто, которое давным-давно уже убежало из кастрюли, практически скисло, а его никак не поставят в духовку и не выпекут что-то достойное.

Конечно, я так думала не всегда. Сначала все было так, как оно обычно бывает. Влюбленный мальчик ухаживал за девочкой, которая ему нравилась: приходил в гости, провожал домой, носил портфель, водил в кино, рассказывал что-то увлекательное, смотрел с обожанием и молчал о своих чувствах. Девочка ему очень нравилась. А девочке нравилось нравиться. Она не выбирала. Выбрали ее, а она с этим выбором согласилась, не задумываясь о том, что это в корне неправильно. Да и откуда ей это знать? Ей было всего тринадцать. Ребенок, настольной книгой которого были «Два капитана». И любовь Сани Григорьева и Кати Татариновой была такой настоящей, такой честной, что мечталось непременно о такой же: единственной и на всю жизнь. Хотя вряд ли кто-то из романтичных барышень мечтает о другом. Наверное, ни одна не собирается менять десятки кавалеров, лить о каждом слезы, переживать разочарования и грустить о неоправданных надеждах. Конечно, далеко не все мысленно собираются замуж после первого свидания, но это называется просто не строить далекоидущих планов. Однако никто и не записывает в свой ежедневник: с Колей встречаюсь до десяти тридцати двадцать пятого февраля, а потом ухожу в свободное плавание на поиски новой гавани. Найду — простою в ней до следующей осени, и снова в путь. Возможно, такие девушки где-то есть. Но я с ними пока незнакома. Во всяком случае, в юном возрасте отъявленного максимализма тебе нужен абсолютный максимум во всем, а в любви особенно.

Борис оказывал знаки внимания, а меня распирало от гордости: я только в восьмом классе, а у меня уже есть поклонник. Если честно, поклонники были и раньше. Один — особо настойчивый, во всем положительный, обходительный, жутко умный и сверх меры занудный, будущий медик, даже звонил каждый день и ездил в гости в мое Беляево с Преображенки. Жил далеко, за два года редких встреч решился

один раз дернуть за косичку, в чувствах не признавался, но обстоятельно докладывал о способах размножения червей — в общем, не имел шансов. Одноклассник Боря был проще, понятнее, ближе и — что тогда было совсем немаловажно — намного симпатичнее внешне. Высокий, зеленоглазый, светловолосый, хулиганистый, он вел разговоры за жизнь, собирал кассеты с записями Высоцкого и болел за сборную Италии по футболу, как мой папа. Все. Карты сошлись.

Когда видишь объект своего вожделения каждый день и рассчитываешь на взаимность, долго молчать не станешь. Борис продержался пару месяцев, а потом решился. И я сразу же должна была сказать, нравится ли он мне. Мне нравилось его внимание, нравилось проводить с ним время, мечтать об истории, похожей на описанную Кавериным. А Борис… Борис любил говорить о том, что своих целей необходимо добиваться во что бы то ни стало. И чем это не «Бороться и искать, найти и не сдаваться»? Я сдалась.

— Нравишься, — пролепетала я неуверенно, даже не думая о том, что это вполне невинное и в общем вытребованное у меня слово приведет к четырем годам какого-то наваждения, к любовной лихорадке, которой я заболела и не желала поправляться вопреки здравому смыслу.

«Нравишься» — и понеслось. Прогулки за ручку, бесконечные поцелуи, сначала стыдливые, а потом бесстыдные. Когда сейчас я вижу абсолютных детей, прилипших друг к другу в автобусе или на эскалаторе в метро, мне становится неловко. Нет, не за них. За свои воспоминания. Как глупо мы выглядели, как странно, как смешно и нелепо. Дети с претензией на взрослость. Но мы имели право. Никто не в состоянии измерить глубину чувств и силу эмоций. Нет ничего несправедливее фразы: «Ты еще ребенок и не можешь знать, что такое любовь». Как же не могу, если люблю? Если, засыпая и просыпаясь, я думаю только о нем? Если, сидя за партой, я неотрывно смотрю на дверь, сгорая от нетерпения скорее его увидеть? Если, только что расставшись, я уже жду телефонного звонка, чтобы еще часа на три зависнуть на проводе? Если я умираю от ужаса просто от того, что ему удалили аппендицит, и, стесняясь узнать у его родителей конкретный корпус и номер палаты, ставлю на уши всю Морозовскую больницу? Если летом я каждый день на даче проверяю почтовый ящик и все время вздрагиваю от стука калитки во внеурочное время: а что, если все же приехал? Если полученные письма я храню под подушкой и перечитываю признания тысячи раз подряд? Если я слушаю кассету с записанными специально для меня — его голосом — словами (да-да, подсмотрено в «Вам и не снилось», но от этого не менее приятно) до зажеванной пленки?

Если учу наизусть обожаемого им Высоцкого? Если в тот день, когда он должен вернуться с каникул, выписываю нервные круги вокруг телефона, а когда он звонит и мы договариваемся о встрече, я исполняю победный танец и визжу от восторга? Если в сам момент встречи сердце стучит и прыгает так, что волнуешься: не удержишь? Дрожат руки и голос, по коже мурашки, внизу живота бабочки, в горле ком, а в душе соловьи? Что это, если не любовь, и чем она отличается от той, которую испытывают более взрослые люди? В общем, кроме внешнего вида исполнителей, ничем. Безусый мальчишка и девочка с косичкой. Влюбленные дети, и это прекрасно.

Прекрасное пролетело мгновенно. Наверное, за год. И вот тут бы закончить эту историю. Пусть разочарование, пусть тяжелые переживания. Но со временем страсти бы улеглись, и остались бы только светлые воспоминания о первом чувстве. Но так не случилось. Вышло совсем по-другому. Ссоры, какие-то нелепые обиды, бесконечная демонстрация своего «я» со стороны Бориса и мои робкие попытки это странное «я» усмирить. Вынужденные каждодневные встречи — не лучшие условия для прекращения отношений. Когда ты ссоришься, ругаешься, решаешься на что-то, а потом снова видишь человека — тут же забываешь о данных себе обещаниях. И снова делаешь шаг навстречу, снова звонишь, снова пытаешься склеить и начать заново.

Начинала всегда я. Так сложилось. Когда ты делаешь первый шаг один раз, другой, третий — от тебя этого шага начинают ждать всегда. Зачем беспокоиться? Все равно она позвонит, прибежит, возможно, еще и прощения попросит. Это логично. Я сама допустила такое отношение, сама его создала. А Борису нравилось быть Онегиным. Рецепт «чем меньше женщину мы любим — тем больше нравимся мы ей» в данном случае сработал стопроцентно. Мой избранник являл собой некую смесь пушкинского героя с Печориным, на которого походил не только внешне. Казалось, ему нравилось ставить надо мной эксперименты. Придумать очередной повод для обиды и ждать, сколько я продержусь на этот раз, прежде чем начну искать примирения. А я мирилась и примирялась. С ним, с его характером, с уязвленным и почти забытым чувством собственного достоинства. Почему я это делала? Зачем?

Оценивать свои поступки, объяснять их смысл, тем более честно, — невероятно сложно. А зачастую и сам человек не способен на это. Но я все же попытаюсь. Скорее всего, во мне очень мощно уже тогда был развит синдром отличницы. Он развит и сейчас. То, чего я делать не умею, я и не пытаюсь делать. Но признать себя неудачницей на любовном фронте или в

семейной жизни всегда было и есть выше моих сил. Эту сторону бытия я выбрала своей самой сильной стороной и (видимо еще тогда, в школе) решила, что не могу потерпеть фиаско в любви. Порвать отношения означало признать себя никчемной, ненужной, неинтересной. Почему-то мне так казалось. Возможно от того, что во время ссор я плакала, истерила, переживала, а Борис всегда был спокоен и невозмутим. Он казался непробиваемым и равнодушным. Наверное, таким и был. Точнее — стал. Всегда тяжело признавать, что к тебе охладели. А я этого замечать не желала. Я — такая красавица, такая умница, да любой за счастье почтет. Но любой мне был не нужен. Нужен был только этот. Чтобы как у Кати с Саней из «Двух капитанов». Чтобы до гробовой доски с кучей ребятишек. Ну не дура ли? Конечно, дура. Тем более разговоров на эту тему никто, ясное дело, не вел и обещаний никаких не давал. А я — ну хоть тут ума хватило — и не спрашивала. Как-то было понятно, что мы учимся в школе, мы — одноклассники, мы вместе. Просто так есть. А как будет — об этом мы никогда не говорили.

На протяжении трех лет Борис неустанно пытался доказывать мне свое лидерство и превосходство. Сейчас я понимаю, что так будет вести себя только закомплексованный, неуверенный в себе мужчина: расстраиваться и обижаться на меня за то, что я получила высшую оценку, что меня выбрали в лидеры школьного лагеря «Доверие», что мое сочинение признали лучшей творческой работой года. Не радоваться за меня, не гордиться мной, а обижаться. Его преданная собачка бежала впереди хозяина. И надо было ее осадить, дернуть за поводок, наговорить гадостей и обидеться до глубины души. И пусть поплачет, подумает о своем поведении. Никуда не денется, все равно со мной будет. Наши отношения напоминали функцию с постоянной параболой под осью икс. То ровные, нормальные, обычные отношения влюбленных подростков (свидания, болтовня, поцелуи), то очередная высосанная из пальца придирка. И мир для меня окрашивался в черный цвет.

Первого сентября выпускного класса Борис сказал мне:

— Ты же знаешь, что я поступаю в МГИМО. Ты же понимаешь, как для меня это важно. Подготовка будет отнимать очень много времени. Наверное, я не смогу провожать тебя в этом году.

Не по понедельникам, средам и пятницам, когда были курсы. А в этом году. Так и сказал. Все, дорогая, провожать надоело. Целоваться с тобой в подъезде тоже. Есть куда более важные цели. В школе на перемене можно. Почему бы и нет? Усилий делать не надо, уговаривать тоже. Надо ведь где-то целоваться, раз от проводов пришлось отказаться.

— Ты же понимаешь? — Он проникновенно смотрел мне в глаза и даже положил руку на колено, пробормотав при этом что-то вроде: «Наконец-то дотронулся!»

Ну конечно, я сразу вошла в положение поступающего в вуз. Как будто сама не училась в одиннадцатом и не собиралась сдавать вступительные экзамены. И не куда-нибудь, а в МГУ. Конкурс на филологический, конечно, не двести человек на место, но проходной бал — девятнадцать из двадцати. На хромой козе без знаний в голове и труда не въедешь. На самом деле, наверное, мне надо поблагодарить Бориса за редкие встречи в выпускном классе. Я усиленно занималась тем, чем и должна была: учебой. Возможно, поэтому и поступила. Борис тоже исправно посещал курсы при своем институте, с энтузиазмом рассказывая, какое количество материала — мне и не снилось — он должен запомнить и как много информации — куда там моему женскому мозгу — усвоить. Он растворился в своем желании стать студентом, и все остальное отошло на второй план. И даже наши ссоры, его обиды, недовольства, желание соперничать со мной и без конца что-то делить. Отношения стали ровными, как у супружеской пары, прожившей вместе лет …дцать и продолжающей жить вместе по привычке и инерции. Зачем? Ни обязательств, ни детей, ни общего хозяйства. Просто одноклассники. Неужели одного этого факта было достаточно для того, чтобы отношения продолжались и продолжались? Страх разрыва? Боязнь остаться одной? Ерунда! Мне было всего шестнадцать! Почему я продолжала тратить время на человека, который отвел мне совсем не первое место в своей жизни?

Ответ очевиден. Девочка все еще была влюблена. Она была влюблена в мальчика, который говорил, что она самая красивая на свете, в мальчика, который наконец вырос до букета тюльпанов на Восьмое марта, в мальчика, который прибегал всякий раз, когда она заболевала и не приходила в школу, в мальчика, который мог разговаривать с ней по телефону ночи напролет. А может быть, она была влюблена в свое чувство. Она так привыкла, что оно есть, и не знала, как будет жить без него. Глупышка!

И вот выпускной. Конечно, все мысли о предстоящих экзаменах. Какая там любовь! Она дышит где-то рядом, тоже поступает, каждый день звонит и докладывает о прожитом дне. Вот еще немного, еще чуть-чуть потерпеть, поднапрячься, поступить, и вот тогда… А что тогда? Об этом мы тоже не говорили. Или я просто забыла. Неужели не думала о том, что взрослая жизнь внесет свои коррективы? Что учеба в разных вузах может отдалить и развести? Что новые встречи и знакомства

окажутся интереснее старых? Можно мне не поверить, но я на самом деле не размышляла на эту тему. Почему-то казалось, что закончатся экзамены, и мы будем снова проводить время вместе. Вот только поступим…

Я поступила. Борис провалился. Даже не знаю, что стало для него бóльшим ударом: его собственный провал или то, что я при этом посмела стать студенткой МГУ. В общем, его чувство собственного достоинства в очередной раз страдало, гордость была попрана, самооценка уязвлена. И виновата в этом, определенно, была я. Его излюбленной фразой в ответ на практически любую мою реплику стала:

— Не знаю, мы университетов не кончали.

Я страдала, переживала, сочувствовала. Утешала и пыталась отвлечь, говорила все то, что должно говорить в таких случаях, пела дифирамбы и ругалась. Взывала к здравому смыслу, к тому, что жизнь продолжается и, в конце концов, я-то все равно его люблю!

— Как же, любишь? Мы ведь теперь глупые, никому не нужные неудачники. Мы университетов не кончали.

В таких диалогах пролетело лето. Борис поступил на подготовительный факультет МГИМО, и его настроение несколько улучшилось. Но стоило мне при встрече упомянуть свою институтскую жизнь, как начиналась старая песня:

— Ты мне об этом не рассказывай. Я университетов не кончал.

В конце сентября у моей подруги был день рождения. Она собирала большую компанию своих однокурсников — студентов-медиков, мне тоже предложила прийти с молодым человеком. Борис идти категорически отказался. Велел позвонить, когда вернусь. Позвонила. Пыталась что-то рассказать веселое и никак не связанное с тем, что компания была студенческой. Но он все же нашел, к каким словам прицепиться, и я в очередной раз слушала упреки и нескрываемое недовольство тем, что я поступила, а он остался не у дел. Не знаю, что на меня нашло. Затмение или, наоборот, шоры упали с глаз? И произошло ли это в одночасье или просто мелочь стала последней каплей в череде моих накопившихся обид и разрушенных ожиданий. Я не стала утешать. Не стала говорить о том, какой он прекрасный и замечательный и как сильно я его люблю. Зачем? Я знаю реакцию, знаю ответ и больше не хочу его слышать. Вместо этого я очень спокойно сказала:

— Знаешь что? Мне это надоело! — И откуда только оно взялось, это спокойствие, если раньше я рыдала сутками напролет, стоило нам поссориться из-за пустяка?

— Что это? — От небывалой наглости он на мгновение оторопел, но тут же перешел в наступление: — Может, я тебе тоже надоел?

— Ты мне не надоел, — мне все еще удавалось сохранять ровный голос, — а вот твое поведение порядком.

— Да? — В его тоне прозвенели ледяные нотки. — Ну что ж, захочешь извиниться — позвонишь!

Я зажмурилась, как перед прыжком. Я действительно намеревалась прыгнуть. В неизвестность, в пропасть, в новую жизнь. Мне было очень страшно, ужасно. Но было и легко, и спасительно, и отрадно.

— Борис! — Я успела окликнуть звенящую тишину.

Тишина отозвалась надменным, снисходительным холодом:

— Да?

И я полетела:

— Я не позвоню!

Я говорила не ему, это я сказала себе и обещание сдержала.

Это было нелегко. И получилось вовсе не потому, что я такая сильная и решила не отступать от своих слов. И вовсе не потому, что чувство, которое я лелеяла и выращивала в себе четыре года, завяло в один день. Да, его на славу сдобрили сорняками, иссушили колкостями, уморили обидами, но не убили. Первая любовь тихо загибалась где-то на отведенной только ей грядке моего подсознания. И если бы ее вовремя полили, если бы о ней вспомнили телефонным звонком или встречей и нежным словом, она бы наверняка снова зацвела. Но этого не случилось. А случилась новая встреча, новый мальчик, мужчина, муж.

И это именно он поднимался теперь по школьной лестнице, глядя на меня с улыбкой. Он прекрасно видел, кто сидит рядом со мной. Прекрасно понимал, что случайная встреча с Борисом на дне рождения школы не сможет оставить меня полностью равнодушной. Ни глупых обид, ни слова упрека, ни тени ревности. Это не детская мудрость, это — уверенность в себе, это то, что заставляет женщину сделать, в конце концов, правильный выбор.

— Беседуете? — Андрей смотрел на меня, пытаясь разглядеть в моих глазах нечто, чего там не было. Не найдя, спокойно сказал: — Ладно, пойду пообщаюсь с народом. Потанцуем потом? — Он подмигнул мне.

— Конечно.

Мы с Борисом снова остались одни. Вокруг было полно народа. С появлением Андрея прибавилось и любопытствующих, и сочувствующих. Но мы были одни, потому что Боря по-прежнему втирался в мое плечо и проникновенно шептал:

— Вот представь, как потянет друг к другу в сорок лет.

Я только усмехнулась:

— Кто знает, что будет в сорок лет. А сейчас я пойду потанцую. С мужем.

Итак, мне сорок лет. Судьба мне многое подарила: живы и еще достаточно сильны родители, много лет я живу с любимым и любящим мужчиной, у нас двое прекрасных детей и собака. Я занимаюсь делом, которое приносит удовольствие. В моей жизни много друзей и знакомых. А Бориса в ней нет. Первая любовь есть. Она никуда не делась. О ней забыть невозможно, да и не надо. Ведь она была когда-то, в прошлой жизни, где-то очень далеко, с кем-то, практически не со мной. Любовь есть, а Бориса в ней уже нет. Только воспоминания о нем. Мне сорок лет. И меня к нему совсем не тянет.

Впрочем, его ко мне, видимо, тоже.

Роман Волков

Волков Роман родился в 1979 году в Пензе. После окончания сельхозакадемии начал пробовать себя в прозе. Побывал со своими рассказами на трех форумах молодых писателей в Липках, откуда и началась его карьера литератора. Об этих давно забытых днях рассказ «Сценаристочка».

Сценаристочка

Не помню, сколько мне тогда лет было, не то шестнадцать, не то восемнадцать. Помню, что был совсем беззаботный и несерьезный: ничего не парило, все было впереди, и неведомые тогда беды и тягости, которые, как казалось, будет так здорово и интересно преодолевать, и великие открытия и достижения, которых должно быть куда больше, чем падений.

Надо сказать, я и сейчас-то не особенно остепенился и не стал, к огорчению мамы, серьезным. Могу, например, в магазине замяукать кошкой, чтобы все бегали и искали несчастное животное. Или по ржавой лестнице залезть на полуразрушенную водонапорную башню, чтобы посмотреть — а как там все устроено. Или просто — с моста в реку плевать.

Вот и представьте тогда, какой я был в юности. Абсолютно несерьезный. При этом достаточно крепкий, если не сказать даже толстоватый, с бородкой, очки носил профессорские, а вот в голове ветер гулял, как в голубятне.

А вот с девушками у меня тогда не особенно получалось. Это, увы, не значит, что сейчас все наладилось, скорее наоборот, просто от этого тосковать начал, как соловей без неба, а тогда еще ерепенился. Эх! Девушки-то любят тех, кто посерьезнее, а я, как мы это уже выяснили, на такого не походил.

Хотя был вроде не совсем дурачок, компанейский, даже стихи писал и рассказы. Писал, писал и в один прекрасный день дописался до того, что мои рассказики оценили великие критики, и меня пригласили на форум молодых писателей в Переделкино, от Союза писателей Москвы.

Странно, вроде много времени прошло, а как будто это было не только вчера, а даже сегодня.

Рюкзак я сам собирал. У меня был большой, столитровый, профессиональный туристический, с нашивками от походов — поверх него гитара примотана, как станковый пулемет. Кроме этого я зачем-то надел старый камуфляж с нашивками волжского казачьего войска. Папа презентовал полковничью каракулевую папаху, которая еле помещалась на затылке, так что вид у меня был абсурдный, до сих пор не могу понять, зачем надо было так вырядиться.

Но когда я вошел в актовый зал Дома писателей в Переделкине, никто пальцем у виска не крутил, а если и ахнул, то скорее от восторга. Получилось что-то вроде входа Буратино в кукольный театр Карабаса-Барабаса. Вся прочая писательская братия была одета кто во что горазд: кто в растянутый черный

свитер на пять размеров больше, кто в дурацкую бабью кофту, кто в балахон «Металлика», а кто в костюм с галстуком, в котором дедушка на выпускной ходил. Так что я в своей казачьей амуниции моментально произвел фурор, как и ожидалось.

Я сразу представился: народный сказитель из Пензы, и, мол, у нас все так одеваются, кто не казак — тот сказочник, или гусляр, или ложечник. Не прошло и пяти минут, как мы со всеми передружились. У меня с собой была такая дерматиновая штука, органайзер, маленькая сумочка, вроде борсетки, в которую были вставлены блокнот, линейка и прочая ерунда. Мама подарила. Ну и я в этот блокнот записал телефоны, адреса и электронки новых товарищей. Получилось сорок человек! И все — из разных городов, и все — начинающие писатели.

Ну так и начался наш форум под руководством маститых художников слова. Сперва были лекции, потом мастер-классы, на которых мы разбирали тексты друг друга. Читали, советовали, обсуждали. Многие тексты, если их хорошо оценивали, брали для публикации в так называемые «толстые» журналы, которые никто не читал. Семинары делились по категориям: «проза», в которой был я, «поэзия», «критика» и «драматургия».

Так вот, семинар драматургии вел какой-то знаменитый сценарист, и было в нем всего слушателей… но зато каких! Драматургов из калашного ряда! Тогда этот жанр казался не просто непонятным, но и недоступным. Мир театра и кино был на сто тысяч световых лет дальше, чем Москва. И если до столицы как-то удалось докатить, то до киносценариев никогда не добраться.

Были счастливчики, которые каким-то невероятным образом пролезли в рекламные агентства, писали сценарии для роликов или даже для фильмов, но я их в глаза никогда не видел. Писатели-поэты — да, они и в Пензе у нас водились, такие же, как и эти, в таких же свитерах и школьных костюмчиках. А сценаристов у нас не было. Да и быть не могло.

И вот там, на этом семинаре, я и увидел слушательницу-сценаристку. Если преподаватель был просто небожителем, но хотя бы человечным (мне доводилось бывать на выступлениях всяких великих людей, и я мог даже с ними разговаривать почти на равных), то ее даже богиней сложно было назвать. «Богиня» — это непонятное слово, настоящих богинь никто в глаза не видел, а статуи слишком каменные, ты восхищаешься не женской красотой, а талантом скульптора. Ангел? То же самое.

Вот, даже сейчас я растерялся, вроде бы умею рифмоплетствовать, а не выходит пары слов связать. Потому что

красота была настоящая. Ошарашивающая. И не модельная (моделей мне тоже довелось видеть во всяких там журнальчиках), а величественная, пригвождающая тебя к воздуху. Такие женщины не должны находиться в домах писателей, им место — на королевском троне или в раззолоченных носилках, и чтобы осмелившемуся бросить на них взгляд сразу рубили тупую башку.

Ну а уж если инопланетный корабль таких нечеловечески прекрасных существ и занесло в Переделкино — то только на семинар драматургии. Чтобы обсуждать с создателем какой-нибудь киноэпопеи свой артхаусный фестивальный сценарий, попивая ароматный кофе, пока мы, поэты и прозаики, давились дешевым пивом, смакуя свои сюжеты про панков и алкоголиков (кем в большинстве сами и являлись).

Кто-то еще и бросил:

— Она уже два фестиваля со своими фильмами взяла. Ну ясно почему — она же (кхе-кхе) ученица Алексея Штеймана! Старого козла! Ну понятно (кхе-кхе), чему и как он ее там учит! И понятно, почему она выигрывает, — он же председатель жюри на всех этих фестах — ха-ха! И понятно, откуда у нее столько бабок, там только за третье место приз под миллион!

А миллион по тем деньгам было… ну не знаю, как годовой бюджет Пензенской области. Нам-то не то что гонораров не платили, существовала даже обратная ситуация, отраженная в пословице «молодой писатель — это тот, кто издается за свой счет, а пьет — за чужой».

И еще она была коренной москвичкой и в Лите (то есть в Литинституте) училась, а это для всех для нас, выпускников Сельхознавоза или Заборостроительного, казалось вообще нереальным. Великие писатели учили писать пять лет, представляете? А нас кто учил? Улица родная? Ну вот и понятно, чему научила.

И всем нашим эта сценаристочка, разумеется, не понравилась — по той же самой причине. Девчонки ей обзавидовались, а парни — струсили, почувствовав свое собственное ничтожество.

А вот я… В общем, не знаю, влюбился в нее или нет. Наверное, нет, потому что в те годы был очень сознательный и не стал бы прыгать выше головы. Да и она на меня, пожалуй, никогда бы не обратила внимания. Ну так, знаете, как идешь по улице и, когда никого нет, пинаешь ледышку. Пинаешь, пинаешь, скачешь на одной ножке, а тут глядь — на дороге стоит роскошная машина, и из окошка твоя ровесница — смотрит на тебя с этаким брезгливым интересом.

Или еще пример: вы в пустом магазине нашли дурацкую шляпу, нахлобучили и кривляетесь перед зеркалом, а сзади

покашливание. Вы оборачиваетесь — а там девушка держит в руках коктейльное платье на вешалке и, нахмурив брови, пытается вас не замечать.

Что делать? Понурить голову и поплестись восвояси? Или наоборот, продолжить дурачиться, мол, что хочу, то и делаю, и имел всех вас в виду, умников. У вас — свой мир, а у меня — свой.

В общем, мы веселой труппой прошли мимо сценаристки, гремя бутылками в пакетах! А она даже не обратила внимания, сидела за столиком в черном платье, пила кофе и очень быстро набирала текст слепым десятипальцевым методом. Быстро-быстро тонкие пальцы летали над клавишами ноутбука, серебряного и крошечного! Такой был только у владельца нашего комбикормового завода, когда он из Москвы приезжал. А все хохотали:

— Ром, идем, что ты рот открыл, как баран на новые ворота? Пошли уже с горки кататься, а потом в баню!

— Пусть пишет свою пургу, нас ждут дела поважнее!

— Спой нам лучше про «Боинг»!

И я затянул под гитару моднейшую в то время песню:

Спой нам, ветер, песню про разбойников!
Про лесное злое воронье!
Как они захватывали «Боинги»,
Как они летели на Нью-Йорк!

И все отправились кататься с горки, потом — в баню, потом — в бильярд, и я постоянно проигрывал и кукарекал под столом, а сценаристка так и осталась сидеть за угловым столиком в фойе. А когда мы возвращались по своим номерам далеко за полночь, она так же быстро-быстро печатала на своем лэптопе при свете зеленой лампы.

На другой день все повторилось.

На третий я все же подошел к ней, состроил самое серьезное выражение лица и небрежно сказал тщательно отрепетированную фразу:

— Привет! Не скучаешь?

Она глянула на меня после продолжительной паузы, снизу вверх — как Петр Первый смотрел на царевича Алексея перед тем, как отправить на казнь.

— Работаю.

Я ожидал такой ответ и продолжил:

— Круто. Что, сценарий пишешь?

— Да.

Пауза. Ничего, и к этому мы были готовы.

— Ясно. А это, может, пошли с нами? Затусуем там, песни попоем, все такое.

Она так брезгливо, устало и недоуменно сморщилась в ответ, как будто ей сознались в том, что намочили штанишки.

— Мне некогда. Мне завтра драфт надо сдать. Уже третий!

Я не знал, что такое драфт, но понимающе кивнул:

— Понятно. Ну, у нас тоже семинар, тоже тексты надо читать. Мы пару часиков потусуем, а потом разойдемся. Пошли?

И руку еще протянул, все-таки я был не из трусливых. Но она снова уткнулась в ноут и удалила пару слов.

Опять пауза.

— Ну что, пошли? — повторил я.

— Что? — переспросила она так, словно я только что перед ней появился и никуда не приглашал. — А, нет же, я говорю. Мне писать надо.

И я пошел к своим поэтам-прозаикам, и они еще поиздевались:

— Что, Рома, пригласил сценаристочку? Как она ловко тебя отбрила! И правильно сделала, чтобы ты ей про комбикорма свои рассказывал? Или про мясокостную муку? Ха-хаха!

Но! Назавтра я, проходя мимо зеленой лампы, улыбнулся и помахал девушке рукой. Она, конечно, не сделала ни того, ни другого, но хотя бы подняла голову и мельком на меня глянула. Правда, на другой день она меня не услышала, но это, вероятно, из-за наушников.

А потом было торжественное закрытие форума. Проходил он в столовой, там собрались все — поэты и прозаики, критики и драматурги, и даже мастера и организаторы сняли с себя образ великих гуру, все общались, как старые друзья, — общались в неформальной обстановке, хохотали, пели и танцевали.

А вот ее — той самой сценаристочки — не было. Более того, когда мы, гремя бутылками в пакетах, торопились в банкетный зал, она снова сидела в углу над клавиатурой, опершись локтями. Странная поза была, и я помахал ей рукой, мол, пошли с нами, но она даже голову не подняла.

И вот, все веселились, я пел, как греческий бог, а сам все думал: почему же она не пошла на вечеринку? Загадочный драфт сдавать уже было не надо: семинары-то кончились. Ну и совсем уж игнорировать организаторов было невежливо, могла бы зайти на пять минут, сказать спасибо за мастер-классы, а потом, если уж так все наши рожи противны, вернуться к своему сценарию.

Нет, она за своим столиком как-то странно сидела. Вроде как устала и лицо охватила руками, чтобы глаза отдохнули. Хм. А

плечи? Как-то странно она плечами двигала. Типа гимнастика такая, если мышцы затекли?

— Ну что, Рома, довел до слез свою сценаристочку? — наконец спросил у меня кто-то. — Сидит, рыдает в своем углу, ха-ха! Странно, что она тебе еще по морде не надавала за назойливость. Или ты ей, ха-ха!

Тут у меня в голове все сошлось, я отложил гитару и побежал в фойе. Она плакала! Черт, может, я как-то могу помочь? В такие моменты любая перестает быть богемной сценаристкой, а становится обычной девушкой.

Ну чего она плачет? Может, что-то со сценарием не получается? Так я подскажу что-нибудь! Как могу, по-сермяжному, про комбикорм, но иногда это тоже помогает! Историю расскажу, я их много знаю!

Но столик слева от барной стойки пустовал. Я пометался по пустому темному фойе — было тихо и безлюдно, даже буфетчицы ушли на банкет. Может, на улицу пошла? Выбежал за дверь — и схлопотал колючую пощечину от ветра. Снег засыпал узенькие тропинки, в ночном полумраке ни единого следа на них видно не было. Только в жилом домике справа одиноко светилось окно на втором этаже. На втором этаже как раз жила команда драматургов.

Даже не набрасывая бушлата, я, проваливаясь в сугробы, побежал на свет, пинком распахнул дверь, ринулся вверх, громыхая по деревянным ступенькам. Дверь в комнату была открыта, и из нее раздавался тоскливый вой.

Так голосят в деревнях старухи на похоронах у внучат или визжат кошки, крутясь волчком, когда их сбило машиной. Сценаристка сидела на полу под подоконником, в своем черном платье, в белых носках, обняв колени, сжав кулачки, и ревела, перекрикивая ветер, который хлестал вместе со снегом из раскрытого окна.

Выглядел я как нелепый призрак из мультфильма, когда ворвался в дверь в камуфляжных штанах и расшитой русской рубахе, озаряемый лунным светом, но в тот миг об этом думать было некогда, я просто неуклюже кинулся к ней, бухнулся рядом и обнял, просто сгреб в охапку. Она никак не отреагировала, продолжала плакать, как будто ничего и не произошло.

— Ну что вы… — зашептал я. — Что вы… Ну разве так можно… Ну, что случилось?

Она подняла голову, вытерла слезы кулаком, отчего на кисти появились черные разводы. И снова уткнулась лицом в колени.

— Леша уехал… Зачем все это… Все зря. Все зря…

Я осторожно погладил ее по затылку, но она взбрыкнула

головой, и мне пришлось отдернуть руку.

— Ну что вы, ну почему зря… Ничего не бывает зря… — И тут же замолчал, прямо ожидая в ответ чего-то вроде: «Да много ты понимаешь, умник комбикормовый! Зря не зря! А ну вали отсюда!» — но она снова заплакала:

— Драфт уже третий… в корзину… я его год писала… из Лита ушла… даже не на заочный, а все, насовсем… не восстановят…

От этих слов я и сам похолодел — страшно представить, какой смелостью надо обладать, чтобы бросить институт, да еще какой — Лит! — ради сценария, и он вдруг летит в помойку.

— Ну… может… примут… и сценарий, и в институт… вас… назад примут…

Она помотала головой, так что волосы растряслись вороньим гнездом.

— Кто примет? Ректор? После того, как я ему… Или может Штейман? — И фыркнула. — Он уже с Наташкой уехал на освоение локации… В Штаты! Понятно, кому нужна моя история! — Она схватила толстую пачку бумаги с распечатанными столбиками реплик и швырнула ее в открытое окно. — В корзину! Все в корзину! Вся жизнь в корзину! — Ветер весело подхватил листы, перемешал их со снегом и понес играть в черную даль.

Я крепко сжал девушку, чтобы унять новый приступ бешеной тряски.

— Ну не надо… не надо! Ну не эта история, так другая! И лучше, еще лучше напишете! Честное слово!

— Не напишу… да и незачем… Все это зря…

Она вырвалась и разжала кулак. А в нем была белая пластмассовая баночка.

— Все зря, зря с самого начала… не туда… не хочу так, не надо так! Бессмысленно, я — бессмысленная, жизнь — бессмысленная!

И, поддев крышечку большим пальцем, она запрокинула голову, и крохотные таблетки снежным водопадом посыпались ей в раскрытый рот. И тут мне невероятным образом удалось выбить баночку и отшвырнуть под кровать.

А она покорно съежилась и беззвучно зарыдала.

— Не надо! Пожалуйста, не надо! — затараторил я, расшвыривая ногой точки таблеток по углам номера. — Ну все же только начинается!

— Все кончилось…

— Этот конец — он вовсе не конец, а начало! Теперь все только и начнется по-настоящему!

— Что? Что начнется? Уже нет хода в кино! Все! Кончилось кино! Никогда не будет! Леша уже сказал кому надо, что все, и в Лит тоже! Чему тут начаться?

Я сглотнул. Я и мечтать не могу — ни о кино, ни о Лите, но тем не менее с жаром ответил:

— Не будет, и слава богу! Слава богу! Ну посмотрите, как хорош этот мир!

А мир-то был плох: за окном было черным-черно, даже луна спряталась за мрачной тряпкой, и острые снежинки, как из заледенелого душа, сыпались в оконную щель.

И сценаристка так и сказала:

— Дрянь этот мир.

— Так давайте делать его лучше! Ну если кином не получается, ну хоть как-то по другому! Людям помогать!

— Как? Как им помочь? Не хотят они, чтобы им помогали!

Я улыбнулся.

— Хотя бы таблетки у них выкинуть.

Она вдруг резко выпрямилась и встала, опершись о подоконник. Вытерла размазанную тушь тыльной стороной кисти, швыркнула носом. И все сразу снова стало на свои места даже в отрыве от позиций «опытная сценаристка и начинающий прозаик». Просто роскошная, пусть и заплаканная, молодая женщина, и чувак в мятой расшитой рубахе до колен, в круглых очках и камуфляжных штанах.

— Ладно, вы правы, — сказала она, кивком указывая мне на дверь. — Спасибо. Идите. Я не буду больше плакать. Спать лягу.

Я опустил голову и отправился восвояси, правда, не в свой номер, а снова в банкетный зал, где барагозил до утра, так что чертям стало тошно.

А рано утром меня разбудил стук в дверь. Казалось, только-только опустил голову на подушку, а тут уже будят. Было часов шесть. С трудом понимая, где нахожусь, я прошаркал в одних трусах через весь номер и распахнул дверь.

А там стояла она — в шубке, шляпке и с чемоданом. Стараясь не глядеть на мое голое пузо, она сказала ровным голосом:

— Спасибо вам. Вы… хороший человек. Я верю, у вас все будет в жизни хорошо. Бог вас обязательно отблагодарит. И я тоже, как смогу. Удачи вам.

Развернулась и покатила свой чемодан к выходу, цокая каблучками.

А я пошел спать. Что мне оставалось делать?

А как ее звали, так и не спросил.

Много лет прошло с тех пор. Двадцать или что-то в этом роде.

Меня пригласили в Литературный институт, и я ушел со своего комбикормового завода, жил в общежитии в Москве. Потом работал в рекламе и снимал ролики, и каким-то чудом попал в кино, и по моему сценарию сняли первый фильм, а потом и второй. Выходили книги, я складывал авторские экземпляры в пакет, а потом и во второй, и поднимался, поднимался, чтобы упасть, да так, что подняться уже невозможно. Прекрасно помню ту ночь, переходящую в утро — черное холодное и снежное. В трубах выл ветер, в комнате монотонно бубнил телевизор, который у меня не было сил выключить. Я сидел на полу у себя на кухне среди разбросанных листов бумаги, из раскрытого окна сыпались крошечные льдинки, а в кулаке я сжимал белую пластмассовую баночку с сильнейшим транквилизатором, который прописал психотерапевт, — от приступов паники и неврозов. Пузырек был почти полным, за пару недель я принял оттуда только одну таблетку и погрузился в вязкий ватный сон почти на пару дней. Сколько там их оставалось, маленьких бессловесных кругляшей, веселых снежных колобочков? Девяносто девять? Вполне достаточно, чтобы выключить все и навсегда.

Потому что все было ненужно и бессмысленно.

Все.

Тропинка, по которой я так уверенно топал, привела меня в болото. Вперед было нельзя идти, и назад тоже.

Да и некуда было возвращаться — того толстого мальчишки в расшитой рубахе и очках, который не боялся дурачиться и хохотать, давно не было. Он перестал существовать, а на его месте возник я — странный и бессмысленный элемент этого недружелюбного мира, сидящий на полу среди груды ненужных бумажек.

Много книг, статей, заметок и отправленных самому же себе по почте сценариев (драматурги так делают, чтобы не украли права на текст) накопилось за мою жизнь, начиная с девяти лет — самая первая называлась «Теремок», и за меня ее написал папа, и отдал в местную газету за моей подписью. А вот раздербаненный органайзер с десятками телефонов и пожеланиями успехов бывших соратников по писательскому ремеслу — где они, и как я использовал эти пожелания? Никак! Сотни заметок, две огромные пухлые папки, глянцевые, истлевшие, пожелтевшие и даже рукописные.

Все прошло, потерялось и осталось только в этих жалких словах на этих листочках, больше нигде, все про них забыли!

Разве для этого я все начинал? Слепил глаза вечерами и ночами, писал в электричках и аэропортах, на салфетках и в

ноутбуках, чтобы родить этот хлам? Разве эта макулатура кому-то принесла хоть немножко счастья?

Да и я сам давно забыл, как это — быть счастливым. И если бы не эти вырезки — так бы и не вспомнил.

Все я испортил. Всю свою жизнь. Не ухаживал за ней, не следил за каждым ее кирпичиком, каждой травинкой, и вот она вся раскололась, разбилась вдребезги.

…И еще одна новость к этому часу. Удалось идентифицировать останки еще одного погибшего при авиакатастрофе под таежным поселком Ырьян-Пышма. Анна Королева — общественный деятель, создатель международного благотворительного фонда «Помощь идет» погибла в возрасте сорока двух лет. Она сопровождала груз медикаментов к пострадавшим во время наводнения при аварии на Восточно-Сибирской ГРЭС…

Экран телевизора отражался в стекле кухонной двери, и я сразу узнал невероятно красивое лицо бывшей сценаристки.

Она смотрела мне прямо в глаза и улыбалась радостной счастливой улыбкой.

И я тоже улыбнулся ей в ответ.

Может, и правда — все начинается.

Кипр, 2017

Татьяна Веденская

Татьяна повествует о необычном опыте переполненной событиями жизни, о странствиях юности, о любви к семье, которая, как она уверяет, в конечном счете ее спасла. Искренность, умение посмеяться над собой, оригинальный взгляд на самые простые вещи — вот что отличает ее книги. Татьяна уверена, что выход есть даже из безвыходных ситуаций, и она показывает его через увлекательные истории своих героев.

Лекарство от любви…

«Последнее, что я могу вспомнить, — это ветер, в тот момент я чувствовала его, я даже могла разговаривать с ним, я понимала его — почему он дует, куда и зачем он вечно пытается улететь. Я смотрела на свои руки, и мне казалось, что они живут своей жизнью, что они — отдельное существо, какая-то гидра многоголовая, которая танцует прямо в воздухе, перед моим лицом. Я не понимала, где я, почти забыла, кто я, мне осталось не больше пяти шагов до полной пропасти — но и этого было мало, потому что мне было все еще настолько больно, что я почти не могла дышать. Первая любовь? Не знаю, может быть, у всех так, а может быть, только у меня. Я не была уверена, что смогу пережить эту ночь».

Семинар начинается в шесть, но многие опаздывают — пробки. Организатор — полненькая, симпатичная женщина «бальзаковского возраста» — спокойно пьет чай. Этим она и подкупала всегда, своей глубокой безмятежностью, обычно свойственной только беременным женщинам на больших сроках. Психолог Ирина беременной не была, но тоже часто «улетала» внутрь себя, да так далеко, что снаружи оставалась только улыбка чеширского кота. Мы были другими и поэтому тянулись к ней — замученные жизнью противоположности. После беличьего забега: дом — школа — автобус — метро — работа — обед — работа — автобус — метро, многие из нас выныривали тут, в маленьком помещении недалеко от «Курской», в состоянии «фотонной спутанности», накрученные сверх меры и свернутые с орбит. Ирина встречала всех чашкой чая и рассеянной улыбкой человека, который никогда никуда не спешит.

Сегодняшняя группа называется романтично — «Постижение чуда любви», но название не имеет значения, оно только задает тон, является чем-то вроде пароля, системы распознавания по типу «свой — чужой». Изучать чувства сегодня так модно, что мы невольно следуем моде, но если отбросить в сторону все эти новомодные слова: «расстановка», «Гештальт», «Хеленгер» и прочие атрибуты «самопознания», останется только желание попить чай с печеньем и поговорить по душам. Тут, в маленьком помещении недалеко от «Курской», всегда очень *душевно*. Если, конечно, какого мужчину вдруг не принесет нелегкая. Это же просто неприемлемо — постигать чудо любви, когда в комнате есть мужчина. Атмосфера меняется, никакого постижения чуда,

одна сплошная «охота на живца», вместо того чтобы превращаться в чистое горное озеро, полное любви.

Я себя чистым горным озером никогда не чувствовала, и то, что я — женщина, всегда казалось какой-то нелепостью, странной ошибкой. Позже я узнала, что такие чувства появляются у многих, что и в этом я тоже не оригинальна. Смятение и неприкаянность свойственны многим некрасивым девочкам.

Мы рассаживаемся, и психолог Ирина задает вопрос «для разогрева» — о первой любви, но все молчат. Аудитория еще не готова, аудиторию надо еще раскачать. Аудитория еще чай не допила с печеньем. Тогда Ирина спрашивает, что отличает первую любовь от второй, третьей, сто тридцать третьей. Мы смеемся. Да, жизнь — сложная штука, и у многих из нас романов было — считать не пересчитать. Кто-то тянет руку вверх, и девушки оживляются.

— Это самое сильное чувство, потом такой любви уже не будет, — говорит Анна, высокая, немного нервная женщина, профессиональный бухгалтер, в разводе, растит сына. Из прошлых семинаров я знаю, что Анна всегда ждет от мужчин, что они придут и все оплатят. Я ее понимаю, у нее ипотека висит, как топор над головой. Ей не столько «постигать чудо любви», сколько миллион бы выиграть.

— Первая любовь — это самое чистое, самое высокое чувство. В ней нет ничего пошлого! — восклицает Наша Наденька, девочка лет двадцати двух — двадцати пяти, мы не знаем ее возраста точно, она его скрывает. Не замужем и никогда не была. Голова полностью забита романтической чушью, так что Наша Наденька ждет принца на белом коне. С конями в Москве все сложно, но без коня Наша Наденька не готова.

— Первая любовь — когда жить не можешь без этого человека, — добавляет Машенька, женщина-ягодка, как раз недавно справляли ее сорокапятилетие. Первая ее любовь была уже настолько давно, что вызывает только ностальгические воспоминания. Машенька улыбается, а я киваю. «Когда не можешь без кого-то жить». Да, именно это и есть первая любовь, чтоб ее!

— А вы что думаете? — спрашивает Ирина меня, и ее спокойный, безмятежный взгляд находит меня на крайнем месте в последнем ряду. Я не хочу отвечать. Мое мнение всегда какое-то кривое, неправильное. Оно часто оскорбляет чувства, особенно тех, кто ищет ее — большую и светлую любовь, рыцарей на конях и олигархов, раздающих чеки.

— Я не уверена, что первая любовь — это такое уж большое счастье, — говорю я. — Если бы я могла, я бы сразу начала со второй. Или с третьей.

Многие смеются. Некоторые согласны со мной — я это вижу. Но не все.

— Но почему? — спрашивает Наша Наденька. Я склоняю голову и закрываю глаза ладонью так, словно защищаюсь от слишком яркого света.

— Потому что первая любовь — это всегда больно. Все остальное: счастье, экстаз, романтика, — это все факультативно, но вот что больно будет, в этом можно не сомневаться. Первая любовь — она ведь именно из таких. И это так больно — любить кого-то больше жизни. Особенно если тебя не любят в ответ.

— Неразделенная любовь, — деловито кивает Наша Наденька. — Между прочим, ученые нашли ответ на этот вопрос. Все эти страдания — это все дофамин[3]. Говорят, это зависимость, похожая на наркотическую, и ее даже можно лечить.

— Лечить? — Я переспрашиваю с искренним интересом. — И как же?

— Таблетками! Успокоительными всякими, — пожимает плечами Наша Наденька.

— Ты этих ученых больше слушай, — фыркает Машенька. — Чего там лечить, само пройдет.

* * *

Я помню тот день, было холодно; кажется, была поздняя осень, и мы торчали в помещениях, потому что ни одежда, ни обувь не отвечали погоде, а других взять было неоткуда. Он подошел ко мне, заметив в толпе нахохлившихся от холода подростков, сбившихся в кучку в переходе одной из центральных станций метро. Тусовка. Он подошел, словно давно меня знал. Он не улыбался, не шутил, не кокетничал. Просто протянул руку и сказал: «Пошли со мной». И я пошла, вот так просто, позор — и только. Он стоял на одну ступеньку ниже меня на эскалаторе, смотрел на меня внимательными серыми глазами — взъерошенный, в дурацком черном пальто, похожем на революционную шинель, — и я чувствовала, что вдруг стала единым целым, самой собой. Чувство собственной целостности было таким сильным, что захватывало дух. Он был — как пароль, открывающий мне доступ к самой себе. Я могла смотреть на его

лицо часами, и это опьяняло. В какой-то степени это действительно напоминало запой. Когда ко мне пришла первая любовь, я не знала никакой меры.

— Тебя как зовут-то?

— Таня. Э, а тебя? — Я почти забыла, как говорить. Должно быть, я смотрелась нелепо, потому что он даже не пытался сдержать улыбку. Улыбка у него была доброй, а руки — крепкими и уверенными. Эскалатор еще не доехал до конца своей кроличьей норы, а мы уже замерли, обнявшись.

Первая любовь — не первый роман. В школе я тоже кого-то там любила, даже не одного, нескольких — по очереди. Одного в восьмом классе, второго в девятом, третьего в десятом. Ни один об этом так и не узнал. Потом с кем-то даже встречалась, приходила в гости, была даже представлена его родителям — они поили меня чаем с клубничным вареньем и все причитали, что «уж больно я худенькая». Какая ирония! Но все эти шуточные страсти ни в какое сравнение не шли с чувством первой любви. В тот день, когда я познакомилась с Ним, я забыла обо всем, что было «до». Вместе с любовью пришло и первое предчувствие катастрофы. Любви было слишком много, она была — как весеннее половодье, она заливала села и деревни, оставляла мои города без света и тепла.

Моя бабушка смотрела на меня, горестно кивала и говорила: «Надо ведь иметь какое-то уважение к себе!» Я ничем не могла ей помочь — и себе тоже. Перед лицом такой любви никакого уважения к себе не остается. И самой себя не остается. Все теряется, все тонет в этом потоке. Вместе с первой любовью сразу пришел и страх Его потерять. Кажется, страх был даже больше, чем любовь. Я любила Его больше себя, больше жизни, так что потерять его означало примерно то же самое, что и потерять себя, потерять жизнь. Я часто слышала, как такое говорят о других людях, и все эти «люблю больше жизни» казались мне чушью какой-то. Сплетением красивых слов, за которым ничего нет. Но теперь, когда я встретила Его, я вдруг осознала — никакое это не преувеличение, когда кто-то говорит: «Без него (нее) я умру». Что-то подобное я и чувствовала. Мне повезло в одном — моя сумасшедшая любовь была взаимной. А может быть, не повезло, а затянуло, как в омут.

Мы встретились поздней осенью и не расставались всю зиму. Мы не были счастливы, мы сходили с ума. Счастье не имеет отношения к первой любви, оно — для таких спокойных

умиротворенных людей, как психолог Ирина. Или для таких, как я в будущем (когда выходила замуж во второй раз), тогда я была счастлива. А когда любила в первый раз — я не была счастлива, я горела в адовом огне любви.

Мы ругались каждый день, иногда — по два раза на дню. Однажды мы умудрились поругаться поздней ночью, оставшись ночевать у знакомых на их узком диване. Мы ругались и мирились, орали друг на друга, я рыдала, он сжимал кулаки. Ему не нравилось, что я пытаюсь петь под гитару, он считал меня бездарной. Я обожала, когда он играл и пел, но он сознательно избегал играть мои любимые песни, словно даже так пытался сделать мне больно. Он обвинял меня в сотне грехов в день. Я думала не так, дышала не так, неправильно смотрела в окно. У него был ужасный характер, он взрывался, как пороховая бочка, и взрывная волна накрывала меня каждый раз.

Это ровно ничего не меняло. Я любила его больше жизни.

Однажды он сказал мне, что устал. Что я должна уйти. Что так дальше продолжаться не может. Я отлично помню тот день, была весна, было тепло — мы провели вместе всю зиму. За прошедшие месяцы мне не стало легче, ведь врачи не предлагают никакого лечения для влюбленных дур. К той весне я любила его, кажется, еще сильнее. Каждый день я жила в ожидании этих слов, как собака, которая привыкла к тому, чтобы ее били сапогом. Когда я услышала их, мне показалось, что я умираю. Он отвернулся и принялся наигрывать что-то на гитаре.

— И ты ушла? — спросила меня Наша Наденька, прикусив нижнюю губку. — Я бы сразу ушла!

— Это легче сказать, чем сделать! — воскликнула Машенька, и за ее полными сочувствия словами проглядывал опыт.

— С такими, как этот ваш музыкант, лучше вообще не связываться, — пробормотала Анна.

О, как ты права, Аннушка! Но ведь ты уже разлила масло, и луна уже ушла… шесть… несчастье.

Я стояла онемев посреди комнаты. Я потеряла дар речи — в прямом смысле этого слова. Я зависла, оцепенела. Я не могла уйти, я не была уверена, что мне позволят остаться. Через какое-то время Он повернулся ко мне и посмотрел прямо в глаза — самый ледяной взгляд, на который он только был способен.

— Катись отсюда! — сказал мне он.

И я покатилась. Не помню, как я оделась, как собрала сумку и ушла. Было раннее утро, и в голове не осталось ни одной мысли — ни единой. Только грохот пульсирующей крови. Дофамин. Я рассыпалась — в физическом смысле. Я исчезала, мое тело разрушалось. Такой боли я не могла даже вообразить. Тогда я поняла, что любовь можно ненавидеть и ее можно бояться, как наказания.

Вещей было совсем немного, мы ночевали — как всегда — у кого-то, и при мне был только рюкзак. Ноги носили меня по городу, но через какое-то время они принесли в центр, туда, где, я знала, будут какие-нибудь «наши люди». Я не плакала, была внешне спокойна, даже равнодушна. Мой друг Александр, который меня знал достаточно хорошо, подошел и спросил, что случилось.

— Мне кажется, я не переживу этот день, — ответила я, с трудом найдя физические силы, чтобы ему ответить.

— Эта скотина опять…

— Опять, — кивнула я. — Только теперь все серьезно. Он сказал, чтобы я убиралась. И я убралась. А он меня не остановил. Так что теперь вот я тут.

— Ничего. Пошел он. Так даже лучше, — заверил меня Александр. Но «так» было совсем не лучше. Ближе к вечеру я начала понимать, как это — когда люди кончают с собой от неразделенной любви. Есть что-то невероятно жестокое в этой внутренней пытке, на которую человек обрекает самого себя, когда встречает свою первую большую любовь.

— Скажите, может быть, так происходит не у всех и не всегда? Может быть, мой случай — болезненное, нездоровое отклонение от нормы? — спрашиваю я.

— Первая любовь — это всегда нелегко, — отвечает психолог Ирина. — Я рада, что вы справились.

— Справилась? — я смеюсь и мотаю головой.

— Ну, вы же здесь. Вы же не сиганули с крыши в тот день, верно?

— Верно, — киваю я. Словом «справилась» этого не описать.

К обеду прошло уже несколько часов, как я сидела на парапете, потерянная и погруженная в себя, равнодушная к чему бы то ни было. Через пару метров от меня была дорога, там летели машины — в обе стороны, на приличной скорости. Я не смотрела на дорогу, я вообще никуда не смотрела. Я словно стала

самым медленным на свете секундомером и отсчитывала секунды своей жизни в ожидании конца этой пытки. Было интересно, сколько я выдержу, прежде чем это станет невозможно, невыносимо. Я была близка к краю.

— Как же я тебя оставлю тут? — спросил меня друг Александр, с раздражением поглядывая на часы. — Как бы ты с собой ничего не сделала.

— Ничего я с собой не сделаю, — заверила его я. — Так и буду тут сидеть, пока меня волки не сожрут.

— Хороший план, — ответил он. — Давай, я тебя отвезу домой?

— Отвези, — пожала плечами я, и за моим равнодушием друг Александр словно увидел ту пропасть, в которую я уже летела. Место не имело значения. Мне нужен был Он и только Он, а без Него я умирала, и мне было совершенно все равно, где именно умирать. Тогда-то и появился план — не у меня, у моего друга Александра. Он предложил накормить меня таблетками, вырубить, так сказать, ненадолго и не сильно, чтобы как бы чего не вышло от того, что я останусь в твердом уме и трезвой памяти.

— Как это — накормить таблетками? — переспросила меня Наша Наденька, голос потрясенный, не верящий. — Какими таблетками?

— Обычными. Транквилизаторами. Их тогда на каждом углу продавали, — пожала плечами я.

План был принят на ура всеми, кроме меня. Я равнодушно пожала плечами и сказала: «Делайте, что хотите». Тогда была собрана инициативная группа из местных тусовщиков, уже осведомленных о проблеме. Кого-то послали за транквилизаторами — их продавали старушки у метро, совсем как сейчас квашеную капусту. Да разве в этом дело? Кто-то купил таблетки, потом «всем миром» решали, какова должна быть доза препарата, чтобы излечить меня на время от неразделенной любви, но не убить. Вопрос был не праздным, ибо передозировки в их целях и задачах не стояло. В итоге народ постановил, что выпить нужно не больше десяти таблеток. Меньше — не поможет, больше — может навредить.

Доктора, мама дорогая.

Мой друг Александр сказал, что присмотрит за мной. Я только рассмеялась и попросила воды, чтобы запить «лекарство».

— Ты уверена? — спросил он, а перед моими глазами стояло

лицо того, Другого, говорящего мне, чтобы я убиралась. Это был конец, я знала, что не увижу его больше — никогда. И эта мысль была радиоактивной, опасной, она изменяла меня, трансформировала во что-то другое, неуправляемое и плохое.

— Я ни в чем не уверена, — ответила я и без колебаний выпила таблетки. Забыться на всю ночь, не думать ни о Нем, ни о чем другом — это звучало как мечта.

После мы сидели на солнце, на парапете и ждали, что же будет. Я помню ветер, помню, как он играл моими волосами, утешал меня — теплый, свободный, и легкая, почти незаметная дымка равнодушия опускалась на меня. Сумасшедшие. Совершенно сумасшедшие. Никаких вариантов, все было именно так. В какой-то момент я встала и пошла по дороге, не обращая внимания на летящие мне навстречу машины. Мой друг Александр не успел даже отследить, в какой момент мое отпущенное на свободу бессознательное скомандовало мне направить себя на встречную полосу. Он бросился за мной, мой друг Александр, он успел схватить меня и вытащить на островок между полосами. Все водители сигналили нам и орали как сумасшедшие. Я ничего этого не помню. Последнее мое воспоминание было — ветер, играющий моими волосами, и руки, которые вдруг стали будто бы не мои. И что мысли о Нем меня больше не терзали.

Любовь. Дофамин. Транквилизаторы. И вся жизнь впереди.

Я отсутствовала в этом мире три дня и две ночи. Инициативная группа все же напутала с дозировкой, или, может быть, сознание просто не хотело возвращаться обратно. Только к обеду третьего дня я очнулась в незнакомой квартире на неудобной, продавленной многолетним использованием кушетке. Я понятия не имела, где я и как попала в это место. В комнату через приоткрытую дверь залетали звуки — где-то работал телевизор, шли новости. Я принюхалась — пахло выпечкой и чем-то еще, каким-то супом. Я встала; тело слушалось меня поразительно легко, хотя еще сохранялась странная внутренняя неопределенность, когда чувствуешь, будто ты находишься в двух местах сразу. Выглянула и наткнулась взглядом на полную в бедрах старуху в халате и фартуке. Старуха разглядывала меня с нескрываемым неодобрением, и я ее понимала. Если вот мне в дом внук притащит невменяемую девушку-подростка, тоже небось не обрадуюсь.

— Живая? — только и спросил меня ее внук, незнакомый мне

бородатый парень лет двадцати. Я кивнула и попросила воды. Выяснилось, что после того, как я чуть было не решила весь вопрос, кинувшись под машину с ловкостью циркового жонглера, инициативная группа пришла к заключению, что оставлять меня в одиночестве или отвозить домой в таком состоянии категорически нельзя. Конечно, никто не мог представить, что «такое состояние» продлится три дня. В первый день «дежурным по классу» был мой друг Александр, что было только логично, так как он был моим другом и именно тем лицом, которое вручило мне упаковку с таблетками. Однако на следующий день с дачи возвращались его родители, и шефство надо мной было передано следующему в цепи — девушке Кате с «Октябрьской», а от нее — Володе и Паше из Балашихи, и так далее, пока я не оказалась в Чертанове у бородатого внука старухи в фартуке, которая только что сварила гороховый суп.

— Ничего себе! И что же дальше?! — спросила Наша Наденька. — Помогло тебе это? Ты пришла в себя? Забыла Его — свою первую любовь?

— Ты знаешь, да, — кивнула я. — Как ни странно, в чем-то твои ученые правы. Но не во всем.

Я не помню, как меня притащили в квартиру в Чертанове, но уходила из квартиры совсем другой. Теплое весеннее солнце согревало мое лицо, и я сосредоточилась на этих чувствах, стараясь не думать больше ни о чем. Боль не ушла, она осталась, и малейшее эхо мысли о том, что я больше никогда не увижу Его, заставляло меня сжиматься, как от порыва ледяного ветра. Но что-то уже поменялось, и я знала, что смогу это пережить.

Возможно, что и Он почувствовал это. Мой непредсказуемый, переменчивый любовник, моя первая любовь — он перестал злиться на меня уже к вечеру первого дня. Возможно, как раз тогда, когда я начала разговаривать с ветром, он и подумал: «Где-то там моя влюбленная сумасшедшая подруга?» Когда я не вернулась ни вечером, ни к утру, Он принялся меня разыскивать. Он приехал туда, где я была вчера, — к моему парапету, и услышал о том, что случилось. Он нашел мою историю, но не нашел меня. Я была на пути к Кате на «Октябрьской». Когда нашли ее, я уже перешла в руки Володи и Паши из Балашихи. Бородатому внуку я досталась на сохранение вообще случайно — его не знал никто из тех, кто знал меня. Мой друг Александр подрался с моим возлюбленным. Возлюбленный победил — он всегда отличался бешеным нравом. Я в это время шла по

Чертанову и улыбалась солнышку.

— Неужели ты вернулась к этому музыканту? — Анна смотрит на меня удивленно, как будто я добровольно купила туристическую путевку в Афганистан. — После того, что ты пережила.

— В этом-то и проблема первой любви, — улыбаюсь я. — Поэтому-то я и сказала, что пропустила бы ее и начала сразу с третьей! Конечно, я вернулась.

Если сейчас закрыть глаза, я тут же вспомню то ошеломительное чувство даже не счастья, а чего-то другого, космического, как водородный взрыв на солнце. Он стоял и смотрел на меня и спрашивал, какого черта, почему он должен бегать по всему городу и искать меня. Это было невыносимо и прекрасно. Я прожила с Ним еще два долгих года, родила дочь, вышла за Него замуж — и только потом смогла от него уйти. Но это уже совсем другая история — счастливая.

— А если бы ты смогла все переиграть заново? Ты бы, наверное, убежала, как только он появился бы на твоем горизонте, да? — спросила меня Машенька. — От греха подальше.

— Ни за что, — с удивлением ответила я. — Нет, это моя история, моя память. Сама не знаю, почему, но я бы не стала менять ничего. Ни единого дня. Первая любовь — это почти всегда очень больно. Это как рождение на свет, нужно пройти через настоящий кошмар, чтобы потом долго и мучительно учиться жить в этом мире. Но ведь оно того стоит, верно? Она меняет нас — и часто к лучшему. Мы начинаем ценить простые вещи. Такие, как тихий вечер перед телевизором. Или чашку чая.

— А кстати, кто хочет чаю? — спросила психолог Ирина. — Думаю, что нам придется назначить дополнительный семинар. Постигать чудо любви — это дело непростое. Никогда не знаешь, что всплывет из памяти. Я лично так устала, что чаю бы точно выпила.

— И мы, и мы… — защебетали мы хором. Потом выяснилось, что кто-то принес пирог с вишней, а кто-то — конфеты. Мы притащили стол, поставили его в центр, а сами расселись по стульям и принялись вспоминать безумия юности и всех наших мужчин. Все же хорошо, что на наши семинары мужчины почти никогда не приходят. Разве с ними вот так посидишь? С ними разве что постигать чудо любви. В свободное от самопознания время!

Татьяна Алюшина

Татьяна Алюшина стала писателем совершенно неожиданным и странным образом — придавила как-то жизнь в очередной раз, все и сразу навалилось, так, что не продохнуть. И вместо того чтобы пожалеть себя, Татьяна вдруг почувствовала страстное желание выговориться бумаге — села и написала первую книгу. Автор уверена, что счастье всегда рядом, нужно только суметь впустить его в свою жизнь.

Любви все возрасты…

Первая любовь произошла и случилась со мной… в детском саду.

Большая, сильная и светлая, как и положено!

Все всерьез! А как же!

И избранником моей энергичной любви стал мальчик из моей группы по имени Юра.

А произошло все таким образом.

До определенного момента ни мальчик Юра, ни какие иные мальчики, да и девочки тоже, меня особо не волновали, ну, как особо — вообще не интересовали как таковые: ну бегают, играют рядом какие-то еще дети в группе, да и пусть себе, что на них внимание-то обращать!

Все дело в том, что я в детстве была ну очень активным ребенком, к тому же — с большой фантазией и выдумкой, и без каких-либо усилий с моей стороны умудрялась непонятным образом вовлекать в свои игры и дела практически весь горшочный коллектив нашей группы.

Это получалось как-то само собой. Вот возникла какая-то фантазия у меня в голове, например: обойти территорию садика по всему периметру вдоль забора — нет, ну согласитесь: интересно же! А что там? Вот кто-нибудь ходил вдоль всего забора? А? А вдруг там что-нибудь эдакое, а никто и не знает!

И я решительно, тут же, отправлялась к воротам сада воплощать идею в жизнь в задумчивой сосредоточенности. И обязательно — вот сто пудов и всегда! — по пути мне встречался какой-нибудь одногруппник, который непременно спросит, и с большим любопытствующим пристрастием:

— А ты куда?

И я честно объясняла куда. И (так же неизменно сто пудово) он тут же горячо интересовался:

— А можно с тобой?

— Да чего ж нельзя-то! Пошли, если хочешь! — А он, как правило, тут же ощущал горячее желание присоединиться к научному изысканию и открытию новых земель, да еще на ходу успевал громко оповестить о нашем вояже товарищей по детсадовскому заключению, играющих недалеко. И глядишь, уже и коллектив заинтересованных соратников собрался.

И вперед! За девочкой Таней шуршать вдоль забора!

А вы вообще себе представляете, что там у этого забора находилось?! Для начала заросли всяческих кустов, а в них!.. Нет-нет, это происходило еще в те благостно чистые времена, когда

люди не мусорили вокруг себя, как паразиты, и города, улицы, сады и леса стояли чистенькими.

Но! Бычки от сигарет иногда-таки попадались!

И вот мы-ы-ы-ы, ну, чистые археологи, эти бычки-и-и-и! И подняли, и потрогали, и понюхали, и в рот, как взрослые, понатыкали…

А еще были найдены: дохлая мышь в количестве одной штуки, флакончик от духов (старый, не пах ничем), ремешок от сандалетки, один, вялая какая-то жаба (отползла с нашей дороги с явным презрением, даже не прыгала) и ржавая железяка непонятного назначения.

И вот со всем этим добром, изрядно исцарапанные ветками непролазных кустов, мы вывалились у ворот, завершив тем самым полный круг обхода периметра забора, прямиком на встревоженные очи нашей воспиталки и суровой заведующей садиком.

Ну еще бы! Происшествие, ЧП — потерялась неизвестно куда средняя группа детей практически всем составом!!

И тут — здрасьте вам! Туточки мы, исследования проводим!

Крик до небес, выяснения, что делали и где были, и самый главный вопрос — кто это придумал?! Дайте зачинщика для расправы!!

И вся эта тусовка юных натуралистов дружно указала пальчиками на меня.

Нет, ну а кто?

И пошла Танечка в угол — размышлять о своем неправильном поведении, никак не соответствующем… Чему там, не помню? Идеалам будущего строителя коммунизма — не, это перебор, это чуть позже, уже в школе было про идеалы-то. А в садике — не подобающему для хорошей, воспитанной девочки, во! Именно!

Да! И еще обязательно упоминали таких хороших, уважаемых, правильных родителей, и как я их подвела! Да уж, не повезло родителям!

Даже хорошую, правильную и замечательную старшую сестрицу, прошедшую заключение этим же садиком, мне припоминали и в укор ставили — какая была воспитанная и спокойная девочка! Все читала-читала, и такая послушная! А ты?!

А что я?! В угол!

Да и ладно! Во всех садиковских углах, в которых мне довелось постоять, а происходило это с регулярным постоянством, мне всегда было чем заняться! Для начала у меня с собой имелся в кармане добрый друг и приятель: старый, ржавый гвоздь, которым я усердно расковыривала стены. Не из вредности

или мстительности какой — боже упаси, я вообще-то (на самом деле) была очень хорошей и доброй девочкой, а исключительно в познавательных целях — интересно же, что там за всей этой краской и побелкой находится и как оно поддается ковырянию.

А еще в тех же карманах находились интересные камушки и фантики от конфет, которые требовалось рассмотреть более подробно и тщательно, а время для этого находилось только в углах, все остальное время я была очень занята. Очень.

Или еще один пример.

Случился как-то в нашем городе ужасный ураган. Просто ураганный ураганище! Вообще-то для наших мест частое явление по осени. Ну так вот, этот был особенно забористый и страшный! А наутро, когда нас привели в садик, обнаружилось, что огромный старинный кедр, что рос сразу за забором детского сада, упал ночью, проломив забор на территорию садика; слава богу, не повредил ни одного строения.

Этот кедр был очень большой. Очень. Такой большой, что неделю, наверное, рабочие не знали, как его надо распиливать и с какой стороны к нему подходить, а еще неделю пилили и убирали.

Думаю, объяснять уже нет необходимости, что для меня этот исполин стал предметом особого притяжения и интереса. Для начала нам строго-настрого запретили к нему приближаться воспитатели и зорко следили за нами.

Ага, сейчас, тот случай! Я и какие-то запреты!

Да я была шустрей любого вжика! И умней к тому же.

И я этот поверженный великолепный кедр весь… весь-весь исползала!! И соорудила там из веток что-то вроде секретного штаба, в который забиралась и с наслаждением слушала громкие призывы воспиталки, потерявшей меня из виду.

И, понятное дело, среди детсадовцев нашлось немало желающих узнать, а как там внутри и что в этом дереве гигантском, с горящими от любопытства глазами выспрашивающих меня, поскольку все уже знали, что я-то в таинственные недра его кроны наведываюсь регулярно.

И я честно рассказала любопытным про штаб и как там и что: как надо пробираться через толстые ветви, и как колко от хвои и пахнет здорово. А еще темно и загадочно…

В тихий час в нашем саду случилось страшное ЧП!

Пропала средняя группа из спальной комнаты!! Практически вся, кроме троих крепко спящих мальчиков!! А еще пропало несколько детей из других групп!! Тихий час сорван!! Дети неизвестно где!! Кошмар!! Ужас!! Ка-ра-ул!!

Не так уж он и был сорван, если честно, — мы почти все в

этом кедре, в том самом штабе и заснули… А что? Удобно, уютно и па-а-ахнет обалденно!

На этот раз просто углом не обошлось, еще и родителям настучали и что-то там им такое выговаривали. Точнее, выговаривала заведующая детским садом моей маме, которая пришла меня забирать. И строго так рассказывала ей про очередной проступок доченьки в качестве идейного руководителя детского саботажа дневного сна.

Мама пообещала провести со мной воспитательную беседу и что-то там еще правильное отвечала и обещала, и всю дорогу до дома молчала. А я ждала, когда ж она наконец меня начнет воспитывать и объяснять, какая я плохая и неправильная, и посматривала на нее и вздыхала, предполагая, что ждет меня домашний угол у печки.

Но, как ни странно, нет! В угол меня не поставили. Что-то она мне все-таки внушала про поведение, но как-то дежурно, без огонька и особой строгости, взяла обещание хорошо себя вести в дальнейшем и быстро отпустила. А вечером, когда папа вернулся с работы и мама кормила его ужином, я слышала, как она ему рассказала про происшествие в детском саду и как они оба давились хохотом, чтобы не разбудить нас с сестрой, и, подглядывая из-под одеяла, я видела, как они утирают слезы от смеха и призывают друг друга, прикладывая пальцы к губам (тише, тише!), и снова заходятся удушливым хохотом.

Вот так и протекали мои детсадовские будни.

Были еще и прыжки с крыши пристройки, групповое скоростное лазание на липу из серии «кто быстрей», пересаживание красивых цветов с центральной клумбы под окно спальни нашей группы — то еще занятие оказалось! Вы пробовали когда-нибудь по-серьезному копать игрушечными совочками?! Но я упорная, а коллектив за мной!

А вот захотелось красоты!

И много, много еще чего различного, и… углы, углы, углы!

Вот в одно из таких моих наказных стояний в углу и произошло нечто из разряда чудес, переменивших мою жизнь!

Я уж и не упомню, за что меня тогда наказали, но точно по очередному тыканию детских пальчиков в сторону зачинщика, вернее зачинщицы — дети вообще такие гаденыши предательские, хочу вам сказать! Как-то это у них всегда естественно получается: как поучаствовать в чем интересном, захватывающем, на что своих фантазий и мозгов не хватает, так пожалуйста и с удовольствием, а как отвечать за то самое удовольствие, так сразу же своими малюсенькими предательскими пальчонками тыкают в вожака и активиста

неугомонного.

Да и ладно. Как ни странно, я никогда не обижалась. Видимо, ничего иного от них не ожидала.

Так вот. Стою я, значит, себе, ковыряю очередную стену гвоздем, и вдруг передо мной образовывается рука, на ладошке которой лежит четвертинка яблочка. Я сначала не поняла, что это наяву, и даже зажмурила глазешки и покрутила головой.

— Возьми, — сказал кто-то рядом.

Глазешки я разлепила, повернулась и увидела мальчика Юру из моей группы, который протягивал мне кусочек яблока.

— Бери, — повторил он, продолжая держать протянутую мне ладошку. — Вкусное.

Я взяла, посмотрела недоверчиво на эту четвертинку и откусила. Действительно вкусное.

— Не по-честному тебя в угол поставили, — сказал мальчик Юра и вздохнул, — мы же все играли в эту игру, а наказали только тебя.

— Ничего, — поспешила успокоить я его. — Я привыкла.

— А это неправильно, — серьезно заявил он, сдвинув брови.

И на этом самом месте мое детское девичье сердчишко зашлось такой благодарностью и радостью, что я чуть не расплакалась, и смотрела во все глаза на этого удивительного мальчика! А кстати, разговаривать со мной, наказанной, другим детям строго возбранялось воспитателями! А он вот и разговаривает, и яблочко дал, и вообще — смелый и отважный!

И я словно увидела его в первый раз по-настоящему!

И все смотрела, удивляясь.

Конечно, подошла воспитательница и за ручку увела Юру от меня к другим детям, но это уже не имело значения — я твердо решила, что Юра теперь мне большой друг и я его вообще люблю!

Да, так и решила, что люблю!

С этого дня я стала его особо выделять и приглашала поиграть в мои игры сама, и игрушками делилась, и садилась кушать рядом с ним за один столик, согнав с места другого мальчика. Теперь я с ним разговаривала и спрашивала, что ему нравится, а что нет, и предложила дружить навечно!

Дружить навечно Юра согласился и принимал участие во всех моих «проектах» и играх одним из первых и пальчиком обвинительно никогда не тыкал в мою сторону при выявлении инициатора очередного происшествия.

Но, как и положено всем мальчикам, тупил по поводу более высоких эмоций и всяких там любовей, не в пример продвинутым в этом плане девочкам, как известно, более раннего чувственного созревания. Так что вся моя пылкая и бескорыстная любовь была

ему недоступна для понимания, как аборигену паровая машина.

Но меня эта мальчиковая «несознанка» совершенно не волновала — главное, что я его любила прямо на века и до высокой высоты!

И если раньше поход в садик по утрам был для меня чем-то вроде каторги, и тащилась я неизменным «паровозиком» сзади за папой или мамой, отводившими меня в сад, то теперь я летела впереди вприпрыжку и нетерпеливо поторапливала их.

Я летала, парила и придумывала еще более интересные и увлекательные игры и занятия, где главную героическую роль отводила Юре!!

Ах, Юра, Юра! Лучший мальчик на земле!!

Только…

Все по-взрослому! В любви, видимо, всегда так — по-взрослому!

На пути моего полного счастья встало трудное препятствие — судьба-злодейка в лице девочки Марины!

О боже, боже! Эта Марина!!

Полная противоположность мне! Тяжелейший антипод!

В детсадовские времена я представляла собой чрезвычайно живую и подвижную девочку, больше похожую повадками на мальчишку: худую, быструю-шуструю, с короткой стрижкой, в коротких юбочках и свитерках, не любившую платья и банты, позволяя эти мытарства надевать на себя лишь по особым праздникам.

И Марина-а-а-а!

Девочка-Мальвина, девочка-кукла, девочка — выставочный экземпляр!

Сейчас такую назвали бы гламурной.

Причесочка — убранные со лба и боков назад волосы, скрепленные сзади роскошным бантом, из-под которого свободно струились по плечам закрученные, чуть ли не уложенные, шикарные локоны. Она этот бант даже во время сна не снимала, так и спала, аккуратно устраивая головку на подушке.

И платья! Всегда платья! Великолепные, с кружевными оборками и неизменным пояском, пристроченным спереди и завязывающимся сзади бантом на талии. Этот бант сзади она с особой тщательностью завязывала после дневного сна.

И всегда белые колготки.

Картинка!

И такая стерва!! Вот с рождения! Вот бывают такие девочки, которые с рождения красотки, картинки и хитрющие стервы! Эта была как раз из этих!

И встала она стеной на моем пути к счастью!

Вообще-то наше противостояние началось давно — ну никак девочке Марине не давала покоя моя популярность у ровесников. Понятное дело, что она-то как раз ни в одной из моих афер, игр и придумок участия не принимала, но, когда «электорат», как овцы (все до одного), шел за мной и участвовал во всех проказах, оставляя ее, принцессу такую, в одиночестве и без свиты, это Марину сильно раздражало, напрягало и категорически не устраивало.

Она тоже, как выяснилось, рулить любила, а тут… Ну, понятно.

Не забывала она и про добивание поверженного врага и практически каждый раз, когда я стояла в углу, говорила мне гадости, правда — издалека, чтобы воспитатели не пожурили ее за разговоры с наказанной.

Разумеется, она не могла не заметить моего особого отношения и внимания к Юре — такие барышни скорее дышать перестанут, чем пропустят и не усекут интригу.

А как только она поняла, что я в него влюблена и мы дружим, тут же включилась в бои без правил! Не за Юру как такового, а против меня.

И по-нес-лась!!

Она начала обхаживать его с особой настойчивостью: угощать сладостями, постоянно находилась рядом с ним, играла во все его игры и говорила-нашептывала гадости обо мне, какие только была способна придумать.

Я же, в свою очередь, действовала более прямолинейно — отодвигала конкурентку, напоминала Юре про нашу дружбу навек, придумывала еще более интересные игры и занятия, чем раньше, и открыто требовала, чтобы Маринка не приставала к нему и к нам двоим. А то и норовила ее оттолкнуть или тюкнуть чем-нибудь. Один раз мы даже подрались на куклах, то есть принялись колошматить друг друга куклами.

Она тут же пожаловалась воспитательнице, и… понятно дело, что в глазах воспитателя Марина всегда хорошая, ну а я — наоборот! И хоть наши «разборки» начинала и инициировала девочка Марина, меня априори считали задирой и зачинщицей.

Вот такая взрослая несправедливость!

Надо отдать должное Юре — жил он себе тихо, мирно и понятия не имел, какие страсти кипят и баталии разворачиваются вокруг его персоны. Был всегда занят своими мальчишескими играми и интересами, большую часть времени проводил все же со мной, поскольку со мной, честно говоря, было не в пример интересней, чем с кем-то еще из группы. Я ведь не только в поиске приключений находилась онлайн, я еще умела

рассказывать всяческие интересные истории. У меня старшая сестра бегло читать начала в пять лет. С тех пор читала все подряд и часто мне пересказывала сказки и истории всякие из книжек, а то и вслух читала. А я запоминала сразу же, да еще раскрашивала повествование своими дополнениями.

Детсадовская аудитория внемлела, разинув рты, когда я находилась в особом декламаторском ударе.

Так что любимому Юре интересней было со мной, невзирая на всю неземную красоту Мариночки. Ну, это-то ясно — по младенчеству лет у него такие приоритеты еще преобладали; думаю, будь мы постарше, внешность перевесила бы интеллект.

Впрочем, не суть.

Но, как известно, капля камень точит, а тихое злое слово до сердца добирается, а уж Марина упорством мне не уступала, и ее постоянные наговоры и речи дивные о себе хорошей и прекрасной мало-помалу, но стали иметь некое влияние на предмет моей любви, и вот однажды он заметил:

— А Марина сказала, что ты… — и что-то там обвинительное.

— Да ты что?! — возмутилась от всего своего сердчишки я.

И разъяснила, как на самом деле было.

Первый раз он выслушал со всем серьезом и поверил, кивнув. И второй раз поверил. А на третий призадумался недоверчиво. А на четвертый наглый оговор принял за чистую монету и слушать моих объяснений не стал.

И суровые уроки женского коварства пришлось испытывать и проходить мне, переживая чувство ужасной злой несправедливости и нечестности!

И предательства любви!

И настал тот страшный и черный день, когда дурачок мальчик Юра подошел ко мне и заявил со всей строгостью:

— Я с тобой больше дружить не буду! Мне Марина все рассказала, какая ты нехорошая девочка.

И ушел. А Маринка стояла во время этой отповеди недалеко и улыбалась довольной победной улыбкой!

Я тогда проплакала целый час, и ни одна из воспитательниц не смогла добиться от меня, что произошло. Я замкнулась в себе, ни с кем не разговаривала весь день и все посматривала на торжествующую Маринку, которая демонстративно весь день обнималась с Юрой, когда замечала, что я на них смотрю.

На следующее утро я устроила форменный бойкот и наотрез отказалась идти в садик, да еще и шантаж родителей применила:

— Если вы меня туда отведете, я тогда точно заболею!

— Ну, что случилось, маленькая? — допытывалась мама.

И я, не выдержав ее заботливой нежности, расплакалась и

рассказала про Юру, мою любовь к нему навек и Маринку-гадину.

Мама вздохнула, прижала меня к себе, погладила по головке, расцеловала и принялась тихонько меня покачивать, поглаживая по руке, и, как бы рассуждая, заметила:

— Можно, конечно, в садик не ходить какое-то время, но тогда получится, что эта Марина тебя победила.

— Как это? — сильно заинтересовалась я.

— А вот так. Если ты не ходишь, значит, испугалась ее или признала, что она умнее и лучше тебя, и главное, что она рассказала о тебе правду и ты действительно такая плохая, как она говорит. Она же не боится ходить в сад и чувствует себя победительницей, хоть и оговорила тебя и врала.

— А я тогда кто?

— А ты проигравшая и как бы признаешь это, раз боишься с ней встретиться.

— Я не боюсь! — возмутилась я, но, подумав, признала: — Просто теперь получается, что я плохая, а она хорошая.

— У кого получается? — мягко спросила мама. — У Марины и Юры?

— Еще и у воспитательницы, ей она тоже про меня наговорила.

— Ну, с воспитательницей мы отдельно побеседуем! — сказала таким тоном мама, что я тут же не позавидовала той воспитательнице.

Мама у меня такая! Справедливая. И вообще необыкновенная!

— А вот что касается Марины с Юрой, ты же не хочешь, чтобы они чувствовали себя правыми, а тебя считали нехорошей.

— Не хочу, — энергично покрутила я головой и тут же живо поинтересовалась: — А как сделать наоборот? — И предложила свой, очевидный вариант: — Как надавать этой Маринке!

— Нет-нет! — решительно отвергла насилие мама. — Ни в коем случае! Даже не вздумай! Ты же хорошая девочка, разве можно драться!

— Иногда можно, — честно призналась я.

— Нет. Драться ты не будешь, — строго предупредила мама и пояснила: — Это не выход. Есть несколько иных вариантов, — чуть улыбнулась она. — Первый: игнорировать их обоих.

— Чего рирова…? — не поняла я.

— Не замечать, — растолковала мама непонятное слово, — словно их и нет вообще, и неинтересны они тебе вовсе.

— Это трудно, — подумав над предложением, вздохнула тягостно я и спросила: — А второй вариант?

— Придумать что-то интересное, проявить себя, какое-нибудь дело, в котором могут принимать участие другие ребята, и

заинтересовать всех. А вот Марину и Юру не приглашать принять участие, как бы они ни просились.

— Я, мамочка, — напомнила ей доченька, еще более тягостно вздохнув, — всегда что-то придумываю и это… как его, проявляю, а потом в углу стою.

— А мы придумаем что-то очень правильное, интересное и хорошее, — уверенно пообещала мама и усмехнулась, погладив меня по голове, — менее разрушительное и опасное.

В садик в этот день я таки пошла. И первый совет мамин воплотила в жизнь — напрочь, то есть в упор, не замечала ни Марины, ни Юры и ходила с гордо задранной головой, чем заставила сильно нервничать соперницу, не понимавшую, что происходит.

А вот не замечала, и все. Словно их и не было.

А придумывать какое-то интересное дело и не пришлось: у нас как раз намечался в группе тематический концерт с чтением стихов и рассказов советских авторов и театральной постановкой.

Вот за что меня сильно любили и ценили воспиталки, так это за умение декламировать и изображать в лицах — артистка я была первая в этом саду, это уж точно! И на любые такие мероприятия, особливо показательные, то есть на которых присутствовало начальство из горисполкома, ставили меня на все ведущие роли.

Как раз показательное мероприятие и намечалось, и я предложила себя сразу во всех ипостасях — и декламатор, и чтец стихов, и ведущая актриса заодно.

Задействовали во всем!

Уж я расстаралась! Целый месяц в углу ни разу не стояла и никаких нареканий и замечаний от воспиталок не получала — заучивала тексты, стихи, роли и активно репетировала.

И продолжала не замечать категорически Марину с Юрой — а нет их, и все!!

Ау! Ау-у-у-у! Куда делись? А нету!

А еще вела себя примерно-примерно, аж подташнивало меня от этой примерной правильности, но я стоически терпела и держала свое неугомонное воображение и любопытство стреноженными до поры!

А вот докажу, что я хорошая, пусть тогда Юрочка пожалеет!

Но странное дело, что там про меня думает Юра, мне очень скоро стало глубоко неинтересно, да и сам предательский мальчик Юра — тоже, а вот желание утереть нос этой Мальвине выросло до размеров моей сверхзадачи. Ну, как-то покруче насолить ей, противной!

И настал день моего триумфа!!

Я блистала! Во всех ролях!

Прочла небольшой рассказик, изобразив все в лицах, декламировала стихи, изобразила стрекозу и танцевала польку-бабочку.

Успех!!

Довольны остались все — и дети, и воспитатели с заведующей, и проверяющие из гороно, и родители, и даже повариха Федоровна. Ну и я, разумеется.

Все, кроме Марины. Та даже расплакалась в конце концерта от досады и жуткой обиды на меня — ей-то как раз никакие выступления не удавались: не умела она перевоплощаться, блистала только в одной роли — принцессски великой, приросшей к ней на всю жизнь.

А ведь всем детям и их воспитателям давно-о-о-о известно — принцесс в постановках театральных и выступлениях концертных никогда нет! Есть зайчики, мишки, лисички, овощи всякие, деды-бабки, колобки и иже с ними, а вот с амплуа принцесс полный швах — не формат! Не катят! Тем более еще в том советском детском саду! Какие принцессски?! Тимуровцы наше жизненное кредо!

И еще неделю после концерта я ходила победительницей, и все взрослые меня хвалили, да и дети вспоминали частенько наше выступление.

Маринка старалась держаться от меня подальше. А простодушный Юра подошел и предложил снова дружить, потому что оказалось, что я все-таки хорошая девочка.

— Нет, — отказала ему в дружбе хорошая девочка Таня, тяжело и горько вздохнув, и объяснила: — Я тебя разлюбила. Ты же меня подвел, поверил Маринке. Вот с ней и дружи.

Дала решительную отставку кавалеру провинившемуся я.

Но повздыхала, погрустила.

Сильно погрустила. И частенько все посматривала в его сторону. И даже немного поплакала один раз.

Хороший он все-таки мальчик. И настоящий какой-то, честный, искренний и по-мужски основательный. Да и за справедливость ратует всерьез. Жаль, что такие мальчики всегда верят таким девочкам, как Марина, и слушают их наговоры. И попадаются на все их уловки.

Наверное, только такие настоящие мальчики и попадаются на уловки таких девочек.

А еще было жаль этой своей первой обманутой любви и того, что теперь уж не получится полюбить мне Юру снова, ведь что-то непонятное изменилось во мне и стало другим. А он так и не понял, какие страсти вокруг него разыгрались и как много всего

произошло из-за него. Мальчики позже развиваются, чем девочки, так уж получилось.

А иногда так и вовсе не развиваются.

Вот такой первый болезненный жизненный урок любви я тогда получила.

Но это еще не совсем конец истории.

Марина, быстро придя в себя от поражения посредством искусства, предприняла попытку восстановить свой превосходящий статус. И где-то через неделю специально подкараулила меня в общем туалете среди детсадовских горшков и маленьких унитазов и объявила начало нового витка военных действий.

— Я все равно всем расскажу, какая ты плохая! — уперев руки в бока, сообщила она мне с кровожадной интонацией, обещающей многие беды. — И такого про тебя всем наговорю, что тебя вообще из садика отправят навсегда!

— Никто и не поверит твоим вракам! — покрутила я головой в твердой уверенности в своей правоте.

— А вот еще как и поверят! — пообещала противная девчонка. — Я не сразу все плохое скажу, а потихоньку! Сначала покажу ушиб и скажу, что это ты меня ударила, потом упаду и скажу, что ты толкнула, а Марье Павловне скажу, какие гадости ты на нее говорила! И всем всякое скажу, вот тогда и узнаешь!

— Ах, ты!! — возмутилась я до того, что аж задохнулась.

— А вот так вот! — уже ликовала Маринка, с удовольствием смакуя вид моей растерянности.

— Ах так! — взорвалось что-то у меня внутри требованием немедленной справедливости.

И я подлетела к ней, толкнула так, что она уперлась в стенку, а я ухватила ее за волосы и подтащила к рядам умывальников. Трое детей из других групп, с интересом наблюдавшие за нашими «дебатами», на моменте, когда разговоры перешли в стадию дела, быстренько сбежали — жаловаться, наверное, — но меня это уже не могло остановить, так я разозлилась ужасной творящейся несправедливости. Я же точно понимала, что все, что бы ни рассказала Маринка взрослым, они воспримут за чистейшую правду, а мне ни за что не поверят.

— Ты что?! — захныкала обескураженно она.

— Вот только пикни, — предупредила я. — Как дам, будешь знать!

И, подтолкнув ее к крайнему умывальнику, развязала сзади на ее платьице поясок, всегда уложенный красивым, затейливым бантом, и привязала крепко-накрепко к трубе, протянувшейся из стены вдоль всех умывальников. И сопроводила эту процедуру

воспитательным наставлением:

— Вот и посиди тут и подумай, какие нехорошие вещи про меня наговорила всем. А если скажешь кому, что это я тебя привязала, то я тебя… я тебе… — надо было срочно придумать какое-нибудь страшное наказание. — Бант развяжу! — обрадовалась я такому варианту возмездия и расширила пояснение: — Точно! Когда спать будешь, стащу с твоей головы бант и развяжу! А еще! — добавила я, заметив по ее лицу, что не особенно она этой мести и испугалась. — Еще клея на твои волосы налью! Вот! И обрежут тебе их! — и удовлетворенно заметила, что теперь-то ей стало страшно. — Вот так! Поняла?

— Поняла, — кивнула она и заплакала.

— Вот и отстань от меня! — завершила я наш продуктивный диалог и, развернувшись, вышла из туалета.

С моей точки зрения, на сей раз справедливость восторжествовала полностью.

Разумеется, меня наказали.

Маринка меня не сдала, так проникласъ обещанным актом вандализма над своей прической, но имелись и иные добровольные доносчики — вся та малышня, что внимательно слушала наш с ней диалог в туалете. Да и понятно было, как божий день, что кроме меня никто бы во всем саду не догадался привязать ее бантом к трубе, к тому же и обнаружили ее сразу же после моего триумфального выхода из клозета.

Да и ладно, и постояла я еще раз в углу, подумаешь.

Вот стояла и улыбалась, ибо моя просыпающаяся женская сущность была полностью удовлетворена справедливой местью, достойным наказанием соперницы и ощущением своей победы над ней.

После этого происшествия Марина старалась не то что не общаться со мной, а находиться как можно дальше, а вскоре ее и вовсе перевели в другой садик.

Вот такая у меня случилась первая любовь. По всем правилам — с переживаниями, соперничеством, треугольниками и предательством — охо-хо! Все по-взрослому!

Я до сих пор помню мальчика Юру, помню, как он выглядел, и фамилию его помню, помню его рассудительный несуетливый характер, как он сдвигал брови, когда обдумывал что-то серьезное или принимал решение. Такой настоящий мужичок, правильный, степенный.

Действительно хороший мальчик. Интересно, где он теперь, кем стал, как сложилась его жизнь?

И иногда, бывает, вдруг всплывут воспоминания про ту мою первую любовь, вызывая улыбку и легкую грусть. И вздохнется

мимолетной печалью — ах, как жаль, что никогда больше ни один мальчик, парень или мужчина не протягивал мне кусочек яблочка в ладошке, чтобы поддержать во время несправедливого житейского наказания.

Ах, как жаль!

Александр Гадоль

Александр Гадоль родился и живет в городе Днепр, бывший Днепропетровск. Окончил теплофизический факультет, работал режиссером на различных каналах Киевского телевидения. Путешествовал автостопом по Европе, Азии, Африке и Америке. Был заключенным украинской тюрьмы. «Я фанатею от американских фильмов-нуар 40–50-х годов, поэтому мое произведение тоже написано в… жанре нуар: от лица мужчины, который постоянно ведет внутренний диалог, а его мысли сопровождаются закадровым голосом. В тюрьме я представлял себя героем фильма. Так было намного легче жить, чтобы не сойти с ума, представлять, как будто все это не по-настоящему».

Польский фильм

В первом, втором и третьем классе Саша после уроков заходил в кулинарию и брал пирожок с мясом за одиннадцать копеек или пирожное «Лето» за пять копеек, а когда денег было чуть больше, чем пятнадцать копеек, Саша брал мороженое пломбир, а на тридцать копеек ходил в кино.

Один польский фильм под названием «Новые амазонки», в главных ролях Ежи Штур, Ольгред Лукашевич, Барбара Лудвизанка и Божена Стрыйкувна, Саша смотрел семь раз подряд. Он мечтал, что у него, когда станет взрослым, появится такая девушка, как Божена Стрыйкувна, с длинными белыми волосами, бледной кожей и голубыми глазами. Он был согласен и на саму Божену, при условии, что она не будет слишком морщинистой.

Божена Стрыйкувна не давала ему покоя почти целый год. Ради нее он бегал по болотам, по притонам алкашей, по мусорникам, собирал пустые бутылки, баночки из-под майонеза, сдавал их, получал денежку и шел в кино. Там он поклялся, что, когда вырастет, а это будет лет в пятнадцать, поедет в Польшу и женится на прекрасной Божене. Ему почти двадцать, он не вырос, а, наоборот, уменьшился.

В двадцать лет Саша был не таким, как его ровесники. Они были взрослыми, а он был детским. Он не справлялся с ними: не вывозил их психически. На равных общался только с малолетками. На их уровне был почти вровень с ними. Его другу было пятнадцать лет, а выглядел на двадцать. Саша, наоборот, в двадцать — на пятнадцать. Вместе они ходили на дело.

Их дело нехитрое. Вот как оно начинается. Один приходит к другому и говорит:

— Давай сегодня кого-нибудь грабанем.

— Сегодня? — переспросит другой, стараясь не показаться трусом.

— Да.

— Давай.

И вот вечер. Двое в троллейбусе, оба с окраины, едут в центр города грабить богатых.

— Мне по хрену, кто попадется. Хоть мужик, хоть баба, — говорит первый.

— А по мне, так лучше мужик, — говорит второй.

— А мне пох. Я — зверь. Мне надо бабло.

Он называет себя зверем, чтобы набраться храбрости и отключить все человеческое.

— Главное, в глаза не смотреть, чтобы совесть не замучила.

Бей с ноги или с руки сразу по морде. Забирай сумку и беги.

— Все-таки лучше мужика, — говорит второй. — Мужик, все-таки мужик.

— А ты бабу бил когда-нибудь?

— Нет. Я женщин не бью. Я сделан из другого теста.

— Зря. Это кайф. Один раз попробуешь, и все. Засосало.

Сидят они рядом. На обоих регланы с капюшонами и слаксы черного цвета. Первый грязнее и коренастей второго. Сразу видно, кто хулиган, а кто погулять вышел.

У первого внешность простая. Лысый череп. Горизонтальная складка делит лоб на две половины. Верхнюю и нижнюю. Он похож на уголовника, чем и гордится.

Второй посложнее, вернее посимпатичней. Морщин на лбу нет. Лицо народовольческое. Такие лица рисовали на советских плакатах красными и синими чернилами.

— Где выйдем? — спрашивает первый. — На базаре или дальше поедем?

— Давай до конца.

Первый много болтает, цедит слова сквозь зубы и постоянно морщит и без того узкий лоб.

Второй молчит. Скулы его напряглись, предчувствие мрачное.

Первый мечтает вслух:

— Если будем стопить по два-три в день, то в неделю человек шестнадцать окучим. Прикинь, сколько это лаве.

Первый задумался. Второй тоже задумался. Интересная тема. В жизни приятней всего думать о бабах и бабле.

Троллейбус остановился. Зашла симпатичная девушка. Пацаны дружно смотрят на нее и внутренне облизываются. Девушка заплатила кондуктору за проезд и села у окна. У нее пухлая попа, и вся она пухленькая, беленькая и пушистая. Свежая, как весенняя капель.

— Малолетка, — сказал первый.

Второй громко втянул носом воздух и закусил нижнюю губу.

— Надо будет пехаль прикупить, — сказал первый.

— Зачем? — тихо спросил второй.

— Мечта.

Первый мечтает дальше:

— Главное, первый капитал срубить, а потом раскрутимся. Всегда начинается с малого. Все великие люди начинали с малого, а потом вырастали. Все нас будут бояться. Банда в черных капюшонах. А надень капюшон.

— Что? — спросил второй.

— Капюшон надень. Круто будет.

Второй натянул на голову капюшон реглана и стал выглядеть

зловеще.

— Банда в черных капюшонах терроризирует жителей города, — сказал первый.

Первый тоже натянул капюшон, и друзья стали одинаковыми.

Второй смотрит в окно. За окном тянется бесконечный индустриальный пейзаж, освещенный луной и тусклыми фонарями.

Первый смотрит вдоль прохода в кабину водителя. Там стоит жопастая кондукторша. Первый смотрит на ее зад. Кондукторша чувствует на своей заднице взгляд и топчется как лошадь. У нее очень чувствительный зад, ей льстит внимание молодых.

Троллейбус останавливается на остановках. Люди входят и выходят. Ребята сидят отдельно от всех, словно огорожены невидимым барьером. Никто не подходит к ним близко. Все из-за капюшонов. Возникают ассоциации с костюмами палачей и балахоном смерти.

Первый тихо говорит второму:

— Нас боятся.

Второй:

— Мы привлекаем внимание.

Первый:

— Пора выходить, а то запомнят.

Остановка. Двое покидают троллейбус.

Ребята засовывают руки в карманы и идут вдоль дороги. Нарочито вразвалочку, чтобы казаться бывалыми не по годам. Слева квадратные дома. В квадратных окнах горит электрический свет. Слышно, как обыватели соскребают со сковородок вчерашнюю лапшу на ужин. Некоторые окна горят голубым светом. Это значит, кто-то смотрит телевизор.

Первый говорит второму:

— Любишь вечерних окон негасимый свет?

— Ненавижу.

Они ходят по улицам, смотрят на прохожих, оценивают на глазок, сколько у кого в кармане денег.

— Этот вроде с баблом, — говорит второй.

— Да ну его. Смотри, какой лось. А если погонится?

— Не ссы. Нас двое, а он один.

Не на того они нарвались, а на бывшего опера. Саше, как старшему, дали пять лет, а его подельнику, как младшему, три года малолетки. Еще неизвестно, кому повезло. На малолетке совсем плохо.

В тюрьме Саша долгое время никого не видел, кроме людей. Они ему так надоели, что он заскучал по животным, и когда увидел на продоле собаку, немецкую овчарку, натасканную на

арестантов, то захотел ее погладить.

Однажды к ним ворвались маски и вывели всех на шмон. Там сидел этот пес. С его клыков капала жидкость. Он бил хвостом и порыкивал в сторону арестантов. Саша так и не понял, самец это был или самка. Саша стоял крайним, лицом к стене, в позе, называемой «растяжка». Считается, что эта поза крайне неудобна и сковывает свободные движения, но это не так. Не сковывает. Вернее, сковывает, но не полностью.

Собака была рядом. Саша вдруг ощутил болезненную жажду саморазрушения, как бывает на крыше небоскреба, когда тянет прыгнуть вниз. Он спокойно вытянул руку и погладил пса по голове. Пес не укусил, а человек среагировал мгновенно. Здоровенный мент в черной маске прорычал: «Рруки!!!», и прорядил с ноги в печень. С ноги в печень — это не шуточки. Саша упал на пол из битого кафеля. Лежал скорчившись, не плакал, не смеялся — без дыхания это сделать сложно. Он чувствовал себя маленьким и разбитым.

Приехала мама на свиданку и взяла почитать книжку, которую Саше подарила одна девочка в городе, куда его и других зэков возили под видом рабов работать на кирпичном заводе. Девочке нравилось, что Саша не местный, он грязный, потный и мускулистый. Она быстро его полюбила, а он ее. Но у девочки был жених, который тактично стоял в сторонке, не смея вмешиваться в их любовь. Сашу это устраивало, а девочку грызла совесть. Этот треугольник просуществовал три месяца, до самых заморозков, а потом кирпичный завод прогорел, и зэков свезли в зону.

Девочка, не в силах преодолеть море слез и соплей своего жениха, который с придыханием заявлял, что ему больше не страшно разбиться на параплане, рассталась с Сашей. На прощание подарила ему книжку и сказала, что главный персонаж похож на Сашу. Не в смысле внешности, а в смысле всего остального.

Мама, взяв почитать эту книжку, сказала то же самое, что и девочка. Снаряд два раза в одну воронку не падает.

Книжка называется «Жажда жизни» Ирвинга Стоуна, описывает житие Ван Гога. Саша книгу не читал. Ему она показалась нудной.

С девочкой у Саши была первая любовь. Первая, со времен Божены Стрыйкувны. То есть Божена была первой, а девочка второй. Но девочка была настоящей, а Божена — несбыточной мечтой; но все равно Саша сравнивал девочку с Боженой, и не всегда это сравнение было в пользу девочки.

Приезжала к Саше в зону одна женщина, с которой он

познакомился по переписке. Женщина была близкой копией Божены Стрыйкувны, и даже возрастом они совпадали. Она была старше Саши на двадцать лет, но хорошо сохранила лицо и особенно грудь. Ее грудь была идеальной, слишком идеальной, чтобы быть настоящей, но это не портило ее. У идеальной женщины должна быть идеальная грудь из лучших материалов. В ней было что-то от недосягаемой мечты.

Женщина просила Сашу, чтобы он ее убил.

— Убей меня, я больше не в силах выносить этот экзистенциальный ужас, я открыта всем ветрам, пустота и… пустота.

Саша сказал:

— Ты сумасшедшая. Я что, похож на убийцу?

Она сказала:

— Да. Потому я к тебе и приехала.

Она закатывала глаза и говорила, как она одинока.

— Подойди ко мне сзади, и в ритме танца мы оба приблизимся к зеркалу, ты возьмешь нож и запрокинешь мою голову. Я хочу это видеть. Последний миг. Хочу принять смерть от любимого. Просто проведи лезвием по горлу. Одно движение. Тебе это ничего не стоит, а мне — великое освобождение.

Саша сказал ей, буднично и серо, дабы развеять в пыль ее дурацкое наваждение:

— Это будет мне стоить от семи до пятнадцати лет, статья сто пятнадцать, часть первая, умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах. А если так, как ты хочешь, то вторая часть, от пятнадцати до пожизненного. Ты этого мне желаешь, эгоистка чертова?

Он не смог ее удовлетворить, и они расстались.

В кромешной тьме и одиночестве, когда бывало совсем хреново, Саша разговаривал с Боженой, как разговаривают с Богом. Он представлял, как она смотрит на него, будто он герой фильма. Фильм «Новые амазонки» так и остался его любимым.

Саша рассказывал соседу (их койки стояли рядом), как хорошо было бы влюбиться в кого-нибудь. Когда он выйдет на свободу, то обязательно влюбится. Так и говорил:

— Хочу влюбиться в девушку. Я не привередливый. Лишь бы красивая была. И умная. И добрая. И ласковая. И верная. Невысокая. И не низкая. С такой грудью, чтобы сразу бросалась в глаза. И волосы такие, чтобы до попы. И попа такая, чтобы глаз не оторвать.

Глаза тоже, само собой, большие, глубокие. Один глаз, как озеро Байкал, а другой, как Иссык-Куль.

Нос немного курнос, а зубы ровные, белые, целые, но не

такие, как у барракуды, а как на картинках, в брошюрах Свидетелей Иеговы «Пробудитесь!».

Губы, конечно, алые, как лепестки роз, и пухлые, чуть влажные.

Рот не злой, а такой, чтобы хотелось его целовать при всяком удобном случае. И сама такая, чтобы удобно усаживалась на колени, и колени никогда не болели и не уставали держать ее.

Чтобы пахла всегда весной, когда только-только почки на вербе распускаются и выползают первые божьи коровки.

Вот такая девушка мне нужна, и было бы неплохо, если бы у меня была такая.

А сосед рассказывал Саше, что на свободе будет вкалывать. Он сказал:

— Буду вкалывать. Деньги нужны на то на се. Но сначала стану на учет в мусарне, а потом работать. Много денег надо. Всем должен.

Его сосед любит поговорить и рассказывает про свои гнилые зубы. Он счастливчик — нашел причину своих бед. Он родился возле химического завода.

«Из-за химического завода, — говорит сосед, — я родился без эмали на зубах. Если бы не эта гребаная фабрика, у меня были бы здоровые крепкие зубы. Мне только тридцать два, а рот как у деда».

Сосед рассказывает, что если бы имел здоровые крепкие зубы, то не стал бы принимать наркотики, чтобы заглушить зубную боль и боль разочарований. Девочки его не любили из-за гнилых зубов. Радости живого полноценного секса были ему недоступны, а под кайфом он превращался в красавчика.

«У нас наркоманский район, а все потому, что у всех гнилые зубы».

Его посадили за наркотики и их хранение. До того как попробовать свой первый наркотик, он жил в мире зубной боли и онанизма.

Все разговоры в тюрьме сводились к баблу и бабам. Даже когда речь шла о свободе, то речь шла о деньгах. Значит, они будут использовать свободу, чтобы зашибать деньгу. Свобода — деньги. Деньги — свобода. Не деньги ради свободы, а свобода ради денег.

А Саша точно знал, что будет делать на свободе. Ничего.

Конечно, в первую очередь он станет на учет. Но он станет на учет в последнюю очередь. Надо в течение трех дней. Вот через три дня и станет. А сперва — поест. Потом поспит, пока не выспится. Потом выйдет на улицу и пойдет, куда глаза глядят. Снег, дождь — не важно. Пойдет, и все. Лучше, конечно, летом,

но и зимой неплохо.

Никакого общественного транспорта и частных машин. Никаких замкнутых пространств, наполненных людьми. Люди — хуже свиней и волков, когда их много в одном месте и им некуда деться. Только пешком, только куда глаза глядят, как в сказках. Посмотрели они туда — туда и пойдет. Ни о чем не думая, чтобы мысли в голове не плодить. Ходить ногами. Устал — сел, отдохнул. Проголодался — сел, отдохнул. Или поел, если есть, что поесть.

Дышать, не спешить и не бояться опоздать. Плохое — позади, впереди только свобода. Какая работа? Какие деньги? Саша — тунеядец. Ходить пешком. Гулять, спать, есть, дышать и гладить животных по спинам и головам. А через три дня пойдет целенаправленно и станет на учет. Даст инспектору коньяк и денежку, чтобы не тревожил, и пойдет. Увидит девку красивую и пойдет за ней. Не знакомиться, нет. Просто пойдет смотреть, как она ходит, как выпячивает икры, ягодицы, шевелит бедрами. На все посмотрит. Потом увидит другую и за ней пойдет. Так и будет ходить зигзагами, не разговаривая, не общаясь, не напрягаясь, выдумывая козни, как затащить девок в постель. Пусть идут своей дорогой. А Саша своей пойдет.

Саша освободился, и его мечта сбылась.

Лагерные ворота со скрежетом отъезжают, как двери грузового лифта, но не полностью, а ровно настолько, насколько хватает протиснуться сквозь щель. Саша худой, ему хватает. Ни баула, ни вещмешка. Саша налегке. Как сел, так и вышел. Все оставил в тюрьме. На свободу с чистой совестью — нечего таскать прошлое за собой.

Саша не спешит, автобус отходит через полчаса. Он стоит, нюхает воздух, смотрит в небо. В небе каркают вороны и собираются в стаю.

На крыльцо КПП выходит дежурный. Он пузат и мордат.

— Что, Саша, доволен собой? Что теперь? Работать будешь?

Саша не оборачивается (слишком много чести оборачиваться).

— Не знаю пока. Может, священником.

— Что-то до хрена вас здесь верующих развелось.

Дежурный достает пачку сигарет, пачка пуста. Косится на Сашу.

— Курить есть?

Саша достает полную, непочатую пачку сигарет, мнет ее, рвет и бросает в лужу.

— Бросил.

Мент бурчит и прячется в будке.

Солнце пробивается сквозь тучи. Саша жмурится от солнца. Он щурится, а со стороны кажется, будто улыбается.

Саша ходит по городу, как мечтал. Туда, сюда. Просто ходит, наслаждается. Заходит в церковь, ставит свечку, молится. Люди входят и выходят, зажигают свечи, а Саша стоит, как стоял, неподвижно, только изредка переминается с ноги на ногу, потому что ноги затекают. Ждет, когда свеча сгорит дотла, разгорится под конец ярким пламенем и испустит фигурное облачко дыма. Саша ждет этого момента, шевеля губами. Другие люди не могут подойти к иконе — Саша загораживает, он им мешает. Они бросают на Сашу косые взгляды. Много в этих взглядах осуждения. Другого эти взгляды испепелили бы уже давно, но не Сашу. Плевал Саша на их взгляды. Люди не хотят связываться с Сашей, потому что видят и чувствуют: Саша непростой, Саша сложный. Зачем усложнять себе жизнь? Все происходит в кромешной тишине. Только слышно, как свечки потрескивают и ноги шаркают.

Свеча гаснет, испустив длинную струйку дыма. Саша провожает струйку взглядом до потолка. На потолке нарисованы облака, а из-за облаков выглядывает Бог и показывает два пальца, указательный и средний, как знак победы или мира, или международного обозначения четверти виски «на два пальца». Саша крестится три раза, целует икону и оборачивается к выходу. Церковь пуста. Люди, которым Саша мешал, пропали. Только старый священник стоит у входа, смотрит на Сашу. Саша видит священника, но делает вид, что не видит.

— Молодой человек, вы хорошо молитесь. Как вас зовут?

— Александр.

— Хорошее имя. Вам надо молиться святому Александру Невскому. Вот его икона.

Саша подходит к иконе и три раза крестится.

— Так сойдет?

— Вполне.

Саша идет по улице, ест булочку с маком, а в голове у него песенка: «А я укуренный иду по переулочку и улыбаюсь на ходу, кусаю булочку». Он переоделся, и не видно больше, что он бывший зэк, но походка выдает человека, привыкшего к замкнутым пространствам. Он подходит к светофору, стоит, ждет зеленого сигнала. Другие люди не ждут, переходят улицу на красный свет, а Саша ждет. Он внимательный, все видит и всех замечает, а его никто не видит и не замечает. Но если смотреть на Сашу и на всех со стороны, то сразу видно, кто главный герой и чья это история.

Саша присел на лавочку. Пора отдохнуть. Смотрит на людей,

на все вокруг. Вскоре замечает человека, на которого хочется смотреть и смотреть. Другие прохожие, словно статисты из массовки, ничем не примечательны, а этот человек — сразу видно, кто главный персонаж. Со спины она — точная копия польской актрисы. Вышла из здания телецентра и пошла в сторону проезжей части. Саша боится упустить момент. Неужели это и есть его счастье? Неужели это то, о чем он мечтал с детства? Неужели сбывается?

На перекрестке загорелся красный свет светофора. Люди, как всегда, игнорируя запрещающий сигнал, переходят через дорогу. Их не жалко. Они — массовка. Машины мчатся, сигналят. Саша в этой массовке тоже статист, только девушка — главная героиня. Она единственная — живая, но тоже, как зомби, прет навстречу опасности. Саша не ждет, пока машины проедут, боится потерять ее из виду.

Резкий, до омерзения, скрип тормозов. Звук удара. Саша врезается в лобовое стекло микроавтобуса.

Небольшое сотрясение мозга — не страшно, переломана тазовая кость и еще, по мелочи, царапины и ушибы. В больнице Саша нудится, даже телевизор не помогает. Он все время лежит на спине, закованный в гипс, и если бы не медсестра, которая была к нему добрее, чем к остальным, было бы совсем плохо. Она приходит к нему каждый день, даже не в свою смену, даже в чужую, даже когда выходная, а он постепенно к ней привыкает и привык настолько, что, когда случалось ей опаздывать или отлучаться по делам, он скучал за ней и думал, что вот, наверное, это и есть любовь.

После автокатастрофы его жизнь поделилась на две части — до аварии и после, как до Р. Х. и после. До аварии жизнь была сном, и постоянный страх, как белый шум в ушах, мешал спать, но авария пробила перепонки, выбила пробки из ушей, а слезы вымыли бельмо из глаз. Окружающий мир стал ярким, как солнце в ясную погоду, и смотреть на него совсем небольно.

Он женился на медсестре. Все-таки она была рядом, когда ему было плохо, а это уже что-то. Она чуть старше его, а выглядит младше, но у нее есть ребенок.

Саше уже тридцать лет, а его приемному сыну — десять. Бывает, он гуляет с сыном, а люди, которые не знают, что у Саши есть сын, думают, что это его братик. Сыну не нравится быть братиком, и он всем, кто так считает, говорит, что Саша его отец.

В Голландии Саша был два раза или четыре. В последний раз почти все лето ездил по Европе и Англии, в основном поездами.

Саша любит поезда, его дедушка был машинистом. Особенно хороши австрийские поезда, двухэтажные, и вид из окна

красивый, все эти замки с подсветкой, горы, озера.

Был случай, Саша ехал из Вены в Венецию, зашел в вагон и не нашел номера своего места. Проводник, итальянец, объяснил, что это общий вагон и можно садиться куда хочешь. Саша выбрал лучшее место и сел. Потом зашли другие пассажиры, немцы, и стали прогонять Сашу с его места, говорили, что это их место, показывали билеты. Саша пытался им объяснить, что это общий вагон и цифры в билетах не имеют значения. Они не понимали. Тогда он достал бумажку, написал номер, какой был указан в его билете, и прикрепил над сиденьем. Только тогда они от него отстали.

Больше всего Саше нравится Лондон. Хотел бы он там жить. Нравятся ему такие места, где ночью гуляет много негров и он один среди них белый человек. Вообще, англичане на острове себе комфортную жизнь устроили: там даже дикая природа выглядит так, будто за ней ухаживает садовник.

Саша музыку редко слушает. Любит кино. Смотрит все подряд, как Квентин Тарантино. Он видел Квентина пару раз на Каннском фестивале, куда ездил с делегацией обкатывать новый фильм, к которому Саша приложил руку как сценарист. Видел он и Божену, когда ездил в Варшаву на другой кинофестиваль и посетил там Театр охоты, где она была одной из ведущих актрис. Божене уже под шестьдесят. Ему она показалась слишком морщинистой.

Ярослава Лазарева

Ярослава Лазарева — поэт и прозаик. Живет в Москве. С раннего детства любила танцевать и писать стихи. И после окончания средней школы поступила в колледж культуры и искусств на хореографическое отделение. Какое-то время Ярослава работала по специальности, руководила молодежным самодеятельным варьете, вела кружки бальных танцев для старшеклассников, являлась инструктором по шейпингу и хореографом женского танцевального трио. Затем, уйдя с офисной работы, полностью посвятила себя писательству.

Вишенка без торта

Решив сделать перед днем рождения генеральную уборку, я первым делом разобрала ящики письменного стола. Обычно именно там образуется настоящая свалка из черновиков, старых блокнотов, смятых бумажек с обрывками стихотворных строк, записанных второпях и потом забытых. И вот я заметила высунувшийся из страниц потрепанной общей тетради уголок пожелтевшего конверта.

Это было письмо. С изумлением я смотрела на адрес. Настоящий привет из прошлого. Странно, что оно сохранилось, ведь в те времена — а мне было четырнадцать — я на пике эмоций вынесла на помойку все его письма из армии. Мало того, я выбросила и толстенную тетрадь со своими первыми стихами. Я смотрела на конверт, воспоминания нахлынули и принесли грусть. Это была моя первая любовь.

Но сначала я безумно влюбилась в героя фильма. В то лето я осталась в городе, категорически отказавшись ехать в деревню к бабушке. Мне было куда интереснее проводить время в компании подружек, валяться на городском пляже, гулять в парках, есть мороженое в кафешках. И вот как-то мы забрели в летний кинотеатр, решив посмотреть испанскую мелодраму. В главной роли снялся певец Рафаэль. Я сидела в темном зале, упиваясь эмоциями и заливаясь слезами, и вышла на улицу совсем другим человеком. Чувства жгли так, что дыхание перехватывало. Подружки смотрели на меня с недоумением и даже начали посмеиваться над моим неадекватным состоянием. Но я огрызнулась и бросилась в кассу кинотеатра. Купив билет на следующий сеанс и заново пересмотрев фильм, я получила «контрольный выстрел» в сердце.

Прошло около недели после того судьбоносного похода в кино. Я была полностью погружена в любовь, купила гибкие пластинки с песнями кумира, обошла все киоски «Союзпечати», но добыла журнал с его фотографией. Дома, аккуратно вырезав рекламный портрет Рафаэля, вставила в рамочку-сердечко. Фото красовалось на письменном столе, перед сном я целовала прекрасные глаза любимого и засыпала счастливой. Я даже начала учить испанский язык.

Мои родители работали на крупном машиностроительном заводе, при нем имелся Дворец культуры с отличной библиотекой. И как-то вечером я отправилась туда, чтобы взять книги об Испании. Мне хотелось как можно больше знать о той стране, где родился и жил «мой бог». Я быстро шла по коридору,

боясь не успеть до закрытия библиотеки, и вдруг услышала доносящиеся из актового зала звуки музыки. Я остановилась и заглянула в приоткрытую дверь. И мир вновь перевернулся. На сцене репетировал какой-то самодеятельный ВИА. Солист как раз начал петь, пробуя микрофон. Это был парень лет семнадцати, кареглазый, темноволосый, с короткой стрижкой и обаятельной улыбкой. И он был нереально похож на моего кумира: тот же тип лица, цвет глаз, волос, манера и… он пел! Конечно, его голос не шел ни в какое сравнение с золотым голосом Рафаэля, но для меня в тот миг это уже не имело значения. Я вошла в полутемный зал. Ребята не обратили на меня никакого внимания. Я приблизилась к самой сцене и уселась в крайнее кресло первого ряда. Солист как раз что-то бурно начал обсуждать с музыкантами. Я вслушивалась, не сводя глаз с его худощавой спортивной фигуры. Они спорили о манере исполнения. Высокий полноватый парень, ребята называли его Пашок, определил ее «слащавой», что меня тут же возмутило. На мой взгляд, солист пел прекрасно и «как ангел».

— Наподдай жару, — советовал Пашок. — Больше мужественности, а то блеешь, как кастрированный козлик. Но яйца-то у тебя на месте!

Парни дружно расхохотались.

— Неправда! — не выдержала я и вскочила. — Как вам не стыдно!

Ребята замолчали и развернулись ко мне. Я приблизилась к сцене и смотрела снизу вверх на солиста. Вблизи он показался мне практически двойником Рафаэля, и я словно попала под гипноз.

— А ты в курсе о его яйцах? — насмешливо спросил Пашок и переглянулся с музыкантами. — А не слишком ли ты мала, девочка?

Стыд обжег меня, щеки начали пылать, слезы подступили, и я с трудом их сдержала.

— Ну прекрати, зачем девушку смущаешь? — вдруг вступился за меня гитарист. — А тебе что, понравилось, как он поет?

И он протянул мне руку. Я, окончательно сомлев от волнения, все же ухватилась за нее и забралась на сцену. И оказалась рядом с солистом. Он был чуть выше меня, я смотрела в его глаза и не могла оторваться.

— Вы поете прекрасно, — прошептала я.

— Андрон, — представился он и протянул руку.

Я еле слышно назвала свое имя и пожала кончики его пальцев.

— Но мы зовем его Рони, — сообщил Пашок. — Так более стильно. А это Славик, — добавил он и кивнул на гитариста.

— А я Петр, — баском представился клавишник.

— Очень приятно, — замирающим голоском ответила я и зачем-то присела в реверансе.

— Балерина! — заметил Славик и широко улыбнулся.

— Я занимаюсь в студии бальных танцев и еще в театральном кружке, — важно сообщила я.

— Забавная какая, — тихо проговорил Пашок. — И ты наша первая фанатка! Мы ведь только начинаем. Даже названия нет.

— Кстати, подкинь идею! — задорно предложил Рони и улыбнулся, глядя мне в глаза.

— Н-не знаю, — растерянно проговорила я и снова залилась краской.

— Вишенка, — вдруг сказал он. — Классное прозвище для такой девчушки, как ты!

— Почему? — прошептала я, тая от восторга, что он уделяет мне столько внимания. — Я, наверное, вся красная?

— У тебя глаза темные и блестящие, как спелые вишни, — ответил Рони.

Таких оригинальных сравнений я еще не удостаивалась, и это окончательно вскружило голову. Невыносимое ощущение жаркой нежности к этому парню залило огнем все мое существо, я едва держалась на ногах.

— Тата! — радостно вскрикнул он и, обойдя меня, шагнул к краю сцены. — Как ты долго!

С невесомых облаков я грохнулась на твердую землю и пришла в себя.

По проходу между креслами двигалась девушка. Сильно выбеленные волосы рассыпались по ее плечам, едва прикрытым узенькими лямочками молочно-белого топа. Она была без бюстгальтера, и тонкая шелковая ткань не оставляла сомнений в ее выдающихся «достоинствах». Немыслимо короткая джинсовая юбка походила на шорты, босоножки на высокой платформе делали ее стройные ноги еще длиннее. Лицо выглядело загорелым, но яркий макияж показался мне чрезмерным, девушка напоминала неумело раскрашенную куклу. Рони спрыгнул со сцены, обнял ее и поцеловал в губы. И я моментально возненавидела Тату.

— Хай, парни! — небрежно бросила она, когда оторвалась от Рони.

Они вразнобой поздоровались.

— Давайте уже репетировать, — сказал поскучневший Пашок. — А то в следующие выходные вечер в клубе, а мы не в

зуб струной. Даже репертуара нормального нет, да и не сыграны мы!

Рони молча запрыгнул на сцену и подошел к микрофону. Тата села напротив в кресло первого ряда. Я, как парализованная, не могла двинуться с места.

— Эта малолетка ваша новая солистка? — ехидно уточнила Тата, окидывая мою худощавую и пока «бесполую» фигуру оценивающим взглядом. — Вы бы хоть наряд ей какой прикупили для выступлений. А то этот сарафанчик в цветочек в стиле «жду тебя у сеновала» полный отстой! Да еще и сандалии без каблука!

Рони повернулся ко мне и посмотрел удивленно.

— Вишенка, чего застыла? — тихо спросил он. — Нам репетировать нужно. Или хочешь попробовать? Ты же вроде в театральном? А там все с голосами.

— А давай! — встрял Славик.

Я, конечно, пела дома, когда оставалась одна. А последнее время постоянно исполняла песни Рафаэля, выученные при помощи пластинок. Но я точно знала, что вокальных данных у меня нет.

— Голос слабый, — ответила я, глядя отчего-то на ухмыляющуюся Тату.

В тот момент я будто разум потеряла, хотелось лишь одного: утереть ей нос любым способом. И я была готова даже петь, лишь бы она перестала так насмешливо улыбаться.

— Микрофон усилит, — сказал Пашок. — А вдруг ты скрытый талант? Новая поп-звезда?

Я посмотрела на ребят, они улыбались. Умом я понимала, что они просто прикалываются, но, что называется, «закусила удила» и подошла к микрофону. Рони глянул на меня изумленно, но место уступил. Он даже спрыгнул в зал и уселся рядом с Татой, обняв ее за плечи. Это еще больше меня разозлило, и я с деловым видом постучала пальцем по микрофону и тихо проговорила: «Раз, раз…» Тата засмеялась и перекинула ногу на ногу.

— Выступает Вишенка! — громко объявил Славик за моей спиной и провел медиатором по струнам.

Пашок прытко занял место за ударной установкой и выбил какую-то замысловатую дробь.

— Что будешь исполнять? — серьезно спросил Петр.

— «Tema de amor», — сообщила я.

— И чего это? — удивился он.

— «Тема любви», поет Рафаэль Санчес.

— Ни фига себе… короче, давай начинай, а мы подхватим! — сказал Славик. — Тональность знаешь?

— Нет! Я вообще петь не умею, — запоздало призналась я.

— Ребята, долго еще? — раздалось с первого ряда.

Я глянула на обнимающуюся парочку, откашлялась и запела:

— Dicen que somos dos locos de amor… Que vivimos de espaldas al mundo real… Pretendiendo lograr de la gente un favor… Que nos dejen querernos en paz[4]…

Славик лишь пару раз прошелся по струнам. Потом все стихло. Я только слышала, как мой голос, приобретая резкие высокие тона, невероятно схожие с визгом забиваемого поросенка, несется по залу. Даже моему невоспитанному в музыкальном смысле уху было ясно, что гармония в пении полностью отсутствует. И я замолчала. Пару секунд в зале стояла гробовая тишина, я даже слышала, как гулко бьется мое сердце. И вот взрыв хохота накрыл меня волной. Давно я не видела, чтобы люди так смеялись. Пашок даже упал со стула, уронив барабанные палочки. Я сквозь слезы смотрела на корчившегося от неудержимого хохота Рони, на ехидно улыбающуюся Тату. Потом не выдержала и убежала.

Дома проплакала весь вечер, закрывшись в своей комнате и не отвечая на вопросы родителей из-за двери. Поздно ночью нарисовала открытку, озаглавив ее «Тема любви». Изобразила, как могла, цветочки и сердечки и написала внутри перевод этой строфы из песни Рафаэля, которую пыталась сегодня исполнить: «Говорят, что мы — сумасшедшие от любви, что мы живем вне реальности, стремясь добиться от людей одного — чтобы они оставили нас в покое…»

Адресовав открытку «милому Рони», я немного успокоилась и легла спать.

Проснулась рано и в боевом настроении. Родители собирались на работу и очень удивились, что я уже на ногах. Мама осторожно спросила, отчего я так вчера расстроилась, я ответила, что поругалась с подружкой. Она снова предложила поехать к бабушке в деревню. И я снова категорически отказалась. Как только они ушли, я бросилась искать чистый конверт. Засунув в него самодельную открытку, заклеила и подписала: «Андрону от Вишенки». Позавтракав, тщательно изучила свой гардероб. Но ничего эффектного в нем не имелось. Платья, юбки, футболки были куплены или на рынке, или в универмаге, кое-что мама пошила сама. Недолго думая, я вынула синюю расклешенную юбку из плотного хлопка и отрезала подол сантиметров на двадцать. Подрубив край на швейной машинке, примерила. Юбка стала почти такой же короткой, как у Таты, и открывала мои худощавые стройные ноги. Нашлась и ажурная кофточка в обтяжку. Ее связала мама, а я потом неудачно постирала, и вещь уменьшилась размера на два. Но сейчас мне

казалось, что именно так и должна выглядеть крутая девчонка, фанатка ВИА. Одно угнетало: у меня не было босоножек на высоких каблуках. И я вынула из шкафа мамины. Правда, она носила на размер меньше, чем я. Но разве такая мелочь могла остановить? Подумаешь, пальцы вылезают за край! Никто и не заметит, так я рассуждала. И после краткого раздумья наложила на ногти алый лак, хотя обычно пользовалась бесцветным. Нарядившись, я плойкой соорудила локоны, затем напудрила лицо, подвела глаза и накрасила губы яркой маминой помадой.

«Просто класс! — метались мысли, когда я изучала свое отражение в большом зеркале платяного шкафа. — Давно пора было собой заняться!»

Засунув конверт в сумочку, я отправилась во Дворец культуры, решив на месте выяснить расписание репетиций нового ансамбля. Но едва я дошла до конца нашего дома, как заметила Пашу. Он выскочил из крайнего подъезда и двинулся к мусорным бакам. Увидев, что на нем только шорты, а в руках помойное ведро, я решила подождать. Пашок опорожнил ведро, закурил и двинулся к подъезду. Я постаралась принять эффектную позу, выставила ногу, изогнув корпус и приподняв подбородок. Ветерок трепал мои локоны, поддувал под короткую юбочку, и мне казалось, что я будто картинка из заграничного журнала мод. Пашок глянул на меня равнодушно и прошел мимо.

— Привет! — крикнула я ему вслед.

Он обернулся.

— Не узнал? — довольно спросила я и сложила накрашенные губы бантиком.

— Вишенка? — явно удивился он. — Какого черта ты тут?

— Не думай, я никого не выслеживаю, — весело пояснила я и нервно рассмеялась. — Я живу в этом же доме, только в четвертом подъезде. Вышла, а тут ты!

— Тебя не узнать, — сказал он и поморщился.

Мне показалось, что на его лице мелькнула жалость.

— Слушай, а ты не передашь Рони… — тише сказала я и полезла в сумочку.

Вынув конверт, протянула Пашку.

— Признание в любви? — предположил он и взял конверт. — А ведь он с Татой! Уже полгода вместе. У тебя нет шансов! Но знаешь, для нас это даже полезно. Безумная фанатка влюблена в солиста! Хорошая реклама! Правда, ты совсем маленькая! Сколько тебе? Тринадцать?

— Четырнадцать! — гордо ответила я. — А тебе?

— Да уж двадцать, детонька! — усмехнулся он.

— Ничего себе, какой ты взрослый! А Рони?

— Пацан еще, ему семнадцать, — сказал Пашок. — Ты вот что, приходи на репетиции, если хочешь. Три раза в неделю в то же время мы в актовом зале. Только больше не пой! — добавил он и засмеялся.

— Сами же просили! — хмуро ответила я.

— И подружек приводи! — добавил Пашок. — Армия фанаток нам просто необходима. И вот что, сними ты все это… барахло и лицо вымой. Не идет тебе! От души говорю. И Рони это точно не понравится.

Я обиделась, но отчего-то поверила ему. И больше таких экспериментов со своим имиджем не проводила.

С тех пор я не пропускала ни одной репетиции. Рони поблагодарил меня за красивую открытку и тут же добавил, что любит другую. Но я уже ни на что не обращала внимания. Главное, я могла видеть своего любимого, общаться с ним. А когда я предложила название «Машинисты» для новоиспеченного коллектива и его после бурного обсуждения все-таки приняли, то моему восторгу не было предела. Присутствовала я и на первом выступлении на заводском вечере молодежи. Рони сильно волновался, я стояла за кулисами и подбадривала его. Он держал меня за руку и все отчего-то повторял и повторял слова песни, с которой начинался концерт. А я млела от счастья. Но тут появилась Тата и все испортила. Она бесцеремонно оттолкнула меня и начала целовать Рони. Хорошо, вмешался Пашок, отогнал ее от парня и посоветовал нам отправляться в зал и не мешать музыкантам настраиваться. Тата пожала плечами, ответила коротко, но грубо, однако в зал спустилась. И вот вечер начался. Она заняла место на танцполе, а я прислонилась к стене и не сводила глаз с любимого. Он пел прекрасно, с чувством, девушки визжали после каждого номера и пытались брать автограф. Ребята остались довольны успехом.

Поздно вечером они собрались отметить дебютное выступление. Я ждала любимого у служебного выхода, минут через тридцать ребята выкатились на улицу уже в сильном подпитии. Рони обнимал Тату, она возбужденно смеялась и предлагала всем завалиться к ней, потому что «предки укатили в Сочи и хата свободна». Ребята радостно согласились, на каждом висело по девчонке. Они остановили такси. Пока грузились, я робко приблизилась. Получилось так, что в машину сели Тата — она первой забралась на переднее сиденье, — Пашок и Славик, между ними втиснулись две девушки. Такси уехало. А из-за Петра выдвинулся пошатывающийся Рони и с пьяным изумлением уставился на меня.

— А где все? Вишенка, а ты тут чего? — широко улыбаясь,

спросил он и икнул.

— Тебя жду, — чуть не плача, ответила я.

— Шла бы ты домой, — хмуро посоветовал Петр. — Родители заругают, время-то совсем не детское!

В этот момент к тротуару подрулил новенький синий «Москвич», стекло опустилось, выглянула девушка. Оказалось, что это Соня, подруга Петра.

— Чего стоим? — поинтересовалась она. — Загружайтесь. А девчонка с нами? — добавила она и вздернула брови. — Петя, вы с ума сошли?! Она же несовершеннолетняя!

Но я дослушивать не стала и юркнула на заднее сиденье. Рони с трудом забрался в салон и привалился ко мне. Петр пожал плечами и сел рядом с подругой. Машина тронулась с места, Рони дернулся и почти упал на меня. От него неприятно пахло алкоголем, но меня это не смутило. Я обняла его и прижала к себе. И как же я счастлива была в тот момент! Голова любимого покоилась у меня на груди, его руки безвольно лежали вдоль моих бедер, и я таяла от его близости и боялась дышать.

Когда мы прибыли на место, веселье уже было в разгаре. Я замерла на пороге гостиной от зрелища, показавшегося мне мерзким: на столе, раздевшись до трусиков, которые почти ничего не скрывали, танцевала Тата, извиваясь всем телом и выставляя большую грудь с торчащими крупными сосками. На полу возле стола сидел Славик, смотрел снизу на «стриптизершу», хлопал в ладоши и хрипло напевал одну из песен «Машинистов». На диване устроился Пашок в обнимку с двумя девушками. Он взасос целовал то одну, то другую.

— Офигела вконец?! — сказал Рони, глядя на полуголую подругу. — Прекрати немедленно!

— Отвали! Мне в кайф! — ответила Тата.

— Слезай… — и он добавил нецензурное слово.

— Кто я?! — взвилась Тата. — Да пошел ты! Я… я… приличная девушка, просто люблю веселиться. А вот ты! Притащил эту малолетку. Педофил хренов!

— Полегче, подруга, — встрял Петр, все еще стоящий в дверях. — Рони и сам пока несовершеннолетний.

Я смотрела на покрасневшего и начавшего трезветь любимого, на его товарищей, на пьяных девушек, и мне становилось все противнее. Воображение легко дорисовало дальнейшее развитие событий. Начало тошнить. И я вылетела из квартиры. На выходе из подъезда меня догнала Соня. Она смотрела немного виновато, но с едва скрываемой жалостью.

— Петя попросил отвезти тебя домой, — пояснила она, открывая дверцу машины. — И вообще, Вишенка, незачем тебе

так рано лезть во взрослую жизнь, — добавила Соня.

Всю дорогу до моего дома мы молчали. Было о чем подумать.

Странно, но буквально через пару дней мерзкий осадок исчез, мое чувство будто обновилось и засияло другими красками. Я снова приходила на репетиции, не пропускала ни одного выступления «Машинистов», общалась с ребятами и Рони на одной волне, никак его не выделяя. Но, видимо, все было написано на моем лице. Иногда я ловила на себе сочувственные взгляды парней. Один Рони делал вид, что ничего не замечает. Правда, однажды, это было в конце августа, он не выдержал и решил серьезно со мной поговорить. Это было тяжело. Мне приходилось делать вид, что я все понимаю и принимаю, но неразделенная любовь выжигала изнутри. Пообещав ему, что я постараюсь выбросить «эту блажь» из головы, я убежала домой и полночи проплакала. Потом, уже по привычке, встала и «запечатала» свою боль в стихи.

Наступил сентябрь, и начались занятия в школе. Я отметила, как вытянулись парни-одноклассники за время каникул, но ни один из них не вызывал ни волнения, ни трепета, мое сердце было по-прежнему занято. Во вторую субботу месяца в школе организовали сбор металлолома. День выдался прекрасным: настоящее бабье лето, с золотым солнцем, заливающим улицы, с поблескивающими паутинками, плавающими в хрустальном воздухе, с янтарными пятнами начинающей желтеть листвы. С утра я, поддавшись очарованию мягкого осеннего дня, находилась в мечтательном настроении. А мечтала я только о Рони. Не видела его вот уже неделю, тосковала по его голосу, ярким глазам, обаятельной улыбке. Но нужно было собирать металлолом.

Мы начали рыскать по району в поисках, ведь соревновались между классами. Учитывался исключительно вес собранного материала. Нашей группе повезло, мы обнаружили старый, уже выселенный дом и вытащили из него две кровати с панцирными сетками и толстыми увесистыми спинками. Я отделила изголовье и поволокла в сторону школы, которая находилась через два квартала от этого дома.

И вот вижу, что из-за угла — а там находились художественные мастерские — выходит мужчина и медленно двигается впереди меня. Я моментально узнала художника Михаила Цветкова. А ведь в этом году меня назначили организатором «встреч с интересными людьми». И тут такой случай. Ценный металлолом бросить было невозможно, и я, собрав все силы, припустила за художником. Железные ножки стучали по неровностям асфальта, я пыхтела от напряжения, как

паровоз. Цветков обернулся. Я подлетела, поставила изголовье кровати перед собой и в изнеможении оперлась на него, как на деревенский плетень.

— Здравствуйте, — сказала я, едва переведя дыхание.

— День добрый, — растерянно ответил он и сделал шаг назад.

— Вы ничего такого не подумайте, — торопливо начала я и вытерла пот со лба.

И изложила просьбу. Он слушал внимательно, потом явно расслабился и начал улыбаться. И согласился прийти на классный час в пятницу вечером и рассказать о своем творчестве. Я вздохнула с облегчением и попросила «на всякий случай» телефон. Он вынул из кармана пиджака блокнотик, ручку и начал писать.

И в этот миг у меня потемнело в глазах. По улице шел Рони. Он поравнялся с нами, изумленно посмотрел на Цветкова, но потом убыстрил шаг, даже не поздоровавшись со мной. Мне хотелось закричать ему вслед, но было неудобно перед художником, и невероятным усилием воли я сдержалась. Цветков дописал и протянул мне листочек. И в этот момент Рони подлетел к нам, глянул презрительно на опешившего художника и отчеканил:

— Дядя, а ты не слишком стар для такой девочки?!

— Это Цветков! Это художник! У него выставки… — растерянно бормотала я, сгорая от стыда.

— Ах, еще и мазила! С натуры хочешь? — окончательно разозлился Рони. — Вишенка! Не слушай ты его! Знаешь, уж лучше быть без торта и не есть что попало. Так, кажется, у кого-то из поэтов. Ты должна знать. Сама вон какие стихи пишешь!

— Уж лучше голодать, чем что попало есть; Быть лучше одному, чем с кем попало, — процитировал Цветков. — Это Омар Хайям.

— Вот! — чему-то обрадовался Рони. — Уж лучше одному… Короче, мы расстались, — тише добавил он. — Она оказалась полная дура! Меня же в армию забирают, уже на следующей неделе. Тата сказала, что ждать меня и не думала, два года слишком долго для нее, такой молодой и красивой.

И он вдруг бросился бегом от нас. Я смотрела вслед и глотала слезы. Новость ошеломила.

— Значит, ты — вишенка без торта, — заметил Цветков. — Меткое название! Вижу, тут целая драма. Извини, что оказался невольным свидетелем.

— Это вы извините, — тихо ответила я.

— Все пройдет, сама увидишь! — уверенно проговорил он. —

А мне уже пора!

— Но вы не обманете? Придете на нашу встречу? — заволновалась я, глядя на него сквозь слезы.

— А как же! Обещал — значит, буду!

Цветков сделал пару шагов от меня, но потом остановился и повернулся.

— Слушай, а почему ты… ходишь со спинкой от старой кровати? — неожиданно спросил он.

Тут до меня дошла вся комичность ситуации, и я начала истерично смеяться. Он заулыбался, но ждал, пока мой нервный приступ пройдет. Отдышавшись, я рассказала о сборе металлолома. Цветков отчего-то поскучнел, словно ждал от такой неординарной девушки какой-нибудь интригующей истории. На этом мы и распрощались.

После ухода в армию моего любимого я терпела месяц. Но потом отправилась к Паше, взяла адрес воинской части и стала писать ежедневно. Я посылала свои стихи, рассказывала о школьных делах, о «Машинистах», предлагала совершать воображаемые прогулки по любимым местам нашего района, вклеивала фотографии предполагаемого маршрута. Рони ответил лишь через три месяца и первым делом пожелал мне забыть его раз и навсегда. Он писал о том, что даже не подозревал, какой я человек, что лишь по моим посланиям смог узнать всю глубину моей «прекрасной неземной души». Именно так он и выразился. И в конце добавил, что он самый обычный парень и меня недостоин. Но я упорствовала. И он начал отвечать. И вот когда ему осталось служить три месяца, пришло это самое письмо, которое я сейчас держала в руках. Помню тот шок, который я испытала, ведь это был лист тетрадки, на котором я увидела всего три слова: «Я люблю тебя», написанные крупно, неровно и поперек страницы.

Не могу понять, что тогда произошло со мной. Я смотрела и смотрела на это, такое долгожданное признание, а мое сердце словно покрывалось коркой льда. Всю ночь я пролежала без сна, а наутро точно знала, что не люблю Рони. Мое чувство куда-то улетучилось. Это было неприятно и уже не больно. И я не ответила на его послание. Приходили еще весточки от него, но я окончательно потеряла интерес ко всему, касающемуся этого парня. И как-то в порыве раздражения сгребла блокноты с черновиками, тетрадь с готовыми стихами, все его письма и фотографии в кучу и вынесла на помойку. Мы так и не увиделись после его демобилизации. Для меня этот парень будто бы никогда не существовал, а Рони, видимо, обидевшись на такое непонятное поведение, меня найти не пытался.

Встретились мы много лет спустя совершенно случайно. Я уже вышла замуж за лейтенанта, и он увез меня по месту службы в город Львов. Домой я приезжала ненадолго и обычно летом. И вот как-то шла по родному району и услышала откуда-то сбоку:

— Вишенка! Это ты?!

Давно меня так никто не называл. Я остановилась. Ко мне быстро шел из переулка парень. Я сразу его узнала, изменился он мало: все та же милая улыбка, мальчишеское обаяние и нереальное сходство с моим, по-прежнему любимым певцом Рафаэлем.

— Привет, Рони! — ответила я и пожала протянутую руку.

— Как живешь? — одновременно спросили мы и облегченно рассмеялись.

И начали наперебой рассказывать о событиях последних лет. Но когда выяснилось, что наши браки заключены не только в один и тот же год, но и в один день — 13 августа, что у нас родились дочки и тоже в один день — мало того, у них одинаковые имена, — то мы замолчали, судорожно сцепив руки и глядя в глаза друг другу. Рони побледнел, вдруг притянул меня к себе, крепко поцеловал в губы — это был наш первый и единственный поцелуй, — опустил голову и быстро ушел. Больше я его никогда не видела.

Что это было? Разве в реальной жизни возможны такие совпадения? Но у нас так случилось.

Неужели судьба дала нам понять, что мы были единственно возможными половинками, но упустили свой шанс? Ответа на этот вопрос у меня нет.

Максим Матковский

Максим Матковский родился в Киеве, окончил Дамасский институт (Сирия) по специальности «Арабский язык и литература» и Киевский университет им. Шевченко. В 2014 году стал победителем премии «Дебют» в номинации «Крупная проза» и вошел в число лауреатов Международного литературного конкурса «Русская премия» в номинации «Крупная проза». Тексты Матковского лиричны и неожиданны, в них размыты границы между сном и явью, «реалистической» иронической прозой и фантасмагорией.

Женщины или пиво?

1

О человеке можно многое сказать по тому, какое пиво он пьет.

Если же человек пиво не пьет — то и говорить о нем совершенно необязательно.

Так вот, не вдаваясь в подробности пивного мира, если человек пьет разливное пиво с хмельной горчинкой, и пиво это либо светлое, либо же полутемное, то это хороший человек.

Если же человек пьет разливное светлое, либо же полутемное и не фильтрованное, то это просто отличный человек.

А если же вы увидели, что человек пьет бутылочное пиво, наше или импортное, — то от такого надо держаться подальше.

Руки ему не подавай!

Ведь человек в здравом рассудке кислятину пить не станет, ведь так?

Ее папаша, ее брат и ее дядя пили бутылочное львовское пиво — и были редкостными козлами.

Да, таких козлов еще поискать надо.

Лена же была отличной девчонкой, вежливой, скромной, доброй… а самое главное — у нее была отличная упругая задница, грудь второго размера и длинные медовые волосы.

Все, как мне нравится.

Она разделяла мое презрение к людям, пьющим бутылочную кислятину.

2

Я ей говорил:

— Леночка, милая, как же я устал от твоих родителей! Боже, они же черти… да в кафе-баре «Мариша» на базаре Нивки — и то получше людей встретишь!

Она не верит мне, ни единому слову, родители у нее — святые люди.

— Тебе просто надо с ними ближе познакомиться, они на самом деле очень хорошие, своеобразные немного…

— Немного… своеобразные! Своеобразия у них, знаешь… на вагон, прицеп и тележку с тремя сумками хватит… они же деревенщины проклятые!

И мы ругаемся. Каждый день ругаемся. Она обижается, иногда плачет, и я уже ненавижу себя за слезы эти. Ну кто я такой, чтоб судить ее родителей? Они же ее выкормили, вырастили… естественно, она будет их любить.

Как там в Библии написано? Не становись между ребенком и его родителями, а не то получишь молнией по макушке, что-то в этом духе. Справедливо, тут не о чем спорить.

Я говорю:

— Леночка, милая, дорогая, переезжай ко мне, будем жить-поживать да добра наживать.

Не хочет, родители не разрешают. Ей всего девятнадцать лет. Мне двадцать пять, а в голове хоть шаром покати. Ноль без палочки. Институт окончил и пошел бумажки с места на место перекладывать. Посади вместо меня робота или бродяжку с улицы, да хоть тостер с кофемолкой вместо меня посади — они с такой работенкой, должно быть, еще лучше справятся.

С другой стороны, работа у меня есть, деньги кое-какие платят. И работа не тяжелая, мозоли не выскакивают, голова не болит, грыжи от подобной работы точно не будет.

Все хорошо, все нормально.

Так успокаиваю себя каждый божий день. Главное, совершать одни и те же поступки изо дня в день и строго следовать ритуалу. А иначе — крышка, хаос, а иначе захочется вегетарианцем стать или, господи всемогущий, цветную татуировку на руке сделать.

Встал рано — зубы почистил, умылся, отжимайся! Чай пей с хлебом и маслом, чай без сахара — масло чуть солью притруси. Никаких печений и сладостей. Не ленись, мужчина должен быть опрятным, прическа аккуратная, обувь до блеска начищена. В обед обязательно съешь и первое, и второе, и компот из сухофруктов в местной столовой.

Онанизмом не занимайся — это верный путь к небритому одиночеству.

Еще от онанизма люди слепнут, так я в интернете прочитал.

Леночка меня упрекает периодически:

— А ты мне своих родителей вообще не показываешь!

Я же ее тоже упрекаю:

— А ты мне своих родственничков постоянно показываешь, и что хуже?!

3

Вечно небритый, хромой папаша ее, дядя Коля, много лет уже не работает, болтается по двору с парочкой гнилых досок да

молотком вместо чего-то полезного, вроде скворечника или же гроба для себя — он из себя строит крепкого хозяйственника.

Майка дырявая, штанины подвернул, хамло, скотина, деревенщина, рожу постоянно хмурит, левый глаз прищуривает и бровями шевелит. А смотрит он на тебя так, будто ты ему тысячу гривен вот уже два года должен.

Кажется, он и родился недовольным, и в детстве он ни одного дня довольным не был. И улыбаться он точно не умеет, ей-же-ей. Уголки его губ повисли так низко, словно у него на морде двадцатикилограммовая гиря невидимая висит.

Дядя Коля меня упрекает:

— У тебя машины нет.

— Угу, — отвечаю.

— У тебя жилья собственного нет, — говорит.

— Угу, — отвечаю.

— Это — минус, — говорит.

— Угу, — отвечаю.

— Что ж ты дальше себе думаешь делать? — спрашивает.

— Жить да не тужить, — отвечаю.

— Хм, — говорит, — так любой дурак может — жить и не тужить. Конечно, чего дураку тужить — забот никаких нету…

— Ну да, — говорю.

Это что касается папаши.

Брат Лены Сережа — также крайне неприятное существо. Организм. Человеком его назвать язык не поворачивается.

Они с отцом по вечерам дудлят бутылочную кислятину и болеют не за киевское «Динамо», вы только представьте… а болеют они за «Шахтер»! После того как я узнал, что они болеют за это недоразумение — еще больше их возненавидел.

Ростом Сережа вышел два метра, долбаная шпала, раньше он много занимался боксом и выиграл какой-то там чемпионат среди деревенщин в Деревень-Тауне, и дали ему статуэтку и диплом, он этой победой очень гордится. И еще, что больше всего в нем раздражает: иногда он начинает у тебя перед лицом кулаками махать, и подныривает под тебя, и подначивает, и показывает, как бы он тебе в подбородок заехал, и в бровь, и в ухо… Понимаете, распространенная болезнь у боксеров — кулаками махать.

Ага, и еще, когда Сережа перед лицом твоим кулаками машет, на его губах играет улыбка маньяка, улыбка форменного садиста, глаза его телячьи наполняются животной жаждой убийства.

Сережа работает охранником и водителем в Службе безопасности, мелкая сошка возит какую-то шишку. Получает

сущие копейки. Строит он из себя агента ФБР с высоким кодом доступа при оранжевом уровне угрозы.

Все про всех знает.

И про президентов, и про террористов, но в итоге знания его сводятся вот к чему:

— Хорошо быть гражданским, живешь себе, цветочки собираешь, а родину кто защищать будет? Вон, наши ребята, сколько их на Востоке гибнет!

Слава богу, Леночка не поддерживала разговор про все эти политические штучки.

Сережи и дяди Коли хватило бы вам с головой, поверьте.

Однако у Лены была еще толстая жабоподобная мамаша, которая постоянно пукала и отрыгивала. Она ходила в грязном халате, на голове ее топорщились волосы, будто она только что чудесным образом пережила казнь электричеством. Вот уж сумасшедшая, тетя Вера ее звали, она ела много хлеба, обожала макароны и прочие мучные греховности.

Глаза ее вращались, а мимика лица была такой необычной, издерганной, я побаивался заводить с ней разговор и смотреть в ее сторону.

Было такое впечатление, что она вот-вот нож достанет и в горло тебе его всадит по самую рукоять.

А потом скажет:

— Ой, извините, кажется, я ошиблась номером!

И еще к ним наведывались родственники подобного толка, я же сидел с ними, потому что Леночка сидела, ей строго-настрого запрещалось пропускать семейные посиделки, и дома позже девяти запрещалось показываться, и много чего другого ей запрещалось.

Сидишь — чувствуешь себя не в своей тарелке. Люди тебе неприятны, и ты людям неприятен. Так пару месяцев терпел я в надежде, что Леночка образумится и начнет ослушиваться родителей.

Напрасно.

4

Мы много времени проводили в городе. Кафе, кинотеатры, долгие пешие прогулки, поездки на велосипедах, и постельные дела наши шли крайне успешно.

Вы поймите, радость жизни была. Все это было.

Однако я знал: ей придется возвращаться. И от мысли этой становилось невыносимо тоскливо.

Она принадлежала не мне, но родителям. Поэтому я волочился следом за ней и так часто навещал ее дома.

Леночка говорила:

— Я тебя люблю.

— Спасибо, — отвечал я. — Любовь — это хорошее чувство, светлое.

Она обижалась.

— Ты не можешь сказать, что тоже любишь меня?

— Почему не могу?! — возмущался я. — Конечно, могу…

— Тогда скажи: «Я тебя люблю!»

— Хорошо-хорошо, — отвечал я. — Обязательно скажу.

И не говорил. Нет, я не любил ее и водил за нос, обманывал. То ли ее, то ли себя. Черт разберешь.

Что есть любовь? Не знаю. Что-то такое вымышленное, мифическое, из страны единорогов, большого тенниса и вегетарианства.

О любви речи быть не могло.

Леночку я воспринимал как друга.

Друга, с которым приятно проводить время, приятно читать вместе книги, смотреть футбол и ужастики, приятно гулять, приятно ее волосы тайком нюхать, когда она спит.

Приятно держать ее за пятки и за грудь.

Ноги ее любил, понимаете? Шею, подборок, задницу, соски — все это я любил в ней.

А ее не любил.

Что толку?

Возможно, это и к лучшему. Дружить с женщиной намного лучше, чем любить ее и сходить с ума, — так мне казалось раньше, потому что и до Леночки я никого не любил.

Есть люди, которые попросту не умеют любить. Ну хоть ты тресни. Как люди не умеют играть на пианино, кататься на коньках или шевелить ушами. Не умеют, и все тут.

Любовь из этой же области.

Книги, кино и люди нам врали. Мы врали самим себе. Любовь была создана в секретных лабораториях с целью заработать побольше денег на простом обывателе.

С целью отвлечь человека от более важных мыслей про одиночество, сумасшествие и вечность.

Любовь — это такой же ошейник, как пиво, футбол, дурацкое хобби, разведение далматинцев и так далее, и тому подобное.

Просто ошейник мне этот не подходил, и мы расстались.

Без лишних скандалов, без криков — пришли к согласию. Да еще она напоследок сказала:

— Может, это и правильно. Лучше сейчас поплакать, чем

потом всю жизнь страдать.

Я уже осознавал, как же мне будет не хватать ее длинных ног в кровати. Ее теплой упругой задницы.

— Угу, — ответил я.

— Все равно ты моим родителям никогда не нравился, — сказала она.

— Они мне тоже не особо, — признался я.

— Прощай, будь счастлив, — сказала Леночка.

— Пообещай мне одну вещь, — сказал я.

— Какую? — спросила она.

— Что ты никогда не будешь вместе с человеком, пьющим кислятину и болеющим за «Шахтер».

5

Люди, которых мне удавалось вывести на разговор по душам о делах сердечных (да о любви), рассказывали мне о первой любви.

И картинно закатывали глаза.

И губы облизывали.

И такое наслаждение испытывали от одних лишь воспоминаний.

Должно быть, это похоже на удар молнии в темечко, как в Библии, бах, и ты уже сам не свой.

Пастух блаженный.

Романтические истории про неожиданные цветы, про тайные ночные звонки, про робкий поцелуй в школьном коридоре, про медленный танец и долгие ожидания под холодным проливным дождем.

Как послушаешь людей, диву даешься — они что… с другой планеты?

Вот прям взяли, переоделись в людей и рассказывают подобные несусветные небылицы.

У меня, например, такого никогда не было. И я не понимал, что все это значит.

Им запудрили мозги, они сами себе их запудрили, ясное дело. Ведь если есть первая любовь, то потом еще и вторая, и третья, и двадцатая?

Сколько же у них любви?!

Сколько себя помню, а первой любви не помню.

Ни второй, ни третьей.

Тянуло меня к женщинам разным — и толстым, и худым, и высоким, и низким, и крикливым, и молчаливым.

Одних я хотел физически, других я хотел душевно.

С некоторыми получалось, другие же отказывали. Ничего страшного.

Но любовью вот эту вот всю канитель назвать — язык не поворачивается.

О природе любви мы узнаем из дешевых брошюр, написанных плешивыми старичками и сдобными домохозяйками, из глупого кино, снятого для доверчивых деревенщин и зажравшихся миллионеров, мы узнаем о любви на улице, подслушивая обрывки разговора двух подростков.

Из собственных снов мы о ней узнаем.

Информация крайне недостоверная, согласитесь.

Родители меня научили, что можно любить лишь Владыку миров, а любовь к женщине — суть туман над рекой.

И он рассеивается.

Рассеивается.

Муженек соблазнительной блондинки из фильма «Почтальон всегда звонит дважды» говорил про Америку: «В этой стране полно возможностей, нет только счастья».

У нас же возможностей нет, остается только на счастье надеяться.

6

«Первая любовь — это ключ к пониманию мира» — так сказал один восточный мудрец.

«Если познал ты первую любовь, то придумай, как на ней заработать» — так сказал один американский предприниматель.

«Без обретения первой любви невозможно прийти к Богу» — так сказал один священник из Ватикана.

На самом деле мудреца, предпринимателя и священника я придумал и слова им свои приписал.

Но согласитесь, звучит солидней?

И не поспоришь с ними.

Поистине эти благородные мужи знают, о чем толкуют.

Всегда, когда сомневаешься в увесистости собственной мысли, выскажи ее и припиши этим трем почтенным людям — представителям разных уважаемых сфер деятельности.

Восточный мудрец, американский предприниматель и священник из Ватикана придадут твоим-своим мыслям уверенности.

Спешат на помощь!

Попробуйте сами.

7

Иногда я созваниваюсь с родителями. Они занятные люди, постоянно путешествуют. В разъездах. Деловые люди, понимать надо. Они часто предлагают мне приобщиться к семейному бизнесу, да и в детстве моем рассчитывали, что я примкну к семейному подряду.

Готовили меня.

Но я выбрал учебу, а затем решил, что обычная работа и обычная жизнь — как раз то, что мне подходит.

Мои родители — счастливые люди. Они любят друг друга. И это была поистине любовь первая, любовь с первого взгляда. Библейский удар молнии… называйте, как хотите, что, слов в словаре мало?!

По телефону я спросил:

— Отец, а как вы познакомились?

— Мы познакомились возле мусорных баков, — ответил отец. — Твоя мать выносила ведро, я выносил ведро. Я подошел и сказал: «Привет». Она ответила: «Ну, привет». Я услышал ее голос — и сразу все понял, она увидела цвет моих глаз — и тоже сразу все поняла.

— Как легко у тебя это получается… неужели такое и вправду произошло возле мусорных баков?

— А что такого? — спросил отец.

— Ну, вонь, грязь, место-то не шибко подходящее для первой любви.

— Послушай, сынок, если бы я хотел рассказать тебе романтическую историю про любовь, то выдумал бы танцы, или легкое ДТП на бульваре Шевченко, или кинотеатр. А что, если бы я спас твою мать от грабителей-насильников… из горящего дома… лучше звучит? Мусор — это всего лишь декорации. И все остальное декорации. Ты выходишь на сцену. Только лицо твое имеет значение, его выхватывает луч света, вокруг тьма. Представление начинается. И ты говоришь: «Господи, хорошо-то как!»

— Кажется, я понимаю, о чем ты толкуешь, папа, — ответил я. — Но для этого нужно быть смелым человеком.

— Таковым мы тебя и пытались воспитать, — сказал отец. — А теперь извини, у нас выступление через минуту!

8

Тут надо сообщить читателю, что когда я уже довольно долго

дружил с Леной, то нередко представлял на ее месте другую женщину.

Женщину с грудью чуть меньше.

Женщину с грудью чуть больше.

Женщину носатую и женщину курносую.

Лысую женщину.

Да всяких женщин я воображал, главное — непохожих на Лену, и от этого сексуальный аппетит мой только увеличивался.

И вот когда мы расстались, я решил: пока новых серьезных отношений у меня не сложилось — попробую парочку женщин. Так и быть, вниму голосу священника из Ватикана.

Конфетки. Ну-ну.

Расскажу вкратце о моих горе-приключениях.

В интернете, в социальной сети я познакомился с девушкой. Низкого роста, зубы ровные, ноги худые, грудь маленькая. Все, как я люблю. Труда мне это не составило. Я ей слово пишу, она мне — десять. Звали ее Алена. Только вот фамилия странноватая.

Крикливая.

Нет, это не она крикливая. Фамилия у нее такая.

Договорились встретиться на бульваре Шевченко, возле фонтана, я там все свидания назначал — любимое место. Место моей силы. У каждого есть такие места, понимаете.

Пришла. Обаятельная.

Восточный мудрец мне сразу сказал: «Глаза, как у газели».

Американский предприниматель сказал: «Молчаливая. Надо попробовать».

Священник из Ватикана молвил: «Ах, если бы я был на твоем месте!»

Прогулялись по парку, она меня сразу за руку взяла, и я тут же понял, что не зря презервативы в аптеке купил.

Человек я простой, но люблю моментально произвести впечатление. Как начал болтать про свое детство, про свою работу, про то, где я учился и как мыслю войну и политику страны.

Она идет, слова не скажет, все слушает и слушает.

Мне подумалось: «Такая наверняка при оргазме кричит, как старушка на похоронах своей внучки, убитой сосулькой».

Ужас, ну и мысли в голову полезли.

Берешь мысленную лопату для уборки снега и отгоняешь дурные мысли. Бьешь их…

Улетайте к чертовой матери!

Идите в жопу!

Так дошли мы до ресторана. И внутрь зашли. Взяли кофе, точнее — это я ей кофе взял, себе пиво взял.

Сидим, пиво мне хорошо по голове дало, разговор пошел за милую душу! Что я только ей не рассказывал! И про футбол, и про вегетарианцев с теннисистами!

А она молчит.

Слова из нее калеными щипцами не достанешь.

Я говорю: «Пошли ко мне, кино посмотрим».

Ну, мы и пошли.

Потом разделись, легли в постель и занялись кроватными упражнениями. Я по привычке перевернул ее на спину, выпрямил ей ноги и схватился за пятки.

Так нравится!

Потом сильно вспотели и устали. Приняли душ по очереди. Еще немного почаевничали на кухне. Вернулись в кровать.

Смотрю: Аленушка заснула. Ну и я себе заснул.

Сплю очень чутко, малейший шорох — сразу просыпаюсь. Проснулся от того, что где-то телефон вибрировал. Ее телефон. Она тихонько встала, взяла телефон и пошла на кухню говорить. Я бесшумно прокрался в коридор и прислушался.

Она сказала:

— Мама, не переживай! Я у подружки!

Господи ты боже мой и все ангелы, и все демоны ада, и тварь мельчайшая от блохи, и тварь большущая до кита! Что то был за голос! Таких голосов я в жизни не слыхивал! Так лает пес из преисподней, такой звук издает доселе не виданное человеком чудовище из глубин космоса, представьте голос курильщика с семидесятилетним стажем, умножьте его еще на сто таких курильщиков и добавьте бульканье забитой канализации, добавьте еще, пожалуйста, клокот крови, выходящей из разрезанного горла от уха до уха…

Ужас!

МАМА

НЕ

ПЕРЕЖИВАЙ

Я

У

ПОДРУЖКИ

Я лег на кровать, отвернулся к стене, накрылся с головой одеялом и сделал вид, что уснул.

На самом же деле разглядывал голое прекрасное тело в призрачном лунном свете и много думал над жизнью, много думал о том, что мы все не те, за кого себя выдаем.

Вот охарактеризуйте себя в двух словах, напишите их прямо здесь, мне не жалко:

_____

Ага, написали?

А теперь я скажу вам: наглое вранье это все.

И я вру.

Я, ты, мы, они, вы…

В русском языке местоимения глупо звучат, черт бы их побрал, и на бумаге плохо выглядят.

Естественно, мы больше не встречались, она писала мне какое-то время, а потом перестала.

Про следующую женщину много не скажу, замечу лишь, что она попросила меня ее придушить…

— Душить? — спросил я.

— Ага, — ответила она. — Я от этого больше удовольствия получаю!

Ну, мы в постели, делаем свои дела, то спешно, то неспешно, я ее за шею схватил и душу.

Она мне:

— Сильнее!

Я чуть сильнее нажал.

Она мне:

— Еще сильнее!

Я испугался, она же посинела на лицо, думаю, задушу ее к чертовой матери, потом никому ничего не докажешь, посадят же, как за нормальную.

Душить я ее отказался, она, недовольная, быстренько вещички собрала и ушла навсегда.

Достанется же кому-то счастье, подумалось мне.

Пусть уходит, подумалось, все равно у нее сиськи разных размеров были. И соски непропорциональные. В этом деле мне симметрия нравится, а там черт-те что.

Со следующей я познакомился в супермаркете, она мне ногу отдавила, якобы случайно. Потом долго извинялась и якобы случайно встретилась со мной в мясном отделе. Ухоженная блондинка, на вид лет тридцать пять ей. Аппетитные формы, понимаете? Так и хотелось ее раздеть и в ляжку зубами до крови вцепиться.

Первой любовью и не пахло.

И вообще о любви речи быть не могло.

Она без прелюдий, между бараньей ногой и колбасой, возьми да и ляпни:

— Так тепла не хватает в последнее время… мужского тепла…

И подмигнула мне пошло. Наташа, одним словом. Мы обменялись телефонами, я позвонил ей вечером и уже через полчаса стоял у нее в парадном на Троещине, в руках держал

вино и торт.

Вы справедливо заметите: такое только в мыльных сериалах бывает, либо же в порнографии отечественного производства. Но жизнь порой преподносит такие сюрпризы, что закачаешься.

До вина с тортом так и не дошло.

Сразу в кровать. Там меня ждало неприятное открытие. Пещерой оказалась она. Огромной такой заросшей пещерой. Старался я… старался около часа.

А Наташа шепчет:

— Что-то я тебя не чувствую, милый… ох, милый…

О, конечно, ты не чувствуешь. О, сколько путников случайных захаживало в тебя и разжигало огонь из нехитрого хвороста, пытаясь согреться безлунной тоскливой ночью!

На этом я решил поставить точку.

Не жирную.

9

Иногда я звонил Лене и справлялся о том, не хочет ли она попробовать заново. Начать все с чистого листа. Она уклончиво отвечала, и все сводилось к тому, что это не лучшая идея. Мы беседовали, как старые добрые друзья, я приглашал ее в гости или просто прогуляться. Но она отказывалась.

Господи, подумалось мне. Возможно, она и была моей первой любовью?!

Как я мог упустить ее? Дурак. Слабохарактерная тряпка из школьной столовой. Ну и что, что у нее родители — артисты погорелого театра? Мужчина — сильный, он должен все трудности преодолеть.

Вон раньше ради любви рыцари войны затевали, и дракону голову рубили, и с ума сходили!

Лишь бы не стать сумасшедшим, только бы не стать бродяжкой, напоминал я себе и брился ежедневно.

Тогда я собрал совет. Однако ни восточный мудрец, ни американский предприниматель, ни священник ответа не знали. Они пожимали плечами и говорили: «Жизнь-то твоя. Главное, веди себя достойно».

Однажды я позвонил Лене и напрямую спросил:

— У тебя кто-нибудь есть?

— Нет, — отвечает.

— Точно? — спрашиваю. — Как-то неуверенно звучит… Расскажи, пожалуйста, неужели ты уже успела сойтись с кем-то?

— Ну, хорошо, — ответила Лена. — Его зовут Пашка…

— Почему ты мне не рассказывала? — спрашиваю.

— Не хотела тебя огорчать… сердить…

— Пашка, значит, — пробурчал я и крепко сжал трубку, чтоб не разбить ее о стену.

— Да, он, кстати, поладил с моими родителями… и ему родители нравятся… что для меня не так уж и маловажно, как ты помнишь…

— Хорошо-хорошо, — сказал я, силясь не заорать. — Ответь мне лишь на два вопроса…

— Да? — согласилась она.

— Этот твой Пашка… какое он пиво пьет?

Молчок. Все понятно без слов.

— Этот твой Пашка за киевское «Динамо» болеет?

Молчок. Все ясно.

— А знаешь… судить людей по пиву — это глупость! — сказала Лена.

— Что?! — удивился я. — Может, твой Пашка еще и вегетарианец?!

— Иди ты в задницу, несчастный! — сказала она и кинула трубку.

На Судном дне Господь спросит меня:

— Женщины или пиво? Решай, твой последний шанс, ну!

Ей-же-ей, и пред ликом Бога я с ответом, боюсь, что не найдусь.

Татьяна Тронина

«На книжных полках и без меня много историй про то, как самые разные дядьки и тетьки маются от любовной лихорадки, — рассказывает Татьяна Тронина, автор более тридцати опубликованных книг. — Зачем мне увеличивать этот и без того гигантский холм с „лав стори“? Поэтому не тщеславие, но честолюбие заставляет меня писать о любви романы, которые, надеюсь, больше, чем просто „житейские истории“. С другой стороны, я сознаю, что слишком уж выпендриваться автору нельзя — читатель сочувствует понятному, то есть тому, что может сам испытать в жизни. Смесь обыкновенного и необыкновенного — вот что есть мои романы».

Дуэнья

Мне кажется, ничего не бывает просто так, и каждое решение, которое мы принимаем, происходит под влиянием какого-либо события. Именно оно направляет нашу судьбу в определенную сторону… Да, порой в нас (раньше) уже зрели какие-то неопределенные планы, бродили мысли, влекущие куда-то. Но мы еще сомневались, тянули чего-то. Не понимали, в какую сторону идти. А потом — бац, и вот, случалось оно, нечто эпохальное. Толчок извне, дающий направление! Но не было бы его, и жизнь наша протекала бы иначе.

Помню, в последнем, выпускном, классе меня вдруг стали одолевать романтические фантазии. Я всегда любила читать, а тут — моя голова начала вдруг сама рождать сюжеты. Забыв обо всем, даже о том, что скоро экзамены, я самозабвенно придумывала драматичные коллизии. Где есть «он», где есть «она», а соединиться двум влюбленным мешают различные препятствия…

Иногда я так увлекалась, сочиняя эти мелодрамы, что почти полностью выпадала из реальности. Переставала слышать, что в данный момент рассказывает учитель у доски, не замечала прозвеневшего звонка, зовущего на перемену…

Близких подруг у меня в последнем классе не было. Наверное, потому, что одноклассницы давно уже выросли, причем в буквальном смысле. Все девушки — высокие, как на подбор, и лишь я одна — метр с кепкой, стою последней в шеренге на уроке физкультуры и, после бодрого вопля физрука «На первый-второй рассчитайсь!» и скороговорки моих одноклассников «Первый, второй. Первый, второй!», уныло рапортую из дальнего угла: «Расчет окончен!»

Одноклассницы жили своей жизнью, полной свиданий, встреч и расставаний — с мальчиками. Я же, так получилось, застряла в глубоком детстве. Они — девушки, а я — все еще девочка, да еще застенчивая и рассеянная, живущая в своем мире, всегда с книгой под мышкой.

Моей единственной близкой подругой была Лиля Самохина. Она жила в соседнем доме, училась тоже в последнем классе, но, увы, — не со мной, а во французской спецшколе.

По утрам мы встречались с Лилей и топали в одном направлении. Потом я сворачивала к своей школе, а она — в другую сторону, к своей.

Лиля тоже не могла похвастаться тем, что у нее в классе есть подруги, но по другим причинам. Лиля обладала особым,

сложным характером — строптивым, непреклонным, жестким. Никаких компромиссов! Чуть что — она вспыхивала и начинала гневно отстаивать свою точку зрения. Конечно, окружающие от нее постепенно отвернулись.

Я же всегда отличалась терпимостью, легко уступала, ссориться не любила, а быть под чьим-то началом мне даже нравилось. Поэтому с самого начала нашей с Лилей дружбы подруга стала в позицию старшей, опекающей, хотя по возрасту мы с ней были ровесницами.

Этому способствовало еще и то, что даже внешне, как и в случае с моими одноклассницами, Лиля выглядела взрослее меня. Высокая, довольно крупная, с густыми темными волосами, смуглая от природы, с темно-карими, очень выразительными глазами, она чем-то напоминала итальянок с картин Брюллова, правда, те итальянки смотрели на зрителя ласково и кротко, Лилин же взгляд отличался пронзительной суровостью.

Лиля утверждала, что ее предки — казаки, откуда-то с Дона. Когда-то зажиточных, очень богатых, их раскулачили, сослали на Север. Казачьей кровью, текущей в ее жилах, Лиля гордилась и оправдывала ею свой крутой нрав.

Родители моей подруги относились — и вполне официально — к категории «служащих». То есть они уже не рабочие-гегемоны, которые в те времена зарабатывали вполне прилично, но еще и не интеллигенция, что могла гордиться своими знаниями… Поэтому все, что у Лилиных родителей было, так это память о своих предках. Ничего плохого в том нет, наоборот — помнить о своих корнях надо обязательно, но родители Лили, как я теперь понимаю, культивировали в дочери эту ее «особость», исключительность. Были очень строги, но вместе с тем обожали они свою девочку безгранично… Все самое лучшее — ей, пусть даже и царили тогда времена тотального дефицита. Доставали у фарцовщиков джинсы, ездили на рынок за фруктами, которых в обычных продуктовых — не достать. Устроили Лилю в хорошую школу, куда не так-то просто было попасть. Словом, готовили дочь к самому лучшему будущему. Что правильно, опять же. Но единственное — не объяснили Лиле, что весь остальной мир не станет перед ней преклоняться, как они.

Наверное, именно поэтому Лиля отличалась обидчивостью и никогда не прощала тем, кто смел сомневаться в ее исключительности и праве на все самое лучшее. Но это, опять же, я сейчас рассуждаю, спустя несколько десятков лет, тогда же я просто подчинялась Лиле, признавая ее главенство в нашей паре. А что, так проще, на самом деле — снять с себя ответственность…

Однажды, ближе к концу мая, Лиля заболела. Вернее, как

сказала она мне по секрету, не серьезно. Просто не захотела идти в школу — поскольку там как раз делали фотографии для выпускного альбома. А Лиля, умудрившаяся поссориться со всеми одноклассниками и заодно обидеться на учителей, решила, что не хочет запечатлевать себя на память рядом с «этими людьми».

В школу я ходила одна, и мне, честно говоря, очень не хватало Лили, ее общества по утрам, да и после занятий. При всей своей своенравности, она иногда могла быть очень доброй и приветливой. С интересом слушала все мои истории, «редактировала» их, давала советы… Иногда, гуляя, мы с Лилей совершенно забывали о времени.

Поэтому отсутствие подруги рядом я переносила весьма тяжело. Но вот в одно прекрасное майское утро, когда я направлялась в свою школу одна, рядом со мной поравнялся парень. Высокий, голубоглазый блондин.

— Привет, — сказал он, шагая рядом. — Давно тебя тут вижу. Иногда с девчонкой, такой темненькой, ходишь…

— Ага, — ответила я растерянно. Ко мне еще никогда не подходили знакомиться на улице.

— А я тут рядом теперь живу, недавно переехали. Отец у меня военный, мотались по всей стране… Ты в выпускном, да? А я уже отслужил, сейчас вот хочу в энергетический поступать, он тут неподалеку. А ты куда думаешь двинуть?

— Не знаю. Ну, то есть, наверное, придется куда-то документы подавать… — неуверенно промямлила я.

В самом деле, я тогда сама не знала, чего хочу, к чему стремится моя душа. Я жила лишь одним днем. Прочитанной книгой, интересным фильмом. Прогулкой с Лилей по парку. Мы иногда с ней после уроков бродили в старом парке неподалеку… Мне казалось, что настоящая жизнь — она где-то там, далеко. Да, наверное, придется когда-нибудь окунуться в нее — шумную, сложную, иногда опасную и тяжелую, но сейчас-то зачем мне ломать голову?

Свои фантазии, свою тягу придумывать различные истории я не брала даже в расчет. Это же несерьезно, в самом деле…

— …Меня, кстати, Дмитрием зовут. Можно Митя. Меня мама всегда Митькой звала.

— А меня мама называет Татой! — прыснула я. Рядом с этим Митей я не чувствовала никакого страха или неудобства. Мы еще немного поболтали, потом расстались.

Я, признаюсь, после этого случайного, короткого знакомства чувствовала себя странно. Может быть, этот парень подошел ко мне, потому что я ему понравилась? Да, почему я не могу кому-то понравиться? Ведь во всех книгах пишут, что любой человек

может найти свое счастье, вон, даже страшненькая Джейн Эйр сумела влюбить в себя великолепного мистера Рочестера, а я чем хуже?

Я думала об этом Мите целый день, даже забыла Лиле позвонить и рассказать, что этим утром случилось знаменательное событие — ко мне в первый раз подошел на улице парень, познакомиться. Хотя, возможно, Лиля бы не поверила мне. Иногда она обрывала строго мои речи: «Перестань, такого не может быть. Признайся, ты это все выдумала, как и все свои прочие истории?» Если я стояла на своем, то Лиля обижалась и переставала со мной общаться, ходила где-то вдали, одна, холодная и недоступная. Пока я сама не подбегала к ней и не говорила: «Ну ладно, хватит дуться, Самохина! Я все придумала опять, ты права…» Вот так Лиля не поверила мне, когда я однажды поведала ей, что к нам в школу приходила съемочная группа и меня приглашали сняться в кино; правда, я тогда испугалась чего-то и отказалась от съемок категорически. В другой раз Лиля не поверила мне, когда я принялась пересказывать ей какую-то научную статью о клонировании мамонта… Она считала, что я ее разыгрываю, а розыгрышей моя подруга терпеть не могла.

Я думала о Мите весь вечер и даже ночью заснуть не могла. Мы с ним общались всего ничего — минут десять от силы, но чем дальше, тем крепче я оказывалась в плену собственных иллюзий. Ведь он не просто так подошел ко мне? Точно, я ему понравилась. Он говорил со мной целых десять минут? Значит, посчитал меня интересной…

И к утру я поняла, что влюбилась. В первый раз, всерьез. С первого взгляда.

Я сама себя не узнавала и не понимала. Это была я или не я?..

Что интересно, чем дальше, тем сильнее становилось мое чувство, оно набирало силы с каждой минутой, с каждым часом. Я почему-то была уверена, что мы еще встретимся с Митей.

Так оно и получилось.

Через пару дней мы с Лилей отправились в наш любимый парк на прогулку. Я все думала — сказать подруге о Мите или не сказать…

Но до моей исповеди дело не дошло. Митя появился сам, вынырнул нам навстречу:

— Привет, девчонки. Гуляем?

Он следил за мной, что ли? Специально искал?

— Привет! — радостно ответила я. Ну конечно, да, он нашел меня, как я и думала. — А ты…

Но договорить я не успела.

— Давайте знакомиться, что ли. Я Дмитрий. Можешь называть меня Митя. А ты?

Неужели он забыл, как меня зовут? К кому он сейчас обратился?

— Лилия, — холодно произнесла моя подруга.

— Ого. Цветок такой есть…

Они шли и говорили только друг с другом, моя подруга и Митя. Митя обращался исключительно к Лильке, обо мне вспоминал лишь иногда. Да и то, формально, поворачиваясь, например, с вопросом «И ты так думаешь?» или «Ты тоже так считаешь?».

Мне оставалось лишь одно — молчать, слушать и лишь кивать в ответ.

Постепенно, не сразу, я поняла, что Митя с самого начала пытался познакомиться именно с Лилей. И тогда, в первую нашу с ним встречу, он спрашивал именно о ней… За ней он следил, ее искал.

Лиля, кстати, тоже вела себя как-то странно. Беседуя с Митей, она не поднимала глаз, вела себя чопорно и церемонно и отвечала юноше словно сквозь зубы. Но похоже, ее надменность ничуть его не смущала.

Потом Митя проводил нас с Лилей и обещал прийти завтра. Сюда же.

С тех самых пор мы встречались втроем в парке чуть не каждый день, правда, ненадолго — все остальное время мы с подругой готовились к выпускным экзаменам.

В июне Лиля совсем перестала выходить из дома, сидела над учебниками, поскольку написала сочинение на тройку. Ее родители, притом что обожали свою дочь, порой буквально запирали ее дома. По телефону ей разрешалось говорить лишь на учебно-экзаменационные темы.

Меня дома не муштровали столь строго, и я спокойно выходила гулять. Во дворе меня ждал Митя, и мы болтали с ним. О чем? В основном о Лиле, разумеется. О том, что скоро закончатся все эти дурацкие экзамены и наступят свободные времена. И вот тогда Лиля опять будет с нами.

Вечерами я звонила своей подруге. Она задавала какие-то вопросы, касающиеся алгебры, геометрии или истории, а я передавала ей приветы от Мити. Где-то там, рядом с Лилей, находилась ее мать, Мария Ивановна, которая внимательно слушала все то, что говорит по телефону ее дочь…

Но строгости эти ни к чему хорошему не привели. У Лили после выпускных случился нервный срыв, и врачи запретили ей

хотя бы год думать о какой-либо учебе.

Я тем летом считалась лучшим гостем в их доме, поскольку я одна навещала заболевшую Лилю.

Словом, так получилось, что в своей реальной жизни я оказалась вовсе не на месте главной героини. Я была лицом второстепенным, несущественным. Чем-то вроде дуэньи, весьма схематичного персонажа.

Моя функция как дуэньи — помогать двум влюбленным передавать приветы друг другу, записки с пожеланиями. Быть связующим мостиком, и только… Сама по себе как персонаж я ничего не значила. Да и какой читатель станет сочувствовать дуэнье, все его внимание будет приковано к главным героям!

Но, несмотря ни на что, я продолжала любить Митю. Тайно, безнадежно. Я его не ревновала к Лиле, я вовсе не собиралась его «отбивать» у подруги, поскольку понимала, что Митя до безумия любит ту, и ничем и никак этого не изменить. Да и сама я не собиралась становиться разлучницей и предательницей.

Правда, иногда мне казалось, что я все же нравлюсь Мите. Что, возможно, еще чуть-чуть, и он влюбится в меня. В такую хорошую, понимающую, готовую в любой момент прийти на помощь. Иногда мы с ним гуляли подолгу вместе, он называл меня «детка» или «малыш», добродушно смеялся над иными моими высказываниями.

Он подавал мне руку, когда надо было перепрыгнуть лужу; он покупал мне мороженое, когда в июле в городе некуда было спрятаться от жары…

Один раз мы гуляли с Митей до сумерек. Зажглись фонари, в окнах домов вспыхнул свет.

— …Я иногда люблю смотреть на окна, — болтала я. С Митей можно было болтать о чем угодно, он всегда снисходительно слушал меня. — Вон, смотри, там под крышей, в том доме, — огромный красный абажур, так уютно светит… Интересно, что за люди живут в той квартире? А может, там какой-то ученый сидит под этим абажуром и пишет сейчас какой-нибудь научный труд, который изменит будущее человечества?

— Ты уверена? Я думаю, там живут пенсионеры. Жена сейчас разливает чай, а муж читает газету, — возразил Митя.

— Ладно, пусть пенсионеры… А у них есть сын, ученый. И он сейчас сидит в другой комнате — вон там, рядом, где полутемно, и, наверное, только настольная лампа светит. Он сидит за столом над тетрадью и пытается придумать средство для бессмертия. Потому что ему не хочется, чтобы его родители умерли.

— Хорошее дело, но ты сама подумай: если люди перестанут умирать, то сколько их окажется на планете потом? Ступить

некуда… Да, чуть не забыл. Вот записка для Лилии. Зайдешь сейчас к ней, передашь?

— Поздно, может быть, завтра?

— Да это всего минута! Поздороваешься с ее родителями, Лильке записку незаметно положишь и иди к себе домой…

— Ладно.

— Отлично! А я тебя внизу подожду, может, ответ от нее будет.

Я сделала все так, как и просил Митя, когда этим вечером заглянула к подруге, якобы просто так, перекинуться парой слов. Передала тайком Лиле Митину записку, она тоже мне сунула какую-то бумажку в карман.

Внешне, кстати, Лиля совершенно не напоминала больную. Румяная, с горящими глазами, она буквально излучала какую-то энергию.

Я спустилась вниз, передала Лилину записку Мите и отправилась к себе домой.

А на следующий день случилось вот что.

Ближе к вечеру мне позвонил Митя. Оказалось, что он в больнице. Я испугалась — что случилось? Оказывается, Лилины родители в тот вечер (поздно) были вынуждены куда-то уехать, и Лиля оставалась ночью одна.

Подруга в своей записке сообщила Мите, чтобы он приходил к ней, ближе к двенадцати ночи.

Конечно, Митя дождался полуночи, позвонил Лиле в дверь. Влюбленные наконец соединились, правда, совсем ненадолго — буквально через несколько минут вернулись родители (что-то там с их планами не получилось), позвонили в дверь.

А Лиля, недолго думая, велела Мите бежать прочь — через окно. Он послушался ее, полез. Третий этаж… Митя спускался по дереву, пропорол себе ногу, довольно глубоко. Вот так он оказался в больнице, где ему наложили на рану швы.

— Слушай, может, ты зайдешь? Тут всех пускают… Тоска зеленая. Если не трудно, принеси что-нибудь поесть, а? Эта еда больничная никуда не годится, — попросил Митя. — Да, и книжку какую-нибудь принеси. У меня дома не знают, где я, уехали к бабушке в деревню. Так что, считай, мне крупно повезло…

В августе Лиле наконец позволили выходить из дома — в моем сопровождении, разумеется.

Мы опять втроем — я, Лиля и Митя — бродили по своему любимому парку.

Это был последний месяц нашего детства, как я теперь понимаю. Ощущение свободы, вседозволенности, собственной

значимости… Никаких обязательств, школьное ярмо скинуто, и уже все позволено. Ошибки еще не сделаны, дров еще никто не успел наломать, зато будущая взрослая жизнь кажется грандиозной, необыкновенно интересной и значительной.

Митя поступил в свой институт, и поступил как-то удивительно легко, и он поэтому чувствовал себя героем, который без пяти минут как завоевал мир.

Лиле наконец удалось справиться со своими родителями. Она поняла, как ими манипулировать — с помощью собственного нездоровья. Родители моей подруги, при всей своей строгости, полностью капитулировали, когда Лиле становилось плохо… Если близкие начинали на нее давить, запрещали что-либо или пытались к чему-то принудить, у девушки начинались тяжелые мигрени, щемило сердце. Родители, испуганные нездоровьем дочери, тут же отступали от нее… Всерьез Лиля болела или это у нее возникало нечто психосоматическое, как теперь говорят, — непонятно.

Я же решила с осени устроиться на какую-нибудь простую, не требующую навыков работу. Так, небольшой перерыв… надо же отдохнуть от учебы, подумать? На самом деле, как я теперь понимаю, думать мне тогда совсем не хотелось и решать что-либо — тоже.

А дальше происходило вот что.

Учеба в серьезном вузе потребовала от Мити полной концентрации. Тут либо любовь с ее свиданиями, бессонными ночами и долгими телефонными разговорами, либо формулы и чертежи. Возможно, будь на месте Лили какая-то другая девушка, конфликт удалось бы сгладить. Но Лиля хотела, чтобы внимание и время ее возлюбленного принадлежали только ей. И она — свободная круглые сутки, не обремененная ни учебой, ни работой — принялась бунтовать.

Они ссорились с Митей. Потом мирились. Во время этих событий я всегда была рядом — то с Митей, то с Лилей. Мне приходилось то поддерживать подругу, то выслушивать Митины жалобы… Родители Лили, кстати, уже были готовы отдать свою дочь замуж за Митю — да на что угодно они готовы были согласиться, лишь бы Лиля не хандрила… Родители же Мити, наоборот, настаивали, чтобы юноша закончил вуз, встал на ноги, а там — хоть трава не расти, пусть женится.

Лиля записала потенциальных свекров во враги и требовала, чтобы Митя разорвал все отношения с его родными… При всем при том, что Митя обожал Лилю, предать собственных папу и маму он не мог.

Что касается меня, то довольно скоро я словно повисла в

каком-то безвременье, напоминающем день сурка. У меня не было ни прошлого, ни будущего, ни отношений, ничего. Я жила чужой жизнью… А работа — скучная, рутинная — съедала большую часть моего существования.

Я чувствовала, что необходимо что-то изменить, исправить, но все тянула чего-то.

Перелом наступил следующим летом. Как-то после июльского, невыносимо жаркого дня Лиля позвала меня на Серебряные пруды — съездить туда, искупаться после работы. Кроме того, Лиле хотелось нажаловаться на Митю — это я поняла, когда говорила с ней по телефону. В голосе моей подруги дрожали слезы.

И мы с Лилей поехали на знаменитый московский пляж. Около восьми вечера расположились на берегу. Искупались, потом загорали на берегу под лучами ласкового вечернего солнца. Лиля жаловалась на Митю, я сочувственно вздыхала в ответ… Оказывается, она звала сегодня Митю с нами, а он, видите ли, не смог, устал после практики в институте… Лиля не считала его усталость поводом для отказа от свидания. Лиля подозревала Митю в том, что он ее обманывает.

Я слушала Лилю и с застарелой, тоскливой нежностью мечтала о Мите. Ах, если бы он любил меня!

Мы уже с подругой собирались обратно, но из наступающих сумерек вдруг вынырнул… Митя. Вполне в своей манере — появляться из ниоткуда. Он все-таки помчался после практики на пляж, и вот, после долгих скитаний по окрестным берегам и рощам (мобильных телефонов в те времена еще не было), наконец-то нашел свою возлюбленную.

Я сидела на берегу, а мои друзья бурно ссорились под ивой неподалеку. Несколько раз Митя делал попытки обнять Лилю, но подруга гневно отталкивала его руки. Потом Митя словно окаменел, застыл — и теперь уж Лиля умоляюще ластилась к нему.

На темнеющем небе зажигались звезды, пляж опустел.

— Может быть, поедем уже? — крикнула я. — Поздно совсем.

— Ах, погоди… — отмахнулась Лиля. — Потом такси поймаем, за пять минут домчимся…

По-хорошему, мне, наверное, надо было сразу оставить двух влюбленных и ехать восвояси, но я опять-таки не захотела ничего решать, предпринимать какие-то самостоятельные шаги. Мне проще было довериться Лиле.

Наконец Лиля с Митей сумели договориться, сорвались с места. Митя убежал куда-то вперед, Лиля сказала мне, задыхаясь:

— Короче, Тата… Давай поступим так. Ты сейчас садись на

троллейбус, он довезет тебя до метро, а мы с Митей на такси едем к его другу… Это далеко, за городом.

— Как? Я поеду одна? — испугалась я.

— А что такого? Мы же не в тайге, это Москва… Понимаешь, у Мити друг уехал до конца лета, мы там, в квартире друга, будем жить вместе. И плевать, что родители скажут, его и мои! — возбужденно прокричала Лиля. — Ой, вон Митя машет, такси поймал. Все, пока-пока!

Подруга убежала. Я с последними посетителями пляжа с трудом дождалась троллейбуса. Затем оказалась в почти пустом и страшном метро.

Вышла на «Площади Революции», а там сердитая работница метрополитена выгнала меня прочь, в город, ибо, как она сказала, все переходы уже закрыты.

Я добиралась до дома пешком — по пустой и тоже страшной, но и прекрасной ночной Москве. Лето, тускло светили фонари, асфальт пах дождем — только что проехала поливальная машина. Над тротуаром нависли ветви деревьев, тени от них бежали впереди меня, складывались в зловещие силуэты. Мне, пугливой, нерешительной, мерещились по дороге всякие ужасы, я шарахалась от всех подворотен, зияющих чернотой…

Я, домашняя ленивая девочка, в первый раз оказалась героиней авантюрного романа. Эжен Сю, «Парижские тайны»!

И пока я торопливо шла, почти бежала через Маросейку, а затем по Покровке, со мной происходили какие-то странные вещи. Во-первых, я разозлилась. Разозлилась на Лилю с Митей и на себя. Как они могли бросить меня одну? И как я могла допустить такое к себе отношение? Во-вторых, я почувствовала прилив адреналина… И желание изменить все.

Всю свою жизнь.

Я, только я ее хозяйка, и я должна выбирать сама свой путь. Тех, с кем мне дружить, кого любить. Я не имею права тянуть, откладывая все решения на потом; жизнь, она не где-то там, она — здесь и сейчас. И почему я считаю то, что мне больше всего нравится, делом никчемным и несерьезным? Если я больше всего люблю придумывать истории, я должна сделать это своей профессией. Стать писательницей. И ничего невозможного в этом нет…

И почему я все цеплялась к этому Мите, чего ждала? Он не любил меня и никогда не полюбит. Да, он мил со мной и ласково называет «малышом» и «деткой», но это еще ни о чем не говорит. Вон, преспокойно оставил меня на троллейбусной остановке и уехал со своей Лилей.

И вообще, унизительно быть по жизни… дуэньей… Жить

чужими страстями.

Эта ночь, это мое путешествие по ночной Москве, в одиночестве — явились своего рода толчком, встряхнули меня.

С Лилей я потом рассталась. Она мне позвонила через несколько дней, когда вернулась домой, к родителям, собралась опять жаловаться на Митю — но я бросила трубку. На Митины звонки тоже скоро перестала отвечать — он все хотел, чтобы я помогла ему помириться с Лилей. А пусть там сами разбираются, как хотят… Да и вообще, ничего у них не получится, пока они сами не поменяются. Об этом, пожалуй, можно написать целый роман — когда человек сам себе становится врагом и когда его счастью мешают не злые родственники, не бедность или, наоборот, богатство, а собственный скверный характер.

Я засела за учебники с мечтой поступить в Литературный институт, принялась писать небольшие рассказы, пока еще смешные и нелепые…

Теперь, когда кто-то рядом говорит о первой любви, я вспоминаю всегда о Мите. О Лиле. И о том, какой была тогда, в юности.

Но, с другой стороны, при чем тут Митя? Возможно, это прозвучит глупо, смешно, даже двусмысленно, но моей первой настоящей любовью оказалась я сама.

Для того чтобы стать счастливой, не нужно ждать чьей-то любви. Для начала — надо полюбить себя. Стать творцом собственной жизни. Главной героиней романа…

Татьяна Форш

Татьяна Форш родилась у теплого южного моря в маленьком городке Капчагай. Писать рассказы и стихи начала с десяти лет. В тринадцать лет ее творения заметили, и в журнале «Юность» был издан рассказ «Селена», а также несколько стихотворений. Переехав в Новосибирск, Татьяна написала и издала циклы «Аланар» и «Красный мир». В настоящее время публикуется в издательстве «Эксмо», работая в жанре фэнтези и мистического романа.

Подсказки судьбы, или Яростный ветер

Странно, как влияют на нашу судьбу сны. Обычные, мимолетные, волнующие, предсказывающие. Жаль только, не все могут расшифровать эти тайные послания судьбы. Мне удалось.

Это произошло накануне моего пятнадцатилетия. Волшебный возраст! Голова полна романтическим бредом, а на полках — стопки книг, способных повергнуть мозг в волшебный хаос. Я запомнила этот день навсегда. Точнее ночь, когда мне впервые приснился этот сон.

Представьте себе картину.

Ночь. Я стою на высоченном утесе. Внизу о прибрежные скалы разбиваются волны, с шипением уползая в море. Я их не вижу, только слышу. Над головой раскинулся шатер звездного неба. Звезды крупные, яркие, точно зажженные кем-то специально для меня фонарики. Залюбовавшись на ночное небо, я не запомнила переход, когда все звезды соединились в огромные буквы W и перечеркивающую ее в зеркальном отражении Z. Помню только этот громадный, на все небо, знак и порыв ветра, яростного, не терпящего пререканий, подчиняющего своей воле, сбивающего с ног, от которого я тогда и проснулась.

Первым делом я рассказала об увиденном мной сне своей подруге Ленке.

— Как думаешь? Что это может означать?

Подруга задумалась и выдала:

— Например, то, что ты принимаешь зашифрованные послания от инопланетян?

— А больше версий нет? — усмехнулась я. Фантазии у Ленки было хоть отбавляй!

— Ну почему же! — задумалась она. — Вэ, зе… О! А может, это намек на Витьку Зотова? Ты на него внимания не обращаешь, ждешь какого-то принца на белом «Мерседесе», а он возьмет и задавит тебя своим авторитетом!

— Почему задавит? — испуганно поперхнулась я.

Нда, что-то как-то про балбеса и, к несчастью, одноклассника Зотова я и не подумала. Год назад он вдруг решил сделать меня объектом своего внимания. В итоге, сумка моя оказывалась где только можно, начиная с крыши школы и заканчивая фонарным столбом. Причем только он и мог ее снять, но не делал этого, пока я не попрошу. На переменах мне старательно ставились подножки, на голову прилетали книги, а косички использовались в качестве дверного колокольчика. Видимо, чтобы достучаться до меня! Точнее, дозвониться! На уроках в меня прилетали

бумажные шарики, выпущенные из его меткой ручки-плевалки, в которых, оказывается, были записки! Стихи, признания в любви, и я узнала об этом только через два года от него самого.

— Придумает какую-нибудь новую пакость, от которой ты не устоишь, и наконец-то оценишь и примешь его ухаживания! — охотно пояснила Ленка.

— Да не дай бог!

После этого памятного разговора я постаралась поскорее забыть фантастично-прекрасный сон и еще старательнее принялась избегать ухаживаний Витьки. К счастью, в девятом классе он решил, что я и школа ему осточертели, и ушел в местный колледж.

Но на этом моя судьба не перестала подавать мне знаки. Сон в точности повторился после моего окончания школы, затем он периодически повторялся снова и снова. К тому времени я благополучно переехала в другой город, поступила и окончила педагогический институт и теперь активно искала работу. Работы по специальности было море, вот только новоиспеченным учителям в те годы платили раз в полгода, и такие копейки, что прожить на них не представлялось никакой возможности.

Поэтому я рассматривала любые, в меру моей испорченности, предложения.

— Так! Ну, все! — заявила тетя, когда я пришла после очередного собеседования и устало рухнула в кресло. — У нас в депо набирают проводниц. Пойдешь?

— Но… я не умею! — я посмотрела на нее. Тетя была уже на заслуженной пенсии, но активно участвовала в социальной жизни родного депо и даже подрабатывала там, давая уроки молодому поколению.

— Научишься! Много ума не надо билеты проверять, белье раздавать и чай наливать! Я тебя по знакомству пристрою и съезжу на первый рейс с тобой. Так сказать, чтобы провести разведку боем. А ты гляди да запоминай!

Сказано — сделано.

Уже через три дня я лихорадочно бегала по комнате, собираясь в свой первый рейс Новосибирск — Алматы. Под бдительным оком тети я разместила неугомонных пассажиров, выдала постельное белье и наконец, когда все задачи были выполнены, села в рабочем купе и долго, с тоской смотрела на пролетающие за окном бескрайние степи и маленькие городки, так похожие на тот, в котором выросла я.

— Девушка, а можно чаю? — Дверь снова открылась, и в купе заглянул молодой парень в военной форме.

— Наливайте! — разрешила я. — И мне два кусочка сахара!

Парень какое-то время таращился на меня, пытаясь понять, пошутила я или это был завуалированный намек на свидание, и наконец осмелился:

— А водки?

— Значит, танцы отменяются? — пряча улыбку, уточнила я.

— Не… ну можно и потанцевать… — не оценил моего юмора тот и решил взять быка за рога: — Я, если что, в пятнадцатом. Нас там четверо!

— Не-е-е… — Я представила перспективу. — В меня столько чаю не влезет!

— Да при чем тут вы?! — вдруг взбеленился он. — Я говорю, налейте четыре стакана чая и принесите четыре пустых! Под водку!

Я внимательно поморгала на захлопнувшуюся дверь и со вздохом поднялась.

В ту ночь мне снова приснился огромный звездный знак и ветер.

Так я прокаталась четыре месяца. Как-то в одном из рейсов мне встретилась женщина. Вся в черном: пальто, юбка до пола, блузка, туфли, а на голове — красный платок, под который убраны седые волосы. Зато на миловидном лице почти не было морщин. А больше всего меня поразили ее глаза. Большие, блестящие, черные настолько, что не различить зрачков. Показав мне билет, она долго, внимательно смотрела на меня и, не сказав ни слова, поднялась в вагон.

Мне довелось увидеться с ней вечером, когда я шла по коридору, возвращаясь в свое купе.

— Эй, девушка!.. — вдруг окликнула она меня прокуренным голосом. — Поговорить надо!

Я остановилась.

— Зачем и о чем?

— Ауру над тобой вижу. Плохую.

— А я вот ничего не вижу! Значит, все будет хорошо! — возразила я и собралась уже уйти, но, услышав следующие ее слова, замерла как вкопанная.

— Яростый ветер ищет тебя.

— Что, простите?

— Ты видишь его, чувствуешь его. Но ты не на своем месте! Рядом с тобой одиночество и разочарования. Ты запуталась.

— Вот теперь точно! — охотно согласилась я. — А… откуда вы все это узнали?

— Я вижу будущее. Рядом с тобой я вижу звезды, а еще знак. Он — подсказка!

Я нервно сглотнула.

— Это же мой сон. Снится мне уже почти десять лет! Знаете, что он означает?

— Звезды — это твои достижения! Их будет много! Очень много. А ветер — это душа, которая должна быть с тобой рядом. Она гневается, не может тебя найти.

— Душа? — Я нахмурилась, пытаясь собрать услышанное в цельную картинку. — В смысле, человек? Живой? Или… может, с того света? Я что-то кому-то должна?

— Должна, видимо. Но тут я тебе не советчица. Помни, ты чернеешь душой, опустошаешь себя, проживая не свою жизнь. — Женщина тоскливо улыбнулась и, больше не говоря ни слова, скрылась в своем купе.

Ночью она сошла. А мне не давал покоя наш разговор. Ее слова!

Яростный ветер! И ведь она права! Каждый раз, когда мне снился этот сон, я просыпалась от порыва шквального ветра, бьющего меня в грудь, в лицо! Возможно, если бы я смогла досмотреть сон до конца, я бы узнала ответ на него. Подсказку! Но яростный ветер продолжал меня будить.

Что же мне делать? Если я живу не свою жизнь, тогда где искать мою? Может, дело в работе? Чем я должна заниматься, если быть проводницей — *не мое*?

В ту ночь я вспомнила свое детское увлечение — записывать все, что придет в голову, и до рассвета, пока поезд не прибыл в пункт назначения, я писала стихи. Точнее, рифмованные мысли.

Встреча с этой странной женщиной заставила меня решиться на важный шаг, и через неделю я, получив зарплату, написала заявление на увольнение.

Тетя не стала спорить.

— Проживем как-нибудь…

Но как-нибудь меня не устраивало. Полностью отдавшись на волю случая, точнее судьбы, я купила билет на самолет, и через неделю меня встречал Питер и школьная подруга Ленка. Увидев меня первой, она замахала.

— Танюха!!!

По редким письмам от нее я знала, что Лена уже давно вышла замуж, переехала сюда и теперь воспитывала мужа и мальчишек-близнецов. Только в подробности она не вдавалась, а я не спрашивала.

— Совсем не изменилась! Молодец, что написала, и главное — прилетела! Давно же обещала!

— Давно! Но учеба, потом работа… Короче, я решила изменить свою жизнь и перебраться сюда! — Я подошла, обняла ее, и вскоре мы выходили из здания аэропорта к поджидавшей

нас на стоянке машине.

Из нее вышел довольно импозантный молодой мужчина в черном кожаном пальто, с короткой мальчишеской стрижкой и невероятно знакомой улыбкой на возмужавшем, но ничуть не изменившемся лице.

— Витька? — С отпавшей челюстью я посмотрела на заливающуюся веселым смехом подругу. — И ты ничего не сказала?!

— А ты и не спрашивала! — отмахнулась та. — Сама виновата! Мы с тобой почти десять лет не виделись! И ты знала, что моего мужа зовут Виктор. Только не знала, что это Зотов. У вас же, кажется, в школе был роман…

— Роман между нами был изначально исключен, а после того, как он повыдергивал мне все косы и обеспечил до конца школы нервный тик, так и вовсе невозможен! — Я возмущенно посмотрела на подругу, потом на широко улыбавшегося Витьку. — А вот как ВЫ спелись и сплясались?

— А что, Танюш, ревнуешь?! — Он подошел и сгреб меня в медвежьи объятия. — Как же я рад тебя видеть!

— Я, конечно, тоже… но требую подробного рассказа! — Я обняла его в ответ.

— Обещаю! — Он наконец оставил меня в покое и приказал: — А теперь, девчонки, в машину! Нам еще малых от бабушки забирать!

Подробности их маленького счастья я узнала только вечером. Сперва мы съездили к Ленкиной маме, живущей неподалеку от них, потом соорудили обед, накормили пацанов, как две капли воды похожих на папашу, затем уложили их спать и наконец сами сели за стол, открыв бутылочку вина.

— Рассказывайте! — потребовала я.

Начал Витька:

— Помнишь, я ушел после девятого класса из школы? Поступил и отучился в техническом колледже на оператора ЭВМ, потом на программиста. Меня так увлекли компьютеры, что я заработал денег и открыл свое интернет-кафе, потом у меня получилось найти единомышленников, и мы запустили в разработку несколько программ.

— Я уже сообразила, что ты стал успешным бизнесменом, но я хочу услышать, как вы двое сошлись? Ты же Ленку в школе терпеть не мог! — перебила я его.

— Формально. Просто мы особо с ней не общались. Столкнулись пять лет назад на встрече нашего выпуска. Хорошо так отпраздновали… а через девять месяцев родились близнецы. — Витька подмигнул зардевшейся Ленке. — Ясен пень,

я забрал ее с собой в Питер. Так тут и живем! Маму вот еще привезли. Ленуся работать устроилась. Не любит дома сидеть, а мальчишки еще мелкие.

— Я же тебе писала! — вставила свои пять копеек Лена. — И о близнецах, и о переезде, и о Витеньке!

— Да. Вспоминаю! — Я задумчиво сделала глоток вина и возмутилась: — Но я же не знала, что твой Витенька — это Витька Зотов! Он же мне до сих пор в кошмарах снится! Да-да! Снишься!!!

— Да ладно тебе, Тань! — Ленка снова обняла меня за плечи и пытливо приказала: — Лучше давай рассказывай, как у тебя?

— Я же звонила тебе перед вылетом? Сказала, что уволилась и хочу попытать счастья у вас!

— Это я знаю. Я про другое! Неужели у тебя никого там не осталось? Если надо, Витюся с работой поможет. Жить пока можете у нас! Места хватит!

— Никого у меня там нет. Тетя только. Но она рада, что племянница уехала и не просиживает дома диван. — Я криво улыбнулась. — Наверное, надо было не принца искать, а выходить замуж за первого встречного, и все было бы хорошо!

— Нет, за первого встречного не надо! — Витька стал серьезным. — Надо чтобы ух! Огонь от взгляда, от прикосновения! Вот мы с Ленуськой не просто же так сошлись! Сперва потанцевали, потом поцеловались, потом…

— Я догадываюсь, что было потом! — перебила я.

— Ни фига! — возразил Зотов. — Потом нас как молнией пришибло! Я стою, смотрю на нее и никого больше в зале не вижу! Догадывается она… А тебя в жизни молнией прошибало?

— Не… — Я покачала головой. — Только ветром. Ураганным! Ой нет, не ураганным. Яростным! И то во сне…

— Понятно! — Витька помолчал. Поднялся. — Ну, не переживай! Я тебе кого-нибудь найду! У нас все парни молодые, через раз холостые! — Чмокнул Ленку в макушку и зевнул. — Ладно, девчонки, долго не сидите! А я спать. Завтра снова ни свет ни заря идти миллионы зарабатывать…

Мы пожелали ему спокойной ночи и, когда за ним закрылась дверь, еще какое-то время молчали.

— Вот так-то! — наконец подвела итог сегодняшнему вечеру Лена. — Не знаешь, где найдешь, где потеряешь! Слушай. А тот сон… Он тебе больше не снился?

— Снился. И снится. Примерно раз в полгода. — Я украдкой зевнула. — А что?

— Да я подумала… может, это реально какой-то знак? Подсказка?

— Я тоже так думала. Только носит меня по жизни этим ветром, как оторванный листок, а куда и зачем — непонятно!

— Да уж… — вздохнула подруга и обнадежила: — Ну, ничего! Все будет! А завтра, как проснешься, запомни, что тебе приснится. Все-таки на новом месте!

Мы еще какое-то время сидели, вспоминая школьные годы, и разбрелись по кроватям. Я честно настроилась запомнить все, что приснится, но… запоминать было нечего. Я ЗНАЛА ЭТОТ СОН НАИЗУСТЬ!!!

Опять звезды, опять знак, опять ветер!

Только мне показалось, или я все же почувствовала во сне чье-то присутствие?

Это случилось через месяц.

Я заболела! Сперва легкое недомогание только злило, но я не обращала внимания, каждый день отправляясь на работу, которую мне подыскала Лена. Затем поднялась температура, на третий день окончательно пропал голос, и приехавшая «Скорая» поспешно увезла меня с диагнозом «дифтерия».

Даже не представляла, что такая болезнь действительно существует! Но увы. Из-за нее я могла говорить только шепотом! Пришлось объясняться с врачами по бумажке. Потом и вовсе начался мрак. Уколы, прогревания, физио, таблетки, анализы!

К концу первого дня я чуть не взвыла. Мысленно.

Чтобы окончательно не впасть в депрессию, я решила наведаться в столовую. Есть не хотелось, да и не моглось. По крайней мере хоть развлекусь. В конце концов, компот я сегодня заслужила!

Взяв два стакана, я углядела свободный столик и направилась к нему. Но не успела сесть и насладиться законным компотом, как ко мне подсел молодой человек и принялся выставлять тарелки: первое, второе и пару ломтей хлеба.

— Привет! Как зовут? Недавно? Не видел тебя раньше! — Он взглянул на меня и улыбнулся. На небритых щеках появились задорные ямочки.

Не удержавшись, я улыбнулась ему в ответ и уткнулась в стакан, украдкой разглядывая этого симпатичного незнакомца. Короткий ежик русых волос. Прямые линии бровей. Серые глаза в обрамлении пушистых густых ресниц смотрели со всезнающим прищуром. Прямой нос, четко очерченные губы. Даже недельная щетина не портила вид, скорее придавала шарм. Одет по-больничному в серую футболку и в провисшие на коленях трико. На ногах — резиновые сланцы-тапочки.

— Прости, я всегда такой! Когда нервничаю, много спрашиваю и говорю.

Жаль, что именно сейчас я, в отличие от этого болтуна, не могла говорить!

— Я, наверное, тебе мешаю? — Естественно, он неправильно понял мое молчание.

Пришлось мотнуть головой и указать на горло.

— Не можешь говорить?

Я кивнула.

— Ясно. Противоположности сходятся! Ну… давай тогда вечером, после процедур, я найду тетрадку, ручку, и мы с тобой пообщаемся… Если ты, конечно, не против? — Снова милая, застенчивая улыбка и ямочки на щеках.

Я снова помотала головой.

— Это значит, что ты против или не против?

Я покивала.

— Против?

Да он издевается!

Залпом допив компот, я поднялась и, не обращая внимания на его удивленный взгляд, с торпедной скоростью вылетела из столовой.

Вечером ко мне в палату так никто и не пришел. Впрочем, я и не ждала. Растянувшись на койке после вечерних процедур, я только закрыла глаза, как меня унес сон. Знакомый, полюбившийся мне сон. Только на этот раз его испортила очаровательная мордаха встретившегося мне сегодня в столовой незнакомца. Он приснился как раз в тот миг, когда я уже приготовилась встретить порыв ветра.

Кажется, мы о чем-то говорили… Смотрели на звезды и…

Утро наступило внезапно.

— Срочно! Все, кто не сдал анализы! Стол в коридоре у процедурной! Ровно в десять анализы уходят! — проорала медсестра и, хлопнув дверью, понеслась дальше с повторным концертом к другой палате.

Я распахнула глаза и села. Зато не скучно!

Вскоре я уже выходила с «анализами», вот только обещанного стола не было. Нет, не так. Он был, но собирался делать ноги! Принимавшая анализы медсестра уже активно складывала добычу в синие чемоданчики.

Я взглянула на висевшие в коридоре настенные часы. Еще без пяти! И бросилась к ней, шипя, как проколотая шина.

— Стойте!

Подбежав, я поставила баночки на стол.

— Что это? — Она смерила меня тоскливым взглядом. — Я уже не принимаю!

— Пошаааалуйстаа! — вновь попыталась пошипеть я, но

женщину это только настроило против меня.

— Все! Забирайте, говорю! Завтра не опаздывайте! — Она продолжила составлять баночки. Я отступила назад, едва сдерживая слезы. Ну почему мне так не везет?

И тут…

— Светлана Степанна, вы, как всегда, по утрам просто обворожительны! — Я обернулась, разглядывая моего вчерашнего компаньона. — А я к вам, как всегда, с наисвежайшими анализами! И вот этой вкуснючей шоколадкой!

Медсестра расплылась в улыбке.

— Да ладно вам, Славик! Мне шоколад вреден! — Она похлопала себя по выпирающему животу, явно напрашиваясь на комплемент.

— Да что вы, Светочка! У вас фигура настоящей русской женщины! Плитка шоколада только поднимет вам настроение! — заулыбался подлец. Ведь знает же, что улыбка — это его сильная сторона! Особенно ямочки…

Глядя, как медсестра составляет его баночки по времени в десять ноль две, я не смогла сдержаться. Подскочила ближе и шепотом возмутилась:

— Возьмите тогда и мои!

Толстуха презрительно взглянула на меня.

— Я же сказала, что вы опоздали!

— И он тоже!

— Он успел вовремя!

— Придя через несколько минут после меня?!

— Ладно, ладно! Не ссорьтесь, девочки! — Тот, кого медсестра назвала Славиком, явно слышал наш спор. Снова подошел к набычившейся Светлане Степановне и протянул вторую плитку шоколада. — А это за нее… В качестве моральной компенсации…

Толстуха еще некоторое время грозно хмурила брови. Славик улыбался. В конце концов в этой битве победила дружба. Ну и… халявный шоколад!

Я понаблюдала, как мои анализы исчезают в синем чемоданчике, и успокоенно направилась к столовой. Горло еще болело дико, но чай я осилить смогу!

— Постой! Подожди! — Славик в два шага догнал меня и пошел рядом. — Ты чего вчера убежала?

— Просто устала! — прошептала я, но он услышал.

— Я тебя обидел?

— Нет. Устала. Столько всего навалилось… — Всю жизнь терпеть не могла жаловаться, а тут сопли распустила перед совершенно незнакомым мужиком! Я вскинула голову и с

улыбкой подняла вверх большой палец. — Все хорошо!

— Похоже, у тебя синдром ХБН! — глубокомысленно нахмурился он. — А это очень опасно!

— ХБН? — Я даже остановилась.

— Синдром ХБН!

— И что это еще такое? — Нет, ну это вообще ни в какие рамки! Я и так на ладан дышу, даже говорить не могу, а тут еще это!

— Это очень опасная штука, — так же шепотом вдруг сообщил он и подтолкнул к дверям столовой. — Но с ней можно справиться. Давай съедим законную овсянку-размазню, и я тебе расскажу как!

Я, точно загипнотизированная, села за свободный столик, а когда он принес две тарелки с кашей и два компота, даже не отказалась, слушая этого балабола. Он умело перевел рассказ на другие темы: поднялся в космос, опустился на дно человеческой психологии и подсознания.

— Вот так мы и выживаем в полном загадок мире! Главное, не забывать, что самый важный и надежный способ пообщаться с подсознанием — это наши сны! — Он залпом выпил компот, вытер губы салфеткой и с улыбкой уставился на меня. — Я даже изучал как-то все это…

— Сны? — Я, все это время беззастенчиво разглядывавшая его, отвела взгляд.

— Сны — это наше все! Да!

— А что означают повторяющиеся сны и как от них избавиться?

Он пожал плечами.

— Скорее всего, какую-то важную информацию. Надо выполнить их предначертание, и они перестанут повторяться. А что за сон мучает тебя?

— Да в общем-то не мучает… Но снится уже с пятнадцати лет. — Я вкратце рассказала ему свой сон, нарисовала по его просьбе пальцем на столе знак и описала встречу с ясновидящей. — Она сказала, что меня ищет яростный ветер! Вот и как это понять?

— Эм… — Он покусал губы, разглядывая знак так внимательно, что мне показалось, будто еще чуть-чуть, и стол воспламенится. Наконец он поднял на меня взгляд и вдруг поднял рукав футболки, оголяя бицепс. — Похож на этот?

Я вытаращилась на сделанную черным цветом татуировку. Правда, она была украшена вязью и завитками, но… это был тот самый символ!

— Похож! А что он означает?

Слава пожал плечами:

— Кто знает! В армии был, когда друзья уговорили сделать что-то памятное. Вот и сделал!

— Ясно… Бывают же такие совпадения! — Я в восторге покачала головой.

— Знаешь, мне надо идти! — Он как-то виновато взглянул на меня и поднялся. — Процедуры, физио, прогревания… Увидимся?

Я только кивнула ему в ответ, но он этого уже не увидел, стремительно шагая к выходу.

Настроение после этого разговора само по себе сошло на нет. Вот зарекалась же! Никогда! Никому! А тут разоткровенничалась! Ясное дело, парень посчитал меня чокнутой и сбежал куда подальше. Хотя… он первый поднял тему подсознания и снов!

Весь тот день я провалялась на койке, глядя в окно, где пролетали одинокие снежинки. Настроение упало до нуля. Хоть бы подселили кого, чтобы не так скучно было!

И вот, когда уже закончились вечерние процедуры, в коридорах приглушили свет и больница погрузилась в сон, в дверь моей палаты поскреблись. Дверь приоткрылась.

— Та-ань? Спишь?

От этого шепота меня бросило в дрожь. Я приподнялась на локте. Слава!

— Нет вроде, — прошептала я. Голос пока даже не собирался возвращаться. Врачи говорили, что вернется, как только спадет отек голосовых связок. — Что-то хотел?

— Хотел! — Его высокая фигура скользнула в палату. Он подошел, сел на кровать. — Ты что, забыла? А как же синдром? Пришла пора тебе узнать о нем, а также попытаться справиться…

— Ты про ХБЗ? — Я уже вовсю улыбалась. Ну что за странный тип?! Придумал себе какой-то синдром и активно вешает мне на уши эту чушь! Точнее лапшу!

— Нет, я про ХБН!

— Точно! И как это расшифровывается?

— Синдром хронического больничного настроения, который тебе нужно срочно лечить! — фыркнул он, а секунду спустя мы уже хохотали оба. Естественно, шепотом!

— И как его лечить? — спросила я, успокоившись.

— О! Это великая тайна! Но если ты поклянешься выполнять мои указания и слушать советы сэнсэя, я постараюсь тебе ее доверить! — Он с серьезным видом выпалил эту ахинею, подхватил меня под мышки и, вытащив из-под одеяла, поставил на пол. — Ну так что? Клясться будешь?

— Может, тебе еще и землю съесть? — хмыкнула я, стараясь удержать рвущийся на волю смех.

— Не! Не надо! А то от ХБН я еще вылечу, а вот от дизентерии — вряд ли!

Нет. Удержать приступ смеха не удалось. Мы с ним глупо хихикали, пока я пыталась попасть в рукав халата и нащупать под кроватью тапочки, заботливо привезенные Ленкой. Потом с видом шпионов мы прокрались по темному коридору и наконец остановились перед закрашенными белой краской стеклянными дверями.

— Готова лечить синдром? — Слава посмотрел мне в глаза с легкой сумасшедшинкой во взгляде. От его дыхания, близости сердце вдруг пустилось в галоп, но я только шутливо кивнула.

— Веди, сэнсэй! Верю тебе, как себе!

Он торжествующе улыбнулся и толкнул дверь. Я шагнула внутрь и ахнула. За белыми дверями был самый настоящий зимний сад! С пальмами, вьющимися растениями, деревцами с огромными листьями, папоротниками, а в центре небольшого зала стояло два миниатюрных диванчика друг напротив друга, и это волшебство освещал только свет из коридора и уличный фонарь.

— Ва-ау! — Я восторженно огляделась и шутливо выпалила: — И вправду, в таком раю ни один синдром не выживет! Благодарю тебя, сэнсэй, за чудесное избавление от смертельного больничного недуга!

С улыбкой взглянула на замершего позади меня, уж слишком серьезного Славу и подошла.

— Эй, ты чего? Или до тебя тоже этот синдром добрался?

Не отводя от меня глаз, он вздохнул и качнул головой.

— Знаешь, ты самая удивительная девушка из всех, кого я встречал! А теперь — моя самая главная пилюля от любых синдромов!

Я сама не поняла, как оказалась в его объятиях, а его губы коснулись моих в неожиданном, а оттого ошеломляющем поцелуе.

С того вечера Слава завладел всеми моими мыслями и временем. Днем мы, правда, разбегались на всяческие нужные процедуры, а вот вечером… Вечером мы были наедине друг с другом и нашим маленьким раем. Голос ко мне к тому времени уже вернулся, но мы по-прежнему говорили шепотом. Видимо, чтобы не спугнуть счастье.

Это произошло на десятый день моего пребывания в больнице… Утром я, не дождавшись Славу, решила сама заглянуть в его палату, чтобы позвать на завтрак, но, распахнув дверь, уставилась на безупречно заправленную кровать.

— Где он? — Я взглянула на его соседа.

Тот глубокомысленно пожал плечами, не отрываясь от телефона.

— Куда-то ушел.

Я прождала его в столовой до самого обеда, но он так и не появился. На ужин тоже. Не пришел он ко мне и вечером, и на следующий день.

— Выписали его, — сообщила с видом «совершенно секретно» дежурная медсестра, которой надоело наблюдать, как я с видом призрака уже вторые сутки брожу по коридорам.

Я не ответила.

В конце третьего дня без Славки я пришла к выводу, что я была гораздо спокойнее и счастливее до того дня, как повстречала его. Надо же было впервые влюбиться в того, кому я не нужна! Даже попрощаться не пришел!

На четвертый день ко мне в палату заглянул сперва мой лечащий врач с радостной новостью, что меня наконец-то выписывают, затем появилась Ленка.

— Ну что? Как ты? Держишься?

Вопрос был явно спровоцирован моими телефонными звонками. С тех пор как исчез Слава, я звонила ей и говорила, говорила…

— Нормально. Уже почти ничего не болит! — Я попыталась изобразить веселую улыбку, переодеваясь в привезенные ею джинсы, кофту и куртку. Обула кроссовки, и тут меня прорвало: — А я ему про сон рассказала! Про знак, про ветер! Представляешь? А он! Говорит, что надо исполнить предначертание сна. А откуда я узнаю, какое у этого сна предначертание? К чему эти звезды и что должен означать в моей жизни этот яростный ветер?

Лена хотела что-то сказать, но тут распахнулась дверь и заглянула знакомая дежурная медсестра, частенько «не замечавшая» наших со Славкой ночных походов в зимний сад. Увидев меня, она расплылась в счастливой улыбке.

— Ты еще тут? Как здорово! А я думала, уже ушла!

— Тут! — Я насторожилась. — А что случилось?

— Так посетитель к тебе! Пускать?

— Пускайте! — Я растерянно переглянулась с Ленкой. — А кто?

— Так Славка твой! Ярослав Ветров! — Она заулыбалась еще шире и шмыгнула за дверь.

Виктор Есипов

Виктор Михайлович Есипов родился в Москве, окончил Калининградский технический институт рыбной промышленности. Поэт, литературовед. Старший научный сотрудник ИМЛИ РАН им. Горького. Рассказы печатались в «Дружбе народов», в журнале «Новый свет», на сайте журнала «Этажи».

Телефонный звонок

Последние годы я общался с Лерой только по телефону. Поздравлял ее с днем рождения, который приходится на День Парижской коммуны. Поскольку теперь эта дата, этот исторический изыск советской пропаганды никак не отмечается, я стал путаться: то ли это 14, то ли 17 марта. Каждый раз уточнял у нее, но снова забывал. А в этом году мне никто не ответил, когда я набрал ее номер. Я постарался отогнать дурные мысли. Лера, правда, год назад попала в больницу с каким-то своим заболеванием. Но как будто все обошлось. Ну еще, конечно, стала стареть. По телефону говорила несколько медленнее, чем раньше. Но голос ее звучал все так же высоко и чисто.

«Мало ли что? Может, снова попала в больницу, — решил я, — нужно будет позвонить попозже».

Но попозже навалились какие-то дела, и позвонить снова, вспомнив, что и Лера не поздравила меня в этом году с днем рождения, я собрался лишь в начале лета. Трубку снял ее муж.

— А ты разве не знаешь, — сказал он преувеличенно спокойно, когда я попросил позвать ее к телефону, — Лера умерла.

Я смешался, но все же успел сказать все, что полагается в таких случаях, и повесил трубку.

Боже мой, подумал я, Леры больше нет!..

Мы учились в одном институте, но на разных факультетах. Лекции по общеобразовательным предметам были общие. На одной из них я обратил внимание на сидящую рядом очень серьезную девушку с большими выразительными глазами. Это была Лера. Мы познакомились, стали здороваться, встречаясь в коридорах института. Что-то в ней сильно зацепило меня. Она, к сожалению, редко бывала одна, обычно ее сопровождали две подружки из их группы. Но мне удавалось иногда обменяться с Лерой несколькими словами, после чего в душе возникало радостное чувство. Я ощущал потребность видеться с ней чаще. Лера же, видимо, сразу почувствовав мой интерес к ней, отвечала мне определенными знаками внимания, а может быть, мне это казалось.

Когда время окончания занятий у нас совпадало, я поджидал ее у выхода из института. Иногда мне везло — Лера выходила одна, и мы вместе отправлялись домой. Нам было по пути. У главного здания Тимирязевской академии мы садились на трамвай, идущий в сторону центра. Мне нужно было выходить через три остановки — у райсовета, она ехала дальше. Если

доставалось свободное место, Лера садилась. А я, стоя и чуть пригнувшись, с замиранием сердца брал ее ладонь в свою, она не отнимала руки. И так мы ехали, болтая о чем-то. А пассажиры рядом с интересом поглядывали на нас.

Мысль о поцелуях и объятиях с Лерой мне даже в голову не приходила, хотя я имел уже некоторый опыт общения с девочкой. Ту девочку звали Сашей. Это было полгода назад, когда я оканчивал школу, здесь же, в Тимирязевском районе. Та моя избранница (на самом деле, скорее, она избрала меня) была с Пасечной улицы, комсомолка, активистка, вела себя свободно, раскованно. Мы целовались, и моя ладонь иногда, будто невзначай, касалась Сашиной груди, но на большее я не отваживался. Моя нерешительность, скорее всего, вызывала у нее досаду.

Летом наши встречи постепенно сошли на нет. Я с такой неохотой покидал импровизированное футбольное поле в парке «Дубки» (тогда эта дубовая рощица еще никак не называлась). Воротами для каждой команды служили стволы двух не слишком удаленных друг от друга деревьев. Между «воротами» — в центральной части площадки — стояло еще несколько мощных дубов, стволы которых нападающим приходилось обводить при атаке, словно защитников противоположной команды.

Покинув игру, я нервно поглядывал на часы, потому что до встречи с Сашей оставалось совсем ничего, нужно было бежать.

Да, это были совсем другие отношения…

А с Лерой у меня светлело на душе и казалось, что я нахожусь в полете — так все внутри ликовало и пело.

На лекциях я неизменно садился поближе к ней, чтобы при случае шепотом пояснить ей какую-нибудь мысль преподавателя, если она ее не поняла или не расслышала. Или самому обратиться к ней за разъяснением.

В институтской многотиражке появилось мое стихотворение, обращенное к Лере:

Солнце за стеклами,
Солнце смеется,
Солнцем затоплены
Улиц колодцы.
Я же стою,
Считая минуты,
Я жду свое солнце
В дверях института.

Стихотвореньице-то было неказистое, вообще никакое, но

приятели по литобъединению, одобрительно похлопывая меня по плечу, изрекали:

— Молодец, старик, смело, искренне!

А мои и Лерины однокурсники понимающе улыбались при встрече.

Но у Леры были и другие поклонники. На институтском новогоднем вечере, который проходил в клубе парфюмерной фабрики «Свобода», ее активно приглашал на танец один старшекурсник с канадским коком и в стильном костюме. Я не умел танцевать (что-то у меня внутри противилось этому занятию) и потому стоял у стенки рядом с одной из Лериных подружек, которая не пользовалась успехом у кавалеров. А этот то и дело приглашал Леру и во время танца прижимал ее к себе.

И вдруг в конце вечера Лера подошла ко мне и попросила:

— Проводи меня, пожалуйста, а то этот еще привяжется.

«Этот» ей, видимо, не очень нравился.

Мы шли вдвоем по заснеженным улочкам, и сердце мое тихо пело. Где-то в переулках за Палихой нас встретила Лерина мама — ей Лера успела позвонить из телефона-автомата, когда мы выходили из клуба…

Новый год я встречал в компании бывших одноклассников. Лера — дома, с родителями. Но я успел сбегать к магазину у трамвайной остановки, где стоял единственный на всю округу телефон-автомат, и позвонить Лере: у нее дома был телефон.

Новый год не принес никаких изменений, мы продолжали дружить. К отношениям более серьезным я еще готов не был…

«Да, так оно и было!» — подтверждаю я сам себе, прервав на миг свои воспоминания. Очень хочется курить! Я извлекаю из пачки «Мальборо» сигарету, щелкаю зажигалкой, затягиваюсь. Форточка открыта. Я всегда держу ее открытой. В стеклах книжного шкафа, стоящего напротив письменного стола, отражается облачко дыма, которое я, куря, выпускаю изо рта.

Мне вспоминается поездка на картошку в подмосковный совхоз — это было уже на следующем курсе. Я с однокурсниками целыми днями гнулся на картофельном поле, выковыривая из земли оставшиеся после прохода комбайна картофелины. Лишь вечером можно было пройтись по деревне, хватануть в своей компании теплого и одуряюще вонючего деревенского самогона, а потом зайти в гости к девочкам, которые угостят парным деревенским молоком!

Однажды мы гуляли с Лерой по темной деревне (некоторые окна еще тускло светились), и, рассказывая какую-то смешную историю, я вдруг остановился, замолчал. А потом, глядя ей в глаза, выпалил, словно прыгнул с обрыва в холодную реку:

— Лера, я тебя люблю!

И замер, чувствуя, как сердце в груди то взлетает, то падает.

Лера никак не изменилась в лице, только губы немного дрогнули, будто она хотела что-то ответить. Но не ответила.

Еще какое-то время мы шли рядом молча. Потом она попрощалась как ни в чем не бывало и пошла к своей избе. Я был обескуражен, я чувствовал, что совершил какую-то непростительную ошибку…

Летнюю практику Лерина группа проходила в Ленинграде, на мехзаводе. Я писал ей письма с неизменным «целую» в конце. Пару раз она что-то ответила. И вдруг осенью, когда после каникул мы впервые встретились в вестибюле института, Лера, осторожно взяв меня за руку, сообщила:

— Ты не обижайся, мы с Аликом (Алик учился с Лерой в одной группе), ты ведь знаешь его? Мы с ним недавно поженились. Но я хочу сохранить дружбу с тобой.

Я поздравил ее, вроде бы искренне поздравил. Не подал виду, как огорошила она меня своим сообщением.

Словно в отместку Лере, я начал настойчиво ухаживать за светловолосой красавицей с экономического факультета, где учились одни девушки. Лера при случайных встречах со мной отпускала в ее адрес колкие шуточки — мой выбор ей не нравился.

Но я все-таки женился на своей экономистке перед самым выпуском.

А после окончания института мы с Лерой потеряли друг друга из виду, хотя работали в Москве.

Я устроился в КБ[5], в котором проектировалось гидротехническое оборудование для гидростанций. Быстро освоился, скоро стал руководителем бригады. Иногда вспоминал институт и Леру как далекое и невозвратимое прошлое.

И вдруг, лет, может быть, через пятнадцать, Лера нашла меня. Я беседовал с сотрудниками, когда меня позвали к телефону. Я сразу узнал ее голос, чистый и высокий (она никогда не курила).

— Как ты нашла меня? — спросил я.

Она ответила какую-то ерунду, и я вспомнил: недавно чей-то женский голос был отмечен моей мамой (я был прописан у матери, но жил отдельно). Спрашивали меня, а потом мой рабочий телефон. Значит, это была она!

Лера придумала какой-то повод, чтобы встретиться. Я уже давно был в разводе со своей светловолосой красавицей и успел развестись даже со второй женой, так что располагал свободным временем. Суть была в том, что Лера хотела возобновить общение. Может быть, ей приснился какой-то сон, ожививший

юношеские воспоминания, и ей до зарезу понадобилось меня увидеть — такое бывает с женщинами. Нет, с Аликом у нее все было вроде бы в порядке, но, видимо, ей нужен был и я. Похоже, что Лера все еще взвешивала: не совершила ли в юности ошибку, выбрав Алика. Во всяком случае, из ее бессвязных рассказов я понял, что мое имя часто звучит в разговорах между супругами…

Наши встречи стали частыми.

Однажды, когда Алик был в отъезде, мы договорились встретиться в ресторане «Якорь» на Тверской, раньше она жила недалеко от этого места. Вспоминали студенческие времена, когда мне нередко удавалось проводить ее до дома, мою застенчивость, робость. Пили коньяк. Немного. Но на Леру он вдруг подействовал. Она сама взяла мою руку и вдруг прислонилась плечом к моей груди. Высвободив руку, я мягко отстранил ее и попросил счет у официанта. Мы взяли такси и поехали ко мне.

Перед тем как предаться греху, уже почти обнажившись, она вдруг стала очень грустной, и уже мне пришлось согреть ее своей нежностью.

Когда это свершилось, она вдруг преобразилась, стала сильной. Она ласково ерошила мои волосы.

— Ты мой милый, хороший, — приговаривала она, целуя меня в глаза, в шею, в губы.

А потом начались признания:

— Ну почему ты был таким дураком, почему ты не понимал, что мне надоели эти детские бесцельные прогулки, философские разговоры, что я любила тебя и хотела ощутить в тебе мужчину, настоящего, такого, как сейчас!

Я не любила Алика, — продолжала она, — он воспользовался моментом, мне было грустно в этом сером запущенном Ленинграде, в этом паршивом заводском общежитии. А после этого было уже поздно что-либо исправлять. А вообще, он неплохой парень, остроумный. Он мне даже нравился, но не так, как ты…

Лера до утра пробыла со мной, только позвонила матери, соврала, что встретила старую подругу и осталась у нее на ночь, просила поцеловать дочь.

А ночь была ни на что не похожа. Время будто ушло вспять, и мы снова были юными и беззаботными, в то же время мы уже все знали о жизни и потому жадно насыщались этим случайно выпавшим на нашу долю моментом истинного счастья.

Утром все кончилось. Лера уехала на работу, нежно простившись со мной, но я понял, что встреч больше не будет.

Так оно и случилось…

И может быть, к лучшему, думаю я, снова закуривая. Ничего хорошего все равно бы не получилось. Такой беспечности, такой полной отдачи друг другу, как в ту ночь, мы бы больше не испытали…

Еще через какое-то время Лера снова нашла меня, когда я был женат уже в третий раз. Мы встретились где-то на людях, потом регулярно перезванивались, делясь новостями. И опять Лера то и дело проговаривалась, что в ее разговорах с Аликом часто звучит мое имя.

Но постепенно общение стало увядать, как увядает цветок, лишенный живительной влаги. Постепенно все свелось к ежегодным поздравлениям друг друга с днем рождения, хотя я всегда помнил, что она есть, что она где-то рядом, — и мне приятно было это сознавать.

И вдруг неожиданный финал…

«Лера, Лера, — думаю я, глядя на положенную час назад телефонную трубку, — что же такое было у тебя в голове, почему тебе так хотелось, чтобы я всегда был рядом, когда рядом был другой?»

И мне опять вспоминается солнечный сентябрьский день, начало семестра, и Лера выходит из дверей института, высокая, стройная, с большими, умопомрачительными глазами. А я иду рядом с ней, и сердце у меня замирает от радости…

Юлия Климова

«Герои. Что я могу поделать, если они живут в моей голове? — говорит Юлия Климова, автор, публикующийся уже более десяти лет. — Ходят, гремят табуретами, разговаривают, ссорятся, мирятся, хлопают дверьми, распахивают окна, вдыхают ароматы весны, ежатся на морозе зимой, мечтают, влюбляются, ненавидят и непременно идут вперед. Нет, у меня никогда не получалось сделать вид, будто их не существует. Пожалуй, они слишком шумные для этого. И вот уже много лет я сажусь за ноутбук или беру лист бумаги, ручку и… улыбаюсь. Выпускать на свободу героев — это счастье».

У счастья добрые глаза

Я никогда не могла похвастаться быстрым бегом, и даже в минуты опасности время за стометровку оставляло желать лучшего. Вроде и ноги не заплетались, и сердце стучало без перебоев, и тяга к победе переполняла душу, но результат с упорным постоянством не радовал. И когда учитель физкультуры в левую руку брал секундомер, а правую поднимал, чтобы отдать старт, я тяжело вздыхала, предчувствуя непременное поражение.

Но порой наши минусы играют решающую, даже роковую роль, и теперь, сидя за столом перед ноутбуком, я с улыбкой вспоминаю тот день и час, когда не добежала…

Несколько лет подряд в июне и июле я ездила в один и тот же лагерь, расположенный в Подмосковье. Зарядка, линейка, спортивные состязания, кружок рисования на стекле, библиотека, бассейн, «Еще один писк из этой палаты, и весь отряд не пойдет на огонек!» До сих пор помню эту вожатскую фразу, часто звучащую в длинных коридорах корпуса и никогда не несущую обещанного наказания. Мы были хорошие. Добрые. Не подводили. Вернее, не попадались. Наверное, родители удивлялись, почему дети просят привезти не конфеты, булочки и печенье, а лимоны. Лимон — это валюта. Если его жевать каждые десять минут, то не заснешь, а как это важно в четырнадцать лет! Ночь — целая жизнь, она, безусловно, принадлежит только тебе. Можно болтать о влюбленностях, рассказывать страшные истории, делиться секретами или все же замотаться в простыню, надеть на голову наволочку, взять зубную пасту и отправиться на второй этаж мазать спящих мальчишек.

Наша палата всегда была неизменной, пять сплоченных девчонок — почти мафия. Мы ездили в лагерь дружно, устраивались на уже привычных кроватях и каждое лето поддерживали друг друга и в горе, и в радости. Печали в таком возрасте обычно приравниваются к глобальным трагедиям, восторги кружат голову и вызывают счастливый смех. Так что нам было чем делиться, о чем вспоминать и мечтать.

За исключением крепкой беленькой Ленки, мы все были москвичками. Родители далеко, воздух пропитан долгожданной свободой, отчего особенно приятно вдыхать, выдыхать, улыбаться и искать на свою голову приключения.

Ленка жила неподалеку от лагеря, в соседском поселке. Ее семье, как и некоторым другим местным жителям, ежегодно выделялись путевки, так что кому-то до дома было рукой подать, а кому-то приходилось добираться на электричке. В случае

надобности, конечно.

Лагерь настолько дружил с поселком, что забор, ограждающий место нашего отдыха, носил, по сути, формальный характер. По территории всегда гуляли местные подростки, мы играли с ними в футбол, катались по очереди на велосипедах, болтали на дискотеках, смотрели вместе кино. Вроде и немного их было, приходящих в гости, но атмосфера сразу менялась в лучшую сторону: нам становилось интереснее.

Ленка знала всех, и все знали ее, поэтому в наш корпус местные мальчишки и девчонки заглядывали чаще. И так как мы относились к старшим отрядам, гости у нас тоже были «серьезные»: кому пятнадцать, кому шестнадцать, а кому и семнадцать уже исполнилось.

Шпана. Мы не произносили этого слова, однако именно такое отношение было к Славке и его окружению. Уверенный в себе загадочный лидер и куча мальчишек, готовая подражать ему с утра до вечера. Он приходил, когда хотел, держался в стороне, уважительно относился к Ленке и, в общем и целом, не делал ничего, что могло бы охарактеризовать его с плохой стороны. Но одного взгляда хватало, чтобы свита притихла (да и наши мальчишки тоже), а уж девчонки… Они придумывали всевозможные истории с участием Славки, мучили Ленку вопросами и не смели даже близко к нему подойти. И только наша палата сохраняла равнодушие и спокойно жила в своей уютной параллельной вселенной: мы слишком часто ездили в этот лагерь, и от ахов и охов были застрахованы.

Я уже не помню, почему не пошла на полдник, а отправилась в корпус одна; возможно, меня не вдохновляли кефир и яблоки — и то, и другое я полюбила гораздо позже.

На первом этаже шла активная игра в настольный теннис. С одной стороны с ракеткой стоял Славка, с другой — паренек из его свиты.

Игра навылет разделила зрителей на две половины: скучающих проигравших и желающих сразиться с «атаманом». Благодаря брату я хорошо играла в теннис, побеждала почти во всех турнирах лагеря, поэтому и не прошла мимо, а пристроилась около кресла, прислонившись спиной к стене.

Славке не было равных. Обладая отличной реакцией и спортивной дерзостью, он выигрывал одну партию за другой. Улыбался, посмеивался и весело спрашивал: «Кто следующий?» Когда желающих не осталось, я, чуть помедлив, выпрямилась, шагнула вперед и просто сказала:

— Я.

Местные мальчишки о моих победах не знали, поэтому в

ответ раздались взрывы хохота и язвительные насмешки: свита зашумела, предвкушая обязательное развлечение. Девчонки же не умеют играть в теннис, похвастаться им совершенно нечем.

— Хорошо, — усмехнулся Славка и добавил: — Юрка, дай ей ракетку.

Но я не боялась поражения, наш теннисный уровень был приблизительно одинаковым, мне даже казалось, что я играю лучше. Подумаешь, еще одна партия…

Славка смотрел открыто и уверенно, не сомневаясь в собственном успехе. Ему почти семнадцать, а мне четырнадцать. И я не какая-нибудь красавица, вызывающая вздохи восхищения, а обыкновенная девчонка в тренировочных штанах и рубашке брата, коротко стриженная и конопатая. Принимать меня всерьез… Невозможно.

Юрка с едкой улыбкой протянул мне не самую лучшую ракетку — старенькую, полумягкую (хорошо, не твердую), так мы ее называли. У Славки же была новая, мягкая, отлично закручивающая мячик, что, конечно, большой плюс в игре. Я чувствовала, как он испытующе смотрел на меня, ожидая законной реакции по поводу несправедливости. Логика проста: если девчонка разбирается в ракетках, то она наверняка хоть как-то умеет играть и, по идее, должна пробубнить законное: «Так не честно». На ракетках тогда мы были здорово помешаны.

Я промолчала. Скорее из упрямства, чем от желания «запутать следы».

— Детскую или взрослую? — вопросительно приподняв бровь, поинтересовался Славка.

— Взрослую, — быстро произнесла я, хотя изначально для быстроты хотела сыграть короткую партию.

В ответ раздался взрыв хохота: у мальчишек было такое настроение, что любой ответ вызвал бы смех. Я посмела выйти к теннисному столу, да еще с кем вздумала состязаться! Сумасшедшая…

— Твои подачи, — благородно сказал Славка и взял ракетку со стола.

— Нет, разыграем по-честному, — ответила я.

В холле повисло напряжение, свита подтянулась ближе, все замерли, начиная понимать, что я не новичок. «Ну, давай… Посмотрим, как ты играешь… Мячик-то отбить сможешь…» — понеслись короткие насмешки со всех сторон.

Славка смотрел на меня так, будто я маленькая птичка, а он смертоносный хищный ястреб, вышедший на охоту. Он и похож был на ястреба: светлый, треугольное лицо, нос, явно когда-то переживший перелом, и тонкие губы. «Что девчонки находят в

нем?» — пролетела мысль, и мячик застучал по столу.

Пять минут назад Славке не было равных, теперь появилась я… Мы гасили направо и налево, крутили, отлетали от стола и устремлялись к сетке, скрещивали взгляды, слушали, как Юрка объявлял счет. Мальчишки уже не комментировали мои действия, в холле царил спортивный азарт, когда все решают миллиметры и мгновения, когда не важно, кто ты и сколько тебе лет. До определенного момента не важно…

При счете 19:20 в мою пользу игра остановилась. Это получилось само собой, никто никаких команд не отдавал. Мы со Славкой стояли молча, друг напротив друга, выпрямившись, опустив ракетки. Он смотрел предостерегающе, чуть прищурившись, и только в этот момент до меня стало доходить, что я творю… На глазах у изумленной свиты я мужественно и красиво одерживала победу над их «атаманом». Я — четырнадцатилетняя конопатая девчонка…

Такое не прощают. И Славка давал мне минуту на размышление, еще существовал шанс все исправить, ошибиться и не унизить его перед мальчишками. Но отчаянная упертость не знала границ, за считаные секунды я сделала выбор, доверяясь маленькому белому мячику и потрепанной жизнью ракетке: как получится, так и будет.

— Твоя подача, забыла? — произнес Славка, приближая меня к пропасти.

Да здравствуют победители! Это же здорово — побеждать, правда?

Сначала мне казалось, будто мяч движется как при замедленной съемке, затем, наслаждаясь полетом, он дернулся вперед пулей. Стук о стол, еще, быстрее, быстрее, нужно успеть! Моя рука взлетела вверх и…

— 19:21, — выдохнул Юрка. — Партия.

В холле стало так тихо, что у меня зазвенело в ушах. Мячик катился по полу, но никто и не думал наклоняться и поднимать, присутствующих меньше всего интересовала его судьба — наступят, и ладно, ерунда, не он тут главный герой.

Свита Славки мгновенно стала редеть: они уходили по одному, молча, понимая, что лучше не присутствовать при наказании, которое больше потянет на расправу. Никто ничего не видел, никто ничего не знает — так лучше. И разве можно мешать ястребу скушать птичку? Сама же напросилась, глупая, куда полезла…

Последним, сунув руки в карманы, ушел Юрка, а мы остались вдвоем. Все так же стояли друг напротив друга, не шевелясь, обмениваясь острыми взглядами. Страх осторожно скользнул под

рубашку и потянулся к шее, я почувствовала, как начинают дрожать ноги и холодеют пальцы. Сердце превратилось в тяжелый раскаленный камень и обожгло изнутри. Не знаю, чем бы это закончилось, если бы я не побежала, но… если жертва срывается с места, то хищник, ведомый инстинктом, устремляется следом.

И я рванула. Однако не вылетела на улицу, где оказалась бы в полной безопасности, а изо всех сил побежала по нашему длиннющему коридору. Подобный маршрут никак не мог привести к спасению. Корпус пустой — все в столовой, в палате дверь не закрывается, впереди тупик в виде окна с цветком на подоконнике. Но я бежала, искренне надеясь на чудо, а за спиной раздавался страшный топот.

Шансы равнялись нулю. За полметра до родной палаты тяжелая рука Славки бетонной плитой рухнула на мое тощее, практически цыплячье, плечо. Ноги подкосились, и, потеряв равновесие, я упала, сильно стукнувшись головой о покрытый плиткой пол. В глазах потемнело, и оставалось только надеяться на крепость черепа (вовсе не хотелось, чтобы он раскололся надвое).

Славка продолжал крепко держать меня, он тяжело дышал и, похоже, не знал, что делать. Инстинкт хищника выполнил свою функцию — ястреб догнал птичку, и, по сюжету, надо бы открутить ей башку, но…

— Больно ударилась? — прохрипел он, явно злясь.

— А тебе какое дело! — Я попыталась вскочить, но голова закружилась, из глаз брызнули слезы обиды, отчаяния и боли. Несправедливость душила, падение казалось бесконечно унизительным. — Убирайся, — четко произнесла я, резко откинула руку Славки, медленно поднялась и, держась за стену, побрела к своей палате. Зашла, легла на кровать и уставилась в потолок, ненавидя врага до глубины души. Я больше не боялась, в таком положении меня вряд ли можно было отдубасить.

Но я рано расслабилась, через минуту в палате появился мрачный Славка. Молча приблизившись, он наклонился и уперся руками в подушку как раз рядом с моими ушами. Показалось, будто надо мной нависла глыба, которая вот-вот рухнет и непременно раздавит. Его прожигающие насквозь глаза были так близко, что перехватило дыхание и во рту пересохло.

— Извини, — сказал он и обдал меня ледяным взглядом.

— Ни за что, — прошептала я, не задумываясь о том, что местный «атаман» вряд ли просит прощения каждый день…

— Я сказал — извини, — произнес он настойчивее и громче.

— Ни за что, — повторила я, уже улавливая знакомую дрожь страха под ребрами.

Славка наклонился еще ниже, так, что его дыхание обдало лицо.

— Значит, не простишь? — грозно спросил он.

«Сейчас он меня точно прибьет», — пронеслась огненная мысль, и одинокая слеза покатилась по щеке на подушку. О, как я возненавидела эту слезу!

— Нет, — ответила моя железобетонная упертость.

Славка прищурился, выпрямился и вышел из палаты, громко хлопнув дверью.

Я осталась жива.

Чудеса случаются…

Минут двадцать я лежала не шевелясь, вспоминая партию в теннис, мечтая как можно скорее вернуться в Москву, вытирая редкие слезы, хорошенько себя жалея. Я представляла, как становлюсь великаном и побеждаю врага одной левой, как все мальчишки из свиты Славки смотрят на меня уважительно, как…

— Ты здесь?! Где болит?! Ну ты даешь! Где болит, говорю?! — В палату влетела раскрасневшаяся от бега Ленка и принялась меня ощупывать, точно в ходе недавней битвы я могла потерять пару конечностей. — Меня нашел Славка и сказал, что ты чуть ли не при смерти! Говорит: дуй к ней и помоги! Это он тебя? Где больно, чего молчишь? Ну дурак, ну дурак…

От заботы Ленки мне сразу стало тепло и уютно, даже захотелось улыбнуться. Я перестала чувствовать себя одинокой и брошенной, вот еще бы она не трясла меня так сильно, и было бы совсем хорошо.

— Я только головой ударилась.

— Болит?

— Ага.

— Покажи.

— Вот. — Повернув голову, я продемонстрировала место ушиба.

— Шишка обеспечена. И синяк тоже. Я сейчас полотенце холодной водой намочу, положим на лоб, и будешь как новенькая.

— Тащи, — согласилась я, не желая валяться в кровати весь вечер.

Оказав первую медицинскую помощь, Ленка уселась рядом и опустила руки на колени, на ее лице отражались волнение и растерянность. Она никак не могла успокоиться и постоянно хмурилась.

— Как он мог, не понимаю… Славка тебя прям ударил?

— Нет. Я упала и сама…

— Ты его выгораживаешь? Хотя… Я не верю… И ничего не

понимаю! Да расскажи же честно по порядку.

Я не собиралась скрывать от Ленки правду, но в душе проснулось и заерзало желание узнать, как объяснил произошедшее Славка: почему, по его словам, мне плохо и нужно срочно бежать и спасать. «Странно… зачем он пошел ее искать, не умерла бы я тут уж точно…»

— А что он сказал?

— Да я не особо поняла, — Ленка вновь нахмурилась и дернула плечом. — «Давай дуй в палату, твоей подруге плохо. Надеюсь, без сотрясения обойдется. Я там напортачил немного…» И еще говорил м-м-м… Я не запомнила, мне уже не до того было. Так он виноват или нет?

— Не виноват, — ответила я. — Но видеть его больше не хочу.

И я в красках и лицах поведала историю своего глупого бега и трагического падения.

— Лучше б ты на полдник сходила, — с тяжелым вздохом подытожила Ленка и спросила: — К медсестре пойдем?

— Нет, мне уже лучше.

К ужину боль в голове утихла, но душевные страдания меньше не стали. Изображая спокойствие и равнодушие, я мысленно постоянно разговаривала со Славкой: твердила о своем бесстрашии, о его трусости, складывала из резких слов убийственные фразы, перечеркивала возможные ответы, обрушивала на врага безжалостные ругательства, одерживала победы ежесекундно. Произошедшее не желало меня отпускать, и не было спасения ни в чем…

Славка появился под окном нашей палаты около семи. Я, лежа на кровати, уткнувшись в библиотечную книгу, сделала вид, будто не вижу незваного гостя. Девчонки притихли и демонстративно занялись кто чем, поглядывая то на меня, то на торчащую светлую голову «атамана». Ленка, вживаясь в роль всемогущего парламентера, готовая поддержать «ничего не значащую» беседу, уселась на подоконнике и дежурно произнесла «привет».

Они разговаривали негромко: о планах на вечер и завтрашний день, обсудили общих знакомых, Ленка сначала пожаловалась на вожатых, потом на закрытый бассейн, затем попросила Славку зайти к ее родителям и передать привет.

— На дискотеку идете? — спросил он.

— Нет, мы решили сегодня пропустить, — ответила Ленка и, как я догадывалась, многозначительно посмотрела в мою сторону, мол, среди нас есть тяжелобольной человек, и мы остаемся в палате в знак солидарности. Потому что мы —

команда!

Как только Славка ушел, Ленка вновь затрясла меня, точно грушу. Она с трудом справлялась с эмоциями, улыбалась и казалась самой счастливой на свете.

— Он приходил к тебе, понимаешь? Ну ничего себе… Вообще! Он приходил к тебе. И не думай, что я сумасшедшая, ты просто его не знаешь! Он спросить не может, как ты, и все такое… Но покоя ему точно нет. Ну ты даешь!

— Ага, — подтвердила Катюшка и переглянулась со второй Ленкой и Маринкой.

— Хотите сказать, его мучает совесть? — Я отложила книгу и села. — Это глупо. И давайте договоримся больше не говорить о нем. Не хочу вспоминать, как грохнулась в коридоре.

На следующий день Славка не появлялся, мальчишки из его свиты тоже не показывались на территории лагеря. Постепенно теннисная партия и ее последствия стали забываться, вот только в сердце иногда покалывали непонятные иголочки и взгляд автоматически искал желтую футболку «атамана». Меня, как излишне активную и ответственную, завалили общественной работой, и после обеда я, окруженная кистями, красками, банками-склянками, трудилась над спортивной стенгазетой. Жизнь шла своим чередом.

Рисовала я неважно, но выбор частенько падал на меня и еще одну девочку, которая с красками управлялась неплохо. Закопавшись в вырезках из детских журналов, пытаясь создать достойную красоту, мы закончили работу с небольшим опозданием: все уже отправились в кинозал на заключительную часть цикла о Шерлоке Холмсе «Двадцатый век начинается». Фильм разрешили к просмотру только первому и второму отрядам, поэтому, открывая дверь зала, я ожидала увидеть кучу свободных кресел — садись где пожелаешь! Конечно, заняты были исключительно последние ряды, эти места традиционно доставались старшим и считались престижными. Не хотелось спотыкаться в темноте о ступеньки, да и настроение балансировало между необъяснимой тоской и унынием, поэтому я направилась к первому попавшемуся ряду, прошла до середины и села.

Рассказы о Шерлоке Холмсе я обожала, но от происходящего на экране дух в первые пять минут не захватывало; зато сердце стало биться в два раза чаще, когда распахнулась дверь и в окружении света, льющегося в зал, появился Славка… Можно не сомневаться, взгляды всех присутствующих мгновенно устремились на «атамана», а он, чуть помедлив, закрыл дверь и дал глазам возможность привыкнуть к темноте.

— Нет, нет… — прошептала я, интуитивно угадывая, что сейчас произойдет. Я опять превратилась в птичку, которой просто некуда упорхнуть.

«Ленка, ты где? Спаси меня немедленно!»

Но она, как и остальные, сидела далеко за моей спиной. Теперь два отряда с нетерпением и удовольствием наблюдали совсем другое кино. Мы со Славкой соперничали с самим Шерлоком Холмсом и его другом Ватсоном, и я могла поспорить на миллион — победа была за нами.

«Только не это… Не подходи ко мне… Нет…»

Но Славка делал то, что считал нужным, ему не требовались чьи-либо разрешения или приглашения. Отыскав в почти пустом зале «недобитую птичку», он двинулся по направлению ко мне, явно не испытывая сомнений или неловкости. Я же почувствовала приближение приступа паники, когда кровь к лицу сначала приливает, а потом отходит волной, оставляя после себя бледные щеки и синие губы. Не знаю, как я выглядела со стороны, но ощущала себя именно так. Спасибо темноте, частично она скрывала мое душевное состояние, чем и спасала.

Славка сел рядом.

Ничего не могло быть проще и страшнее.

Автоматически мне захотелось убрать руку с подлокотника, однако упертость зашептала: «Не показывай страха, ты сильная. Терпи!» Я не шелохнулась, но вряд ли это было моей заслугой, скорее, тело попросту отказалось слушаться.

— Интересный фильм? — спросил Славка, повернув голову ко мне.

— Да, — быстро ответила я и тоже посмотрела на него.

Расстояние между нами измерялось отчаянными сантиметрами, взгляды встретились и… Наверное, меня ударила невидимая молния: некоторое время я точно не дышала, не слышала и существовала в иной реальности. У Славки оказались… добрые глаза. Невозможно объяснить, подробно описать или привести хотя бы один пример, можно только увидеть и прочувствовать. Добрые. Очень. И это открытие шокировало настолько, что на следующий вопрос заклятого врага я ответила против воли и разума, заглушив упертость и гордость.

— Простишь? — спросил Славка и чуть улыбнулся, давая понять, что мир лучше войны.

Шумно вздохнув, с сожалением готовясь отвернуться, я тихо произнесла окончательное и бесповоротное:

— Да.

Фильм досматривали молча, не делая попыток заговорить или выяснить отношения. Прощение поставило жирный крест на

случившемся, ничто не могло вернуть вчерашнюю обиду и боль, они растаяли без следа. Прислушиваясь к ровному дыханию Славки, я мечтала еще раз заглянуть в его глаза, чтобы проверить, убедиться и даже украсть кусочек того самого тепла…

Когда на экране появились титры, за спиной раздался обычный шум: кино закончилось, захлопали сиденья, все заспешили к выходу. Я с волнением ждала, когда включат свет. Десятки взглядов устремятся в мою сторону: если известно начало истории, то, безусловно, волнует и продолжение… К сожалению, сбежать из зала не получилось бы, я была обречена на повышенное внимание к своей скромной конопатой персоне.

Ленка сразу устремилась к нам, и лучшей поддержки не существовало. Светясь от неведомого счастья, она решительно перешагивала через ступеньки, девчонки торопливо шли следом.

— Самая лучшая история с Шерлоком — про собаку Баскервилей. А это продолжение так себе… — начала Ленка, приблизившись. Не утерпев, она незаметно сжала мою руку, что переводилось: «Ну вообще! Ну ты даешь!»

— Ладно, мне пора, — сказал Славка. — Обещал вашим стражам порядка после девяти на территории лагеря не появляться. Слово дал — держи. — Он усмехнулся, кинул на меня быстрый взгляд и уверенной походкой направился к двери. Пожалуй, белая футболка ему шла ничуть не меньше желтой.

— Как дела, красавица? — пропел сзади рыжий Лешка из первого отряда, явно намекая на мой «личный успех».

— Брысь отсюда! — гаркнула Ленка так, что кресла в зале сжались и задрожали.

На следующий день со мной здоровались все местные мальчишки: и маленькие, и большие. Удивительно, до обеда особенно везло в теннис, точно за мои удары по мячу теперь несла ответственность Ее Величество Удача: ни одной проигрышной партии, сплошные победы. С ракеткой в руке я билась упрямо и самозабвенно, прогоняя непокой, смятение и тихую грусть, но временами все же выходила из спортивного павильона и совершала короткие прогулки по аллее, ведущей к воротам лагеря… Славка не показывался. «А он меня и не интересует», — твердила я, возвращаясь к теннисному столу.

После обеда мы в палате устроили ревизию запасов продовольствия. Гора с конфетами радовала, а вот печенье, сухари и баранки подходили к концу. Катя в тетрадке старательно писала общий список, Маринка строчила письмо родителям, Ленка приводила в порядок тумбочку, вторая Ленка сидела на кровати и демонстративно ленилась, расчесывая длинные русые волосы.

— Лимоны заказываем? — спросила Катюшка. — Сколько осталось?

— Я уже попросила у родителей два килограмма, но мама спрашивает, не болеет ли наш отряд цингой. — Маринка выпрямилась, убрала темную челку от глаз, нахмурилась. — Что это за болезнь такая, а?

— Когда зубы выпадают, — объяснила Ленка и замерла, нежно прижав драгоценную банку с домашним вареньем к груди. — Стоп-стоп-стоп! Юлька, ты же завтра уезжаешь?!

Со второй смены я должна была уехать раньше других. Родители собирались в поход с друзьями: дома на полке шкафа лежали билеты на поезд, байдарки и палатки ждали своего часа в коридоре. Хуже не придумаешь. Из-за отъезда я пропускала Королевскую ночь, когда разрешалось веселиться и танцевать почти до утра. Для этой ночи все привозили особый наряд и не доставали его из чемодана до конца смены. Увы, я не попадала на традиционный праздник прощания, и данную трагедию мы с подругами пережили еще в начале июля, когда родители сообщили о походе. Да, мы смирились, однако время пролетело безжалостно быстро: вроде и помнили, но особо не задумывались… А теперь ситуация немного изменилась, без лишних слов мы понимали это.

— Кошмар, — выдохнула Катюшка, откладывая ручку и тетрадь.

— Ну почему, почему, почему… — протараторила Ленка и с негодованием топнула ногой.

Мы знали, что вряд ли еще когда-нибудь соберемся здесь, слишком взрослые…

— Не хочу в поход, — с отчаянием простонала я и плюхнулась на кровать. Меня совершенно не тянуло в леса и горы, и длинное серебристое весло с оглушительным треском проигрывало деревянной теннисной ракетке и зеленому столу с сеткой посередине.

Душа разрывалась на части, казалось, нет способа утешиться хотя бы на краткий миг: если раньше отъезд приравнивался к горестной драме, то после некоторых событий — это была уже космическая катастрофа.

А я и не поняла…

Не угадала…

Не прочувствовала до конца…

Но вот теперь…

Кино и дискотека всегда чередовались: то одно, то другое, а потом небольшой перерыв. На рядовые танцы особо никто не наряжался — в чем были, в том и шли. Пожалуй, прическам

уделяли особое внимание, и те, кто обладал сокровищем под названием «косметика», пользовались тенями и румянами. Моя короткая стрижка не поддавалась разнообразию, поэтому на сборы я обычно тратила одну минуту, что усиленно раздражало Катюшку, так как ее модная стрижка «Аврора» требовала гораздо больше времени.

Но на эту дискотеку все собрались за считаные секунды. Последний вечер вместе и… Никто не заговаривал о Славке, мы молчали, точно бывалые партизаны на допросе, однако каждая из нас надеялась, что он придет. Я — потому что недосказанность и необъяснимые чувства мучили, отвоевывая с каждым часом все больше и больше территории в душе. Девчонки — потому что вместе мы — сила. Иначе никак нельзя.

Отчего время летит столь быстро, порой не хватает недели, дня и даже минуты…

В зале обычно держались группами, наше козырное место находилось в дальнем левом углу — отлично видно дверь: кто входит, а кто выходит. Выключенный свет, простенькая цветомузыка, любимые хиты, и каждый пятый танец — обязательно медленный. Сердце отчаянно стучало и звало…

Я вовсе не собиралась совершать немыслимые подвиги: пересекать зал и приглашать Славку, такое даже в голову не могло прийти. Хотелось его увидеть в последний раз; быть может, он подойдет (хотя бы к Ленке), и мы поболтаем о пустяках, затем прозвучат обычные «пока», «до завтра», я успокоюсь, полюблю туристические маршруты и с бодрой радостью возьмусь за весло…

Я никогда не видела танцующего Славку. Ему по рангу не особо было положено, да и девчонки в его глазах наверняка выглядели мелкотней. Исключение могли составить только пятнадцатилетние красавицы первого отряда, но Славка лишь временами разговаривал с ними около корпуса, угощал конфетами и, как мы подозревали, сигаретами. Доказательств «страшного преступления» не существовало, однако легенда устраивала всех, особенно девчонок первого отряда. В глазах других они выглядели ого-го!

На дверь я старалась не смотреть, но голова сама повернулась именно в тот момент, когда в зал вошел Славка. В его движениях уже привычно угадывались спокойствие и уверенность, я замерла, получая необъяснимое удовольствие только от того, что могу видеть «страшного атамана».

К нему тут же подскочили мальчишки и начали что-то рассказывать, но Славка слушал невнимательно: улыбался и поглядывал по сторонам. Ленка приветственно махнула рукой, он

ей ответил тем же. Я удивилась, осознав, какие простые и дружеские отношения между ними, без натянутости и фальши: оказывается, со Славкой можно дружить. Конечно, они выросли вместе в одном поселке, но все же…

— Мог бы и подойти, — фыркнула Ленка, бросив на меня быстрый взгляд. — Трудно, что ли?

— Да уж, — поддержала Катя.

Я пожала плечами, демонстрируя стойкое равнодушие.

Наверное, даже «атаману» иногда нужно набраться храбрости… Или он все решил сразу, как только пришел и увидел меня?

Каждый пятый танец — медленный…

И стоило зазвучать плавной музыке, как Славка отлип от стены и направился в нашу сторону. Семь метров, четыре, три… Нет, никто не предполагал, что он идет приглашать. Поболтать с Ленкой? Конечно, да.

Но Славка остановился точно напротив меня, наши тени почти совпали в легкой пляске цветомузыки. В его глазах опять было слишком много той самой, уже знакомой, доброты, и она, бесспорно, принадлежала лишь мне. А еще я поймала еле уловимое смущение, и эта хорошо спрятанная Славкина тайна сделала меня самой счастливой на свете. Ему не все равно.

— Идем? — спросил он, опустив формальности.

Кивнув, я пошла за Славкой в центр зала, а казалось, будто шагаю на край света, туда, где не ступала нога человека, где нет посторонних глаз. И не имело значения, сколько взглядов устремилось в нашу сторону; пожалуй, я начинала привыкать ко всеобщему вниманию.

Как поднять руки и положить Славке на плечи?

Как не упасть в обморок, когда он прикоснется к моей талии?

Наисложнейшие вопросы, но я справилась? Видимо, страх иногда на пользу: подбадривает и делает многое за нас. Никогда я не чувствовала себя так хорошо. Ощущение, будто мы давным-давно договорились встретиться именно в этой точке земного шара и вот так станцевать, согревало и убаюкивало, о плохом совсем не хотелось говорить.

— Завтра я уезжаю, — наконец произнесла я, и руки Славки напряглись.

— Куда?

— В Москву, домой.

— Не вернешься?

— Нет. Родители собрались в поход… Ну и…

— Понятно. Когда они за тобой приедут?

— Вожатая сказала — после обеда.

Славка молчал какое-то время, а я неслась в недавнее прошлое и торопливо, боясь не успеть за пять минут медленного танца, перебирала наши слова и взгляды. Как много мне нужно было хорошенько запомнить, чтобы потом бесконечно вспоминать: и в палатке, и в байдарке, и около костра.

— Бери девчонок, и пошли на футбольное поле, — сказал Славка, когда музыка сменилась на быструю. — Сейчас же ты не уезжаешь, правда? — Он улыбнулся, и я, не удержавшись, улыбнулась в ответ.

Устроившись на скамейках для болельщиков, мы болтали и дружно грызли ванильные сухари. Славка рассказывал разные истории из жизни поселка, которые изредка дополняла Ленка. Мы сидели очень долго, пока не появились вожатые и не загнали нас в корпус, традиционно обещая лишить сладкого, кино, дискотеки и «Огонька», в придачу. Славка пошел по аллее к воротам, и я видела, как он обернулся около первого фонарного столба.

На следующий день наша палата вполне могла поучаствовать в конкурсе «Печаль года». Вещи я собрала после завтрака, обед проглотила не жуя, взяла чемодан и в окружении девчонок отправилась к двухэтажному зданию администрации, где меня вместе с документами должны были вручить родителям. Вчерашний вечер я расценивала как подарок судьбы, пожалуй, я и так получила слишком много, мне есть о ком вспоминать, сидя на берегу реки. Славка. Славка. Славка.

«Не хнычь, — наконец-то проснулась упертость. — Он пригласил тебя на танец. Разве этого мало?»

Много.

И мало…

Когда на дорожке появился папа, я уже была готова отправиться в Москву. Мы с девчонками обнялись и чуть не разрыдались: вторая смена, самостоятельная жизнь и приключения закончились. «Прощайте».

Вдвоем мы шли по аллее к воротам, папа нес чемодан и расспрашивал о житье-бытье в лагере, я рассказывала об утренних линейках, веселых спектаклях, о соревнованиях и теннисе. Обо всем подряд. Настойчиво пытаясь заглушить собственные мысли, я шагала вперед, пока… не увидела по ту сторону ворот Славку.

«Разве я мог не прийти и не попрощаться с тобой?» — говорил его взгляд, а на губах играла довольная улыбка.

Еще бы! Он имел повод быть довольным, потому что я испытала настоящий шок.

«Ты?..»

Свидание двух разведчиков, да и только. Внутренне

сжавшись, боясь, что папа догадается о моих чувствах к Славке, я коротко улыбнулась в ответ, и мы прошли мимо. Невозможно позволить себе большее, нельзя остановиться… Ничего нельзя…

Наша процессия двинулась дальше. Впереди — папа, чемодан и я, сзади, на расстоянии пятнадцати-двадцати метров, — Славка. Такое не получилось бы представить ни в страшном, ни в прекрасном сне, когда происходит невероятное, душа замирает, ноги подгибаются, язык немеет. Счастье переполняло мой тощий организм с головы до ног, страх нависал черной тучей и обещал как минимум гром и молнию. Один поворот головы, и папа все увидит и поймет. Но там сзади «мой личный атаман»…

Как только мы миновали пруд, я, набравшись храбрости, отстала на один смелый шаг и осторожно обернулась. Славка посмотрел на меня, чуть приподнял голову и кивнул — короткое движение, означающее очень много. Он прощался…

Отмотать бы время назад, к тому моменту, когда я вызвалась играть теннисную партию… И быть бы постарше, хотя бы года на два! Но увы…

Вздохнув, я кивнула тоже.

Славка остановился на полпути до станции. Стоял посреди пыльной дороги, сунув руки в карманы брюк, и смотрел мне вслед. Я уходила, он оставался, и впереди у каждого из нас была своя судьба.

Потом рано утром на кухне папа тихонько рассказывал маме о светлом парне лет семнадцати, который шел за нами чуть ли не километр и явно был моим знакомым. А я, сидя на кровати в комнате, слушала их разговор и с тоской и благодарностью думала: «Спасибо, папа, что дал мне возможность обернуться».

Мария Воронова

Мария Воронова — практикующий хирург, а потому о хрупкости человеческой жизни, силе духа, благородстве и преданности она знает, возможно, больше, чем другие люди. Однако не у каждого из хирургов такой писательский талант, как у Марии Вороновой, каждый роман которой о том, что главное исцеление несет только любовь. Большая. Настоящая.

Дежурный командир

Каждый август долгого детского лета я проводила в пионерском лагере, и это был самый интересный и насыщенный приключениями месяц года.

Сам лагерь, как мне помнится, был устроен довольно просто: среди старых корабельных сосен стояли двухэтажные корпуса серого кирпича, в которых размещались отряды, за ними скромные избушки администрации и кружков, приземистое здание столовой, и поодаль, замаскированный пышными кустами, скромно притаился изолятор, он же медпункт, в котором мне, слава богу, ни разу не пришлось побывать за все годы лагерной жизни. Ближе к границе лагеря лес густел, превращаясь в настоящую чащу, и мы ходили туда собирать чернику.

Был еще клуб — большой дом с высоким потолком, с длинными и узкими дощатыми скамейками, которые составлялись штабелями к стенам, когда вместо вечернего кино или концерта силами пионеров вожатые все же решались побаловать детей танцами.

Помню, была у них даже поговорка: «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы дискотеки не просило». И все же эти оргии проводились минимум раз в неделю, и на моей памяти никто не пострадал.

Был еще бассейн, но он не имел ничего общего с тем кафельным великолепием, которое мы представляем себе теперь, слыша это слово. Наш лагерный бассейн представлял собой дощатую коробку с резиновой чашей. Воду в нее наливали не больше двух раз за все годы моего пребывания в лагере, но все равно для пущей безопасности она была огорожена высокой сеткой с надежно запертыми на висячий замок воротами. Вообще купание было страстной мечтой всех детей и головной болью вожатых, которые согласились бы лучше провести двадцать дискотек вместо одного купания, но все равно раз или два за смену мы отправлялись на озеро, в специально оборудованное безопасное место.

Карстовое озеро с обрывистыми берегами располагалось среди леса, огромные ели плотно обступали его, и только в одном месте из сплошного сплетения корней словно вырвали небольшой кусок, и открылась песчаная почва. Вода в озере была тихой и черной, и в безветренную погоду берег отражался в ней без малейших искажений, и от этого становилось немножко жутко.

Каждое утро лагерь собирался на линейку, для чего существовал специальный плац не плац, но что-то вроде этого.

Довольно большой прямоугольник земли был красиво усажен цветами, в центре располагался высокий флагшток, а в головах — настоящая трибуна с микрофоном.

Под пионерские песни мы строем выходили на плац, где у каждого отряда было свое место, и происходила передача дежурства, поздравление именинников и подъем флага. Четыре лучших по итогу истекших суток пионера торжественно выносили полотнище, держа каждый за свой угол, привязывали к флагштоку и поднимали. Вечером флаг так же торжественно опускали после ужина. Красное полотнище с серпом и молотом в углу с годами полиняло, побледнело, от него пахло солнцем и ветром.

Интересно, мы все были пионерами на закате СССР, никто всерьез не воспринимал коммунистическую пропаганду, и все равно момент подъема флага был для нас торжественным и значимым по-настоящему.

Не могу удержаться, чтобы не рассказать о дежурствах, потому что все годы признавалась лучшим дежурным командиром. Похоже, это определило мой жизненный путь, потому что я работаю ответственным хирургом; помимо врачебной помощи, на мне еще все административные вопросы, возникающие в нерабочее время. То есть, по сути, я так и осталась дежурным командиром.

Каждый отряд дежурил три раза за смену. Несколько человек шли помогать в столовую, двое — в приемную начальника лагеря, один человек — в библиотеку, а остальные — на ворота. Сейчас в это трудно поверить, но большая территория лагеря охранялась силами пионеров, о всяких ЧОПах[6] тогда никто не слышал. В хлипкой ограде из рабицы было четыре официальных входа, то бишь ворот, и множество неофициальных дыр, которыми дети, впрочем, пользовались крайне редко. «Закон территории» вдалбливался в наши головы намертво, и основная функция дежурных по воротам была не предотвращать побеги, а, наоборот, не пускать родителей. В специальных будочках дежурили по двое пионеров; если на горизонте появлялся соскучившийся родитель, один страж оставался на посту, а второй шел за ребенком.

В мои обязанности входило контролировать работу всех подразделений, делать обход и предлагать кандидатуры лучших дежурных, которым можно доверить подъем флага. Именно тогда я услышала от вожатой золотую фразу: «Ты должна организовать, а не заставить», — и до сих пор руководствуюсь ею в своей работе.

Мы все время были чем-то заняты, при этом не теряя чувства свободы. Строем ходили только немножко утром и немножко

вечером, а так никто не чувствовал давления и принуждения.

Вечерами собирались на отрядном месте. Каждому отряду возле корпуса выделяли такой специальный прямоугольничек земли с лавками по периметру, который дети должны были украсить по своему вкусу. В ход шли шишки, камешки, иногда цветы, в общем — любой материал, из которого можно было бы выложить на земле картинку: номер отряда и романтический символ высокой мечты и надежды.

Естественно, в каждом отряде находились гитаристы, как без них. В младших отрядах это был вожатый, а в старших обычно какой-нибудь одухотворенный пионер в вязаном свитере и прыщах, обещающий с годами превратиться в полноценного хиппи.

Бархатными августовскими вечерами мы сидели на отрядном месте и пели под гитару всякие песни типа «Солнышко лесное» и прочее. Если чувства нас особенно сильно распирали или шел дождь и мы проводили вечер в помещении, собирался «орлятский круг» — то же пение, только стоя в кругу, обнимая друг друга за плечи и покачиваясь.

Слава богу, благодаря этой прививке, вовремя сделанной в детстве, я никогда не относилась всерьез к засахаренной романтике и сразу полюбила Ленинградский рок-клуб.

В первый же год своей лагерной жизни я поняла, что нравлюсь мальчику из нашего отряда. Говорят, женщины чувствуют мужской интерес, и действительно, это так, особенно когда они юны и душа еще не отравлена самообманом и отчаянием.

Я успела поймать взгляд крепкого темноволосого парнишки прежде, чем он поспешно отвернулся, и именно эта поспешность смутила меня, но я решила, что мне просто померещилось. И стала осторожно наблюдать.

Его волнистые волосы с рыжеватым отливом, круглые глаза и нос брусочком произвели на меня сильное впечатление, так что я едва успела отвести взгляд, чтобы он не заметил моего интереса.

Но, думаю, он все-таки заметил…

Чувство было странное, будто на секунду оказываешься канатоходцем без всякой страховки, и только успеваешь испугаться падения, как ты уже снова на земле.

Я сомневалась, но у меня ведь были подружки, докладывающие, что этот мальчик «тааак на тебя смоооотриииит!!!!». Надеюсь, парнишка не удостоился такой же любезности от своих друзей, все же мужской ум занят более важными вещами, чем регистрация чужих сердечных симпатий на этапе их зарождения.

В общем, я понравилась мальчику, он понравился мне. Он знал, что я знаю, что ему нравлюсь, я знала, что он знает, что тоже нравится мне, и для нас этого было вполне достаточно. Суровые законы света, принятые в детском обществе тех лет, не позволяли нам открыто заявить о своих чувствах и тем более дружить. Мы были еще слишком малы для поцелуев и, наверное, с присущим всем детям здравомыслием понимали, что наши странные и непонятные ощущения не выдержат дружбы.

Как-то он дежурил на воротах, я пришла с обходом и застала его на посту одного, напарник отправился разыскивать ребенка, чья мать стояла за оградой с многообещающим пакетом. Я предложила посидеть, пока второй номер не вернется, и между нами возникло такое чудовищное напряжение, что я за три секунды нарисовала веткой на земле целую картину.

Мы так и не смогли сказать друг другу ни слова.

На следующий год мы снова увиделись, и чувства, совершенно забытые в круговерти школьных дел, вернулись. Мы стали на год старше, и нас еще не пускали на вожделенные дискотеки, но вожатые устраивали нам отдельные танцы и зачем-то включали медляки, хотя танец мальчика и девочки считался одинаково позорным — и для него, и для нее. Девочки танцевали между собой, а я этого не любила и просто сидела на скамеечке. Мальчик подошел ко мне и сказал, что хотел бы меня пригласить.

Но не пригласил, и я отнеслась к этому с пониманием.

Наверное, мы инстинктивно хотели продлить волшебство, побыть еще в иллюзиях, что первая любовь действительно творит чудеса.

Мы были слишком юны, чтобы бояться разочарования, но детские сказки еще не хотели нас отпускать.

Смена кончилась, и мы разъехались по домам счастливые.

Прошел еще год, мы подросли, и, отправляясь в лагерь, я думала о том, что в этот раз у нас что-то может получиться.

Но в судьбе моей произошли существенные перемены. В отличие от лагеря, в школе я мало занималась общественной работой. У меня есть одна неудобная черта характера: я могу что-то делать, если вижу в этом смысл. Если смысла я не вижу, то всячески отлыниваю. Но тут то ли в пионерской организации страны что-то всколыхнулось, то ли шлея под хвост попала кому-то в нашей дружине, не знаю, в общем, Родине понадобились барабанщики. Нам с подружкой нечем было отбояриться, никакой общественной нагрузки мы не несли, так и получилось, что целый учебный год мы ходили на занятия во Дворец пионеров.

Не могу не сказать несколько слов про нашего педагога, потому что это был лучший наставник, когда-либо встречавшийся

в моей жизни. Во всяком случае, ему удалось сделать из меня — человека с полным отсутствием музыкального слуха — вполне приличного ударника.

Невероятно энергичный дед Семен Давидович обучал нас с такой страстью, что мы (страдальцы, насильственно засунутые в секцию, никогда в жизни не имевшие ни малейшего желания играть на барабане, и вообще циники) радостно бежали на его занятия.

Семен Давидович был фронтовик, прошел всю войну и только после демобилизации, уже будучи взрослым человеком, поступил в музыкальное училище. Начинать карьеру пианиста или скрипача было уже поздно, пришлось ему стать флейтистом. Он играл в оркестре, а выйдя на пенсию, занялся обучением пионеров, сначала горнистов, а потом и барабанщиков. В нашей группе горнистов не было, и я так ни разу в жизни и не видела человека, способного извлечь из пионерского горна мало-мальски мелодичный звук.

Если мы хорошо себя вели, он рассказывал нам разные истории про композиторов.

В результате мы с подружкой стали лучшими барабанщицами в районе и были нарасхват на всяких торжественных заседаниях. Общественная жизнь наша стала неожиданно бурной, мы теперь были вхожи в такие сферы, о которых раньше не мечтали (да и вообще не особенно туда хотели). Так я поняла, что очень важно иметь в руках специальность. Если ты умеешь то, чего другие не могут, ты всегда нужен.

К сожалению, карьерный взлет губительно сказался на личной жизни. Когда я поехала в лагерь, во время распределения по отрядам выяснили о моем навыке игры на барабане и сразу запихнули ценный кадр в первый отряд. Помимо возрастных, у нас было два тематических отряда, «театральный» и «ритуальный», который занимался не похоронами, как можно бы заключить из названия, а проведением всяких торжественных мероприятий. В общем, я оказалась в первом отряде, а мой мальчик — в пятом. Это было все! Конец!

Я — среди лагерной элиты, а он — малышня. Конечно, никакая любовь не смогла бы этого выдержать.

Мы сталкивались иногда, и, стоя со своим верным барабаном возле трибуны, я чувствовала его взгляд, но читала в нем уже не любовь, а досаду и горечь. Он считал меня предательницей, и я немножко ощущала себя таковой.

Наверное, нужно было молчать о своих талантах…

Иногда мне хочется помечтать о том, что могло бы быть, но я сразу обрываю себя. Хорошо, что в душе осталось это

предрассветное чувство ожидания чуда.

Может быть, это была еще не первая любовь, а первая мечта о любви, и интерес мальчика существовал только в моем воображении, а подружки дразнили меня, не знаю. Такое возможно. Просто остались в памяти светлые дни юности, как прозрачные капли янтарной смолы на сосновой коре.

Максим Лаврентьев

Максим Лаврентьев родился и вырос в Москве, с детства учился музыке. В юности избрал своей стезей словесность, чтобы не копировать судьбу отца-дирижера. В середине девяностых поступил в Литературный институт, куда был принят, не добрав на экзаменах одного балла, с формулировкой «за стихи». Параллельно, для заработка, разгружал запчасти в автосервисе, откуда ушел спустя почти десятилетие, чтобы трудиться редактором в различных литературных изданиях. С тех пор много пишет и несколько меньше публикует. Прозой начал заниматься лишь к сорока годам, преодолев критический для поэта возраст — тридцать семь лет.

Полуночный человек

«Ну что, не передумал?» — воткнув лопату в землю, спросил меня тесть, когда я в одних трусах вышел на дачную террасу, жмурясь от утреннего сентябрьского солнца.

Ах, кого в двадцать четыре года прельстит перспектива израсходовать второй выходной, выкапывая картошку в обществе вечно хмурого прораба! За год семейной жизни успел я вдосталь насмотреться на родителей тогдашней моей супруги, поэтому просто обязан был куда-нибудь улизнуть, чтобы провести хотя бы полдня за городом, где так редко оказывался, в одиночестве, не раздражаясь трескотней тещи-бухгалтерши, этого неугомонного колобка.

Скорчив неопределенную гримасу, я сошел по ступенькам, умылся над прикрепленным сбоку к террасе металлическим рукомойником и вернулся в дом завтракать и собираться.

Зайдя в комнату, чмокнул спящую Машу в розовую, пахнущую молоком и — с недавних пор это стало бросаться в глаза, — округлую щеку. Бесшумно оделся. Выпил чаю на веранде, съел пару бутербродов. Теща, недовольная моим уходом, привычкой рядиться в цветастые индийские шмотки и тем, что литературе и музыке я, грузчик с автостанции, отдавал явное предпочтение перед той формой растительной жизни, которую в незапамятные времена приняло существование ее супруга, была подчеркнуто холодна и, против обыкновения, немногословна.

— Машулик спит?

— Да.

— Вернешься к обеду?

— Не знаю, Галина Михайловна. Вряд ли.

Но вот чай допит, ноги обуты в кеды, старый двухколесный «Орленок» выведен из сарая. В путь!

На станции «Жаворонки» я вкатил велосипед в тамбур электрички и через полчаса выкатил в Звенигороде. На вокзале, а не в городе. Город, о чем именно тогда мне и стало известно, раскинулся на противоположном берегу Москвы-реки.

Покуда в нерешительности я кружил по привокзальному плацу, народ, прибывший вместе со мной в электричке, расселся по автобусам, а те разъехались на все четыре стороны. Последний, замешкавшийся, автобус повернул от вокзала влево. Рванув за ним, я увидел впереди мост и город вдали. Но автобус опять повернул влево. Здесь, на втором повороте, я остановился и посмотрел вслед уносившемуся дребезжащему «ЛИАЗу».

Целью моей поездки было отыскать в окрестностях

Звенигорода детский лагерь, куда меня возили в шести-семилетнем возрасте.

Безнадежная затея? Ну, не совсем.

Смутно мне помнилась на подъезде к лагерю лесная дорога, по которой автобус двигался необычным образом — то скатываясь, то медленно, с ревом, поднимаясь. Вспоминался вид на город с возвышенности, откуда-то слева, из-за узкой, блестевшей на солнце реки.

Чтобы оказаться левее Звенигорода, следовало теперь повернуть за автобусом.

Скоро стало ясно, что память не подвела: дорога нырнула в лес и там побежала, словно по волнам, вверх-вниз, вверх-вниз. На спусках я разгонялся как мог, но скорости все равно не хватало — до следующего переката приходилось подниматься пешком, с каждым разом все выше, слезая с велосипеда и толкая его перед собой.

После пары развилок, причем я неизменно держался правой стороны, как более близкой к невидимой за лесом реке, минут через двадцать в конце лесной дороги открылся просвет. Это придало сил. Взята еще одна высота, и с открытой площадки я уже гляжу на церковные купола и крыши Звенигорода. Они там, где следовало им быть, — справа за рекой.

А вот и мой детский лагерь. Ворота в него оказались приоткрытыми.

Вальяжный охранник, вышедший навстречу из административного корпуса, без удивления выслушал меня и пропустил на подконтрольную территорию, попросив только ничего не трогать и не слишком задерживаться. Я обещал.

Дети недавно разъехались, о чем свидетельствовали разбросанные там и сям под деревьями полусдувшиеся воздушные шарики — остаток какого-то финального торжества. Охранник сказал, что этот год для лагеря в его прежнем качестве — последний: здесь решено поселить каких-то беженцев.

Оставив у ворот велик, пешком отправился я бродить по знакомым аллеям. Без труда отыскал столовую, стадион, бассейн. Охваченный воспоминаниями, присел на небольшой холм, в детстве казавшийся значительным. Про него говорили, что это братская могила французских солдат. Не совсем так. Французы в Звенигороде и его окрестностях действительно побывали в 1812 году — грабили церкви, разоряли кладбища. Саввино-Сторожевский монастырь им, правда, обчистить не удалось: по преданию, французскому полководцу Евгению Богарне, остановившемуся на ночь в обители, во сне явился преподобный Савва и запретил что-либо там трогать. Но на земли вне

монастырских стен запрет не распространялся, поэтому мародеры смело принялись копать. Не оставили они без внимания и древние финно-угорские курганы, многочисленные в этом краю, — на одном из них я теперь сидел, прислонившись спиной к здоровенному дубу.

И не заметил, как задремал в тени.

Проснулся, когда солнце начало светить в лицо. Сколько же я проспал? Полчаса? Час? На запястьях моих вместо часов болтались лишь плетеные «феньки». Охранник, вероятно, ищет или скоро начнет искать меня. Пора было возвращаться. Но еще оставался одноэтажный спальный корпус, последний не посещенный мною объект. А, вот он!

Не без дрожи заглянул я с улицы в окно темной залы, где мы, дети, ночевали все вместе, едва разделенные по гендерному принципу: между кроватями мальчиков и девочек был устроен проход.

Те же кровати, только без постелей и матрацев, стояли в прежнем положении.

В дальнем углу когда-то спала Ира, я вспомнил ее уже совершенно отчетливо. В эту девочку высоченного, как мне тогда казалось, роста я влюбился до такой степени, что день за днем, оказываясь на расстоянии вытянутой руки от нее, замирал в благоговейном оцепенении. Однако ночь, изменяющая видимый мир, преображала меня: дождавшись полуночи, я тихо вставал и, перейдя воображаемую «красную линию», оказывался на девичьей половине рядом с Ириной кроватью. Дальше происходило вот что: нерешительный прилюдно, я вдруг обретал удивительную смелость (даже наглость) и, опустившись на колени, совсем по-взрослому целовал девичью щеку. Подозреваю, что Ира не спала, а подобно царским невестам лишь притворялась спящей.

Но стоило взойти солнцу, как мы вновь превращались в шестилетних детей. В моем случае все еще усугублялось проклятым энурезом[7]. Уснув, я почти каждую ночь видел во сне унитаз, призывно белевший… Утром воспитательница выдавала новое белье и, пока я перестилал постель, отпускала в мой адрес малоприятные замечания. А поскольку мальчики и девочки спали в общей зале, позор мой был очевиден каждому.

Так продолжалось до тех пор, пока однажды вечером в проходе между кроватями не выстроилась очередь за водой. Воспитательница, как обычно, притащила полный бидон. В очередь жаждущих встал и я со своей маленькой чашкой, причем, случайно или намеренно, оказался за Ирой. Оцепенение уже начало охватывать меня, когда она, обернувшись, сказала:

— Максим, а разве тебе можно пить воду на ночь?

Я ничего не ответил.

Первая любовь упала с небесной высоты и разбилась вдребезги.

В полном отчаянии подставил я чашку под половник, отошел к окну, медленно выпил воду, наблюдая за причудливой игрой теней в вечернем воздухе, приложился горячим лбом к оконному стеклу и неожиданно для самого себя, прямой, холодный, как сталь, снова встал в очередь.

Стоит ли говорить, что на следующее утро проснулся я в тропическом океане.

…По мере того как я вглядывался, словно в аквариум, в залу за стеклом, все более четко, до голосов и лиц, проступала передо мной эта картина.

Внезапно я увидел, что смотрю прямо в глаза своему темному отражению, в необъяснимом испуге отшатнулся от окна, и тогда тот, другой, стремительно отступил в глубину залы.

От резкого движения хрустнул под ногой растрескавшийся от времени бетонный цоколь; я потерял равновесие и, чтобы не упасть, резко наклонился вперед, несильно ударившись лбом о прозрачную перегородку.

Полуночный человек прыгнул.

Татьяна Корсакова

Татьяна Корсакова по профессии медик. После окончания медицинского университета работала участковым терапевтом, врачом военно-призывной комиссии… И ныне, несмотря на успех ее книг на рынке любовно-мистических романов, Татьяна продолжает врачебную деятельность, а еще умудряется воспитывать двоих сыновей.

Все счастливые семьи…

Большой город встретил пылью и изнуряющей жарой, но мне, семнадцатилетней и необстрелянной, хотелось думать, что это радушные объятия. А еще хотелось пить, к маме и снять наконец босоножки на высоком каблуке. Каблуки были вызовом. Покорять большой город нужно непременно на высоких каблуках. Ну, мне тогда так казалось. До тех пор, пока на помощь здравому смыслу не пришла боль в стертых до крови ногах. Но, увы, было уже поздно.

Большой город не спешил покоряться, прятал от нахальной провинциалки нужные остановки и троллейбусные маршруты, водил кругами, как водит леший несчастных, заблудившихся в непролазной чаще. А потом наконец вытолкнул к закованному в гранитную броню семиэтажному зданию. Наверное, решил окончательно задавить масштабом и монументальностью.

Ему почти удалось, в здание медицинского института, больше похожее на готовящуюся к штурму цитадель, чем на учебное заведение, войти летящей походкой уже не получилось. Каблуки, будь они неладны…

Зато внутри было хорошо: тихо, гулко и прохладно. Дело оставалось за малым, найти кабинет приемной комиссии. Нашла по гулу голосов и особенной, тревожно-радостной вибрации застоявшегося воздуха. Рванула вперед, позабыв про боль в ногах. Разве можно думать о таких мелочах, когда вот она — цель всей твоей жизни!

Цель оказалась весьма востребованной. Узкий коридор был заполнен абитуриентами. Конкуренты, подумала я с тоской и невесть откуда взявшимся страхом. Очень много конкурентов…

Они были разные. Растерянные, приехавшие из дальних городов и совсем уж дальних весей, но бодрящиеся, посматривающие на остальных исподлобья, улыбающиеся одновременно дерзко и неуверенно, ищущие глазами родителей. Это те, которые вовремя поняли, что с родителями в большом городе проще и спокойнее, которые услышали увещевания мам. Были такие, как я, очень некстати решившие, что уже достаточно взрослые, чтобы покорять будущее самостоятельно. Эти сбивались в стайки. Такие вот провинциальные пташки, безошибочно угадывающие в соседках родственную душу.

А были дети большого города — не приемыши, а законнорожденные. Этих было меньше, но все равно казалось, что больше. Они знали город как свои пять пальцев и закованное в гранит здание считали своим по праву рождения. Для того чтобы

чувствовать себя в нем хорошо, им не нужно было сбиваться в стайки. И родительская поддержка тоже была не особо нужна. Во всяком случае, мне тогда так казалось.

Он не понравился мне с первого взгляда. Бывает такая вот острая, практически классовая неприязнь. Он стоял напротив, прислонившись спиной к стене, в позе непростительно расслабленной для такого серьезного места. И одет был непростительно — в вытертые джинсы и черную майку с надписью «Egoist». От него еще и пахло до безобразия вкусно, по-взрослому. Он и был взрослым, как минимум на пару лет старше меня. Бывалым, судя по взгляду. Мысленно я прозвала его эгоистом, из-за майки и взгляда. Кстати, на меня он даже не взглянул…

На вступительные экзамены я приехала уже с папой. Плюнула на взрослость и самостоятельность, усвоила полученный урок. С группой поддержки всегда легче. И обувь надела удобную, а под пятку сунула серебряный царский полтинник — на удачу.

Отцовская поддержка и царский полтинник помогли, самый главный в той своей юной жизни экзамен я сдала. А на выходе из аудитории снова столкнулась с эгоистом, и он снова на меня не посмотрел.

О том, что эгоист тоже поступил, я узнала в сентябре на вводных лекциях. Он как-то удивительно быстро влился в струю, он знал всех, с ним здоровались даже второкурсники! Вот что значит родной ребенок большого города, все-то двери перед ним открыты, везде-то он свой! И взгляд этот, и волосы до плеч. А еще косуха и остроносые ковбойские сапоги. Разве позволительно будущему врачу такое безобразие?..

На группы нас разбили ближе к октябрю и сразу же отправили в библиотеку за учебниками. Надо ли говорить, что эгоист уже был там? Он раскачивался на стуле и на будущих одногруппников поглядывал с ленивым интересом. А на меня снова не посмотрел! И учебник, самый дефицитный по биологической физике, ему был не нужен!

— Можешь взять себе, — сказал и улыбнулся снисходительно. — У меня все есть.

Гордость кричала: «Не бери у этого выскочки ничего! Обойдемся!» Но здравый смысл взял верх, учебник и в самом деле был дефицитный, выдавали их всего несколько на группу, поэтому на горло гордости я наступила и даже улыбнулась эгоисту.

При ближайшем изучении он оказался нормальным, не таким, каким виделся. Бывалый, потому что и в самом деле бывалый, отучившийся в медицинском училище, поработавший

на «Скорой». Знакомый со всеми, потому что не родной ребенок большого города, а такой же, как я, — усыновленный, но живущий в самой разухабистой, самой популярной общаге. А к косухе и остроносым сапогам я как-то быстро привыкла. Впрочем, скоро стало не до анализа, учеба накрыла с головой. По крайней мере, меня. Учеба и неожиданно народившийся роман с бывшим одноклассником. Приходилось разрываться между двумя городами, между зубрежкой латыни и любовными терзаниями.

Год пролетел незаметно. Я адаптировалась, перестала бояться большого города, завела друзей. Жизнь била ключом, обещала много всего интересного, обещала финальную студенческую вечеринку. Ее ждали многие, к ней готовились загодя. Я не готовилась, я рвалась в родной город, ибо там меня ждала любовь, романти́к и драматизм.

Эгоист нашел меня на перроне, в привычной своей равнодушно-снисходительной манере сказал:

— Куда это ты собралась? Оставайся, будет весело.

А у меня ведь любовь, романти́к и драматизм, все чаще перетекающий в трагизм! Как же можно такое отменить?!

Отменила. Всего на одну ночь, в виде исключения. Ведь на финальных вечеринках мне бывать еще не доводилось.

Вечеринка оказалась по-студенчески предсказуемой. За неимением денег на ночные клубы или способной вместить всех желающих жилплощади, дорвавшаяся наконец до воли орда отправилась на природу, в пампасы. В пампасах было хорошо: река, сосновый бор, шашлыки, песни под гитару, комары.

Комары все испортили. А еще — чувство вины, что любовь, романти́к и драматизм были отринуты в угоду сиюминутным развлечениям. Захотелось домой. Или хотя бы обратно на вокзал к первой утренней электричке. Немедленно захотелось.

Мы лежали на пледе, макушка к макушке, смотрели на звездное небо. Я страдала, он просто молчал. А потом сказал:

— Ладно, пошли!

— Куда?

— На вокзал.

И мы пошли, оставляя позади себя затухающие костры и тихий гомон уставших от пампасов однокурсников, к огням большого, никогда не засыпающего города. Он посадил меня на первую электричку, махнул прощально рукой и ушел.

А любовь, романти́к и драматизм как-то не задались. Финальная студенческая вечеринка очаровала не только меня. Тот, к кому я так рвалась, не приехал — не смог, потому что «чертовски много дел». Чертовски много дел — это аргумент, с ним даже можно попытаться смириться. Особенно если тебе

кажется, что потом восторжествует та самая большая и светлая любовь, о которой пишут в книжках.

Я мирилась еще два года. И даже начала привыкать, что большая и светлая любовь всегда далеко, что ждать ее нужно как высочайшей милости. А эгоист всегда был рядом. Друг, боевой товарищ, с которым хоть на лекции, хоть на студенческую вечеринку, хоть на войну. Наверняка у него тоже случались собственные драмы, но в силу характера он о них не рассказывал. Во всяком случае, не мне.

А я привыкла, что рядом всегда есть человек, которому можно довериться, который решит твои неразрешимые проблемы и не будет ждать благодарности, с которым можно просто поговорить.

Проблема случилась на пятом курсе. Мое общежитие было особенным, в студенческих кругах его называли монастырем. Не без оснований, скажу я вам, называли. Оно было образцово-показательным и суперкомфортным во всех отношениях, кроме одного. Парней в его стены не пускали ни по паспортам, ни по студенческим, ни днем, ни — боже упаси! — ночью. Порог его переступал лишь один-единственный мужчина, да и тот был комендантом. Хотя злая молва утверждала, что комендантом он стал уже на излете своей карьеры, а до этого всю жизнь проработал в тюрьме. Судя по казарменным порядкам, которые он установил, молва не врала. И вот мое особенное образцово-показательное общежитие неожиданно закрылось на капремонт, и первого сентября я оказалась на улице.

— Это не проблема, — сказал эгоист, — собирай вещи, ты переезжаешь.

— Куда?

— Ко мне.

Его общага, та самая, популярная и разухабистая, казалась мне рассадником порока, но выбора не оставалось.

С комендантом он как-то договорился, мне выделили временно пустующую комнату, но пообещали соседку. Помню свой первый день на новом месте. Я сидела на скрипучей кровати, смотрела на отклеивающиеся обои и старалась не разреветься. Новые места и новые впечатления — это не мое, я люблю стабильность и предсказуемость, пусть бы даже и в «монастыре». По крайней мере, тогда любила.

Прежде чем войти, он постучался, сел рядом, посмотрел удивленно. К тому времени мне казалось, что жизнь моя катится в тартарары, а он никак не мог понять, как такие мелочи могут вышибить из седла. Он меня даже и не успокаивал, просто ушел, а вернулся с большой тарелкой спагетти с сыром.

— Давай есть.

Это были очень вкусные и очень особенные спагетти, они заглушили душевные терзания и примирили меня с суровой действительностью. Впрочем, действительность оказалась не такой уж и суровой. Как выяснилось, и на Марсе есть жизнь, а рассадник порока не такой уж и рассадник.

Учебный год пролетел незаметно. Надо сказать, это был один из лучших годов в моей студенческой жизни, но осознала я это, лишь когда пришло время разъезжаться по домам. Подумалось вдруг, что на несколько месяцев я останусь одна. То есть совершенно одна, без него.

— А приезжай ко мне в гости! — сказала я тоном одновременно независимым и алчущим. И посмотрела дерзко.

— Хорошо. Когда приехать?

В этом был весь он — без лишних разговоров, без антимоний и драматических вывертов.

Мне хотелось сказать «завтра», но я сказала «через неделю».

Через неделю я стояла на перроне и ждала электричку. Электричка приехала, а он нет… И вот тогда-то я впервые поняла, что такое настоящая любовь, романти́к и драматизм. Как-то в одночасье все поняла — и про себя, и про него.

Всю дорогу с вокзала я боролась со слезами, убеждала себя не расстраиваться и не волноваться. Мне ведь нужно было лишь дойти до телефона и позвонить, тоном выверенно обиженным и выверенно равнодушным поинтересоваться, чего это он не явился.

До телефона я не дошла. Меня перехватили на подступах к дому, обняли сзади за плечи, сказали запыхавшимся голосом:

— Еле тебя догнал. Меня тут на машине подвезли, не успел предупредить.

Хорошо, что к тому времени я уже все про нас поняла, целовать его было не так страшно.

Мы поженились в феврале. Свадьбу гуляли в той самой разухабистой общаге. Свадьба получилась по-студенчески веселая, а семейная жизнь, за ней последовавшая, самой правильной и самой счастливой.

…Большой город встречал нас как блудных, но все еще любимых детей. Красные ковровые дорожки не раскатывал, но приветственно подмигивал светофорами, разгонял вечерний сумрак оранжевым светом фонарей, словно старые семейные фотографии, подсовывал знакомые здания, хвалился обновленными скверами.

— У меня тут дилемма, — сказала я и искоса глянула на мужа.

— Какая? — спросил он, не отрывая взгляда от дороги, но на

всякий случай ободряюще погладив меня по коленке.

— Мне нужно написать рассказ про любовь. Про нашу с тобой любовь, — добавила я многозначительно, а для пущего драматизму вздохнула. — И вот я не знаю, с чего начать.

Все-таки от дороги он отвлекся, посмотрел с усмешкой, а потом сказал:

— Будь оригинальна, начни так: «Все счастливые семьи счастливы одинаково»…

Ирина Горюнова

Ирина Горюнова совмещает в себе непростые функции литературного агента и писателя. Тема любви — одна из центральных тем в ее творчестве. «Первая любовь — это первая попытка жить и существовать в этом мире, первая попытка заявить о себе: порой смелая, а порой — робкая и неуверенная, но искренняя. Может быть, именно поэтому в ней есть та ценность достоверности чувств, которой нам не хватает потом (вспомните Тургенева и его „Первую любовь“). Для писателя вся его жизнь порой — это первая любовь, и только та ипостась, в которой он может и умеет жить. Всё остальное — „от лукавого“, наигранно и фальшиво, тогда как в Первой Любви Он тот, кем является, а не тот, за кого себя выдает…» — говорит Ирина Горюнова.

Не покидай

«Ne me quitte pas…»

Jacques Brel[8]

Если честно, то первая моя любовь была к безделью. Потому что когда к родителям в очередной раз пришли гости и задали типичный для того времени отмазывательный вопрос, чтобы показать степень внимания к чужому ребенку, то я после длительной театральной паузы решительно ответила: «Я решила, что лучше не работать». Хотя до этого в моих мысленных приоритетах появлялось мороженое и космические корабли, балетные пачки и хирургический скальпель. Впрочем, разносторонность интересов сопутствовала мне и дальше. Я сама ставила кукольные спектакли и при этом еще играла в них одну из интересных для меня ролей, зимой часто выходила на прогулку с хоккейной клюшкой, а когда немного подросла, то заявила бабушке, что не могу жить без езды на лошадях, поэтому по выходным мы с ней всенепременно должны вставать еще до рассвета, чтобы пройти полгорода и встать в огромную очередь желающих оседлать четвероногое парнокопытное на Московском ипподроме в районе Беговой улицы.

Лет в пять-шесть от роду я предпочитала «кадрить» взрослых мужчин, и это у меня получалось неплохо. Я мило улыбалась и просила у потенциальных кавалеров номер телефона, обещая, что скоро позвоню и назначу свидание. Телефоны оставляли все, причем номера были правильными (я тщательно проверяла это, и неоднократно, хотя на свидания, увы, не приходила).

В первом классе мальчик Илюша, с которым я сидела за одной партой, сшил мне забавного синего слоника, которого я сохранила на всю жизнь.

А потом я как-то незаметно стала терять квалификацию, с чего-то вдруг начала стесняться, и практически до десятого класса все мои влюбленности были тихими, молчаливыми и безответными.

Восьмой и девятый классы я пострадала по Жене, который был на год старше и совершенно меня не замечал. Тогда как раз на экраны вышел знаменитый французский фильм «Папаши» с Пьером Ришаром и Жераром Депардье в главных ролях, но вот их киношный сынок походил на Женю словно брат-близнец! Я ходила на этот фильм снова и снова, разжигая свое безответное

чувство в безудержное пламя. А возлюбленный изо дня в день проходил в метре или полуметре от меня, отчего лицо мое то становилось бледно-восковым, то полыхало на щеках всеми оттенками зари. Я с жадным любопытством ловила обрывки его ничего не значащих разговоров с одноклассницами, снедаемая лихорадочной и непонятной тоской. В то время я, девочка, ощущала себя неловкой и угловатой серой мышкой, некрасивой, не слишком умной, не блещущей хоть какими-нибудь другими талантами, а потому школу не любила. Но именно она на то время стала центром мироздания, поскольку только там я могла увидеть Его. К счастью или нет, но с врожденной неспособностью к точным наукам мне пришлось перейти в другую школу, поскольку самую сильную математическую школу города Москвы я не тянула совершенно. Оставив позади снобизм, а порой и раздражение учителей и одноклассников, я стала потихоньку терять и накал снедавшего меня безответного чувства. В новой школе оценки на удивление стали расти вверх, и ощущение собственной ничтожности и бессилия потихоньку покидало меня, уступая место простым дружеским отношениям с одноклассниками, смеху и незамысловатым школьным проказам.

После школы я провалила вступительные экзамены в институт, год проработала в школе и, провалив и следующие тоже, устроилась на работу в библиотеку МГУ. Там я встретила ЕГО. Он учился, кажется, на четвертом или пятом курсе мехмата, дружил с моей коллегой по работе Леной и был женат. Жена существовала в каком-то провинциальном городе вроде Ижевска и, судя по всему, вообще существовала номинально. А может, мне просто хотелось в это верить.

Мы каждый день (а то и по нескольку раз) встречались на лестнице, в курилке, но время ожидания всегда тянулось невыносимо долго, и я изнывала, считая минуты до коротких мгновений счастья, когда могла смотреть на него и чувствовать себя глупым и неуклюжим маленьким слоником в посудной лавке. Тогда я совершенно не умела себя вести «как следует», поэтому сутулилась, что-то неловко мямлила в ответ на его шутки и преданно смотрела в его глаза.

Как-то раз вечером после работы я ухитрилась зазвать Ленку и ЕГО к себе в гости. Мы сидели, болтали, пили чай, какое-то вино, а потом по очереди танцевали с единственным кавалером под романтичные песни Джо Дассена. Когда ОН пригласил меня на танец, подруга вышла из комнаты, оставив нас вдвоем. Внезапно ОН наклонился ко мне и нежно поцеловал в губы, вернее, только коснулся моих губ своими, но в тот момент весь мир моей неокрепшей еще психики перевернулся с ног на голову.

Но после этого все стало стремительно рушиться в никуда. ОН доказывал мне, что не имеет права так со мной поступать, пользоваться моей наивной доверчивостью и портить жизнь. Мрачно-серое слякотное марево склизкой зимы заполонило меня изнутри практически полностью. Я скользила по нему без малейшей надежды на просветы голубого неба, без ожидания на проблески солнца и грядущую весну. И постоянно зябла, а в ноздри забивался лишь один запах прелой листвы, запах тлена и смерти.

Может быть, поэтому Лена как-то раз и предложила мне устроить очередную вечеринку, на этот раз с ее, Ленкиным мужем и его другом. Я согласилась, потому что хотелось хоть как-то заполнить ту невыносимую и мерзкую пустоту безнадежности, которая стала моей спутницей в те зимние месяцы. Но… случилось неожиданное. Милый друг мужа по имени Сергей тут же влюбился в меня по уши, да только вот его объятия ощущались какими-то душными, мягко-колючими (от его шерстяного свитера) и абсолютно невыносимыми. Но Ленкин муж… нет-нет, это было каким-то злым и нелепым наваждением, но все же… его звали так же, как и моего возлюбленного, он так же двигался в танце, обнимал и словно так же искушал меня… Я противилась этому, как могла, но меня так тянуло погрузиться в сладость этой несовершенной и легковесной иллюзии, что сопротивляться с каждым днем становилось все сложнее и сложнее. Я уже готова была сдать бастион и очертя голову броситься в омут жиденького заменителя настоящей любви, чтобы хоть так заглушить то безотрадное существование, из которого пыталась вырваться, но… тут опять вмешалась судьба, или донжуанский характер моего нового поклонника.

Практически накануне сдачи «девственной крепости» мне позвонила мама и со смехом рассказала о том, что дочкин кавалер зачем-то напросился к ней в гости. Я тогда жила у бабушки, а мама решила, что тот собрался просить моих руки и сердца. Каково же было удивление нас обеих, когда ловелас сделал предложение маме! Может, посчитал ее более легкой, доступной и безопасной для намеченного брака добычей, может, и впрямь влюбился без удержу и решил пойти «ва-банк». Но, по крайней мере, новый донжуан был вовремя обезврежен. На маму я не обиделась, потому что для меня и так эта недотыкомка и серая бестия представляла собой лишь картонную куклу, условный абсорбент, дешевый заменитель настоящего, единственно нужного мне лекарства. Замещение оказалось невозможным, трюк не сработал, подмена выглядела пшиком, сублимация не удалась.

Единственное, о чем впоследствии я сильно жалела, так это о своем некрасивом и лживом поступке по отношению к Ленке. Ведь я представила все так, словно моя крепость все же пала под натиском подружкиного мужа. Конечно, это вполне могло случиться, и даже, скорее всего, случилось бы, если б не стечение обстоятельств. Но кроме всего я настолько ревновала ЕГО к Лене, что мне хотелось причинить подруге боль, как можно более сильную и рвущую на части. Чтобы хоть так самоутвердиться и восторжествовать над ней, отнять если не одного, так другого. Отомстить — не важно за что.

Через несколько дней я уволилась с работы, поскольку просто не могла встречаться с Леной взглядами, сидеть за соседним столом и видеть ее несчастное лицо. И понимала, что теперь у меня уже точно нет шансов, чтобы что-то могло измениться и сложиться с НИМ.

На память мне остались только мимолетный поцелуй, перевернувший мой мир, самый волшебный в жизни танец, песня Джо Дассена «Ne me quitte pas», где он заклинает возлюбленную не покидать его, и первое пронзительное до боли и до бездны безумия чувство.

Дмитрий Бирман

«Мне папа вместо колыбельной читал Дюма, читал Гюго. Тогда работал он в котельной, что, в общем-то, немудрено. „Червонец“ отсидев в Гулаге, он был читателем большим, хотя не доверял бумаге, но книги очень полюбил. Увы, давно уж нету папы, а я пишу всё и пишу — гоню я мысли по этапу и их помиловать прошу!» — смеется Дмитрий Бирман, депутат Государственной думы Нижнего Новгорода и писатель, уже привлекший к себе внимание широкой общественности.

Запах свободы

Я влюбился сразу и навсегда. Она была на год старше, училась в десятом классе, и за то, чтобы носить ее портфель, сражались самые крутые пацаны нашей школы.

Каждое утро я прибегал в «храм знаний» примерно за час до начала уроков, прятался в нишу недалеко от входной двери и ждал.

Вокруг суетилась малышня, носились пятиклассники, входили серьезные и деловые старшеклассники, но я не видел ни их, ни моих одноклассников, которые, посмеиваясь, хлопали меня по плечу.

Я ждал.

Она появлялась в белом сверкающем облаке, оно светилось и… пахло.

Это был запах чуда…

Чудо звали Инной.

Для меня Инна была необыкновенным чудом, в отличие от названия только что вышедшего тогда на телевизионные экраны фильма Марка Захарова.

Она проплывала мимо, как героиня Евгении Симоновой, — воздушная, беззащитная и… недоступная.

Мне казалось, что я сплю, потому что только во сне можно увидеть такое совершенное создание, которое манит своей недосягаемостью и дает тебе шанс совершить невозможное.

Взлететь, вырваться за собственные пределы… и проснуться с улыбкой надежды.

Увы, в моей яви Инну сопровождали Саня Табаков, Серега Котов и Гриша Фурман.

Табак — высокий голубоглазый блондин — был кандидатом в мастера спорта по боксу.

Кот — невысокий, крепкий, кудрявый — жал от мускулистой груди штангу с таким весом, что даже наш физрук, глядя на него, судорожно подтягивал живот и чесал свою лысину.

А Фурман! Субтильный и тихий, он просто брал в руки гитару. И все…

Девчонки тянулись к нему, как мой трехлетний брат к сгущенному молоку!

Ее запах преследовал меня. Однажды, в трамвае, от женщины,

которая попросила меня передать деньги на билет, пахло так же, как от моей Мечты.

Мы с ней вышли на одной остановке, и я вызвался помочь ей донести до дома тяжелую сумку.

Я шел, глубоко вдыхая пьянящий аромат, а растроганная тетя то и дело спрашивала меня:

— Тебе не тяжело, деточка? Ты не устал?

Как? Как и, главное, чем я мог заинтересовать ее?

Я, среднестатистический ученик, не отличник, не спортсмен!

Я, худой как шланг, с выпирающими ключицами и носом, за который меня прозвали Шнобель!

Я, прятавший под стельки в ботинках пятьдесят копеек (мама каждое утро давала мне деньги на питание в школе), чтобы те же Табак или Кот не нашли их, когда будут обыскивать в поисках дани!

Я, донашивающий зимой затертое пальто двоюродного брата, которое тот носил после своего старшего брата!

В общем, однажды меня осенило! Я должен сразить ее наповал тем, как буду одет и главное — как буду пахнуть!

С одеждой решилось само собой. Старинный папин друг, дядя Веня, привез мне в подарок из командировки на Кубу (о, как же тогда это было круто!) удивительно модные вельветовые брюки — последний западный шик. Широкие темно-синие и желтые полоски ткани чередовались, создавая атмосферу солнца и океана. Я тут же примерил их и упросил маму немедленно подшить по моему росту.

Теперь осталось придумать, чем я буду пахнуть.

Выбор был не очень большим. Одеколоны «Тройной» и «Шипр» я отмел сразу, а «Саша» мне был не по карману. Собственно, выбирать больше было не из чего. Еще немного помучившись, я уговорил папу позвонить дяде Вене и спросить, нет ли у него какого-нибудь волшебного запаха.

В результате я стал обладателем крошечной пробирочки, которую мне с улыбкой вручил дядя Веня, сказав, что пробирочка эта называется «пробник», а в ней — самый модный кубинский запах.

Я летел домой на крыльях любви (которая теперь-то уж наверняка станет взаимной), зажав в кулаке волшебный эликсир счастья.

Мой триумф был назначен на двадцатое мая.

Ранним солнечным утром я принял душ, впервые побрился папиным станком с бритвой «Нева», надел бесконечно модные вельветовые брюки в сине-желтую полоску, белую рубашку навыпуск, папины белые парусиновые туфли (на два размера больше моего), полил из пробирочки расчесанные на идеальный пробор волосы дурманящим запахом «острова Свободы» и двинулся в школу уверенным шагом победителя, с гордо поднятой головой.

Надо сказать, что в нашем микрорайоне, располагавшемся на окраине города, люди не очень привыкли видеть с утра экзотических персонажей, вышагивающих в самой модной одежде и пахнущих самым модным запахом.

Сначала я относил их удивленные взгляды к тому, что они были поражены тем, как же я все-таки красив. Потом, когда шедшая мимо бабушка сплюнула и перекрестилась, насторожился.

О, как я запомнил двадцатое мая, конец учебного года в девятом классе!

В тот день дежурной по школе была завуч по воспитательной работе Агнесса Николаевна Бельдюкова, которая первой увидела меня, когда я взлетел на школьное крыльцо и уверенно распахнул входную дверь.

Она схватила меня за руку, быстро зажала в углу входного холла (в том самом, из которого я обычно любовался Инной) и злобно прошипела:

— Ты что в пижаме в храм знаний приперся?! Совсем с ума сошел?!

Здесь надо сказать вот о чем. Я, конечно, представлял, что такое пижама, но у меня ее никогда не было, а спал я, как все нормальные люди нашего микрорайона, в трусах и в майке.

— Агнесса Николаевна… я… дядя Веня… Куба… — выдавливал я из себя в полном ступоре.

— Да ты еще и накурился с утра! Дышать нечем! — вдруг взвилась Агнесса Николаевна, выпучив глаза и сразу превратившись в Жабу (так мы называли ее между собой). — Вон из школы! Чтобы вечером с родителями пришел!

Откуда же… ну, откуда я мог знать, что запах «острова Свободы» — это запах моря, солнца и… сигар…

Прошло два раза по столько лет, сколько мне было тогда.

Я побывал во многих странах, покупал одежду в дорогих бутиках, а на полочке в ванной комнате у меня стоит неплохая

коллекция мужских ароматов.

Инна, моя любовь (к счастью, не видевшая моего позора), уехала в Москву и поступила там в институт, навсегда исчезнув и из нашего микрорайона, и из моей жизни.

Река времени все унесла, выровняла и стерла.

Иногда я включаю компьютер, набираю в интернет-поисковике: «Марк Захаров „Обыкновенное чудо“» — и погружаюсь в воспоминания.

Потом достаю коробку с сигарами, открываю ее и, закрыв глаза, жадно вдыхаю «запах Свободы».

Ольга Покровская

Ольга Покровская — очень красивая женщина и успешная актриса, сменившая театральную карьеру на писательский труд. В настоящее время живет в Стамбуле, работает над книгами и сценариями. Умеет проживать десятки жизней, поэтому созданные ею образы так достоверны и трогательны.

Часы

«Между нами всегда годы, всегда любовь, всегда часы».

— Аллах акбар, Аааааллаах акбар, — доносится из самого высокого минарета Голубой Мечети сильный, высокий, совершенный голос.

В Стамбуле наступает час полуденного намаза[9]. Время застывает, словно наткнувшись на острие турецкой сабли. Вся площадь Нуросмание наполняется звенящей, тугой тишиной.

— Ашхаду Ана Моххамед Ан расулух Аллах, — по-арабски выводит муэдзин где-то под сводами Султан-Ахмеда. Тут же молитву подхватывают другие мечети, и вот уже отовсюду льется эхо намаза, и душа замирает, потрясенная древней гармонией и чистотой этого звука…

С самого детства я любила поразмыслить над тем, почему время не линейно, почему бывает такое, что одна секунда словно растягивается, замирает в сознании и остается в памяти отчетливее и ярче, чем несколько, казалось бы, таких насыщенных лет? Почему мы забываем лица, имена, иногда — целые жизненные отрезки, но случайно донесшийся до нас запах или мелодия способны извлечь из нашего подсознания целый вихрь воспоминаний — событий, диалогов, чувств, картин и красок.

И однажды, в тот самый момент, когда все вокруг наполнено величественным молчанием, вдруг слышишь отзвук когда-то любимого голоса.

Он, словно мираж, затуманивает сознание и мгновенно переносит тебя на пятнадцать лет назад.

Вот еще секундой ранее ты — российская писательница, автор повестей, романов и рассказов. Героиня твоей последней книги, романа «Останься со мной», известная во всем мире певица, биография которой окутана тайной.

Никому не известно, что на самом деле эта загадочная женщина с манящими и такими печальными глазами — агент российских спецслужб, и в Стамбул с гастролями она прибыла не случайно, а по заданию, в результате которого круто изменится ее судьба. Ты, как и твоя героиня, последние месяцы живешь в Стамбуле, вечном городе, где так причудливо переплелись Европа и Азия, в этой разноголосой, пряной, по-восточному яркой сутолоке, где каждому страннику найдется свое место.

В этот раз ты приехала сюда для работы над совместным

российско-турецким проектом. Тебя пригласили в качестве сценариста будущего остросюжетного фильма: твоя история, твои герои, твоя недавняя опасная любовь — все то, что требует немедленного воплощения на экране.

Турецкие коллеги поглядывают на тебя с уважением и некоторым заискиванием, все они очень заинтересованы в том, чтобы фильм состоялся. Они знают, что ты из России, а значит, для них ты являешься представителем великого и могучего российского кинематографа, профессионалом, у которого им еще учиться и учиться.

А ты, в свою очередь, в свободное от работы над сценарием время гуляешь по Стамбулу-Константинополю, заряжаешься его атмосферой, живешь им, дышишь. Подставляешь лицо морскому ветру, прилетающему с Босфора. Стараешься навсегда законсервировать в памяти величественные своды Софийского собора. И совсем не боишься ни мятежных курдов, ни арабских фанатиков. Ты — русский писатель. А значит, тебе и море по колено. Ты живешь в Стамбуле, и на данный момент ты абсолютно счастлива.

А еще ты — отчаянная голова, и одним из главных удовольствий для тебя здесь являются набеги на знаменитый Гранд-Базар. Наверное, внутри у тебя сидит русский хитрый купец, и поэтому в этот полдень ты бродишь по Египетскому рынку, который открывает вход на Гранд-Базар со стороны Босфора. Здесь ты обожаешь болтать с местными продавцами; вот и сейчас ты вдыхаешь манящий запах шафрана и чабреца, улыбаешься быстроглазому, всегда готовому облапошить наивного покупателя турчонку-лоточнику. И вдруг краем глаза отмечаешь, как мимо тебя в тишине всеобщей молитвы проплывают и останавливаются у соседнего прилавка двое — скорее всего, отец и сын.

Отец… Да, время никого не щадит, оно словно провело своим неумолимым ластиком по некогда начертанному на листке бумаги карандашному портрету, сгладило скулы, смягчило линию подбородка, рассыпало морщин под глазами и вокруг рта и припорошило снегом волосы.

Рядом с ним сын. Ну конечно же, это его сын — ему сейчас должно быть около двадцати, ты это точно помнишь, — полноватый, простоватый, совсем непохожий на него парень. Он тянется к кривому выгнутому клинку… «Подделка, русские туристы!» — хочется тебе крикнуть. «Дешевка, дрянная копия. Если ты хочешь приобрести настоящую турецкую саблю, я могу показать, где ее можно найти».

Но ты молчишь… И парень наклоняется, проводит пальцами по отполированному серебристому металлу и восхищенно улыбается. Отец брезгливо морщится и что-то коротко ему говорит.

Посреди звенящей тишины ты различаешь его голос — и в ту же секунду становишься двадцатилетней. Переносишься прямиком в бледное подмосковное лето, запахи зелени и речной воды, поздние сиреневые закаты, теплые сумерки и чувство всепоглощающей любви. Такой, что случается в жизни только раз. Но призрак ее затем преследует тебя всю оставшуюся жизнь, словно тень из твоей доверчивой и отчаянной юности, заставляя снова вспоминать то, что давным-давно следует забыть.

Тогда я училась на первом курсе ВГИКа, и голова моя полна была самых светлых и новаторских идей о волшебном мире кино, искусстве, восторге творчества и самоотдачи и о великом предназначении всех служителей муз.

Конечно же, я мечтала о «больших» ролях — Гертруда, Бланш, Раневская…

Мне всегда казалось, что я как-то по-другому вижу мир. Чувствую слова и звуки не так, как другие. Я уже тогда понимала, что вначале было слово. Именно текст, произносимый со сцены, увлекал меня более всего.

«Не важно, кто вы такой… я всю жизнь зависела от доброты первого встречного…»

Однако мне категорически не повезло с педагогами. Тогда я сама себе казалась гадким утенком, которому не место в искусстве. Благодаря денному и нощному втолковыванию этой истины со стороны педагогического состава я окончательно в этом уверилась. Более того, моего любимого педагога Поглазова попросили покинуть сие учебное заведении. Играть мне стало совершенно нечего, так как его спектакли сняли с репертуара студенческого театра. Так я осталась у разбитого корыта. Трамвай «Желание» увез меня в никуда.

И вдруг однажды, посреди моей депрессии, в тот самый миг, когда я томилась за дверью возле учебной сцены, дабы выйти репетировать в массовке очередного замшелого мастодонта, мне на мобильный позвонили.

Я отлично помню, как собиралась уже в тот момент взобраться на сцену. Там меня уже поджидал мой друган Андрюша Терехов, ныне великолепный артист Театра на Малой Бронной. С ним мы немного покривлялись, посылая из одной кулисы в другую самые коварные замечания относительно происходящего безобразия на сцене.

И вот в разгар этого веселья мне позвонили. Я попыталась

ответить достаточно громко. Каюсь, я была та еще хамка. Меня вместе с телефоном тут же выперли вон и, в принципе, отстранили от репетиций. Оказавшись наконец за дверью, я перезвонила по номеру и услышала:

— Вас приглашают на кинопробы.

Мне объяснили, куда и во сколько нужно будет приехать. Я же отвечала достаточно бодро и обещала явиться в назначенный час.

К тому времени я уже достаточно много снималась в кино. Это был мой способ спрятаться от тоски, которую навевал ВГИК с его лицемерным и погрязшим в интригах педагогическим составом.

В день проб на студии меня сразу одели в узкое платье с открытыми плечами, на голову приладили шляпку с пером — действие картины происходило во времена Гражданской войны — и сфотографировали. Я лишь мельком успела заметить седоватого мужчину в очках — режиссера Азарова, оператора с бородкой, маленькую полную ассистентку Алену. Потом мне сунули в руку лист бумаги с напечатанным текстом и попросили зачитать его перед камерой. Я не нервничала, потому что никогда не думала, что если мне сейчас откажут, то это закроет для меня путь в кино навсегда. Я знала, что вопреки вгиковским интригам я должна остаться в искусстве. И свое место под солнцем не собиралась отдавать никому и ни за что.

После окончания проб мне сказали:

— Спасибо, вам позвонят.

Но несколько дней телефон молчал. Я тоже затаилась и помалкивала. Где-то в глубине души я была уверена, что эта роль станет моей. И вот почти в двенадцать ночи раздался звонок:

— Здравствуйте, Оля, это Константин Геннадьевич Азаров, — сказала трубка приятным баритоном.

И у меня все задрожало внутри. Азаров! Азаров сам мне звонит! Господи!

— Поздравляю вас, вы приняты на роль Зинаиды, — тем временем сообщил он мне, пока я глотала ртом воздух. — О начале съемок вам заблаговременно сообщат.

Вот так это все и началось.

По сюжету я должна была играть певичку из мюзик-холла, которая влюбляется в белого офицера и впоследствии отправляется за ним в эмиграцию. Действие картины включало в себя множество трюковых сцен, погонь, драк, прыжков, а также две экспедиции. А я, несмотря на то что это была не первая моя роль, в трюковом кино еще никогда не снималась и, конечно, слегка нервничала.

Тут следует отметить, что в институте нас, разумеется, обучали сценическому движению, однако лучшие уроки нашего преподавателя сценобоя Айдара я пропускала совершенно нахально. Я попросту боялась сломать себе какую-нибудь важную часть тела. Надо сказать, что такие случаи бывали во вгиковской практике, и не раз. Словом, я решила положиться на удачу и свое кое-какое спортивное прошлое.

Итак, Азаров подвел меня к высокому мужчине, одетому под денди двадцатых годов, и сказал:

— Дмитрий, познакомься, это Ольга. Она будет играть Зинаиду. Пообщайтесь тут пока.

Я даже не поняла, кто это — то ли актер, которого взяли на роль моего возлюбленного, белого офицера, то ли кто-то из массовки. Подняла на него глаза и…

У меня двадцатилетней в голове сразу всплыло выражение «ковбой Мальборо». Он, этот Дмитрий, действительно как будто сошел ко мне прямо с телеэкрана. Высокий, плечистый — от его фигуры прямо веяло силой и какой-то животной ловкостью. Я никогда еще не видела такого волевого, мужественного лица, такого упрямого подбородка, цепких темных глаз, разглядывающих тебя пристально, без стеснения, и словно заманивающих куда-то. И мне страшно стало, словно я почувствовала, что последую за этим красивым мужчиной всюду, не думая, куда он меня заведет.

— Привет, давай знакомиться, — весело сказал он и протянул мне руку. — Меня Дмитрий зовут, как ты уже, наверное, поняла.

Я прикоснулась к его горячей сухой ладони пальцами, и меня внезапно бросило в жар. Я глубоко вдохнула, пытаясь справиться с этим непонятным чувством, преодолеть его, обрести наконец дар речи, и выдавила:

— Да… Мне… Меня… — Потом снова перевела дыхание и начала снова: — Мне сказали поговорить с вами, и вот…

— А, ну да, я понял.

Он задрал голову и посмотрел куда-то вверх. Проследив за его взглядом, я заметила под потолком студии крепившийся к деревянной балке толстый металлический крюк.

— Вон, видишь крюк? — он указал мне на него рукой.

Я кивнула.

— Когда будет взрыв, тебя подбросит волной. Так вот, ты хватайся за этот крюк и держись за него изо всех сил. Смотри не упади, а то поломаешься. А мы потом тебя снимем. В конце смены…

Лицо его было совершенно серьезным. Я снова взглянула на крюк, попыталась мысленно прикинуть высоту и испуганно

пролепетала:

— Хорошо, конечно. Но как же…

— Шучу, — вдруг беззаботно бросил он.

Я обернулась к нему и увидела, что в его темных глазах плясали искорки смеха. И снова вспыхнула — ужасно неловко было из-за того, что выставила себя такой идиоткой.

— А вы кто? — сердито буркнула я.

И он непринужденно объяснил:

— Постановщик трюков. Меркович Дмитрий.

Чуть позже, когда я сидела в гримерной, туда заглянул этот шутник и сунул мне какой-то странный рукав из специальной плотной ткани.

— Вот защита, — объяснил он. — Надень на руку, сейчас трюк будем репетировать.

А я, все еще злая на него из-за этого его остроумия, отбросила в сторону защитную ткань и решила про себя: «Подумаешь, какой великопафосный красавец. Без твоих штучек обойдусь».

Зато потом, когда Азаров объяснил мне, что нужно делать, и я по команде вырвалась из рук державших меня актеров, высадила гитарой специальное безопасное стекло, выскочила через прорезанное в декорации окно и свалилась на подготовленную на полу каскадерскую подушку, я от души пожалела, что не подчинилась распоряжению Дмитрия. Я весьма крепко приложилась локтем — и это не осталось незамеченным.

— Ты чего? — спросил меня Меркович. — Ударилась? Неужели защита лопнула?

И рванул вверх рукав моего платья. Затем удивленно уставился на обнаженную руку, провел по ней пальцами и спросил:

— А где рукав, который я тебе принес?

Я растерянно пожала плечами, снова чувствуя себя кромешной идиоткой.

— Детский сад какой-то, — покачал головой он. — Мне что, тебя проверять надо?

А затем сам принялся натягивать на меня этот злополучный рукав. Я замерла, затаив дыхание, и каждое прикосновение его великолепных пальцев словно ожогом оставалось на моей коже…

В этот день у меня появилось новое поле деятельности. Я вдруг поняла, что жизнь состоит не только из постылых вгиковских стен и попоек с унылыми однокурсниками, такими же мятежными существами, как и я.

Нет, в моей жизни еще присутствовало и кино. Но все равно его волшебное таинство, заканчиваясь, не могло наполнить до

конца мой внутренний мир чем-то важным и существенным.

И вот появился он. Моя душа, измученная потребностью кого-то любить, приободрилась. Я нашла своего героя, наполнила мысленно самыми необходимыми для моего избранника качествами и создала себе кумира.

Вскоре состоялась и запланированная киноэкспедиция. Нужно было отснять несколько сцен на натуре, и вся наша развеселая съемочная группа выехала в подмосковное Протвино. Стояло самое начало июня, и все кругом зеленело, цвело и благоухало. Еще не запыленная, чистая листва опьяняла свежим запахом, во дворе нашей простенькой провинциальной гостиницы цвели на клумбах яркие — оранжевые, малиновые, сиреневые — цветы. Кругом чувствовалось яростное биение чистой молодой жизни. И я сама от всего этого словно сошла с ума. Блестела глазами, двигалась порывисто и легко, то замирала по углам, то вдруг принималась напевать. Меня переполняло острое, пьянящее, булькающее внутри, словно шампанское, ощущение радости. И то, что Дмитрий о моих восторгах не знал, нисколько меня не смущало. Меня не волновала ни разница в возрасте — Дмитрию, как я теперь уже знала, было за сорок, — ни то, что кроме съемочной площадки мы почти не общались. Мне, как всякой романтически настроенной молодой особе, казалось, что однажды все сложится само собой, мы возьмемся за руки и неспешно уйдем в закат.

В один из дней нам предстояли съемки эпизода, где Зинаида со своим возлюбленным должны были выпрыгивать из горящего поезда. Вернее, из горящего поезда должна была выпрыгивать пара каскадеров. А в сцене, в которой была задействована я, поезд стоял на месте, а камера ехала вдоль состава на специальной тележке, что создавало иллюзию движения. Моей задачей было повиснуть на шее у моего возлюбленного офицера и вместе с ним нырнуть в пустоту из двери вагона. Камера показывала офицера со спины, зато мое лицо давала крупным планом. Именно поэтому вместо актера Колесова, исполняющего роль офицера Белоклинского, в сцене задействован был дублер — Дмитрий. Можно себе представить, в какой трепет привели меня предстоящие съемки.

Я раз за разом представляла себе, как окажусь на руках у человека, которым все последние дни были заняты мои мысли. Как мы с ним вместе шагнем в открытую дверь вагона и полетим на землю. Все это казалось мне очень символичным — как будто сама судьба хотела показать моему прекрасному каскадеру, что мы с ним должны быть вместе, шагнуть в бездну и либо выжить, чтобы никогда уже не разлучаться, либо погибнуть.

Дмитрий и сам заметно волновался перед съемками этой сцены и на время прекратил свои вкрадчивые шуточки. И я, разумеется, решила, что он переживает из-за меня, боится, что в такой напряженный момент не справится с чувствами и выдаст себя. И в его темных внимательных глазах мне уже чудились проблески настоящей страсти. Думаю, он, конечно, догадывался, что за пожар пылал в моей трепетной душе, и осознание это ему льстило. Он и сам вроде как с удовольствием поддерживал игру — порой позволял себе долгие взгляды, какие-то особые интонации в разговоре со мной. И все это я, разумеется, принимала за признаки зарождающегося чувства ко мне.

— Оля, — наставлял он меня в тот день перед началом съемки своим тихим голосом. — Значит, смотри, все происходит быстро. Азаров тебе кричит: «Прыжок!», ты хватаешься за мою шею, а дальше я все сделаю сам. Ты, главное, держись за меня. Поняла?

И я кивнула, глядя на него как завороженная.

— Мотор! Камера! Начали! — скомандовал Азаров. И почти сразу же крикнул: — Прыжок!

И я прыгнула, всем телом прижалась к нему, поражаясь тому, какой он сильный, теплый, как хочется мне вот так повиснуть на нем и никогда-никогда не разжимать рук.

— Стоп! Снято! — крикнул Азаров.

Но я, кажется, его не услышала. Опомнилась только когда со всех сторон раздались смешки и я поняла, что сцена уже закончена, а я все так же болтаюсь на Дмитрии и не собираюсь расцеплять руки.

— Эй, ты чего? — мягко сказал он и слега потряс меня за плечо. — Испугалась? Уже все, самое страшное позади.

И он негромко рассмеялся своим низким, ласковым смехом.

— Ну-ну, — попытался успокоить он, когда мне удалось наконец разомкнуть руки. — Все хорошо. Знаешь, я ведь тоже волновался — как отработаем. Опыта у тебя никакого, а Азаров, сволочь, уперся, не хотел заменять тебя дублершей. Ну да ничего, слава богу, без травм обошлось.

Каждый день я как завороженная следила за всеми трюками, что выполняли Дмитрий с ребятами на площадке. За всеми драками, падениями, взрывами, погонями… Однажды — в тот день мы снимали в заброшенном заводском цеху — молодой парень из группы никак не мог выполнить сложный трюк: с огромной высоты спрыгнуть с троса в сооруженный внизу бассейн. И тогда Дмитрий вызвался сам выполнить прыжок, вместо него. Он сгруппировался, разжал руки и полетел вниз — прекрасный, как греческая статуя, и свободный, как ветер.

Кажется, только в ту секунду, когда его облепленная темными вьющимися волосами голова показалась из воды, я осознала наконец, что теперь жить не смогу без него и с этого момента последую за ним хоть в преисподнюю. Моя восторженная двадцатилетняя душа запылала огнем любви.

По окончании натурных съемок в Подмосковье наша группа выехала уже в следующую киноэкспедицию, на этот раз в Израиль. Там, в пустыне, нам предстояло снимать послеэмиграционные мытарства Зинаиды и ее возлюбленного Белоклинского.

Я тогда была в Израиле впервые, и эта удивительная земля с ее богатейшей историей, где невозможно было каждую минуту не представлять себе, как бродили тысячелетия назад по этим же местам библейские персонажи, заворожила меня. Мне казалось таким правильным, таким естественным, что именно здесь наши с Дмитрием отношения обязательно изменятся, он обязательно оценит мой талант и искреннее к нему чувство. И когда я наблюдала, как где-то за горизонтом зарождается новый день, белоснежное марево как будто бы отражает ультрамариновые небеса, все мое естество наполнялось ожиданием настоящего чуда.

Съемочные дни шли своим чередом. Мы выезжали в пустыню и снимали там, на фоне бескрайних песчаных барханов, пламенеющих закатов и нежных рассветов. И вот уже экспедиция начала приближаться к концу.

Оставалось всего несколько съемочных дней, и веселье, охватывающее группу после окончания рабочего процесса, входило совсем уж в пике́. Вечерами теперь засиживались еще дольше, смеялись веселее, пили больше. И у всех на лицах было написано желание успеть ухватить последние крохи этой нашей свободы, этого единения, где все мы казались одной семьей, занятой общим делом.

Мы все были опутаны этим самообманом, восхитительной мистификацией, которой не суждено больше повториться. И правда, этих людей я не встречала больше никогда. Как не встречала более никогда многих из своих однокурсников и педагогов. О, великая иллюзия театрально-киношной сплоченности, тогда я еще не ведала, каким опасным и разрушительным явлением ты можешь быть!

В последний день решено было снимать сцену, в которой погибал возлюбленный моей героини, и Зинаида оставалась одна, в чужой стране, без прошлого, без будущего, с растоптанной душой и разбитым сердцем.

Над раскаленным Синаем гулял вечерний ветер, принесший с

собой едва уловимый запах оазиса, моря и пряностей. Повеяло ночной прохладой. Черная мгла постепенно опускалась на эту давно не ведавшую дождя, спекшуюся от солнца пустыню. Но над горизонтом еще горело темно-красное солнце, окрашивая все кругом в тревожные тона.

Азаров дал команду. Я заняла свое место на съемочной площадке, и вот со стороны пустыни показался всадник на черном коне. Я, вернее — не я, а Зинаида, замерла, стиснув руки у груди, зная, кто несется к ней и что сейчас наконец состоится их долгожданная встреча. В этот момент откуда-то слева появился другой всадник, поскакал наперерез. Раздался выстрел, и всадник как подкошенный рухнул, повис, запутавшись в упряжи. Его шляпа слетела и покатилась по выжженной земле.

Зинаида отчаянно вскрикнула. А конь, испуганный выстрелом, рванулся в сторону, унося безжизненное тело к пламенеющей в закатных лучах линии горизонта.

Сцена, в которой Зинаида рыдает над гибелью Белоклинского, давно была снята, и во время съемок я практически ничего не чувствовала, просто честно выполняла свою работу. Потому что человек, чье бесчувственное тело обнимала и целовала в холодный лоб, был актером Колесовым, с которым мы отлично ладили на площадке, но — и только. Сейчас же я твердо знала, что там, на коне, Дмитрий. Что это он, подстреленный, безжизненно повис в стременах. Нет, я не сошла с ума, я отлично понимала, что все это — иллюзия, что сейчас Азаров скомандует «Стоп! Снято!» и морок развеется. Но черт возьми, наверное, сработала какая-то магия кино. Мне вдруг показалось, будто я в самом деле никогда больше не увижу Дмитрия. Господи, как же я жить буду без этой надменной горделивости, уверенности, что лучше него только боги, этого лукавого притворства, которым он окутывал мое сознание? Как я смогу дальше жить — после этого?

И потом, когда Азаров уже отдал команду и поздравил всех с окончанием съемок, когда вернулся Дмитрий и встал чуть поодаль от меня, стирая бумажным полотенцем песок со лба, когда все засуетились, убирая реквизит, снимая софиты и пряча технику, я все никак не могла избавиться от этого наваждения. Во мне зрела какая-то отчаянная решимость, необходимость высказать наконец все до конца, потому что после может быть поздно. Желание схватить в охапку ускользающее от меня счастье и держаться за него любой ценой.

И когда Меркович пошел к своей машине, мне наплевать стало на все условности, лишь бы еще хоть немного побыть с ним, услышать его голос.

— Дмитрий! — окликнула я.

Он обернулся уже от машины и застыл с ключами в руке.

— Вы что, уже уезжаете?

— Ага, — кивнул он. — Пока, Зинаида. Здорово было вместе поработать.

— Вот все и закончилось… — пробормотала я. — Наверное, мы больше не увидимся?

— Да ты что! Увидимся, конечно, — улыбнулся он. — Ты ведь актриса. А киношный мир очень маленький. Тем более нас, как ты понимаешь, известных постановщиков трюков, раз, два и обчелся…

Он помолчал с минуту, снова взглянул на меня и вдруг предложил:

— Хочешь, подвезу до отеля?

Может быть, его и самого хоть краем зацепила эта иллюзия, которую мы создали сегодня. Какое-то ощущение того, что уходит, улетучивается, опускается за горизонт вместе с закатным солнцем наш единственный шанс на счастье.

Так или иначе, мы оказались в его взятом в аренду в аэропорту Бен-Гуриона джипе, мчащемся по освещенной фонарями дороге. Я говорила что-то бессмысленное, дурацкое, он отвечал мне, и я с каждой минутой чувствовала, как утекает сквозь пальцы отписанное нам время. И уже когда он притормозил автомобиль у ворот отеля, вдруг решилась. Обернулась к нему и проговорила обреченно:

— Я люблю тебя!

Он вздрогнул и в первую секунду посмотрел на меня так, словно мне удалось достучаться до него, пробиться сквозь эту его внешнюю оболочку вальяжного мускулистого античного бога. Но тут же поморщился, сжал пальцами переносицу и отозвался:

— Оля, не надо… Ты актриса, я понимаю. Кино, искусство — все это завораживает, внушает иллюзии. Но я взрослый женатый человек. И все эти игры мне уже не по возрасту.

Мне стало так больно, будто он наотмашь ударил меня по лицу. Наверное, надо было зарыдать, но лишь одна проклятая крупная слеза театрально сползла по щеке.

— Очень кинематографично, — сказал он, протянул руку и стер ее пальцем. — Но, поверь, в моей жизни все это уже было.

И тогда я, каким-то образом найдя в себе силы не сорваться, улыбнулась и спокойно спросила:

— Можно я тебя поцелую?

И он ответил:

— Да.

Больше всего на свете я тогда желала его всего — его сны, его

мысли, его спокойствие и непоколебимую уверенность в завтрашнем дне. Я хотела видеть, как он ест, спит, дышит. Я хотела на веки вечные запомнить его запах, запомнить блеск его иссиня-черных глаз.

Никогда в жизни я не целовала никого так: обретая и тут же прощаясь навсегда. Никогда не любила так сильно, не доверяла и не протягивала рук.

И никогда более не шла так покорно на заведомый провал, не покорялась необратимому времени.

Он, будто заранее зная всю внутреннюю драматургию этой сцены, мягко отстранился и молча открыл дверь машины. Я вышла в жаркую душную ночь, и джип с визгом унесся от меня.

Наверное, в этот момент я окончательно повзрослела.

Мне еще неведомо было, что люди могут бояться слишком сильных эмоций. Что человек может сознательно делать выбор в пользу налаженной комфортной жизни, отказываясь от чего-то неизведанного, непонятного и потому пугающего. Тогда мне еще казалось, что на свете нет ничего важнее любви…

Оказалось, что это не так.

Много лет я, заходя на «Мосфильм», ловила себя на странных мыслях. Я все ждала появления Дмитрия. Везде — в кафе, в коридоре, на различных съемочных площадках. Везде мне чудился его великолепный профиль. Это было похоже на наваждение, на морок, который преследовал меня из года в год.

Я не забывала его ни на миг. Я давно поняла, что тот, который любил тебя, или тот, кого любил ты, где-то в глубине души всегда с тобой…

Дмитрий же продолжал быть успешным постановщиком трюков, купался в лучах славы первого красавца «Мосфильма», крутил романы с приятными, но не отягощенными сложными амбициями и намерениями костюмершами и гримершами. Он ни в чем себе не отказывал.

Вскоре моя жизнь тоже понеслась в бешеном ритме. Я выходила замуж, разводилась, меняла города и страны. С годами идея кино все меньше влекла меня. Я становилась актрисой одной роли. Это начало выводить меня из себя, и я устала биться в депрессии. И вот тогда мир литературы открылся для меня в полной мере.

Я отчетливо запомнила ту ночь, когда, проворочавшись несколько часов без сна, поднялась с кровати, вытащила из ящика стола толстую тетрадь, перевернула ее, открыла с обратной стороны и вывела ручкой на верхней строчке заглавие «Моя чужая жена». Роман.

В книге рассказывалось о невозможной любви юной

студентки Али к взрослому семейному человеку, кинорежиссеру, обласканному властью и зрителями. В сюжете причудливо перемешались реальные события, которые я знала по ВГИКу и «Мосфильму», и мои личные эмоции и переживания. Конечно же, прототипом главного героя моего романа был он, Дмитрий.

Вся эта история, перемоловшая меня, переломавшая, опрокинувшая впервые, и побудила меня взяться за перо. Я вылепляла этого персонажа, пытаясь вложить в него все то, что виделось мне в образе моей первой любви. Отчаянную бесшабашную смелость, какую-то глубинную порядочность, красоту и грацию — и тепло, то тепло, с каким он тогда обращался со мной. И по мере того, как оживал и наполнялся собственными чертами мой герой, я вдруг стала задумываться — а были ли в Дмитрии все эти качества? Существовали ли они на самом деле? Или я изначально, еще много лет назад, подсознательно сочинила этого великого и ужасного кинорежиссера Редникова?

Наверное, жажда творчества тоже сидела где-то внутри и неосознанно искала сильных эмоций, которыми могла бы напитаться и выдать что-то стоящее. Все причудливо переплелось, закрутилось, заискрило…

Так родилась моя первая книга.

— Ольга! — вдруг окликают меня.

И я, вырвавшись из омута прошлого, снова оказываюсь в своей нынешней реальности, в своем любимом городе, на шумном Стамбульском рынке. Среди ярких красочных тканей, благовоний, пряностей, украшений, старинных кофейников и расписных тарелок.

— Аллах акбар, Аллах акбар… — несется над нами в оцепеневшем воздухе.

Дмитрий, как в замедленной сьемке, подходит ко мне. За ним следует его сын, удивленно разглядывая меня с каким-то веселым интересом.

Я смотрю на Дмитрия — на человека, который когда-то заставил меня ощутить весь восторг и горечь первой безответной любви. На того, благодаря кому я впервые отчаянно мечтала и была так отчаянно несчастна, благодаря кому однажды начала писать — и теперь, к моему нынешнему положению, можно сказать, добилась в этом нелегком деле определенных успехов. Смотрю на его темное от загара лицо, на морщинки вокруг глаз и у рта, поседевшие волосы. И вдруг очень отчетливо понимаю — я свободна. Прошлое больше не держит меня. Я уже не та юная девушка, отчаянно цепляющаяся за желание жить и любить; но еще и не стара. И жизнь лежит впереди — длинная,

непредсказуемая, наполненная взлетами и падениями, радостями и разочарованиями.

Все это длится всего лишь несколько секунд — пока муэдзин оканчивает молитву. Время — все то же неумолимое время, способное растягиваться, замирать и ускоряться, словно пускаясь вниз с отвесной горы, секунда, в которую можно пережить целую жизнь, и вихрь прожитых лет, пролетающий перед глазами в одно мгновение.

Вся суета, сутолока, пряная разноцветная канитель вдруг оживает, и сквозь шум многоголосой толпы я отчетливо слышу:

— Ольга, неужели это ты?

— Sorry, you have been mistaken[10], — отвечаю я и поспешно отхожу в сторону.

Еще успеваю услышать за спиной:

— Папа, кто это был?

— Никто, Андрей, я обознался.

А затем сливаюсь с толпой. С яркой, разновеликой толпой древнего и всегда юного города, в которой каждому страннику уготованы своя свобода и свое право на счастье.

Ирина Щеглова

В детстве хотела стать космонавтом — бороздить Вселенную и рассказывать людям о своих открытиях. Смотрела на звезды и писала стихи. В юности мечтала о филфаке, но родители убеждали в необходимости иметь «нормальную» профессию. Поддалась и получила диплом инженера-механика. Так что на вопрос «чем занимаешься?» шучу: «Я инженер-механик человеческих душ».

Последнее лето детства

Он мне приснился.

Мне было пятнадцать. Зимней крещенской ночью я увидела лето. Вторая половина жаркого дня. Дорожка и дощатые заборы — все утопало в вишнях; блестящие багровые капли на темном, запыленном изумруде. Калитка в синих воротах открылась, и он вышел оттуда — тоненький темноволосый мальчик в красной рубахе с бархатными глазами цвета перезрелых вишен.

* * *

Я приехала на лето к деду с бабушкой в сонный запыленный поселок в Воронежской области. Днем мы с подругой Наташей бродили по лугу, жарились на солнце, вечером бегали в парк и на танцплощадку, смущали поселковых кавалеров, вызывая зависть у местных «маргарит на выданье», как их называла Наташа.

Так незаметно прошел почти месяц.

Как-то мы купили билеты в кино, до начала сеанса в ДК оставалось что-то около часа. От нечего делать мы пошли в парк, там на детской площадке у нас была любимая карусель. Наталья уселась напротив, чтобы уравновесить круг, и мы принялись крутить колесо то в одну, то в другую сторону, время от времени перебрасываясь ничего не значащими, ленивыми фразами. Когда я оказалась лицом к парковой дорожке, то увидела знакомую долговязую фигуру, явно направляющуюся к нам и издали машущую рукой.

— Герка, что ли? — предположила я и прищурилась. Наталья обернулась и прищурилась тоже. Мы обе плохо видели. На всякий случай я не стала махать рукой в ответ, вдруг не он. Но фигура продолжала двигаться в нашем направлении и в конце концов оказалась именно Геркой.

— Привет! — радостно воскликнул наш приятель.

Мы ответили более сдержанно.

— Гуляете? — Он уселся на одно из свободных сидений карусели.

— Да так, билеты взяли в кино…

— Хороший фильм? — Он крутил головой, стараясь держать в поле зрения обеих.

— Не знаем, — я пожала плечами.

— А я иду, вижу: кто-то знакомый на каруселях. — Герка радовался и не скрывал этого. — Дай, думаю, подойду; а это

вы! — Он обернулся ко мне: — Давно ты приехала?

— Да нет, несколько дней всего…

— Что ж не позвонила? А я, знаешь, фотографию твою всем своим знакомым показываю. Классно ты получилась!

— Это какая фотография? — заинтересовалась подруга.

— Из последних. У меня был бзик, раз шесть посетила фотографа и разослала себя куче знакомых в разных вариантах, — я засмеялась, вспомнив, как прошлой осенью от скуки отрезала косу и в течение месяца надоедала фотографу.

— А у меня такая же, как у него? — ревниво спросила она, кивнув на Герку.

Я задумалась:

— Нет… не помню.

Герка вскочил:

— Я сейчас принесу, покажу!

— Сиди, — попыталась остановить его я, — нам скоро уходить, ты не успеешь.

— Почему не успею? Мне только через забор, и все, я дома. Подождите, я быстро!

Он выбрался из слишком маленького для него сиденья и побежал к забору, окружающему парк. Забор оказался высоковат для него, и наш долговязый приятель неловко подтягивался, а подтянувшись, никак не мог перекинуть тощее тело на ту сторону.

— Штаны порвет, — предположила я.

— Это он из-за нас выделывается, — усмехнулась Наташа. Мы посмотрели друг на друга, рассмеялись и с силой крутнули колесо, нас вжало в сиденья, карусель вращалась с визгом давно не смазываемого металла.

— У-у! Я сейчас выпаду! — орала я, вращая круг.

— Ха-ха-ха! Ой, у меня голова кружится! — задыхалась Наташа.

— Тормози!

— Оп!

И мы снова смеялись.

— О, Герка возвращается, только почему-то не через забор. — Наталья немного повернула колесо, чтобы я тоже увидела. Он приближался по дорожке, со стороны входа в парк, но был не один, с ним рядом шел какой-то парень.

— Привет, — сказал парень, он немного картавил.

— Это Вадик, — представил его Герка. И, в свою очередь, назвал Вадику наши имена.

— Привет, — ответила Наташа. А я промолчала, рассматривая незнакомца. Он показался мне смутно знакомым,

будто где-то я его уже видела… Темноволосый и кареглазый, лицо смуглое, от природы или от загара…

Ребята уселись на нашу карусель, тоже друг напротив друга.

— Я принес, — Герка протянул Наташе фотографию. Она взглянула:

— У меня другая, там ты, — она обратилась ко мне, — в кожаной куртке.

— Что за фотография? — спросил Вадик.

— Машкина, ты ее видел, — ответил Герка.

— Так это ты? — Вадик посмотрел пристально, узнавая.

— Ты, случайно, не брат Ленки Семерниной? — попыталась и я вспомнить его.

— Нет, мы даже не родственники. — Он усмехнулся, откинулся на невысокую спинку сиденья и небрежно бросил: — Но я ее знаю, мы общались в прошлом году…

— А-а, — протянула я, — значит, я видела у нее твою фотографию.

— Может быть, нас снимали несколько раз, в этом же парке, — он изучал меня, разглядывал, не стесняясь. Я почувствовала себя неловко, посмотрела на часы, до сеанса оставалось минут двадцать.

— Мы не опоздаем? — спросила Наташа.

— Да, нам пора, — я поднялась со своего сиденья, она — тоже.

— Вы куда? На фильм? — небрежно спросил Вадик. — Я вчера был. Тоска зеленая…

— У нас билеты, — подруга взяла меня под руку.

— Ваше дело, — он равнодушно пожал плечами, — а я хотел покатать вас на лодочках.

Мне показалось, что он разочарован нашим уходом, но в то же время пытается выказать свою незаинтересованность. Мы простились, и Наташа решительно повела меня прочь от детской площадки. Я не сопротивлялась, но оставшийся сидеть на карусели Вадик притягивал меня тем сильнее, чем дальше мы уходили.

— Натали, — не выдержала я, — ты хочешь идти в кино?

Она остановилась, окинула меня взглядом и предположила:

— Ты ему понравилась, мне кажется…

— Не знаю…

— В зале сейчас душно, — она глянула в сторону клуба.

— Да, — отозвалась я.

— И фильм, говорят, — дерьмо.

— Говорят.

— Определенно, на лодочках будет гораздо лучше!

Мы резко развернулись и почти бегом кинулись к парку.

— А вдруг они уже ушли? — озабоченно спросила Наталья.

— Посмотрим, — сквозь зубы ответила я.

— Стоп! Вон они. Сбавь ход!

Она снова взяла меня под руку, и мы, отдышавшись, медленно двинулись к заветной карусели.

— Я так и знал, что вы вернетесь. — Вадик довольно ухмылялся. — Ну, айда, покатаю. — Он высвободил мой локоть из Наташиного и обвил моей рукой свою. Подруга фыркнула, а я засмеялась, словно приняла условия его игры.

Герка семенил следом и болтал без умолку:

— А я думал, что вы совсем ушли, хотел домой уже, а Вадик сказал, что вы вернетесь. Я ему говорю: «Иришка гордая, она и не таких видала, за ней взрослые парни бегают». А он мне: «Нет, подождем». Почему вы вернулись?

— У меня сегодня как раз свободный вечер от взрослых парней, — я прыснула, Наташа тоже.

Мы подошли к лодочкам.

— Заходи. — Вадик ждал, пока я поднимусь по ступенькам и встану напротив него.

— Крепче держись, а то вылетишь, — предупредил он. Я поудобнее обхватила толстые железные канаты. Пожилой карусельщик убрал доску, удерживающую лодку, и качнул нас пару раз.

Вадик принялся глубоко ритмично приседать, увеличивая амплитуду колебания качели. Лодка взлетала все выше и выше. Мы, не отрываясь, смотрели друг другу в глаза. Я уже начала думать, что мы достигли предела возможности старых качелей, но мой партнер выжимал из них все больше и больше. Вскоре наши взлеты достигли того уровня, когда нос лодки оказывался вертикально направленным в землю, а наши тела горизонтально парили над ней. Лодка со свистом прорезала воздух, мое тело то теряло вес, то наливалось тяжестью, и я удерживалась в лодке только потому, что намертво сцепила пальцы на канатах, зато мои каблуки при каждом новом взлете предательски отрывались от скамейки. Я уже не могла видеть лица Вадика. Мои волосы превратились в ветер, они хлестали меня по щекам и глазам, взлетая рыжей гривой или уносясь назад конским хвостом. Ободок, удерживающий их, давно упал и валялся, должно быть, где-то на земле. Снизу кричали несколько голосов, но я не могла разобрать слов, ветер свистел у меня в ушах, потом их совсем заложило.

— Хватит, — умоляла я своего мучителя одними губами, — хватит, остановись!

Но мы продолжали летать, и летали, летали…

Внезапно я почувствовала резкий удар, больно отозвавшийся в предплечьях. Колени стали ватными, а тело, сразу обретя вес, словно потеряло опору и обвисло, держась на сведенных судорогой руках. В голове стоял звон. Сквозь него я слышала, как карусельщик ругает Вадика, а тот коротко огрызается.

— И чтоб я тебя больше не видел!

— Да ладно…

— Иди, иди!

Я с трудом разжала пальцы, содранные ладони горели, я кое-как забросила назад волосы.

— Твой ободок, — Герка внезапно очутился рядом и протягивал мою потерю. — Я думал, вы убьетесь, — тихо сказал он.

Я с трудом выбралась из лодки, натянув на лицо улыбку. Вадик стоял внизу, у ступенек, и смотрел, как я надеваю на голову ободок.

— Ты похожа на Аленушку, нет, на колдунью… Я фильм смотрел, — он подал мне руку, когда я спускалась.

— Ишь, донжуан хренов, — хмыкнул карусельщик.

— Почему ты ничего не сказала? — спросил Вадик.

— А что я должна была сказать?

— Ну, ты могла попросить меня остановить. А то я так раскачался, что думал: сейчас солнышко сделаем. Сам испугался. А ты молчишь.

— Хотел напугать меня? Ладно, Вадик, все было замечательно, можно сказать — незабываемо! — наконец-то мне удалось засмеяться. — Но на лодочки я с тобой больше не пойду.

— С ума все посходили, — пробурчала недовольная Наталья.

В тот вечер мы долго гуляли по пустым улицам поселка. Сидели на школьном дворе, болтали обо всем на свете, и мне больше всего хотелось, чтобы Герка с Наташей поскорее ушли по домам, исчезли, а мы бы остались вдвоем… В конце концов, мы все вместе проводили Наташу, а потом пошли провожать меня. Герка ни за что не хотел отстать и упорно плелся сзади, время от времени пытаясь вступить в разговор.

Мы расстались у калитки, благоразумно пожелав друг другу спокойной ночи. Я ждала до последней секунды и дождалась.

— Да! — Вадик словно только что вспомнил. — Предлагаю устроить небольшую вечеринку, вы как?

Я замерла, Герка замялся.

— Через три дня! — Вадик не ждал возражений и не принимал их. — Три дня меня не будет, я в деревню поеду, коров пасти.

— Чьих коров? — удивилась я.

— Общественных. В деревне, где живут мои дед с бабкой, коров пасут по очереди все жители. Но дед с бабкой старые, болеют, поэтому, когда приходит их очередь, коров пасу я.

Я с сомнением посмотрела на его щегольской джинсовый костюм, перевела взгляд на руки.

— Да не сомневайся, Ириша, — Герка засмеялся, — я тоже пасу, куда деваться!

— Ладно, ближе к делу, — перебил его Вадик, — все свободны через три дня?

— А где? — спросила я.

— У моей бабушки.

— В деревне?

— Нет, у другой бабушки. В деревне живут мамины родители, а папина мама живет в поселке, на Ленина… Часиков в шесть всех устроит?

Мы согласились.

Я вошла в совершенно темный двор и уселась на крыльцо, чтобы дать возможность своим бешено скачущим мыслям угомониться и вернуть себе хоть малую толику былого спокойствия.

Что со мной? — спрашивала сама у себя.

Ты случайно не влюбилась?

Нет, этого не может быть!

Не будь такой самонадеянной!

Я? Нет, никогда! Ведь скоро уезжать… Ничего страшного, легкое увлечение… развлечение…

Я дышала ночью, ее звуками и запахами, и внутри меня была ночь — жаркая и темная. Она начала отсчет, было без каких-то минут три.

Утро и весь вожделенный третий день я готовилась, использовала все доступные мне средства: вымыла голову, тщательно продумала свой наряд, распотрошив содержимое чемодана, привезенного с собой. Наконец после долгих раздумий и примерок я остановила свой выбор на совершенно неприличной красной кофточке, открытой со всех сторон, и узкой джинсовой юбке. Все это я выгладила старым бабушкиным утюгом, ежесекундно рискуя. Характер утюга был непредсказуем. Он гладил только в одном положении, когда был на «максимуме», но в том-то вся и беда, утюг разогревался докрасна, и, чтобы его остудить, приходилось выдергивать шнур из розетки. Я страшно нервничала, но мне все-таки удалось сладить и с утюгом, и с юбкой.

К вечеру меня уже изрядно лихорадило, и это мешало

довести макияж до того завершающего штриха, который обязан был превратить меня из обычной молоденькой девчонки в искушенную жизнью роковую деву.

Ровно за час до назначенного времени я была готова, оставалось только нервничать и ждать телефонного звонка. Он ударил по моим напряженным нервам, как электрический разряд на влажную кожу. Правда, мне хватило самообладания лениво протянуть в трубку:

— Да-а? Это я… Помню… Да, мы скоро будем. — Я почти умирала. Ни в чем не повинная трубка полетела на рычаг, я метнулась вон из дома, кинув бабушке обычное и никогда не выполняемое «буду не поздно».

С Натальей встретились на углу моей и ее улиц. Взялись под руки. Возбужденные, мы то и дело ускоряли шаг, но, спохватившись, одновременно сбавляли темп и всю дорогу судорожно похихикивали.

— Надо опоздать, — все время твердила я, — хоть на несколько минут. Надо опоздать…

Подруга соглашалась со мной, поэтому мы уселись на скамейку у вокзала, стараясь высидеть хоть немного из этих самых минут. Мы обе твердо помнили: знающие себе цену девушки всегда опаздывают.

В итоге нам это удалось. Мы подошли к дому, где жила бабушка Вадика, спустя десять минут, после назначенных шести часов вечера.

Дом был двухэтажный. В квартире у Вадиковой бабушки даже балкон имелся. На этом балконе я и увидела поджидавших нас ребят: Герку, Вадика и Геркиного закадычного дружка Ваську. Кавалеры принарядились ради такого случая: Герка надел костюм с галстуком. Но мой взгляд был прикован к Вадику. Он стоял у самых балконных перил и, увидев нас, слегка наклонился вперед, что-то крикнув о нашей непунктуальности. Но не это сейчас волновало меня; я остановилась как вкопанная, в голове словно сложилась не дававшая покоя головоломка, я узнала незнакомца из своего зимнего сна.

Наталья дернула меня за локоть, помахала в ответ ребятам и ответила, что начальство не опаздывает, а задерживается. Не слишком умно, но все же лучше, чем ничего.

Мы вошли в темный подъезд и поднялись на второй этаж по скрипучей деревянной лестнице. Дверь справа открылась, Герка заметил первый:

— Красный верх, синий низ; вы что, договорились?

Одетый в велюровый батник цвета спелой вишни и синие джинсы Вадик сострил:

— Нет, мы почувствовали друг друга.

Пили сухое вино, танцевали, а потом Вадик взял гитару и спел о цветах, которые он положит под окнами у любимой в полночь, а сам тихо удалится, чтобы она на заре нашла эти цветы…

Он пел и смотрел на меня, а мне казалось, что это он так объясняется мне в любви, словами чужой песни.

Выпитое вино отпустило мою разбушевавшуюся фантазию, я таяла в лучах бездонных бархатных глаз, как кусок сахара в свежезаваренном чае. Сомнений больше не было — я влюбилась.

В моем распоряжении было что-то около месяца, в конце августа я должна была уезжать домой: ждал выпускной класс. То есть времени почти не оставалось.

На следующий день Наталья предложила вместе с ее родителями поехать на Дон. Дальновидные родители решили собрать нашу гоп-компанию и посмотреть, кто и что может угрожать их дочери. Разумеется, никто не отказался, и наша пятерка в прежнем составе погрузилась в служебный «уазик» Наташиного отца. Меня, как самую легкую и маленькую, решено было посадить на колени. Понятно, чьи колени я предпочла! Но мой возлюбленный через несколько минут принялся стонать, что ему тяжело и жарко и затекли ноги. Благородный Герка тут же пересадил меня к себе, а освободившийся от тяжелой ноши Вадик всю дорогу балагурил с нами, смешил родителей и всячески развлекался. Видимо, удовольствие от поездки получили все, кроме меня. Но я упорно не желала сдаваться.

На пляже мы пробыли недолго: успели несколько раз искупаться, попытались построить замок из песка — вот и все. Не считая того, что Вадик заговорщически рассказывал нам о монастыре, выдолбленном прямо в меловой горе и чудом сохранившемся; о том, как неплохо было бы сходить туда. Еще они вспоминали с Геркой каких-то девчонок, которых водили в пещеры. Они смеялись одним им известным подробностям того похода, и в конце концов Вадик пообещал на днях показать нам то, что осталось от монастыря.

Чувство ревности ощутимо клацнуло, прищемив и без того ноющее сердце, так что пришлось сделать глубокий вдох и выдох, оставаясь внешне непринужденной, и любопытствовать, задавая невинные вопросы. То, что я поеду с ним еще раз в эти пещеры или еще куда-то (мне было все равно куда), не вызывало у меня никаких сомнений.

Конечно, Наташу родители ни за что не отпустили бы.

Пришлось придумать отмазку — мы якобы идем на пруд на целый день. Пруд находился за поселком, был мелким и грязным,

но местная речка — еще хуже. Так что у родителей не должно было возникнуть подозрений. Чтобы подружку не выдали мои же дед и бабушка, пришлось соврать и им.

Утром, около одиннадцати, мы собрались на автобусной остановке. Наталья волновалась из-за родителей, ее волнение передалось мне, я чувствовала себя преступницей. Ребята посмеивались над нашими страхами и уверяли, что никто ничего не узнает. Но напряжение не покидало нас и тогда, когда удалось втиснуться в переполненный автобус, и позже, когда Наташа увидела кого-то из знакомых.

— Я выйду, — шептала она, готовая впасть в истерику. Но автобус тронулся, и выйти из него не было никакой возможности. Мы висели на поручнях, наши тела бились о мешки, набитые зерном и семечками, оцинкованные ведра, узлы и сумки. Зажатые со всех сторон плотными и потными пассажирами, мы потихоньку проклинали соседей с их непомерным грузом.

Наконец автобусная пытка окончилась, и нас выбросило на пыльный деревенский пятачок.

— Сагуны, — объявил помятый Вадик, — сейчас поймаем попутку, она нас подбросит до места.

Мы пили воду из-под колонки, а потом пошли узнавать расписание автобусов. Автостанция, по совместительству столовая, имела одну достопримечательность — огромное, во всю стену зеркало.

— Да красивая, красивая, — мимоходом бросил мне Вадик, и я застыдилась своего беглого взгляда, скользнувшего по отражению.

Нас согласился подвезти молодой парень на ветхом «газоне». Мы с Натальей уселись в кабине, а ребята полезли в кузов. Вадик, подсаживая нас, сетовал, мол, больше нет места, и мне показалось, что он с большим удовольствием одну из нас точно отправил бы в кузов, чтобы самому разместиться рядом с водителем, а не глотать пыль по дороге. Хотя ехать было совсем недалеко, мы могли бы пройти пешком.

Водитель остановился у общественного пляжа, мы сразу же ринулись к воде, чтоб смыть с себя пыль и пот.

Я, уже достаточно натерпевшаяся от дороги и почти жалеющая о том, что согласилась поехать, немедленно скинула одежду и, бросив друзей на произвол судьбы, побежала по горячему песку туда, где берег был полон людей: молодых и старых, с визжащими и гомонящими детишками, с резвящейся разновозрастной и разнополой публикой, туда — в самую гущу. Я бежала ровно. На ходу сорвала резинку с волос, чтобы они красиво колыхались в такт движению лопаток. Я ни на кого не

смотрела, но чувствовала, как в меня впиваются десятки взглядов. Мне это было необходимо просто физически, чтобы подавить состояние ущербности, появившееся благодаря поведению моего возлюбленного.

Несколько прыжков — и я врезалась в упругое течение, окунулась, проплыла вперед, выровняла дыхание, перезлилась и повернула назад. Вышла из воды и только теперь огляделась в поисках друзей. Они медленно шагали по мокрому песку, высматривая меня. Герка нес мою одежду, аккуратно перебросив через локоть джинсы с футболкой, в другой руке сандалии.

Неожиданно Наташа побежала, она делала высокие, короткие прыжки, и это было смешно. Я снова испугалась: а вдруг я тоже так выглядела?!

Когда все приблизились, Вадик сказал:

— Умеешь ты создать эффект…

— А что я такого сделала?

Вадик стоял напротив и слишком откровенно разглядывал меня. Наталья, Герка и Васька, раскидав одежду, бросились в воду, а мы все продолжали свое противостояние. Вадик не торопился раздеваться, он лишь снял обувь и чуть подвернул джинсы. Под его взглядом я казалась себе голой, но это только сильнее заводило меня.

— Я сейчас искупаюсь, — сказал он, — а ты постарайся не привлекать к себе излишнего внимания лиц противоположного пола. Только драки мне здесь не хватало! — Это последнее прозвучало как пощечина.

— Знаешь, я, пожалуй, поеду домой, чтобы ты так не напрягался.

— Ага, поедет она! — Он сощурил глаза и неожиданно рассмеялся. — Ну извини, я шучу. Мы же в пещерах не были, а там знаешь как красиво. А еще здесь родник есть, рядом — прямо по пляжу. Неужели ты откажешься попробовать самую вкусную в мире воду? — Он был почти нежен, это меня растрогало.

— Ладно уж, иди купайся.

Он стянул с себя майку, джинсы и, не спрашивая разрешения, повесил их мне на плечо, медленно пошел в воду, покрякивая и ежась.

— Герк, ты себе ничего не отморозил?

— Не-а! — радостно крикнул подплывший Герка и нырнул.

Вадик нырнул следом. Я увидела его голову далеко впереди, почти на середине реки, он пытался плыть против течения.

На песок выбрались Герка с Наташей, потом Вовка, а я стояла с чужой одеждой на плече и смотрела, как плавает мой возлюбленный. Опомнившись, бросила одежду Герке и тоже

кинулась в воду.

Когда Вадик вышел на берег, он долго и нудно отчитывал нас за то, что Герка положил его вещи на песок и теперь все это имеет вид как из задницы. Но Герка и Васька лишь беззлобно смеялись, а Наталья ввернула шуточку по поводу сибаритских привычек, от которых пора избавляться. Вадика удалось заставить замолчать на время.

Вода в роднике была пронзительно холодной, и мы долго пили ее, потому что не во что было налить и взять с собой.

Наш путь начинался с узенькой тропинки, поднимающейся к гребню горы; пройдя какое-то время по верху, мы спустились немного и очутились у круглого лаза, похожего на вход в естественную пещеру. На площадке перед ним расположились несколько человек. Они только что выбрались из горы и отдыхали, грелись на солнце.

Мы поздоровались, и Вадик спросил:

— Вы из пещер? Вход здесь?

Оказалось, что вход был где-то в другом месте, но он завален, а этот лаз — что-то типа вентиляционного отверстия. Когда-то пришедшие к власти большевики взорвали часовню на горе и попытались уничтожить монастырь. Любопытные дикие туристы обнаружили и расширили этот проход; теперь бывший монастырь стал доступен и посещаем многочисленными молодежными тусовками.

У нас не было с собой ни фонаря, ни факела, пришлось одолжить свечку, а факел Вадик соорудил из палки, намотав на нее старую тряпку и полив бензином из Васькиной зажигалки.

Факел скоро погас, а свечной огарок не мог осветить густую темноту многочисленных переходов. Пройдя несколько коридоров и спустившись по узкой лестнице, мы все-таки решили вернуться, чтобы не заблудиться без света и не растерять друг друга.

На поверхности все сразу загрустили, Наташа вспомнила свои страхи, знакомых в автобусе, родителей… Ее вяло успокаивали. Всю обратную дорогу говорили мало. Торопились, подгоняемые тревогой, передавшейся от ожидающей родительского гнева подруги.

Опасения подтвердились. Бабушка смотрела на меня с укоризной. А телефонный звонок Наташиной мамы совсем расстроил.

— Где вы были?

— На пруд ходили, — я старалась врать убедительно.

— Ах, вы… Ира, Ира… — услышала я в ответ, и трубка коротко запикала.

Наташа смогла позвонить только на следующий день, она быстрым шепотом сообщила, что дома был скандал и ей запретили со мной дружить. Стало обидно, такого еще никогда не было. Я всегда считала, что если родители запрещают с кем-то дружить, то этот «кто-то» не совсем хороший человек. Себя к нехорошим я никак не причисляла.

— Как хочешь, — я попыталась быть равнодушной.

После этого разговора мы действительно перестали общаться и не виделись целый год.

Зато мы виделись с Вадиком. Каждый день. И чем дольше мы общались, тем сильнее он сопротивлялся, а я все азартнее соблазняла его.

В первых числах сентября мы встретились в Воронеже. У него начались занятия в музыкальном училище. Я задержалась на несколько дней у маминой сестры, было трудно с билетами. Он пригласил меня в кино. Зашел, как положено, в костюме и с цветами. Тетка немедленно сомлела.

Вадик взял билеты на «Экипаж», казавшийся мне тогда очень смелым и современным. Некоторые сцены смотреть было неловко из-за того, что Вадик сидел рядом, и я думала — хорошо, что в зале темно и он не видит, как пунцовеют мои щеки.

Потом мы ели мороженое из металлических креманок на высоких ножках в кафе рядом с кинотеатром. Я неловко возила ложечкой в тающем пломбире, все ждала, когда же он объяснится, но он шутил со мной, как с маленькой, и это было обиднее всего, потому что у нас разница — меньше года. Он проводил меня, сдал с рук на руки тетке, и мы чинно распрощались.

Так и уехала ни с чем. Наша вымученная дружба-соревнование «кто кого» была шита белыми нитками.

В октябре он прислал мне короткую записку — объяснение в любви на клочке из нотной тетради.

* * *

Через шестнадцать лет я снова побывала в пещерах разрушенного монастыря. В этот раз нашей группе удалось побродить по лабиринтам и кельям, постоять под сводами подземной церкви. И я вспомнила свою первую любовь и даже поплакала, убежав от друзей и забившись в какую-то нишу…

А еще спустя несколько лет монастырь начали восстанавливать.

Сегодня это знаменитый Белогорьевский Воскресенский мужской монастырь, один из пяти пещерных монастырей

Воронежской области.

Антон Чиж

Самый неизвестный из знаменитых авторов отечественного детектива и, пожалуй, самый загадочный: ни одной подлинной детали его биографии до сих пор не известно. Начал писать свои детективы, когда более не нашел ни одного стоящего для прочтения. Антон считает, что настоящее счастье вращается вокруг семьи и любви, но тема эта столь таинственная, что говорить о ней не рискует даже наедине с собой.

Любовь советская, третьего класса, под знаменем будущих войн со всякими фашистами

Наше детство было переполнено важнейшими делами. Сдать бутылки, что скопились в доме, и заработать на мороженое. Сбегать за хлебом, а по дороге откусывать хрустящую, еще горячую корочку, вкусней которой ничего нет на свете. Догонять с бидоном молочницу тетю Пашу, когда она на своей тележке с колесами из подшипников неторопливо катилась по улице. Гонять голубей и шугать кошек. Жечь костры и печь картошку. С ружьями-палками идти в атаку на фашистов, вопя на весь двор. Клянчить «гумму до цвакання»[11] у польских туристов. Пролезать в кино без билета. Класть сигнальные патроны на рельсы перед идущим трамваем, чтобы доводить до икоты нервных прохожих. Мир, нас окружавший, был интересным, понятным и принадлежал нам безгранично. Одно в этом восторженном мире оставалось черным пятном неизвестности: девчонки.

Для чего нужны были девчонки, составляло для нас неразрешимую загадку. Во дворе их имелось две… нет, три штуки. Нам, дворовым шкетам, они казались не только бесполезными, но вредными существами; хуже кошек, честное слово. Мало того что не пекли с нами картошку, не лазили по деревьям и не разбивали в кровь носы и коленки, так вели себя как последние предатели. Треснешь их от души палкой по спине или камнем в лоб засветишь, так они в слезы, в рев, бегут жаловаться к мамочкам. А те давай ругаться с нашими мамами. Ну, дальше понятно… Всю весну, лето, осень и даже зиму они или болеют, или сидят у себя на балконе с книжкой, платья чистые, косички заплетены, тьфу, гадость… В разведку с ней не пойдешь и геройской смертью от пуль каких-нибудь испанских фашистов не погибнешь.

Во дворе ровесниц было мало, и на них можно было не обращать внимания. Но вот школа приготовила сюрприз. Нет, я подозревал, что в нашем первом «А» классе будут девчонки. Но когда увидел шеренгу белых фартучков, понял, что жизнь готовит новое испытание. Ничего, разведчику Кузнецову труднее приходилось. Выстоим, не заплачем. Плакать советского мальчишку не заставила бы даже чилийская хунта. Ну, если бы он попал к ней в лапы. Когда его забросили со спецзаданием для связи с чилийскими партизаним… Так, стоп. Это из другой истории.

Так вот, девчонки.

Прежде всего в нашей истории должен появиться еще один герой, без которого ничего бы не случилось. На первой линейке ко мне подошел мелкий, даже для первого класса, белобрысый прыщ, окинул взглядом отглаженный мамой пиджак и честно спросил:

— Хошь, форму порву?

Мы стали друзьями. С Вадькой Шемиком мы были неразлейвода, как четыре танкиста и собака. Как мы думали, на всю жизнь. Если только боевое задание будущей войны не разлучит нас, когда его пошлют на Западный фронт, а меня на Южный.

И началась школьная жизнь.

Очень скоро эти, с бантами и в передничках, окончательно доказали ненужность и даже вредность девчонок для беззаботного счастья юного лоботряса, будущего Героя Советского Союза, не меньше. Или, на худой конец, космонавта, покорителя вселенной. Вечно они поднимали руку, вечно показывали язык, дразнились и очень противно хихикали, когда мы — бездельники с последней парты — получали очередную «пару». Потому что готовить урок было некогда, дел-то сколько во дворе. А еще они доносили классной о наших темных делишках, и однажды сдали нас, когда мы попробовали на заднем дворе раскурить гаванскую сигару.

Между тем дружба наша с Вадькой закалялась, как сталь. Моя мама кормила меня и Вадьку наваристыми щами. Тетя Кшися, Вадькина мама, кормила Вадьку и меня куриным бульончиком. Семьи наши сближались. Тетя Кшися доставала из своего универмага какой-то дефицит. Мой папа приглашал родителей Шемика на премьеру в театр в первый ряд, что было почетно. Жизнь в целом была прекрасна, будущее светло и пронзительно. В грядущей войне мы должны были наголову победить всех фашистов, каких-нибудь парагвайских. Ну а пока мы перешли уже в третий класс; учебный год счастливо катился к 4-й четверти, когда настала весна.

Как-то на перемене, когда мы носились по коридорам под лучами полыхающего солнца, со мной случилось нечто странное. Как будто налетел лбом на фонарный столб. И произошло это со мной, октябренком, готовым биться с империалистами на всем земном шаре, и особенно в Латинской Америке, где с империализмом все было непросто.

А случилось вот что: мне вдруг стали нравиться бантики. Вернее, не все бантики, а бантики, заплетенные в одну русую косичку. Косичка доходила до пояса. Ее хозяйка была самой

высокой девочкой в классе. Звали ее…

Тут надо тактически отступить на заранее подготовленные позиции. Вам трудно представить, но нам, мальчишкам, было невозможно обращаться друг к другу по имени. Вот еще, нежности телячьи. Только и строго — по кличке. Даже я называл Вадьку — Шемик, а он меня — Гавря. Что уж говорить про девчонок.

Так вот. Шемик толкнул меня в бок и спросил:

— Ты чего на Степу уставился?

Вопрос уместный. Бант и коса принадлежали Степе. Степа была старостой класса, вожаком октябрятского звена, круглой отличницей и опорой педагогов. То есть отборным врагом мальчишеского рода. Голос у нее был командный, зычный, а рука под стать комплекции — тяжелая, как жаловались наши товарищи-хулиганы, испытав ее ладошку на своих затылках. От Степы следовало держаться подальше.

Врать Шемику я не мог. Но и признать, что мне понравился бантик… Вернее не бантик, ну его, бантик… Вернее, Степа в лучах солнца вдруг показалась такой какой-то… да и вообще она вся такая… как бы это понятнее объяснить… И косичка ее… И фартучек такой белый… Да и она такая… Такая… Как это сказать-то вообще?

Я пробурчал что-то позорно невразумительное.

— Втюрился? — беспощадно спросил Шемик.

— Сам ты втюрился, — огрызнулся я. Подозрение, что мальчику нравится какая-то девочка, бросало несмываемый позор на много классов вперед. А любовь так и вообще считалась предательством нашего юно-мужского братства. Влюбиться нельзя было даже в красивую героиню фильма. Не то что в одноклассницу.

— Не дрейфь, никому не скажу.

— Чего придумал-то? — пытался я оправдаться. Все было бесполезно. Шемик хитро подмигнул. Дескать, тайна эта умрет со мной. А потом добавил, что в таком деле нужно действовать смело, как неуловимые мстители.

— В каком деле? — наивно спросил я.

— В том самом! — сказал Шемик и опять подмигнул. — Ждать нечего, пойдем в атаку.

— В атаку? — переспросил я, чувствуя, как желудок вздрагивает.

— В кино пригласи ее. Или на детский спектакль. Дядь Валера вас пропустит…

Мой папа, конечно, провел бы меня на любой спектакль с любым количеством девочек. Но я только представил, как

подхожу и приглашаю ее, а тут полкласса смотрит, а потом она с девочками начинает хихикать… Нет, лучше смерть в застенках боливийских палачей.

Я сказал Шемику, что этого не будет никогда. Друг согласился: кино да театры — это слишком. Надо начать с малого. План был простой: на перемене, когда Степа присматривает за порядком среди бесящихся одноклассников, на всей скорости пробежать мимо нее и дернуть за косу. В целом идея понравилась. Скорости мне хватит с лихвой.

— Сколько дергать? — спросил я.

— Сколько надо, — ответил Шмик. — Пока не поймет…

Мысль показалась нам логичной. Чего тут непонятно: дернули тебя за косу — значит, серьезная причина. Понимать надо.

Первая атака удалась. Я разогнался и на полной скорости дернул мирно висящую косу. От неожиданности Степа еле удержалась на ногах. А когда поймала равновесие, кинулась за мной. Но догнать более легкого меня не смогла. После звонка на урок я выждал, чтобы она села за парту, и проскользнул на свое место. Степа обернулась и показала кулак, чем пронзила мое сердце до глубины аорты.

— Все идет отлично, — доложил Шемик. — На следующей перемене продолжим.

Еле дотерпев урок, я собрал силы для второго захода. Степу я заметил в конце коридора. Как раз дистанция, чтобы набрать победное ускорение. Я прицелился и побежал, уверенный в превосходстве в скорости, вооружении и маневренности своего истребителя… то есть меня. Победа была близка. Я уже протянул руку. Но тут Степа резко повернулась и подставила подножку. На маневр меня не хватило. С размаху я полетел на пол и уткнулся носом в паркет. Удар был внушительным, больно было по-настоящему. Я не смог сразу подняться. Помогла Степа. Взяв мое ухо железным капканом, потянула и хорошенько встряхнула. Оглушенный, во всех смыслах, я ничего не мог поделать. Было больно до слез. Но плакать нельзя. Я держался до последнего. Степа выпустила мое багровое ухо и предупредила, что еще раз — и окажусь у директора. От окончательного разгрома спас звонок.

Шемик переживал мое поражение как свое. Но потребовал не терять духа. Что было трудновато: ухо дергало и горело. Шемик утешал и взывал к нашим будущим испытаниям: ухо — ерунда! Как будет трудно, когда будем в окопах держать оборону против юаровских расистов! Плечо друга бесценно и в мирной жизни.

— Надо зайти с фланга, — сказал Шемик, задумчиво разглядывая пустую тетрадку, где должны были решаться

примеры по арифметике. — Ты должен стать героем в ее глазах.

— Это как же? — спросил я, не желая потерять второе ухо.

И Шемик объяснил. Идея показалась правильной.

А дело вот в чем. Партия и правительство настолько заботились о подрастающем поколении, что после третьего урока нас поили молоком. В класс заезжала тележка с рядами двухлитровых бутылок, из которых наша классная разливала молоко в граненые стаканы. Никто не отказывался. Молоко было вкуснейшее. Потому что ледяное. Не знаю, в каком холодильнике его держали, но ничего более холодного я не пробовал в своей жизни. Наши мамы требовали молоко это пить только по глоточку. Все в классе пили по глоточку, хотя и дразнили друг друга. Не потому, что были такие послушные дети: никому не хотелось слечь с горлом. А жертвы молоко собирало регулярно.

Настал мой час. Взяв ледяной стакан и оставшись у тележки так, чтобы видел весь класс, особенно она, я выпил залпом, как Бондарчук в фашистском концлагере налитую врагами водку. Горло прожгло до макушки. Я вытер рот рукавом, как полагается советскому солдату, и сказал замершей учительнице: «После первой не закусываю».

И слег на две недели с жуткой ангиной.

Результат был ошеломительный. Я завоевал авторитет в классе. Меня зауважали одноклассники. Многие девочки шушукались про меня. Но только не она. Степа не поняла, ради кого был совершен подвиг. Как будто его не было. Даже не заметила вообще. Да что же такое!

Шемик был удивлен не меньше моего. Сдаваться не будем, так сказал он. Две попытки — это ерунда. Вот Мересьев сколько учился ходить без ног?

— Используем массированный удар, — сказал он, затирая в дневнике очередную двойку. — Надо ее ошеломить.

Не двойку, конечно, Степу. Подозревая, что мне будет предложено, я отказался выпить всю бутылку ледяного молока залпом. Но план Шемика оказался куда более тонким. Он мне понравился.

Надо сказать, что набор стандартных знаков внимания советского мальчика включал в себя: обливание водой из прыскалки, прилепление на спину растаявшего мороженого, макание косички в чернила, натирание мелом парты. Если не считать закладку дохлой крысы в портфель. Все это интересно, но рискованно: можно было получить сдачи. Девочки наши не церемонились, они ведь тоже любили смотреть фильмы про войну. А все эти «сю-сю» с поцелуями их занимали только в кино, да и то на каникулах. Трудно представить, чем ответит Степа,

если за невинный дерг косички я чуть не лишился уха. Именно эту особенность моей… ну, ладно, просто Степы, учитывал план Шемика.

После уроков мы заняли огневую позицию на верхнем этаже у окна. Как раз над аркой, мимо которой нельзя пройти, чтобы не выйти из школы. И войти тоже. В качестве поражающего снаряда была изготовлена и донесена из мальчикового туалета бумажная бомбочка (все помнят, как это выглядит?) с яично-водяной смесью. Бумага тетрадки в клеточку держала воду на честном слове. Шемик предлагал чернильно-водяную, но мне не хватило духу: это уж оружие массового поражения.

Бомбочка пристроилась на краю подоконника. Шемик занял позицию наводчика в соседнем, угловом окне, стараясь выглядывать незаметно.

— Приготовились… — скомандовал он.

Я держал бомбочку на весу.

— Ждать… Ждать… Сейчас… Огонь!

И я раскрыл ладони. Бомбочка ухнула вниз. Мы присели под окнами. Прошло несколько мгновений тишины, совсем не семнадцать, как раздался сочный чпок, за которым последовал душераздирающий вопль. Так Степа кричать не умела. Голос явно взрослый. То есть женский. Мужчины так визжать не умеют. Шемик опасливо выглянул и прижался к подоконнику.

— Сматываем удочки, быстро! — сказал он и побежал, пригибаясь, как будто по окнам велся прицельный огонь. Что-то подсказало мне, что операция прошла не слишком удачно. И я побежал за ним.

Интуиция не обманула. Отсутствие учебных стрельб из водяных бомбочек, ветер, дрожание рук и просто случайность направили снаряд чуть мимо Степы. Нет, бомбочка попала. Только не в нее, а в ее… маму.

На следующий день я прошел через то, через что проходит пленный партизан разбитого отряда. Не буду описывать разговор с классной, пытку у директора, взгляды девочек класса и упреки Степиной мамы, которая не поленилась прийти в школу, чтобы рассказать все, что думает о хулиганах. Дел у нее дома, что ли, нет? В общем, дома я предъявил дневник с кровавой раной, пересекавшей страницу поперек росчерком: «Срочно прошу прибыть в школу. ЧП». И подпись нашей классной.

Мама, боявшаяся услышать о дражайшем чаде равно как плохое, так и хорошее, отказалась идти. Отдуваться пришлось папе. Все равно он до сих пор отдувался на родительских собраниях. Семейный расчет был прост и коварен: папа, немного известный в нашем городке, был, так сказать, фигурой

малоприкасаемой. То есть ругаемой. За все, что вытворяло его чадо, особенно в учебе, ему в лучшем случае деликатно намекали: дескать, у такого уважаемого интеллигентного человека сын — законченный оболтус.

Я ждал папиного возвращения с некоторой опаской: вдруг он сдержит многолетнее обещание познакомить меня с ремнем. Папа вернулся молчаливым.

— Что он наделал? — спросила мама так, как спрашивали в наших фильмах пришедшего мужа, чтобы услышать реплику: «Война!»

— Растет ребенок, — ответил папа.

— И это все, что ты можешь сказать? — Мама вообще не приветствовала папин либерализм в воспитании меня. Если честно, на дух его не переносила.

— Потом объясню.

Это означало «когда он ляжет спать». В целом такой результат меня вполне устраивал. Могло быть хуже. Ремень остался в шкафу. И Шемика я не сдал. Ни родителям, ни директору.

Хуже было другое: Степа даже взгляд не бросила в мою сторону. Как будто меня не было. На переменке нарочно отворачивалась. Игнорировала (нет, такого слова я тогда не знал), делала вид, как будто меня нет совсем. Пустое место. Дырка от бублика. Воронка от бомбы. Очень обидно.

— Ну и что теперь делать? — спросил я.

Шемик не показывал виду, что идеи у него закончились. Ну не целовать же ее в щеку при всех.

— Эх, все равно пропадать! — Мой друг отчаянно махнул рукой. — Приглашу ее к себе на день рождения. Там и помиритесь.

Я не верил собственным ушам: Степу? На день рождения?!! Это подвиг посильнее, чем идти со связкой гранат на танк.

— Ты серьезно? — Я не мог поверить, что Шемик способен ради меня на такое.

— А что делать?

Я по-братски ткнул его кулаком в плечо.

Трудно поверить, но в нашем городке, стоящем на западном крае советской империи, день рождения ребенка был великим счастьем для тебя и разрушительным для семейного бюджета. Родители накрывали столы, выставлялось все лучшее, весь сбереженный дефицит, сначала праздновали дети, потом взрослые. Целый день один нескончаемый праздник. Но попасть на день рождения могли только близкие друзья. А не так чтоб кого ни попадя звать с улицы…

И вот день этот настал. Мама отгладила меня везде, где могла, папа вручил подарок для Шемика и выставил за дверь. В третьем классе ребенок уже взрослый, сам дойдет по городу, а не за ручку с мамой. И я пошел. Чем дальше, тем хуже гнулись мои ноги. По весенней теплыни мне было холодно, пробирал озноб.

Цветы, которые мама вручила мне для тети Кшиси, я чуть было не подарил Шемику, чем привел его в изумление. Но ошибку быстро исправили. У его родителей была роскошная квартира простых тружеников торговли: четыре комнаты в старом польском доме. И друзей набралось полным-полно. После церемонной суеты вручения подарков под присмотром тети Кшиси детей посадили за сладкий стол, налили газировки и оставили одних. Степа сидела на дальнем конце стола, я старательно не смотрел на нее.

Съев по куску вкуснейшего вафельного торта, который испекла тетя Кшися, гости захотели играть, благо у Шемика было много игрушек, которые не продавались в магазинах. Степа не обращала на меня никакого внимания. Я старался не выделяться: не разбил фужер и даже не уронил тарелку.

Среди общей суеты я потерял из виду Шемика, он куда-то делся. И Степы я что-то не замечал. С другими гостями играть я не мог, мне было не до того. И я пошел бродить по квартире, которую знал не хуже своей.

Дверь комнаты Шемика (у него была своя комната — ого!) была неплотно прикрыта. Не думая ни о чем, я заглянул в щелку. И тут расписные небеса моего детства посыпались осколками.

То, что я видел только в кино, случилось предо мною. Четыре танкиста и собака назвали это: «Zdrada». Партизаны Ковпака: «Зрада». В наших в окопах — измена. Как ни скажи на трех языках нашего городка, выходит одинаково: предательство. Шемик совершил ужасное, чему не могло быть прощения. Он показывал ей — Степе, кому же еще — самое священное, что было у каждого мальчишки: коробку с индейцами. Предательство только начни — уже не остановить. Шемик вытащил самого лучшего, Винету, которого я много раз просил у него выменять на что угодно, а он не соглашался. У меня на глазах Шемик отдал Винету ей. Вот так просто. Как подарок. Степа со счастливым румянцем улыбалась. Ему. Она взяла индейца. И тут случилось непоправимое. Степа поцеловала его… Конечно, в щеку. Мы были чистые советские дети.

Это была катастрофа. Разгром. Я потерял ее. И друга. Сразу обоих. Я больше не мог оставаться у него в гостях. Потому что советскому мальчику некрасиво плакать. А я, кажется, готов был намочить щеки. Или того хуже: штаны. Шемик убил нашу дружбу.

И не только дружбу. Наверно, он сам втайне втюрился в Степу. Или позавидовал мне. Какая разница.

Я брел домой, сжимал кулаки, представляя Шемика в фашистской форме и как мы его расстреливаем. Я еще не знал, что любовь и предательство порой оборачиваются друг дружкой. Тяжело, когда любовь первая. Потом — нормально.

С Шемиком мы больше не общались. Я пересел за другую парту. Вскоре он перешел в другой класс, потом в другую школу, а потом уехал с родителями в Канаду.

Степу я перестал замечать. Вернее, прозрел и увидел, какая она толстая, как топорщится на животе фартук, какие у нее грубые ноги в чулках, и вообще — противная отличница. А через два класса об этой истории не помнил никто. Лично я постарался забыть ее, задвинув в памяти как можно глубже.

Я так и не понял, зачем нужны девчонки.

P. S. Одно тревожит меня в этой давней истории с каждым годом все больше. Как же мне объяснить самой лучшей девчонке на свете, моей дочке, когда придет время, одну заветную тайну. Тайну о том, что все мальчишки — непроходимые дураки. Да-да. И в целом, и в частности, и вообще. Особенно когда их стукнет по затылку первая любовь. И когда десятая. И когда — …дцатая. В любом возрасте. Неполовозрелые — особенно! Но и зрелые не лучше. Разве не так?

notes

Примечания

1

Голик — веник из голых ивовых прутьев. — *Прим. авт.*

2

Толченкой в Сибири называют картофельное пюре. — *Прим. авт.*

3

Дофамин — гормон удовольствия. — *Прим. ред.*

4

Говорят, что мы — сумасшедшие от любви, что мы живем вне реальности, стремясь добиться от людей одного — чтобы они оставили нас в покое… — *Перевод автора.*

Конструкторское бюро. — *Прим. ред.*

Частное охранное предприятие. — *Прим. ред.*

7

Синдром неконтролируемого мочеиспускания, обычно во время сна. — *Прим. ред.*

Жак Брель «Не покидай меня». — *Прим. ред.*

Каноническая молитва ислама. — *Прим. ред.*

Вы, должно быть, ошиблись. — *Прим. ред.*

11

Жвачка, конечно, что же еще: «Болек и Лелик», «Джуси фрут», «Дональд»… Нет, советской у нас не было. — *Прим. авт.*